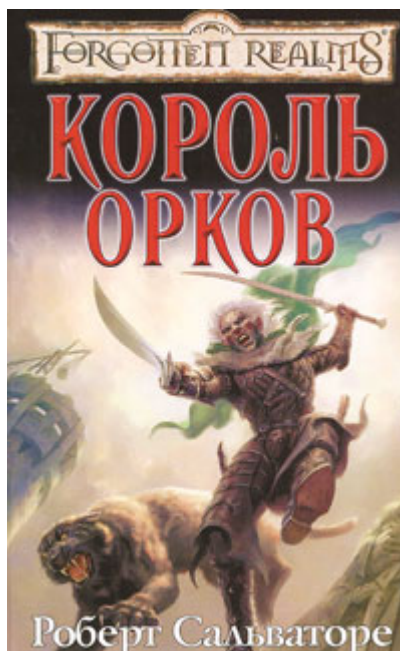

Роберт Энтони Сальваторе

Король орков

«Король орков»: Азбука; Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-91377-036-3

Аннотация

Король орков надеется укрепить созданное им Королевство Многих Стрел и дать своим подданным возможность заниматься мирным трудом, заняв достойное место среди цивилизованных рас.

Однако его устремления не находят понимания не только у давних врагов — дворфов и эльфов, но и у некоторых соплеменников. Для того чтобы претворить в жизнь свой замысел, король Обальд неминуемо должен сразиться с новым претендентом на власть в королевстве — могучим и бесстрашным вождем легендарного орочьего клана Карук. Казалось бы, дворфам Мифрил Халла нет дела до того, кто из орков победит, — они одинаково ненавидят и того, и другого. И продолжали бы ненавидеть, ели бы не одно сенсационное археологическое открытие...

Вступление

Дзирт До'Урден притаился в щели между двумя валунами и наблюдал за любопытным сборищем. Человек, эльф и трое дворфов — по крайней мере трое — сидели и стояли между трех низких повозок, поставленных треугольником вокруг небольшого костра. По всему лагерю были разбросаны походные мешки и бочки. Несколько палаток не позволяли Дзирту забыть, что в этой компании народу было больше, чем те пятеро, которых он видел. Дальше, за повозками, на маленькой зеленой лужайке паслись верховые лошади. Рядом с ними он увидел то, что привлекло его к лагерю: два шеста с насаженными на них головами орков.

Значит, вся банда вместе с отсутствующими членами и впрямь принадлежала к группировке «Касин-Ку-Ка-лас», или «Тройной К», — организации бдительности, взявшей в качестве названия эльфийскую фразу, означавшую «честь в бою».

Учитывая, что основным занятием бойцов «Касин-Ку-Калас» были ночные нападения

на поселения орков, где они под покровом темноты вырезали всех обнаруженных мужчин, Дзирт считал это название не только ироничным, но и просто отвратительным.

— Труссы, все до единого, — прошептал дроу, наблюдая, как один из мужчин разворачивает длинный черно-красный балахон.

Он тщательно отряхнул одеяние от пыли, бережно сложил его и, прежде чем уложить в повозку, поднес к лицу и поцеловал. Затем мужчина взял в руки второй, не менее известный, предмет одежды — черный колпак. Сначала он собирался и его уложить на место, но, немного поколебавшись, напялил на голову и опустил на лицо, чтобы смотреть через прорези для глаз. Его действия привлекли внимание остальной четверки.

Вернее, пятерки, заметил Дзирт, поскольку из-за повозки вышел еще один дворф и остановился рядом с бойцом в капюшоне.

— Касин-Ку-Калас! — закричал дворф и преувеличенно воинственным жестом вскинул вверх сжатые кулаки. — Не оставим в живых ни одного орка!

— Смерть оркам! — откликнулись в ответ все остальные.

Глупец в капюшоне разразился угрозами и ругательствами в адрес свинорылых мерзавцев. Дзирт До'Урден укоризненно покачал головой и неторопливо снял с плеча свой лук Тулмарил. Одним плавным движением он поставил стрелу, поднял оружие и натянул тетиву.

— Не оставим в живых ни одного орка! — снова закричал детина в капюшоне.

Вернее, начал кричать, пока через лагерь молнией не пронеслась стрела, угодившая в бочонок с теплым элем за его спиной. Бочонок взорвался вихрем брызг, а поток электрических искр прогнал темноту сгущавшихся сумерек.

Все пятеро компаньонов, прикрыв руками глаза, отпрянули назад. А когда к ним вернулась способность смотреть, все увидели одинокую фигуру стройного темного эльфа, стоявшего на одной из повозок.

— Дзирт До'Урден! — выдохнул один из дворфов, толстый здоровяк с ярко-рыжей бородой и густыми бровями от виска до виска.

Двое других закивали и пробормотали приветствие: стоявшего перед ними темного эльфа с двумя мечами на поясе и Тулмарилом, Искателем Сердец, снова висящим на плече, нельзя было не узнать. Вечерний ветерок развеивал его густые белые волосы, плащ колыбался вокруг ног, и даже скудный угасающий свет не мог скрыть сияния серебристой мифриловой рубашки, испещренной защитными полосками.

Человек медленно стащил с головы капюшон, посмотрел на своего компаньона-эльфа, потом опять на Дзирта.

— Твоя слава тебя опережает, мастер До'Урден, — произнес он. — Чему мы обязаны честью твоего визита?

— Честь — слово весьма странное, — ответил Дзирт. — Тем более странно слышать его от того, кто скрывается под черным колпаком.

Стоявший сбоку от повозки дворф нахмурился и даже шагнул вперед, но был остановлен рукой рыжебородого приятеля.

Человек смущенно откашлялся и бросил капюшон в задок повозки.

— Ты об этом? — спросил он. — Мы нашли тряпки на дороге. Разве ты придаешь им какое-то значение?

— Не большее, чем ты, когда так бережно складывал балахон и целовал ткань.

Последовал еще один озадаченный взгляд на эльфа, который, как заметил Дзирт, скользнул в сторону — за проведенную в грязи черту, мерцавшую блестящими пылинками. Едва Дзирт снова сосредоточил внимание на человеке, как тот полностью изменил свое поведение: притворная невинность сменилась откровенным недоброжелательством.

— Тебе самому следовало бы носить эту одежду! — резко бросил мужчина. — В честь короля Бренора Боевого Топора, чьи деяния...

— Не смей произносить это имя, — прервал его Дзирт. — Ты ничего не знаешь о Бреноре, о его подвигах и взглядах.

— Я знаю, что ты не был слишком дружен с...

— Ты ничего не знаешь, — повторил Дзирт, на этот раз более настойчиво.

— Легенды Низин! — взревел один из дворфов.

— Я был там, — напомнил Дзирт, заставив глупца умолкнуть.

Человек сплюнул себе под ноги.

— Бывший герой совсем размяк, — пробормотал он. — Не иначе как подружился с орками.

— Может быть, — ответил Дзирт, и в мгновение ока в его руках возникли оба меча. — Но я не подружился ни с убийцами, ни с грабителями.

— С убийцами? — возмущенно переспросил человек. — С убийцами орков?

Он еще не успел договорить, как дворф у борта повозки сбросил руку рыжебородого и метнул в дроу короткий боевой топор.

Дзирт легко качнулся в сторону, избежав ожидаемого нападения, но не позволил снаряду безнаказанно пролететь мимо. Не выпуская из виду второго готового к атаке дворфа слева, он выхватил меч по имени Ледяная Смерть и преградил путь летящему топору, остановив его полет. Плавное движение запястья позволило ему не только удержать топор на весу, но и, развернув Ледяную Смерть, послать оружие обратно, в сторону напавшего дворфа.

Воин со злобным ворчанием поднял щит, чтобы загородиться от опасно вращавшегося топора, и тот, громко кляцнув о дерево, отлетел в сторону. Точно так же отлетел возмущенный рык дворфа, когда он, опустив щит, не увидел перед собой намеченной цели.

Потому что Дзирт, благодаря магическим ножным браслетам, двигался с удивительной скоростью и успел переместиться, пока щит был поднят. Он сделал всего несколько шагов, но этого оказалось достаточно, чтобы сбить с толку рассерженного дворфа. В последний момент дворф его заметил и, резко дернувшись, довольно неловко замахнулся боевым топором.

Однако Дзирт оказался уже под дугой полета оружия и ударил по рукояти топора лезвием меча, слегка изменив траекторию, а вторым лезвием отыскал зазор между тяжелой латной рукавицей и налокотником дворфа. Боевой топор вылетел из руки воина, а дворф со стоном схватился за окровавленное запястье.

Дзирт вскочил ему на плечи, добавил хороший удар ногой по лицу и, тотчас спрыгнув, переключил внимание на быстро приближавшихся рыжебородого и метателя топора.

Человек за их спинами подбадривал приятелей, но сам не двигался с места, оправдывая подозрения Дзирта в недостатке храбрости или в полном ее отсутствии.

Неожиданный прыжок Дзирта и его внезапная атака заставили противников остановиться, а дроу налетел на них с бешено вращающимися мечами, осыпая ударами сразу со всех сторон. У метателя топора, державшего в руке второй небольшой топорик, тоже оказался щит, и он успешнее отражал град ударов, но бедняга рыжебородый был вынужден прикрываться выставленной по диагонали палицей, и он отчаянно вертел свою дубину, чтобы избежать уколов лезвий. Рыжебородый быстро получил несколько порезов и колотых ран, исторгших у него непрерывные стоны и ворчание, и только благодаря своему напарнику и всем остальным, тоже отвлекавшим внимание дроу, не был серьезно покалечен или убит. Дзирт не имел возможности закончить ни одну атаку, не открывшись для нападения со стороны второго Дворфа.

После первого неудержимого шквала ударов дроу отступил, но дворфы, со свойственным им упрямством, последовали за ним. У рыжебородого воина все руки были в крови, а один палец держался лишь на тонкой полоске кожи, но он занес топор, намереваясь нанести мощный удар сверху. Его напарник слегка развернулся, загораживаясь щитом, а затем размахнулся в горизонтальном выпаде, едва не задевшем соседа, но грозящем перерубить Дзирта пополам.

Такая удивительная согласованность требовала или чрезвычайной силы, чтобы одновременно парировать оба удара, или ловкости при отступлении, и при других условиях

Дзирт воспользовался бы своим проворством, чтобы ускользнуть от опасных выпадов.

Но он видел, насколько неуверенно держит оружие рыжебородый, и, в конце концов, он был дроу, а значит, всю свою юность провел в изучении различных способов отражения именно таких разноплановых атак. Дзирт выставил перед собой левую руку с мечом, резко поднял и повернул оружие, чтобы перехватить удар сбоку, а правой взмахнул над головой, чтобы заблокировать летящий сверху топор.

Как только топор сбоку коснулся меча, Дзирт с силой надавил вниз и отклонил оружие дворфа. При этом он получил возможность сделать шаг влево и лучше подготовиться к удару сверху. К тому моменту, когда лезвия столкнулись у него над головой, дроу уже твердо держал равновесие, расставив ноги на ширину плеч.

Дзирт присел на корточки под тяжелым ударом, а затем со всех сил рванулся вперед. Раненая рука дворфа не могла действовать в полную силу, а из-за рывка дроу низкорослому дворфу, чтобы не выпустить рукоять, пришлось встать на цыпочки. Дзирт, поднимаясь, подался всем корпусом вправо и с неожиданной силой развернул оружие дворфа, так что его траектория пересеклась с возвратным боковым выпадом. Воины сцепились своими топорами, а Дзирт отскочил и выполнил разворот на одной ноге, а второй с размаху ударил рыжебородого дворфа в спину, так что тот наскочил на своего напарника. Второй дворф инстинктивно загородился щитом, рыжебородый полетел на землю, а огромная палица взметнулась в воздух.

— Разойдись, стреляю! — раздался крик, привлекший внимание Дзирта.

Дроу тотчас остановился и, обернувшись, увидел, что эльф уже нацелился в него из тяжелого арбалета.

Дзирт вскрикнул, бросился вперед, сделав кувырок, а потом помчался навстречу эльфу, но при этом развернулся к нему боком. Как он и ожидал, вскоре плечо ударилось в невидимую стену. Дзирт понимал, что арбалет был просто уловкой и дротик ему не угрожал, поскольку ни один снаряд не мог преодолеть магический барьер.

Дзирт отшатнулся назад и, покачнувшись, упал на одно колено. Он сделал попытку подняться, но не мог удержать равновесие, очевидно оглушенный ударом. Он слышал, как за его спиной торжествуя взревели дворфы. Они были уверены, что противник не сможет вовремя оправиться, чтобы избежать их смертельных ударов.

— И все из-за орков, Дзирт До'Урден, — услышал он голос эльфа, посвятившего себя магии. Он увидел, как миниатюрный чародей с отвращением покачал головой и бросил арбалет на землю. — Не слишком похвальный финал для бойца с твоей репутацией.

Испуганная и смущенная Таугмелль потупила взгляд. Она никак не могла ожидать визита короля Обальда IV, повелителя Королевства Многих Стрел, особенно теперь, накануне ее отъезда в Мерцающий Лес, где она собиралась выйти замуж.

— Ты красивая невеста, — заметил молодой король, и Таугмелль, осмелившись на мгновение поднять глаза, увидела, что он одобрительно кивает. — Этот человек — как его имя?

— Гендель Авив, — ответила она.

— Он понимает, какое счастье ему привалило? Услышав такой вопрос, Таугмелль обрела смелость.

Он подняла голову и твердо встретила взгляд короля.

— Это мне повезло, — сказала она, но тотчас перестала улыбаться, поскольку Обальд недовольно поморщился.

— Потому что он человек? — бросил Обальд, и все собравшиеся в маленьком доме орки испуганно отшатнулись. — Высшее существо? Потому что Гендель Авив и его родичи принимают тебя, простую орочиху? Ты считаешь, что благодаря этому союзу возвысилась над своей расой, Таугмелль из клана Большой Нэнси?

— Нет, мой король! — Таугмелль вспыхнула, и из глаз брызнули слезы. — Нет, конечно, я ничего подобного...

— Это Гендель Авив счастливчик! — заявил Обальд.

— Я... только хотела сказать, что люблю его, мой король, — едва слышно прошептала Таугмелль.

В искренности ее слов было невозможно усомниться, и, если бы Таугмелль снова не опустила взгляд, она увидела бы, что король, мгновенно остыв, смущенно поежился.

— Ну конечно, — произнес он немного погодя. — Значит, вы оба счастливы.

— Да, мой король.

— Но никогда не смей считать себя ниже его, — предупредил ее Обальд. — Ты гордая. Ты из племени орков. Ты из Королевства Многих Стрел. Это Гендель Авив заключает выгодный союз. Никогда не забывай об этом.

— Да, мой король.

Обальд обвел взглядом свою свиту, столпившуюся в небольшом помещении. Кое-кто стоял, изумленно открыв рот, явно не зная, как реагировать на подобные нравоучения, остальные вяло кивали.

— Ты прекрасная невеста, — снова сказал король. — В тебе воплотилось все хорошее, что есть в Королевстве Многих Стрел. Иди, и да будет с тобой мое благословение.

— Благодарю, мой король, — ответила Таугмелль, но Обальд едва ли ее услышал, он уже резко развернулся и шагнул к двери.

По правде говоря, ему было несколько неловко после такого проявления чувств, но король решительно напомнил себе, что все его поступки направлены только на благо королевства.

— Этот союз сулит много хорошего нашему народу, — заметил Таск Тойль, придворный советник Обальда. — Такие браки между представителями разных рас лучше всего укрепляют репутацию Обальда. А то, что союз будет освящен в бывшем Лунном Лесу, тоже немало значит.

— Мы слишком медленно продвигаемся, — посетовал король.

— Не так много времени прошло с тех пор, как нас преследовали и убивали, — напомнил ему Таск. — Бесконечная война. Победы и поражения. Это столетие было веком прогресса.

Обальд кивнул, но не удержался от замечания.

— Нас до сих пор преследуют, — пробормотал он себе под нос.

Кроме того, подумал он, но не стал говорить, есть и другие скрытые неприятности. Даже те, кто проявлял дружеское расположение к народу Многих Стрел, делали это с чувством собственного превосходства; глубоко укоренившееся сознание своего величия по сравнению с «меньшими» существами не покидало представителей других рас. Населявшие Серебряные Земли народы снисходительно прощали оркам поступки, которых никогда не стали бы терпеть в своей собственной семье, и что больше всего задевало Обальда, так это их открытое и нескрываемое презрение к его подданным.

Дзирт, подняв голову, увидел торжествующую усмешку эльфа, но, когда дроу тоже усмехнулся и даже подмигнул ему, лицо чародея внезапно побелело.

В следующее мгновение эльф с визгом пропал из виду: Гвенвивар, шестьсот фунтов кошачьей силы, обрушилась на него в прыжке, сбила с ног и отбросила в сторону.

Один из атаковавших Дзирта дворфов изумленно вскрикнул, но, несмотря на появление пантеры, повсюду сопровождавшей дроу, ни один из воинов не ожидал от явно оглушенного противника, что тот так быстро восстановит свои силы и ловко вскочит на ноги. Они быстро убедились в обратном, когда Сверкающий — меч в левой руке дроу — отсек половину рыжей бороды у безрассудно рванувшегося вперед дворфа, взметнувшего над головой тяжелое оружие. Он все еще жаждал убить Дзирта, но от обжигающей боли покачнулся и споткнулся. Дворф, не опуская палицы, по инерции проскочил вперед, но меч ужалил с другой стороны, на этот раз лезвие прошлось по запястьям.

Огромная дубина полетела на землю. Упрямый дворф выставил вперед плечо, чтобы

опрокинуть противника, однако дроу оказался проворнее. Он просто отклонился в сторону и выставил левую ногу, через которую и покатился раненый дворф, едва не разбив череп о магический барьер.

Его напарнику тоже не повезло. Первый боковой выпад Сверкающего заставил его резко остановиться и выставить щит, но руку с оружием он отвел назад, готовясь нанести мощный удар. Дроу разгадал маневр и ловким движением запястья повернул меч, так что изогнутое лезвие прокатилось по краю щита и кончик клинка угодил как раз в ту точку, где бицепс соединяется с плечом. Дворф уже не мог остановиться, рука продолжала двигаться вперед и в сторону, так что он сам вгонял клинок в свое тело.

Дворф встал как вкопанный, взвыл и уронил топор. Он увидел, как его напарник, пошатываясь, уходит прочь. А потом, когда дроу сосредоточился только на нем, налетел целый шквал ударов. Мечи сверкали слева и справа, всегда опережая неловкие попытки дворфа загородиться щитом. В несколько мгновений он весь покрылся царапинами и порезами, мечи пробивали его защиту и то жалили острыми краями, то ударяли плашмя, причиняя жестокую боль, но не нанося смертельного удара.

Дворф был не в состоянии ни восстановить равновесие, ни организовать хоть какую-то защиту, а кроме того, у него не осталось оружия, чтобы ответить противнику. В отчаянии он выставил перед собой щит и ринулся вперед. Дроу легко уклонился от натиска. Он развернулся вправо, оказался за спиной врага и приложился рукояткой правого меча точно в висок дворфа. Заканчивая разворот, он добавил еще и хук слева, поскольку ошеломленный дворф уже не мог защититься ни от кулака, ни от рукояти меча.

Он прошел еще пару шагов и рухнул в грязь.

Дзирт не стал останавливаться, чтобы насладиться успехом; другой дворф, сбитый с ног раньше, уже поднялся и, хромая, двинулся прочь. Несколько быстрых шагов, и вот уже дроу оказался у него за спиной, блестящий меч молнией сверкнул по ногам, исторг из груди дворфа истошный вопль и оставил его барахтаться на земле.

Взгляд Дзирта не стал задерживаться на жертве, а устремился вдаль, на двух быстро удаляющихся членов незаконной банды. Дроу снял с плеча Тулмарил и положил на тетиву стрелу, вытащенную из заговоренного колчана, висевшего у него за спиной. Он тщательно прицелился в спину одного из беглецов, но, возможно, из уважения к королю Бренору, или Тибблдорфу, или Дагнаббиту, или кому-то другому из благородных и отважных дворфов, с кем познакомился за прошедшие десятилетия, дроу немного опустил лук и только потом спустил тетиву. Волшебная стрела молнией пронзила воздух и вонзилась в мясистую часть бедра дворфа. Бедняга завопил от боли и, развернувшись, покатился по земле.

Дзирт достал еще одну стрелу и повернул лук в сторону человека, чьи длинные ноги унесли его намного дальше, чем дворфа. Дроу не спеша прицелился, натянул тетиву, но удержался от выстрела — человек внезапно дернулся и покачнулся.

Беглец постоял несколько мгновений и упал, и Дзирт тотчас понял, что человек умер, еще не коснувшись земли.

Дроу оглянулся через плечо. Трое раненых дворфов были живы, но уже признали свое поражение, а чародея-эльфа все еще удерживала на месте свирепая Гвенвивар. Каждый раз, как только бедолага пытался пошевелиться, Гвенвивар опускала ему на лицо свою огромную лапу.

Пока Дзирт осматривал разгромленный лагерь, появились и те, кто застрелил убежавшего человека. Двое эльфов направились собрать раненых дворфов, еще один подошел к неподвижно лежащему человеку, а еще двое, один из которых ехал на белокрылом пегасе по имени Заря, приблизились к Дзирту. Подвешенные на сбруе пегаса колокольчики легонько, словно иронично, позвякивали на ходу.

— Лорд Хралайн, — с поклоном приветствовал всадника Дзирт.

— Рад встрече, друг мой. Ты неплохо потрудился, — отозвался эльф, правивший бескрайними просторами Мерцающего Леса, который эльфы до сих пор называли Лунным Лесом. Он огляделся по сторонам и одобрительно кивнул. — Ночные Всадники получили

еще один серьезный удар.

Он употребил другое название преследователей орков, поскольку эльфы не желали признавать за ненавистной бандой благородное имя «Касин-Ку-Калас».

— К сожалению, требуется слишком много таких ударов, чтобы их ряды основательно поредели, — заметил Дзирт.

— Да, за последнее время они осмелели, — согласился Хралайн и, спешившись, встал рядом со своим старым другом. — Ночные Всадники пытаются воспользоваться беспорядками в Королевстве Многих Стрел. Все знают, насколько неустойчиво сейчас положение короля Обальда Четвертого. — Эльф печально вздохнул. — Впрочем, так было с ним всегда, так же как и с его предшественниками.

— У него есть не только враги, но и союзники, — сказал Дзирт. — И союзников гораздо больше, чем у основателя его рода.

— И врагов, вероятно, тоже больше, — ответил Хралайн.

Дзирт не мог с этим не согласиться. За последнее столетие в Королевстве Многих Стрел не раз возникали беспорядки, и, как правило, они происходили из-за соперничества различных групп орков. Древний культ Груумша Одноглазого не слишком укрепился за время правления Обальда, но и не был полностью искоренен. Появились слухи, что очередная группа шаманов, последователей воинствующих гоблинов, снова готовит заговор и беспорядки, направленные против короля, который осмелился на переговоры и торговлю с соседними народами эльфов, людей и даже дворфов, самых ненавистных и старинных врагов орков.

— Ты никого из них не убил, — отметил Хралайн, кивнув в сторону своих воинов, стащивших в одну кучу пятерых раненых Ночных Всадников. — Или это тебе не по нраву, Дзирт До'Урден? Ты не ощущаешь уверенности, защищая орков?

— Пусть их судят по всей справедливости.

— Но судить будут другие.

— Это не мое дело.

— Просто ты не считаешь его своим, — сказал Хралайн и слегка усмехнулся, но без всякого намека на осуждение. — Мне кажется, у дворфов долгая память.

— Но не более долгая, чем у лунных эльфов.

— Это моя стрела поразила человека, и, могу тебя заверить, поразила насмерть.

— Только лишь потому, что ты яростно борешься со своими воспоминаниями, тогда как я пытаюсь с ними примириться, — не колеблясь, ответил Дзирт, заставив Хралайна мгновенно умолкнуть.

Но если озадаченный таким ответом эльф и почувствовал в его словах оскорбление, он ничем не выдал своих чувств.

— Некоторые раны не заживают даже за сотню лет, — продолжал Дзирт, переведя взгляд с Хралайна на плененных Ночных Всадников. — Эти раны причиняют боль кому-то из наших пленников или прадеду того человека, что упал за смертью неподалеку от лагеря.

— А как же раны, нанесенные Дзирту До'Урдену, который сражался с королем Обальдом на Хребте Мира во время первого наступления орков? — спросил Хралайн. — Раны, нанесенные еще до создания его королевства и договора, заключенного в ущелье Гарумна? Или раны тех, кто бился против короля Обальда Второго в великой войне в Год Монастыря Отшельников?

Дзирт, не в силах возразить ни единому слову, согласно кивнул. Он заключил с орками Королевства Многих Стрел полный и нерушимый мир, но не мог солгать самому себе, что не испытывал горечи, лишая жизни тех, кто до сих пор отказывался положить конец древней вражде и продолжал войну с орками. Дзирт и сам не так давно участвовал в этой войне и сражался изо всех сил.

— Торговый караван Мифрил Халла вынужден был повернуть назад от Пяти Клыков, — сменив тему, произнес Хралайн совсем другим тоном. — Такая же история произошла и с караваном из Серебристой Луны — его отказались пропустить через Королевство Многих

Стрел у Врат Унгара к северу от Несма. Это явное нарушение договора.

— По приказу короля Обальда?

— Мы не уверены, что он вообще знает об этих происшествиях. Но известно ему или нет, его жрецы наверняка напомнили о старых методах борьбы далеко за пределами Крепости Черной Стрелы. Дзирт кивнул.

— Король Обальд не нуждается в твоей помощи, Дзирт, — сказал Хралайн. — Мы уже проходили по этому пути в прошлом.

Дзирт снова кивнул, признав неоспоримую истинность этого утверждения. Он уже не раз испытывал ощущение, что дорога, по которой он движется, не прямой, ведущий к прогрессу путь, а извилистая бесплодная тропа, вновь и вновь возвращающаяся к своему началу. Он постарался прогнать это неприятное ощущение и напомнил себе, насколько сильно продвинулось развитие этого региона, — и это на фоне безумия, охватившего мир после Чумного Проклятия. Лишь несколько областей во всем Фаэруне могли утверждать, что они стали более цивилизованными за последние несколько столетий, и Серебряные Земли могли гордиться своим прогрессом, возможным по большей части благодаря смелости короля Обальда.

Воспоминания и размышления о событиях столетней давности, предшествующих возвышению империи Нетерил и противоречивому, болезненному объединению двух разных миров, навели Дзирта на мысли еще об одном противостоянии, похожем на то, что разыгрывалось сейчас на его глазах. Он вспомнил выражение лица Бренора, когда ошеломил дворфа своим невероятным предложением и не менее удивительными рекомендациями, — изумленное и недоверчивое, каким он не видел его ни прежде, ни впоследствии. Он почти услышал его протестующий вопль: «Да ты совсем лишился мозгов после общения с орками, остроухий эльф!»

Из-за магического барьера донеслись визг эльфа и рычание Гвенвивар. Подняв голову, Дзирт убедился, что чародей не прекращает попыток выползти из-под лап хищника. Могучая лапа Гвенвивар опустилась на спину эльфа, и пантера выгнула спину, заставив свою жертву извиваться на земле, увертываясь от выпущенных когтей.

Хралайн хотел было позвать своих воинов, но Дзирт, подняв руку, удержал друга. Он мог бы обогнуть магическую стену, но вместо этого в прыжке взвился в воздух и поднял руку вверх. Его пальцы скользнули по краю барьера и отыскивали зацепку на невидимой поверхности, после чего дроу подтянулся и уцепился за край второй рукой. Последовал ловкий переворот, и в следующее мгновение он уже мягко приземлился по другую сторону.

Дзирт убедил Гвенвивар отойти в сторону, а сам рывком поднял эльфа на ноги. Как он и ожидал, чародей был довольно молод; тогда как более зрелые эльфы и дворфы ограничивались подстрекательством, их молодые, полные огня и ненависти собратья воплощали общее недовольство в жестоком насилии.

Несломленный эльф с ненавистью взглянул на Дзирта.

— Ты предаешь свой собственный народ! — бросил он. Дзирт с любопытством поднял брови и крепче сжал пальцы на его рубашке:

— Мой народ?!

— Еще хуже, — не унимался эльф. — Ты предаешь тех, кто предложил кров и дружбу отступнику Дзирту До'Урдену!

— Нет, — произнес Дзирт.

— Ты нападаешь на эльфов и дворфов ради безопасности орков!

— Я поддерживаю мир и порядок. Эльф рассмеялся ему в лицо.

— Надо же, великий в прошлом Охотник теперь якшается с орками, — пробормотал он, качая головой.

Дзирт резко вздернул эльфа в воздух, отчего его усмешка мгновенно исчезла, а потом прижал к невидимой стене.

— Тебе не терпится повоевать? — спросил дроу, приблизив свое лицо почти вплотную к голове эльфа. — Ты жаждешь услышать отчаянные вопли раненых, лежащих среди

множества трупов? Ты уверен, что вынесешь все это?

— Орки! — возмущенно воскликнул эльф.

Дзирт перехватил его за руки, качнул вперед и сильно стукнул о магическую стену. Хралайн окликнул дроу, но темный эльф, казалось, не слышал его.

— Я немало странствовал за пределами Серебряных Земель, — сказал Дзирт. — А ты бывал там? Я видел гибель гордого Лускана, а вместе с ним смерть дорогого друга, чьи мечты обратились в ничто среди тел пяти тысяч других жертв. Я видел, как в пламени погиб самый величественный в мире собор. Я был свидетелем того, как крепи надежды прекрасных дроу, как поднимались последователи Эйлистри, и где они теперь?

— Ты говоришь загад... — начал эльф, но Дзирт снова ударил его о стену.

— Погибли! — вскричал он. — Погибли, а вместе с ними пропала надежда на справедливый и прочный мир. Я видел, как недавно безопасные земли превращаются в пустоши, я прошел десятки и десятки покинутых селений, которых ты уже никогда не увидишь. Они исчезли, пропали в Чумном Проклятии! Где великодушные боги? Где искать убежище от охваченного безумием мира? Где взять свечи, чтобы прогнать тьму?

Хралайн не спеша обогнул магическую стену и подошел к Дзирту. Он положил ему руку на плечо, но результатом стала лишь короткая пауза в тираде дроу. Дзирт окинул его недолгим взглядом, а затем снова повернулся к плененному эльфу.

— Огни надежды есть здесь, — продолжил он, обращаясь уже к обоим эльфам. — В Серебряных Землях. Если их нет здесь, их нет нигде. Что мы выберем: мир или войну? И если ты, глупый эльф, ищешь войны, тебе лучше убраться из этих земель. Могу тебя заверить, ты без труда отыщешь смерть. Ты найдешь руины в тех местах, где стояли прекрасные города. Ты найдешь целые поля выбеленных ветрами костей, а может, остатки единственного очага на месте целого, когда-то процветающего селения. За это столетие хаоса перед лицом наступающей тьмы лишь немногие избежали вихря разрушений, а наши земли процветают. Можешь ли ты сказать то же самое о Тейе? О Милхоранде? О Сембии? Ты говоришь, что я предаю тех, кто удостоил меня своей дружбой, и все же один исключительный дворф и один исключительный орк сумели воздвигнуть остров спокойствия в этом бурлящем море.

В лице эльфа появилась задумчивость, но он все еще пытался спорить. Дзирт не стал слушать никаких возражений и снова стукнул пленника спиной о стену.

— Ты поддался своей ненависти, ты жаждешь славы и острых ощущений, — сказал дроу. — Это из-за того, что ты ничего не знаешь. Или из-за того, что не думаешь о тысячах других, кому твои похождения не принесут ничего, кроме страданий?

Дзирт тряхнул головой и отшвырнул эльфа в сторону, где его подобрали двое воинов Хралайна, чтобы присоединить к остальным пленникам.

— Я ненавижу все это, — тихо, так что больше никто не услышал, признался Дзирт Хралайну. — Всё. Наш благородный эксперимент продолжается уже более ста лет, и все же мы не получили ответов на свои вопросы.

— И свобод тоже, — добавил Хралайн. — Ничего, кроме того, о чем ты только что сказал. Хаос сгущается, Дзирт До'Урден. Он наступает как снаружи, так и изнутри.

Взгляд фиолетовых глаз дроу обратился вслед удаляющемуся эльфу и плененным дворфам.

— Мы должны быть стойкими, мой друг, — произнес Хралайн, похлопал Дзирта по плечу и удалился.

— Не уверен, что я знаю, что это такое, — признался Дзирт, но слишком тихо, чтобы его кто-либо услышал.

ЧАСТЬ I

В поисках высшей истины

Одним из последствий существования, которое вместо десятилетий измеряется

столетиями, является проклятие постоянно наблюдать за миром через сфокусированную призму историка.

Я говорю «проклятие», хотя на самом деле считаю это благословением, поскольку любая попытка предвидения требует постоянных вопросов относительно причин происходящего и глубоко укоренившейся веры в то, что может случиться. Наблюдение за событиями, с точки зрения историка, подразумевает признание, что моя первая, интуитивная реакция на кажущиеся важными события может быть ошибочной, что мой «животный инстинкт» и собственные эмоциональные переживания при более широком рассмотрении, в более развернутом масштабе времени могут оказаться ничего не значащими.

Как часто я убеждался, что первая моя реакция была основана на полуправде и пристрастных суждениях! Как часто я обнаруживал, что по мере разворачивания событий первые ожидания совершенно не оправдывались и их приходилось отбрасывать!

А все потому, что чувства зачастую мешают рассмотреть рациональное зерно, а реальность возможно увидеть, лишь взглянув на нее с разных точек зрения.

Следить за событиями, как это делает историк, значит принимать все перспективы, даже те, что видятся нашим врагам. Необходимо хорошо знать прошлое и в качестве фундамента для предвидения использовать только самые значительные события. И, что важнее всего, надо обладать способностью ставить причину выше инстинкта, не отвергать все, что ты ненавидишь, и помнить о вероятности своих ошибок.

Вот так я и живу, словно в зыбучих песках, где абсолютные истины тают с течением лет. Мне кажется, это естественное состояние, и я успел разрушить предрассудки очень многих людей. Каждый незнакомец, который принимает меня таким, как я есть на самом деле, вместо того чтобы думать, каким я должен быть, ощущает, как песок перекачивается под его ногами. Конечно, для них это полезный опыт, но все мы — существа с устоявшимися привычками и обычаями, и каждый представляет, что может быть, а что невозможно. А когда реальность разбивает давно усвоенные представления — когда вы встречаете хорошего дроу! — возникает внутренний диссонанс, неудобный, как весеннее половодье.

Легко представить себе мир еще не законченной картиной, а не застывшим полотном, но бывают времена, мой друг...

Бывают времена.

И сейчас, когда тысячи подданных Обальда расположились у каждой двери Мифрил Халла, как раз наступило такое время. В душе я не желаю ничего другого, как снова попытаться счастья в поединке с королем орков, снова получить возможность проткнуть мечом его желтовато-серую шкуру. Я хочу согнать самоуверенную усмешку с его уродливого лица, смыть ее потоком его собственной крови. Я хочу заставить его страдать — страдать за Низины и все другие города, разоренные нашествием орков. Я хочу, чтобы он почувствовал боль, причиненную орками Шаудре Звездной, Дагне, и Дагнабиту, и всем дворфам, и не только дворфам, павшим на полях развязанной им войны.

Сможет ли Кэтти-бри уверенно ходить? Это еще одна вина Обальда.

И поэтому я проклинаю его имя и с радостью вспоминаю моменты отмищения, осуществленного Инновиндиль, Тарафизлем и мной, когда мы уничтожали спутников злобного короля орков. Ответный удар по вторгшемуся врагу безусловно доставляет немалое облегчение.

Этого я не могу отрицать.

И все же в моменты размышлений, когда я сижу на горном склоне и оглядываюсь на все, что совершил Обальд, моя уверенность исчезает.

Кроме того, я испытываю страх.

Он пришел во главе армии и принес боль и страдания многим людям в землях, которые я считаю своим домом. Но армия остановилась — по крайней мере пока, и, по всей видимости, Обальду нужна не только победа и военная добыча.

Неужели он пытается приобщить свой народ к цивилизации?

Возможно ли, что мы стали свидетелями величайшей перемены в природе народа орков? Возможно ли, что Обальд первым, не важно, желая этого или нет, создал ситуацию, при которой интересы орков и интересы всех других народов этого региона могут совпасть и перерасти в нормальные отношения, к обоюдной выгоде?

Возможно ли это? Или это немыслимо?

Неужели я, допуская подобное предположение, предаю погибших?

Или павшие возрадуются, если я, если все мы — орки и дворфы, люди и эльфы — отыщем общие интересы, чтобы открыть начало эры великого мира?

С незапамятных времен, о которых не помнят даже самые старые эльфы, орки всегда воевали с «хорошими» народами. И после всех побед — а их было великое множество, — после всех жертв стали ли орки менее многочисленным племенем, чем тысячу лет назад?

Мне кажется, нет, и в этом кроется корень неразрешимого конфликта. Неужели мы обречены бесконечно, поколение за поколением, повторять эти войны? Неужели мы — эльфы и люди, дворфы и орки — оставим своим потомкам все те же страдания, все ту же боль плоти, пронзаемой сталью?

Я не знаю.

И все же я ничего так страстно не жажду, как погрузить свой клинок между ребер Обальда Многострельного, насладиться гримасой агонии на его разорванных клыками губах, увидеть, как гаснет свет в его желтых, налитых кровью глазах.

Но что скажут о короле Обальде историки? Станет ли он для них орком, который наконец нарушил цепочку непрерывных войн? Станет ли он, намеренно или нет, вожаком, выводящим орков на новый путь к лучшей жизни, по которому они — сначала, конечно, неохотно — пойдут к более грандиозным достижениям, чем можно завоевать остриями копий?

Я не знаю.

И в этом мое мучение.

Я надеюсь, что мы стоим на пороге великой эры, что в природе орков имеется светлая искра, есть мечты и стремления, аналогичные тем, что ведут вперед эльфов, дворфов, людей, хафлингов и многих других. Я слышал, что одна мечта является общей для всех народов мира: оставить потомкам в наследство лучшую жизнь, чем наша.

Есть ли эта мечта в природе и характере гоблинов? Или Нойхейм, этот самый необычный раб-гоблин, которого я знал, был просто исключением из правил?

Кто такой Обальд: провидец или лицемер?

Стремится ли он к прогрессу народа орков или обманывает таких глупцов, как я, спасающих жизни его подданных?

И поскольку я признаюсь, что не знаю, я должен сделать паузу. Если я уступлю мстительным порывам своего сердца, как отнесутся к Дзирту До'Урдену историки?

Встану ли я в один ряд с теми героями прошлого, кто помогал отражать атаки орков, чьи имена хранятся в благоговейной памяти потомков? А если Обальд прокладывает для орков путь вперед, не к завоеваниям, но к цивилизации, и падет от моей руки, то историки могут не увидеть тех возможностей, что открываются моему мысленному взору.

Возможно, это эксперимент. Возможно, это грандиозный шаг по пути, которым следует идти.

И возможно, я не прав, и Обальд жаждет только расширения своих владений и крови, а в орках нет ни капли склонности к общественной жизни, нет другого стремления к лучшей жизни, кроме завоевания земель своих вечных, смертельных врагов.

Но я делаю паузу.

И я жду и наблюдаю, но не отвожу рук от рукоятей своих мечей.

Дзирт До'Урден

Глава 1

Гордость и практичность

В тот самый день, когда Дзирт и Инновиндиль отправились на восток в поисках тела Эллифейн, Кэтти-бри и Вульфгар переправились через Сарбрин по следам пропавшей дочери Вульфгара. Однако их путешествие продлилось всего пару дней, а потом ледяной ветер и потемневшие небеса, сулившие ужасный зимний шторм, вынудили их повернуть обратно. Из-за раненой ноги Кэтти-бри они не могли двигаться достаточно быстро, чтобы обогнать надвигающийся фронт, и Вульфгар решил приостановить поиски. По всей вероятности, Кэлси была в безопасности, и он рассчитывал, что ее след не успеет потеряться из-за этой задержки, поскольку в холодное время года путешествия на всем протяжении Серебряных Земель почти полностью прекращались. Несмотря на возражения Кэтти-бри, они снова пересекли Сарбрин и вернулись в Мифрил Халл.

Вскоре после их возвращения тот же самый штормовой фронт чуть не уничтожил паром; дни проходили за днями, а судно так и оставалось у причала. Глубокая зима сковала земли, и до весны оставалось немногим меньше, чем прошло времени с осени. Начался Год Неистойвой Магии.

Пронизывающий холод, казалось, навсегда поселился в поврежденном бедре и ноге Кэтти-бри, и она не замечала никаких признаков улучшения своего состояния. Она могла передвигаться при помощи костыля, но даже с этой опорой боль при каждом шаге заставляла ее морщиться. И все же она не хотела садиться в кресло на колесах, какое дворфы изготовили для искалеченного Банака Браунавила, и тем более не желала слышать об изобретении Нанфудла — комфортабельном паланкине с четырьмя добровольными носильщиками-дворфами. Несмотря на все свое упрямство, она была вынуждена признать, что раненая нога, по крайней мере пока, не слишком хорошо поддерживает ее тело, и Кэтти-бри продолжала пользоваться костылем.

В последние несколько дней она постоянно бродила по восточным окраинам Мифрил Халла, по залам, примыкавшим к ущелью Гарумна, и расспрашивала всех об орках, окопавшихся снаружи, в Долине Хранителя, и о Дзирте, которого не так давно заметили с восточного наблюдательного пункта, когда дроу вместе с Инновиндиль из Лунного Леса на пегасе пролетал над рекой Сарбрин.

Дзирт покинул Мифрил Халл с благословения Кэтти-бри всего несколько десятков дней назад, но длинными зимними ночами она уже сильно тосковала по дроу. Она удивилась, узнав, что Дзирт, не возвращаясь в Мифрил Халл после путешествия на запад, отправился дальше, но доверяла своему другу. Если Дзирт решил посетить Лунный Лес, значит, на то имелась веская причина.

— Уже сотня моих парней просила позволить им носить тебя! — ворчливо заметил ей Бренор однажды днем, когда боль в ноге донимала Кэтти-бри особенно сильно. Она вернулась в западное крыло, в личные покои Бренора, но уже успела предупредить отца, что снова отправится через ущелье на восток. — Возьми гномье кресло, упрямая девчонка!

— У меня есть свои ноги, — настаивала Кэтти-бри.

— Если мои глаза меня не обманывают, твоим ногам не становится легче. — Король взглянул в сторону очага, где Вульфгар, расположившийся в удобном кресле, уставился на оранжевые языки пламени. — Что ты скажешь, мой мальчик?

Вульфгар рассеянно посмотрел на Бренора, явно не имея ни малейшего представления о разговоре между Кэтти-бри и дворфом.

— Ты собираешься на поиски своей малышки? — спросил его Бренор. — Как только растает снег?

— Раньше, чем растает снег, — поправил его Вульфгар. — Раньше, чем разольется река.

— Примерно через месяц, — прикинул Бренор, и Вульфгар кивнул.

— До начала тарсака, — сказал он, назвав четвертый месяц года.

Кэтти-бри закусила губу: она понимала, что Бренор затеял этот разговор с Вульфгаром ради ее пользы.

— Тебе нельзя идти с ним с такой ногой, девочка, — постановил Бренор. — Ты и здесь-то постоянно хромаешь и не даешь своей болячке ни единого шанса зажить. А теперь забирай гномье кресло, и пусть мои мальчики тебя несут, и тогда, может быть — только может быть, — тебе удастся отправиться с Вульфгаром на поиски Кэлси.

Кэтти-бри перевела взгляд на лицо Вульфгара, но в глазах варвара увидела только отражение оранжевых языков пламени. Ей показалось, что он отгородился от всех них, слишком захваченный болью собственных утрат. Его плечи поникли под грузом вины и горя, ведь Вульфгар потерял свою жену, Делли Керти, чье тело до сих пор, как они предполагали, лежало под толстым слоем снега в северных полях.

Кэтти-бри не меньше терзалась по поводу этой утраты, поскольку именно ее меч, злобный и хитрый ХазидХи, овладел разумом Делли Керти и заставил женщину броситься прочь из безопасного Мифрил Халла. К счастью — они все верили в это, — Делли не взяла с собой ее с Вульфгаром приемную дочь Кэлси, а отдала ее женщине-беженке из северных областей, которая переправилась через Сарбрин на одном из последних паромов еще до резкого похолодания. Кэлси могла быть в волшебном городе Серебристая Луна, или в Сандабаре, или в одном из других поселений, но они были почти уверены, что девочка не пострадала и ей ничто не угрожает.

А Вульфгар твердо намеревался ее разыскать — это было единственное заявление, услышанное Кэтти-бри от варвара за последние дни. Он решил обязательно найти Кэлси, и Кэтти-бри чувствовала себя обязанной помочь другу в его поисках. После того как из-за ее слабости они были вынуждены отступить перед надвигающейся бурей, девушка еще более решительно настроилась на участие в путешествии.

Однако на самом деле Кэтти-бри очень надеялась, что Дзирт успеет вернуться до начала их похода. Весна неминуемо принесет новые волнения, и огромная армия орков, расположившаяся вокруг Мифрил Халла от гор Хребта Мира на севере до берегов Сарбрина на востоке и северных окраин Болота Троллей на юге, придет в движение. Тучи войны клубились над всей землей, и только зима удерживала врагов от выступления.

Когда разразится эта страшная буря, Дзирт обязательно займет свое место в самом ее центре, и Кэтти-бри совсем не хотелось в такое ужасное время оказаться на улочках какого-то далекого города.

— Воспользуйся креслом, — сказал Бренор или, судя по его нетерпеливому голосу, повторил уже не в первый раз.

Кэтти-бри, мигнув, подняла на него взгляд.

— Вы понадобятся мне оба, и весьма скоро, — продолжил Бренор. — И если ты будешь задерживать Вульфгара в этом важном путешествии, значит, тебе не стоит с ним отправляться.

— Это похоже на оскорбление... — сказала Кэтти-бри, качнув головой.

Но при этом она неосторожно сдвинула костыль и наклонилась в сторону. Боль жгучими огоньками сейчас же вспыхнула по всему бедру, и ее лицо страдальчески скривилось.

— Ты получила удар по ноге огромным булыжником, — возразил Бренор. — Здесь нет никакого оскорбления! Ты помогла нам отстоять Мифрил Халл, и весь клан Боевого Топора до последнего солдата считает тебя героем. Возьми это чертово кресло!

— Тебе правда стоит попробовать, — раздался от двери еще один голос.

Кэтти-бри и Бренор, обернувшись, увидели, что в комнату вошел хафлинг Реджис. Его животик снова округлился, а щеки налились и покрылись румянцем. Как и в давние времена, он снова стал носить подтяжки и при ходьбе засовывал за них большие пальцы рук, что придавало ему весьма важный вид. И в самом деле, каким бы нелепым ни казался хафлинг, никто из присутствующих не мог отрицать, что ему есть чем гордиться, — во время военных действий, когда Бренор лежал при смерти, Реджис превосходно справлялся со своими

обязанностями управляющего Мифрил Халлом.

— Это заговор? — с усмешкой воскликнула Кэтти-бри, стараясь немного разрядить атмосферу.

Им всем надо было почаще улыбаться, особенно тому мужчине, что сидел напротив нее. Кэтти-бри смотрела на Вульфгара, произнося эту фразу, и заметила, что он вряд ли услышал ее слова. Варвар полностью ушел в себя, уставившись на огонь. Выражение печали и растерянности на его лице помогло Кэтти-бри принять решение. Она кивнула и согласилась на предложение приемного отца. Узы дружбы заставляли ее делать все возможное, чтобы в этом самом важном для Вульфгара путешествии не быть ему в тягость.

Так что через несколько дней, когда Дзирт До'Урден вошел в Мифрил Халл через восточные ворота, выходящие на реку Сарбрин, Кэтти-бри быстро разыскала его и окликнула с высоты своего паланкина.

— Твоя походка стала легче, — заметила она.

Как только Дзирт узнал ее в кресле, водруженном на плечи четырех молодых дворфов, он радостно рассмеялся.

— Принцесса клана Боевого Топора! — приветствовал ее дроу, отвесив насмешливо-почтительный поклон.

По знаку Кэтти-бри дворфы опустили кресло на пол и отошли в сторону, и Дзирт, не дожидаясь, пока она, опираясь на костыль, выберется наружу, заключил ее в крепкие объятия.

— Скажи, что ты хоть некоторое время пробудешь дома, — попросила Кэтти-бри после долгого поцелуя. — Зимой так холодно и одиноко.

— У меня есть еще дела снаружи, — ответил Дзирт. — Конечно, я на какое-то время останусь, — добавил он в ответ на разочарованный взгляд Кэтти-бри. — Да, я, как и обещал, вернулся поддержать Бренора до того, как снега начнут отступать, а войска снова придут в движение. Вскоре мы узнаем намерения короля Обальда.

— Обальда? — переспросила Кэтти-бри, считавшая короля орков погибшим.

— Он жив, — кивнул Дзирт. — Ему удалось каким-то образом уцелеть во время оползня, и собравшиеся орки до сих пор подчиняются воле своего могущественного повелителя.

— Будь он проклят!

Дзирт усмехнулся, но ничем не выразил своего согласия.

— Удивительно, что вы с Вульфгаром так быстро вернулись, — сказал он. — Какие новости о Кэлси?

Кэтти-бри покачала головой:

— О ней ничего не известно. Мы переправились через Сарбрин в тот же день, когда ты и Инновиндиль улетели на Побережье Мечей, но зима нас догнала и заставила вернуться. Мы узнали, что несколько последних групп беженцев отправились в Серебристую Луну, и Вульфгар готов добраться до волшебного города леди Аластриэль, как только паром снова спустят на воду.

Дзирт отстранил ее на расстояние вытянутой руки и взглянул на искалеченное бедро. Кэтти-бри теперь почти всегда носила платье, поскольку ходить в облегающих бриджах было чересчур неудобно. Глаза дроу остановились на изготовленном дворфами костыле, но Кэтти-бри перехватила его взгляд.

— Я не исцелилась, — признала она. — Но я достаточно долго отдыхала, чтобы решиться на путешествие с Вульфгаром. — Она замолчала и, протянув руку, ласково провела ею по щеке и подбородку Дзирта. — Я должна это сделать.

— Я настроен не менее решительно, чем ты, — заверил ее Дзирт. — Только обязательства перед Бренором удерживают меня в крепости.

— Вульфгару не придется идти одному, — пообещала Кэтти-бри.

Дзирт кивнул, и улыбка выдала его удовлетворение.

— Я должен навестить Бренора, — сказал он и повернулся, чтобы уйти.

Кэтти-бри удержала его, схватив за рукав:

— У тебя хорошие новости? Дзирт с любопытством оглянулся.

— Твоя походка стала легче, — заметила Кэтти-бри. — В ней не заметно прежней тяжести. Что ты увидел снаружи? Орки готовы отступить? Или народ Серебряных Земель готов подняться, чтобы отразить...

— Ничего подобного, — разуверил ее Дзирт. — Все так же, как и в день моего отъезда, кроме того, что орки окопались еще основательнее, как будто они собираются остаться здесь навсегда.

— Твоя улыбка меня не обманет, — сказала Кэтти-бри.

— Это потому, что ты меня слишком хорошо знаешь, — усмехнулся Дзирт.

— И мрачные перспективы войны не могут ее прогнать?

— Я поговорил с Эллифейн. Кэтти-бри ахнула:

— Она жива?!

Выражение лица Дзирта показало ей всю абсурдность этого предположения. Разве Кэтти-бри не видела своими собственными глазами, как Эллифейн погибла от меча Дзирта?

— Воскрешение? — выдохнула Кэтти-бри. — Неужели эльфы прибегли к помощи могущественного жреца, чтобы призвать душу...

— Нет, ничего такого не было, — успокоил ее Дзирт. — Но они снабдили Эллифейн проводником, чтобы установить со мной контакт... и передать извинение. И она тоже приняла мое извинение.

— Тебе не за что было просить прощения, — возразила Кэтти-бри. — Ты не сделал ничего плохого, ты не мог знать.

— Я понимаю, — ответил Дзирт, и теплота его голоса согрела Кэтти-бри. — Все было сделано правильно. Эллифейн обрела покой.

— Это Дзирт До'Урден обрел покой. Дзирт только улыбнулся.

— Это невозможно, — сказал он. — Будущее очень неопределенно, и десятки тысяч орков столпились у наших дверей. Погибли слишком многие, и среди них были наши друзья. Хуже того, еще многим предстоит пасть в боях.

Его мрачные предсказания явно не убедили Кэтти-бри.

— Да, Дзирт До'Урден обрел покой, — согласился Дроу под ее настойчивым взглядом.

Он попытался проводить женщину к паланкину, но Кэтти-бри покачала головой и жестом предложила ему пройти с ней по коридору, ведущему к мосту над ущельем Гарумна, к восточным залам Мифрил Халла, где Бренор давал аудиенции.

— Это длинная прогулка, — предупредил ее Дзирт, указав глазами на раненую ногу.

— Но ты меня поддержишь, — ответила Кэтти-бри, и Дзирт не смог ничего возразить.

Она благодарно кивнула, махнула рукой носильщикам-дворфам, и Кэтти-бри и Дзирт двинулась в путь.

Сон был таким реальным, что Вульфгар чувствовал на своих щеках тепло солнечных лучей и прохладный ветер. Яркие ощущения оставили во рту холодный привкус соленого ветра, дувшего с Моря Движущегося Льда.

Все это казалось таким настоящим, что Вульфгар удивился, очнувшись от дремоты в своей маленькой комнатке в Мифрил Халле. Он закрыл глаза и попытался вернуться в сновидения и снова оказаться на свободных просторах Долины Ледяного Ветра.

Но это было невозможно, и высокий мужчина, открыв глаза, потянулся в своем кресле. Он посмотрел на кровать, стоящую у противоположной стены. В последнее время он почти не спал там, поскольку раньше делил это ложе с Делли, своей погибшей женой. Несколько ночей он пытался лечь в кровать, но каждый раз обнаруживал, что бессознательно тянется к ней, перекачивается к тому месту, где она должна была лежать.

Ощущение пустоты врывается в его дремлющее сознание и всякий раз оставляло в душе холод.

В ногах кровати стояла колыбель Кэлси, и смотреть на нее было еще более грустно.

Вульфгар уронил голову на руки, и мягкость волос напомнила ему об отросшей бороде. Он пригладил бороду и усы, протер глаза. Он старался хоть ненадолго перестать думать о Делли и даже о Кэлси и дать себе короткую передышку от сожалений и страхов. Он представил себе Долину Ледяного Ветра, какой запомнил ее в юности. Ему и тогда было знакомо чувство утраты, и война не раз больно жалила его душу. Ни в снах, ни в воспоминаниях у него не было никаких иллюзий, смягчающих облик этой суровой земли. Долина Ледяного Ветра всегда оставалась для него холодным местом, и ее ветер был скорее губительным, чем освежающим.

Но Вульфгар знал, что там ему было бы проще и он чувствовал бы себя чище. Смерть в тундре была нередким гостем, и чудовища беспрепятственно бродили повсюду. Это земля постоянного риска, не дающая права на ошибку, и, даже не допуская оплошностей, там нельзя избежать губительного результата решений.

Вульфгар кивнул, осознав, что пытается найти убежище в воспоминаниях о суровых краях. В Долине Ледяного Ветра не было места сожалениям. Таков был порядок вещей.

Он поднялся с кресла и прогнал слабость из своих длинных рук и ног. Он чувствовал себя запертым в ловушке, казалось, что стены смыкаются и давят со всех сторон. Тогда он вспомнил мольбы Делли и ее жалобы на то же самое ощущение.

— Наверное, ты была права, — произнес Вульфгар, обращаясь к опустевшей комнате.

А потом он посмеялся над самим собой, вспомнив шаги, которые привели его обратно в крепость. Он вернулся из-за надвигающейся бури.

Он, Вульфгар, сын Беарнегара, выросший и возмужавший в жестоких зимах замерзшей Долины Ледяного Ветра, отступил в дворфскую крепость перед угрозой снежной бури!

А потом он понял. Понял все. Свой бесцельный, пустой путь последних восьми лет, с тех пор как он вернулся из Бездны после мучений в плену демона Эррту.

Даже после того, как он забрал Кэлси у Меральды из Аукни, получил обратно Клык Защитника и вспомнил, кто он такой, а потом присоединился к друзьям в путешествии в Мифрил Халл, шаги Вульфгара были лишены целеустремленности. Он не испытывал уверенности в том, куда хотел бы пойти. Он взял Делли в жены, но никогда не переставал любить Кэтти-бри.

Да, он мог себе в этом признаться. Можно было обманывать других, но не себя.

В то утро в маленькой комнате Мифрил Халла Вульфгар многое понял, и в первую очередь тот факт, что он позволил себе жить во лжи. Он понимал, что не может добиться любви Кэтти-бри, — ее сердце принадлежало Дзирту, но как он мог обманывать Делли и Кэлси? Он создал видимость, иллюзию семьи и стабильности ради всех, кто его окружал, и ради себя самого.

С тех пор как он побывал в Аукни, Вульфгар шел по дороге избавления, мирясь с манипуляциями и ложью. Он окончательно это понял. Он так стремился аккуратно разложить все по полочкам, создать полностью контролируемую ситуацию, что едва не утратил свою былую сущность, едва не забыл огня, в котором был выкован Вульфгар, сын Беарнегара.

Он взглянул на прислоненный к стене Клык Защитника, протянул руку к могучему боевому молоту, поднял его оголовок к льдисто-синим глазам. Истинную свободу, душевную чистоту и внутреннее спокойствие он испытывал лишь в недавних сражениях на скалах Хребта Мира в западном крыле и на востоке, в прорыве к берегу реки Сарбрин. Он понял, что наслаждался физическими испытаниями, поскольку они заглушали его внутреннее смятение.

Вот почему он пренебрег обществом Делли и Кэлси и с головой погрузился в оборону Мифрил Халла. Он был для Делли никудышным мужем, а для Кэлси — никудышным отцом.

Только в бою он искал выход.

И сейчас он поддался самообману. Вульфгар понял это, глядя на резной оголовок Клыка Защитника. Иначе почему он позволил остыть следу Кэлси? Почему повернул назад из-за какого-то зимнего шторма? Почему?..

Вульфгар непроизвольно разинул рот и почувствовал себя законченным глупцом. Уронив на пол молот, он накиннул на плечи походный плащ из шкур серого волка. Затем вытащил из-под кровати рюкзак, свернул в него одеяло, а потом повесил рюкзак на одну руку, а в другую взял боевой молот.

Он стремительно выскочил из комнаты и торопливо зашагал на восток, мимо зала аудиенций Бренора.

— Куда ты собрался? — услышал он чей-то голос и, остановившись, увидел у дверей зала Реджиса.

— Выйду проверю погоду и паром.

— Дзирт вернулся.

Вульфгар кивнул, и на его лице вспыхнула искренняя улыбка.

— Я надеюсь, его путешествие было благополучным.

— Он скоро придет к Бренору.

— У меня нет времени. Не сейчас.

— Паром еще не ходит, — заметил Реджис.

Но Вульфгар лишь снова кивнул, словно это ничего не значило, зашагал дальше по коридору и свернул в проход, ведущий к главному тоннелю над ущельем Гарумна.

Реджис, зацепив пальцами подтяжки, смотрел вслед своему большому другу. Он долго так простоял, обдумывая неожиданную встречу, а затем повернул к залу аудиенций Бренора.

Пройдя несколько шагов, он помедлил и оглянулся на коридор, где так поспешно скрылся Вульфгар.

Паром еще не ходит.

Глава 2 Воля Груумша

Перед тем как выйти из пещеры к предрассветному свету, Гргуч несколько раз моргнул. Широкоплечий, под семь футов ростом, могучий полуорк-полуогр осторожно ступал на сильных ногах и прикрывал ладонью глаза. Вождь клана Карук, как и все его воины, за исключением дюжины разведчиков, почти десять лет не видел дневного света. Они обитали в тоннелях, в обширном лабиринте темных пещер, известном под названием Подземье, и решение предпринять выход наружу нелегко далось Гргучу.

Вдоль стен пещеры стояли десятки воинов-каруков — все огромные даже по меркам орков, под семь футов и выше, по четыре сотни фунтов сплошных костей и мышц. В знак почтения они опускали желтые глаза при приближении великого вождя Гргуча. Позади него шагал безжалостный жрец войны Хакуун, а следом шла гвардия — пятеро могучих огров в полном боевом облачении. Процессию замыкали еще несколько огров, несших пятнадцатифутовый Кокто-Ганг, горн Карука, огромный инструмент с коническим стволом и широким развернутым раструбом. Он был изготовлен из шруумвуда — так орки называли твердый панцирь неких существ, обитавших в гигантских грибах Подземья. Всем собравшимся воинам горн внушал не меньшее почтение, чем сам вождь клана.

Гргуч и Хакуун, как и их преданные последователи, относились к нему точно так же.

Гргуч подошел к выходу из пещеры и выбрался на горный выступ. Только Хакуун вышел вслед за ним, приказав остальным оставаться позади.

Глаза Гргуча постепенно привыкли к свету, и он раскатиисто рассмеялся, заметив внизу на склоне группу поспешно спускавшихся орков обычного вида. В течение последних двух дней второй клан орков из всех сил старался опередить клан Карук. А когда они наконец выбрались из пределов Подземья, стремление оказаться как можно дальше от каруков стало еще более очевидным.

— Они бегут, словно дети, — сказал Гргуч военному жрецу.

— Они и есть дети в присутствии каруков, — ответил Хакуун. — И еще более беспомощные перед лицом великого Гргуча.

Вождь равнодушно принял дежурный комплимент и окинул взглядом окружавшие его просторы. Зима еще царила в этих землях и воздух был холодным, но для Гргуча и его народа это не стало неожиданностью. Несколько слоев звериных шкур делали его фигуру еще более массивной и величественной.

— Слухи о выходе каруков быстро распространятся повсюду, — заметил Хакуун.

Гргуч посмотрел вслед убегающим оркам и снова обвел взглядом горизонт:

— О нас узнают раньше, чем эти перепуганные дети успеют кому-то рассказать новости.

Повернувшись назад, он махнул рукой ограм.

Стражи разошлись, освобождая проход для Кокто-Ганга. Через несколько мгновений опытные носильщики Установили горн в надлежащее положение, и Гргуч с благословения Хакууна занял свое место. По окончании молитвы, прочитанной военным жрецом, Гргуч — единственный из каруков, кто имел право играть на горне, — протер мундштук и сделал глубокий вдох.

Из раструба вырвался низкий рев, словно в горах разом закричали все бессмертные титаны. Раскатистый бас на многие и многие мили разнесся по нижним склонам южных отрогов Хребта Мира. От мощного звука задрожали мелкие камни, а один склон сбросил снежный покров, спустив к подножию небольшую лавину.

За спиной Гргуча многие из каруков упали на колени в истовой молитве. Они возносили хвалу великому Одноглазому — своему воинственному божеству, веря, что звук Кокто-Ганга окропит землю кровью врагов клана Карук.

Клан воинов-каруков, особенно под предводительством могучего Гргуча, никогда не испытывал недостатка в противниках.

В нескольких милях южнее, в сумрачной долине, трое орков обратили взгляды к северу.

— Каруки? — спросил Унг-тол, жрец высокого ранга.

— Кто же еще! — воскликнул Днарк, вождь клана Волчьей Пасти. Они оба повернулись к улыбающемуся шаману Туугвику Туку. — Твой призыв был услышан, и они ответили, — добавил Днарк.

Туугвик Тук усмехнулся.

— А ты уверен, что огроподобные воины подчинятся твоей воле? — спросил Днарк, мгновенно согнав усмешку с уродливого лица Туугвика Тука.

Определение «огроподобные» прозвучало откровенным напоминанием, что это были не обычные орки, призванные с нижних склонов горного хребта. Карук был известен среди многих племен Хребта Мира, вернее, о нем старались забыть, поскольку в рядах его воинов состояли чистокровные огры. Каруки с незапамятных времен вступали с ними в брачные союзы, и в них рождались все более и более рослые воины. Другие кланы орков сторонились каруков, и те все глубже уходили в Подземье. В последнее время о них почти ничего не было слышно, и каруков во многих племенах орков стали считать не более чем легендой.

Но народ клана Волчьей Пасти, так же как и их союзники, соплеменники Туугвика Тука, Желтые Клыки, знали, что это не так.

— Их всего-навсего три сотни, — напомнил Туугвик Тук своим сомневающимся спутникам.

Звук Кокто-Ганга во второй раз потряс горы.

— Конечно, — произнес Днарк, качая головой.

— Надо пойти и быстро разыскать вождя Гргуча, — предложил Туугвик Тук. — Свирепость воинов-каруков должна быть направлена в нужную сторону. Если они обратятся против других кланов, начнут грабежи и сражения...

— Король Обальд убедится в правильности выбранного пути, — закончил за него Днарк.

— Надо идти.

Туугвик Тук сделал шаг на север. Днарк направился за ним, но Унг-тол все еще сомневался. Двое орков остановились и оглянулись на старого шамана.

— Нам неизвестны планы Обальда, — заметил Унг-тол.

— Он остановился, — сказал Туугвик Тук.

— Чтобы собраться с силами? Выбрать лучший путь? — спросил Унг-тол.

— Чтобы строить, преследуя свои ничтожные цели! — возразил второй шаман.

— Так сказал нам советник Обальда, — добавил Днарк. Многозначительная усмешка скривила его лицо, обнажив торчащие в разные стороны зубы. — Ты ведь знаешь короля Обальда уже много лет.

— Так же как и его отца, — добавил Унг-тол. — И я следовал за ним навстречу славе. — Он помолчал, подчеркнув важность своих слов. — Мы еще никогда не знали столь великой победы. — Жрец еще помолчал и воздел руки к небу. — Никогда, на нашей памяти. И это Обальд привел нас к ней.

— Это только начало, а не конечная цель, — напомнил Днарк.

— Многие воины пали на пути завоеваний, — вступил в спор Туугвик Тук. — Они погибли по воле Груумша. И во славу Груумша.

Все трое удивленно замолчали, услышав, как басовитый голос Кокто-Ганга в третий раз заставил задрожать камни.

Туугвик Тук и Днарк больше ничего не сказали, ожидая решения Унг-тола.

Старый жрец орков с тоской оглянулся на юго-запад, где, как он знал, находился король Обальд, потом кивнул своим спутникам и предоставил им выбирать путь.

Молодая жрица Кна соблазнительно обвивалась вокруг могучего орка. Ее стройное тело легко скользило по нему, горячее дыхание согревало шею, потом затылок, потом другую сторону головы. Несмотря на то что Кна не сводила глаз с лица великого орка, ее представление было предназначено вовсе не для короля Обальда.

Конечно, он об этом знал, а потому, стоя перед собранием главных жрецов и вождей кланов, сохранял на лице насмешливую улыбку. Он сделал правильный выбор, назначив вместо погибшей Цинки Шринрил своей спутницей молодую и абсолютно поглощенную собственной особой жрицу Кну. Она не ставила никаких условий. Кне нравилось, что все взгляды обращены в ее сторону, и она сильнее прижималась к Обальду. Не просто нравилось, как понимал Обальд. Она ими наслаждалась. Это был момент ее славы, и Кна догадывалась, что соперницы по всему королевству от ревности скрипели зубами. Вот в чем состояло главное удовольствие.

Молодая и красивая, по стандартам своей расы, Кна стала служительницей Груумша, но далеко не такой преданной и фанатичной, какой была Цинка. Верховным богом, вернее, богиней Кны была сама Кна, и ее взгляды на мир отличались свойственным молодым эгоизмом.

Королю Обальду именно это и требовалось. В свое время Цинка превосходно служила ему как в постели, так и во всех других делах, и говорила она только об интересах Груумша. Очень убежденно. Цинка проводила магические церемонии, которые должны были пробудить в Обальде колоссальные физические и духовные силы, но ее поклонение было безграничным, а кругозор — слишком узким. Она пережила свою полезность королю орков еще до того, как была сброшена с края обрыва и насмерть разбилась о камни.

Обальду немного не хватало Цинки. При всей своей физической красоте, энтузиазме и немалом опыте, Кна не могла сравниться с ней в искусстве любви. Кроме того, она не обладала даже малой долей ума и хитрости Цинки. Она была не способна напечатать в уши Обальда ничего, что не относилось бы к совокуплению. И потому была совершенством.

Король Обальд не нуждался в ее советах. Для этого у него имелась небольшая группа жрецов, среди которых он чаще всего прислушивался к низкорослому молодому орку по имени Накклз. Кроме них, Обальду больше не нужно было ни советников, ни спорщиков. Больше всего ему хотелось иметь супругу, которой он мог бы доверять. Кна была слишком

предана самой Кне, чтобы интересоваться политикой, замыслами и различными выражениями воли Груумша.

Он позволил ей еще немного продлить представление, а потом ласково, но твердо отодвинул от себя на расстояние вытянутой руки. Он подтолкнул ее к креслу, на что Кна ответила недовольной гримаской. Он указал ей на сиденье, и она, чрезмерно надувшись, вернулась к своему месту. Обальд, изо всех сил стараясь не выдать своего презрения, одарил ее успокаивающим взглядом и снова жестом приказал сесть. Кна все еще сомневалась, и тогда он усадил ее силой.

Жрица начала возражать, но Обальд поднял огромный кулак, без слов показывая женщине, что его терпение на пределе. Когда Кна все с тем же обиженным видом уселась, король орков снова повернулся к собранию и подал знак Бракку Выбитому Клык, посыльному от генерала Дакки, наблюдавшему за самыми важными военными объектами.

— Ущелье под названием Долина Хранителя надежно укреплено, бог-король, — доложил Выбитый Клык. — Тропа разворочена, чтобы по ней было невозможно пройти, и укрепления на северных склонах почти закончены. Дворфам не удастся выйти.

— Даже сейчас? — спросил Обальд. — Не весной, а уже сейчас?

— Даже сейчас, ваше величие, — уверенно подтвердил Выбитый Клык, и Обальд удивился тому, как много титулов присваивают ему подданные. — Если дворфы выйдут из западных ворот Мифрил Халла, мы уничтожим их, стреляя сверху вниз, — заверил собравшихся Выбитый Клык. — Даже если несколько мерзавцев прорвутся к западу, у них не будет выхода. Стены уже выстроены, и армия генерала Дакки отлично окопалась.

— А мы сможем войти? — спросил вождь Гримсвал из клана Гримм, очень популярного и многочисленного племени.

Обальд метнул на дерзкого орка далеко не одобрительный взгляд — он осмелился затронуть слишком сложную и опасную тему. Этот вопрос давно стал камнем преткновения, предметом нескончаемых перешептываний и споров между различными группами. Орки беспрекословно следовали за Обальдом и достигли славы, какой не знали долгие десятилетия, если не века, но многие открыто спрашивали: к чему они идут? К новым сражениям и грабёжам? В пещеры клана дворфов или на улицы больших человеческих и эльфийских городов?

Однако, немного поразмыслив и вспомнив все пересуды и споры между жрецами и вождями, Обальд пришел к заключению, что Гримсвал, хотя и не желая того, оказал ему услугу.

— Нет! — решительно произнес он, пресекая попытки поднять шум. — Дворфы останутся в своей дыре. Пусть ее охраняют.

— Пока, — нахально вставил упрямый Гримсвал.

Обальд не стал ничего ему отвечать, только усмехнулся, но было ли это выражением удивления или одобрения, никто не понял.

— Дворфы вышли из своей норы на востоке, — напомнил другой участник собрания — худощавый орк в одеянии жреца. — До начала зимы они обеспечили себе выход вдоль хребта. А теперь стараются соединить стены и укрепить башни на всем пути от своих ворот до большой реки.

— И на берегу появились сооружения, — добавил кто-то еще.

— Они собираются построить мост, — заключил Обальд.

— Глупые дворфы сделают эту работу за нас! — заорал Гримсвал. — Они сами обеспечат нам легкий выход на простор.

Все собравшиеся радостно закивали, а кое-кто похлопывал соседа по спине.

Обальд тоже улыбнулся. Да, мост и в самом деле послужит Королевству Многих Стрел. Он посмотрел на Накклза и в ответ получил понимающий взгляд и едва заметный кивок.

Да, Обальд понимал, что мост будет им полезен, только вот совсем не так, как предполагал Гримсвал и его жаждущие войны сторонники.

Собравшиеся продолжали что-то обсуждать, а король Обальд мысленно представил

себе город орков, возведенный к северу от сооружений дворфов, тянувшихся вдоль горного хребта. Это будет большое поселение с широкими улицами, удобными для прохода караванов, и с крепкими постройками для хранения самых различных товаров. Чтобы защитить город от грабителей и чересчур нетерпеливых воинов-орков, Обальд решил обнести его стеной: так купцы, пришедшие по мосту короля Бренора, смогут с удовольствием отдохнуть в безопасности, прежде чем отправятся в обратный путь.

Кто-то громко произнес его имя, и король орков, очнувшись от размышлений, поднял голову. Его встретили любопытствующие взгляды: похоже, что он прослушал какой-то вопрос.

Это не имело значения.

Обальд ответил им спокойной умиротворяющей улыбкой, но жажда войны, накалившая воздух собрания, напомнила ему, что до сооружения города предстоит пройти долгий-долгий путь.

Но это будет великолепное сооружение.

— Желтое знамя каруков, — доложил Туугвик Тук своим спутникам.

Трое орков уже добрались до сумрачной долины, ведущей к входу в пещеру, соединявшую мир с Подземьем. Днарк и Унг-тол слегка кивнули. Они тоже успели заметить два желтых с красной серединой полотнища, развевавшихся под порывами пронизывающего зимнего ветра. Все трое давно поняли, что приближаются к цели, поскольку в этой долине им попались на пути две наспех покинутые стоянки. Выход клана Карук на поверхность вызвал торопливое бегство всех других орков.

Туугвик Тук стал подниматься по каменистой осыпи, уходящей вверх между двух знамен. Навстречу ему, преградив путь, встали громадные орки с весьма необычным оружием в руках. На длинных рукоятках поблескивали одновременно и боковое лезвие топора, и острый наконечник копья. Наполовину топор, наполовину копье казалось достаточно увесистым, но трое путников, как бы ни были взволнованы, не могли не заметить легкости, с которой часовые держали свое оружие.

— Они огромные, как сам Обальд, — тихо промолвил Унг-тол. — И это всего лишь простые охранники.

— Мне говорили, что орки, не достигшие такого роста и силы, становятся рабами, — заметил Днарк.

— Это правда, — уверил его Туугвик Тук, обернувшись к спутникам. — И никому из этих коротышек не позволено обзаводиться потомством. Если они не погибают раньше, их кастрируют в юном возрасте.

— Мое беспокойство растет с каждым шагом, — признался самый маленький из троицы — Унг-тол.

В юности он был отличным воином, но ранившее его вражеское оружие что-то нарушило в организме жреца, и за следующие два десятка лет он сильно потерял в весе и силе.

— Расслабься, ты слишком стар, чтобы тебя кастрировать, — насмешливо бросил ему Днарк и махнул рукой Туугвику Туку, чтобы тот представил их охранникам.

Очевидно, молодой жрец хорошо справился с заданием, поскольку путников пригласили во внутренние помещения пещеры. Вскоре они уже стояли перед величественным Гргучем и его военным жрецом Хакууном. Гргуч восседал на двух булыжниках, а в руках держал свой страшный обоюдоострый боевой топор. Это оружие, носившее название Свирепый, явно обладало немалым весом, но Гргуч легко поднимал его перед собой в одной руке. Он медленно повернул топор, чтобы гости смогли хорошо рассмотреть его и понять, что Свирепый в состоянии убить их разными способами. Древко из темного металла, тянувшееся вплоть до развернутых по обе стороны «крыльев», было выковано в форме извивающегося тела дракона, чьи маленькие передние лапы сходились вместе, а вытянутые головные шипы образовывали наконечник копья. Хвост дракона

оббивал рукоять, образуя гарду, и был усыпан острыми шипами, так что каждый выпад грозил ударами нескольких кинжалов. Но самыми страшными казались лезвия — симметричные крылья страшного существа. Изготовленные из сверкающего серебристого мифрила лезвия расходились в стороны и вниз и были усилены частыми тонкими полосками темного адамантина, которые тоже заканчивались острыми шипами. Выпуклая поверхность каждого лезвия толщиной не уступала руке Днарка от локтя до кончиков пальцев. Все трое посетителей без труда представили, как легко Свирепый единым ударом может рассечь их тела на две части.

— Добро пожаловать в Королевство Многих Стрел, великий Гргуч, — с почтительным поклоном произнес Туугвик Тук. — Присутствие клана Карук и его прославленного вождя делает нас еще сильнее.

Взгляд Гргуча медленно прошелся по всем трем гостям, затем обратился на Хакууна.

— Твои слова оправдаются, — заговорил он, снова глядя на Туугвика Тука, — когда кости дворфов, эльфов и проклятых людей затрещат под моими ногами.

Днарк, кинув взгляд на Унг-тола, не мог удержаться от довольной улыбки. Несмотря на всю уязвимость их положения среди множества свирепых и непредсказуемых воинов клана Карук, дела складывались как нельзя лучше.

Из той же самой пещеры, откуда вслед за Гргучем вышел весь клан Карук, появилась и менее устрашающая фигура, способная своим видом испугать только тех, кто опасался змей. Похожее на рептилию существо, хлопая крыльями, которые больше подошли бы гигантскому мотыльку, неровными зигзагами устремилось к угасавшему свету дня.

Эти сумерки стали самым ярким светом, увиденным существом за последнее столетие, и, чтобы дать зрению полностью приспособиться к освещению, ему пришлось остановиться на выходе из пещеры и задержаться там довольно надолго.

— Ах, Хакуун, и зачем ты это сделал? — спросил колдун, который, конечно, не был рептилией и уж тем более летающей змеей.

Если бы кто-то оказался в этот момент поблизости, он сильно удивился бы, услышав вздох крылатой змеи. Существо скользнуло в темный угол и повернулось к выходу, чтобы дать глазам привыкнуть к свету.

Он и сам знал ответ на свой вопрос. Единственная причина, способная заставить неразумных дикарей клана Карук сдвинуться с места, — это новая война и новые грабежи. Но хотя война могла стать довольно любопытным спектаклем, у колдуна Джека, или Джекагнома, как все когда-то его называли, именно сейчас не было на это времени. Изыскания привели его в самые глубокие пещеры Хребта Мира, а довольно простые манипуляции над кланом Карук еще со времен прапрапрадеда Хакууна обеспечивали надежную защиту, не говоря уже о славе, изливавшейся на это жалкое племя.

Спустя некоторое время, уже при последних проблесках дневного света, Джек подобрался к самому выходу и окинул взглядом окрестности. Пара простейших заклинаний могла бы помочь ему выяснить местоположение Хакууна и остальных каруков, но проницательный колдун и без магии почувствовал некоторые... изменения. Что-то едва уловимое носилось в воздухе, — возможно, эхо далеких звуков затронуло чувства Джека. Когда-то давно, еще до того, как он увлекся волшебством более сильным и тайным, чем обычные, примитивные заклинания, до того, как познакомился с демонами и иллитидами, он тоже жил на поверхности, хотя уже почти не мог вспомнить те времена. Он жил на поверхности, будучи истинным гномом, но сейчас уже не мог считать себя таковым. Он редко принимал былой облик и пришел к осознанию того, что физическая форма не так уж важна, чтобы определять сущность. Он понимал, что получил благословение в основном благодаря иллитидам, поскольку узнал способ избежать оков материального тела и приблизился к бессмертию.

Глядя на бескрайние земли, населенные низшими существами, не сознающими истинных возможностей и реальной силы магии, Джек испытывал некоторое сожаление.

Оно служило ему защитой, потому что при встрече с Верхним Миром Джеку требовалось нечто такое, что могло подавить другое неизбежное чувство, возникающее в его мыслях и сердце. При всех своих способностях он провел последнее столетие почти в полном одиночестве. В то время как Джек в своей великолепной лаборатории, полной алхимического оборудования, стопок пергаментов и волшебных книг, в несколько раз превосходивших высотой его рост, открывал для себя удивительные откровения и новые заклинания, ему не без труда удавалось принять парадоксальный поворот судьбы, наградившей его практически бессмертием. Из-за того — и это было одним из главных поводов, — что ему не грозила смерть от естественных причин, Джек был уверен, что мир полон смертельной опасности. Долгая жизнь убедила гнома-колдуна в том, что ему «есть что терять», а в пещерах Подземья его удерживали не столько толстые каменные стены, сколько страхи.

Его лаборатория, надежно укрытая и защищенная заклятиями, оставалась безопасной даже после того, как клан Карук вышел на поверхность. И все же Джек последовал за Хакууном, хотя никчемный жрец этого и не стоил. А все потому, что Джек, зная причину, но не желая сознаваться в этом даже самому себе, хотел вернуться и вспомнить то время, когда был просто Джеком-гномом.

Вид окрестностей его приятно удивил. В воздухе вокруг носилось нечто неуловимое, нечто волнующее и сулящее новые возможности.

Вероятно, он еще не до конца понял умозаключения Хакууна, позволившего Гргучу выйти из Подземья, но Джек был заинтригован.

Глава 3

Простые времена прошли

Длинные сильные ноги несли Вульфгара по снегу, достигающему порой до бедер, и позади него на склоне горного хребта оставалась глубокая борозда. Но Вульфгар не считал снежный покров препятствием, наоборот, он радовался охватившему душу ощущению свободы. Этот переход и бодрящий морозный воздух напоминали ему о доме, а с практической точки зрения глубокий снег сильно замедлял продвижение двоих упрямо преследовавших его часовых-дворфов.

Снова повалил снег, а холодный северный ветер обещал новую бурю. Но Вульфгар не испытывал страха и с искренней улыбкой на лице продолжал путь. Он придерживался берега реки и постоянно перебирал в памяти все приметы, полученные от Айвена Валуноплечевого, обнаружившего тело Делли Керти. Прежде чем покинуть Миф-рил Халл, Вульфгар подробно расспросил Айвена и его брата Пайкеला обо всех деталях.

Холодный ветер, жалящие укусы снега, глубокий снег... Все это было знакомо Вульфгару, все приносило спокойствие и умиротворение, и он чувствовал, что выбрал правильный путь. Он не жалел сил, и по дороге к поставленной цели остановить его не мог никакой буран.

Предостерегающие крики подданных Бренора, уносимые порывами ветра, постепенно затихли, а потом контуры строений и укреплений и даже самого горного хребта остались позади уже едва различимыми пятнами на фоне снежной пелены.

Он был одинок и свободен. Ему не на кого было рассчитывать, но и ни о ком не надо было заботиться. Вульфгар, сын Беарнегара, прокладывал тропу в глубоком снегу и боролся с порывами северного ветра, полагаясь только на свои силы. Он снова стал одиноким странником, сам выбирал свой путь, а выбрав, неуклонно стремился вперед.

Несмотря на холод, опасность, потерю Кэлси, несмотря на смерть Делли и отношения Кэтти-бри с Дзиртом, Вульфгар испытывал лишь истинное наслаждение.

Его путь продолжался еще долгое время после того, как дневной свет померк и сумерки сменились темнотой, и, лишь когда ночной холод стал слишком сильным даже для гордого сына промерзшей тундры, Вульфгар остановился на ночлег. Он устроил лагерь под густыми

нижними лапами пушистых елей, где ветер не мог до него добраться. Ночью ему снились стада карибу и преследующие их кочевые племена. И его друзья, все до одного, были в сновидениях с ним рядом в тени Пирамиды Келвина.

Он хорошо выспался и, как только небо чуть посветлело, снова отправился в путь.

Эти земли не были незнакомыми Вульфгару, проведенному в Мифрил Халле не один год, и, едва выйдя за восточные ворота крепости дворфов, он хорошо представлял, где именно Айвен и Пайкел обнаружили тело несчастной Делли. Варвар знал, что доберется туда уже сегодня, но не раз напоминал себе о необходимости соблюдать осторожность. Он покинул дружественную область в тот момент, когда перебрался через укрепления дворфов на горном отроге, и теперь оказался вне цивилизованного мира. Вульфгар миновал несколько стоянок, где над кострами поднимались струйки дыма, но ему не требовалось подходить ближе, чтобы убедиться в присутствии враждебно настроенных орков.

Он радовался тому, что день выдался пасмурным.

Вскоре после полудня снова пошел снег, но он сильно отличался от вчерашней пурги. Снежинки легко порхали в воздухе и, прежде чем упасть на землю, исполняли замысловатый танец, повинаясь легкому дуновению ветерка. Несмотря на необходимость постоянно высматривать орков и другие признаки опасности, Вульфгар быстро продвигался вперед и сразу после полудня уже вскарабкался на невысокий скалистый хребет, за которым открывалась круглая чашеобразная долина.

Затаив дыхание, Вульфгар осмотрел окрестности. Прямо напротив него, на краю круглой впадины, поднимались дымки нескольких костров, а в самой низине Вульфгар заметил остатки старого, давно покинутого лагеря. Несмотря на то что долина была надежно укрыта, вчерашний ветер все-таки добрался до ее дна и сдул снег с юго-восточного сектора, оставив неприкрытыми целую гряду валунов. Вульфгар отчетливо рассмотрел даже наполовину прикрытые небольшие камни старого кострища.

Все точно так, как описывали Айвен и Пайкел Валуноплечие.

Варвар тяжело вздохнул, перевалился через край и стал медленно и осторожно спускаться в долину. Он не поднимал ноги над землей, а медленно скользил по склону, опасаясь наступить на погребенное под футовым слоем снега тело. Так Вульфгар проложил тропу до самого кострища, затем развернулся, как советовал ему Айвен, и так же медленно направился обратно. Поиски заняли немало времени, но в конце концов он заметил торчавшую из-под снега посиневшую руку.

Вульфгар опустил на колени и осторожно разгреб белое покрывало. Никаких сомнений — это действительно была Делли. После ее гибели морозы только усиливались, так что разложение лишь слегка тронуло тело. Лицо женщины немного раздулось, но несильно, и черты почти не изменились.

Казалось, она мирно спит, и Вульфгар отметил, что при жизни бедняжка никогда не выглядела такой безмятежной.

В душе Вульфгара шевельнулось чувство сожаления, ведь в этом в немалой степени была и часть его вины. Он припомнил все их разговоры, когда Делли мягко и спокойно просила вывести ее из Мифрил Халла, когда она умоляла его освободить ее из темноты населенных дворфами пещер.

— Но я такой глупец! — прошептал он, тихонько прикоснувшись пальцами к ее лицу. — Даже если бы ты все высказала мне напрямую, я и тогда вряд ли услышал бы твои мольбы.

Отправляясь с ним в Мифрил Халл, Делли отказалась от всего. Конечно, ее нищенской жизни в Лускане никто не позавидовал бы, но там у Делли Керти были друзья, заменявшие семью, теплая постель и еда. Она все это оставила ради Вульфгара и Кэлси и честно выполняла условия сделки весь путь до Мифрил Халла, и потом тоже.

В конце концов она сломалась. Несомненно, по вине злобного и хитрого меча Кэттибри, а также потому, что мужчина, который был рядом с ней, оказался не в состоянии заметить ее тихое отчаяние.

— Прости меня, — произнес Вульфгар и, нагнувшись, поцеловал холодную щеку.

Выпрямившись, он замигал, словно дневной свет резал глаза.

Вульфгар поднялся.

— *Ма ла, бо гор ду ванак*, — прозвучало на древнем варварском наречии выражение смирения перед превратностями судьбы, не имеющее перевода на общий язык.

Это была своего рода жалоба на то, что мир такой, «какой есть», каким его создали боги, и что участь человека — жить в нем и выбирать наилучший возможный путь из всех доступных. Высокопарная и отрывистая фраза на языке Долины Ледяного Ветра так легко скатилась с его языка, что Вульфгар от неожиданности замер. Он слишком давно не пользовался этим наречием, и вот сейчас оно мгновенно всплыло в его памяти.

В этом свежем морозном воздухе, при виде мертвого тела у его ног, слова сами собой пришли в голову и вырвались сами собой.

— *Ма ла, бо гор ду ванак*, — повторил он шепотом, глядя на Делли Керти.

Затем его взор скользнул через долину к поднимающимся столбикам дыма. Печаль на лице сменилась свирепой усмешкой, руки медленно подняли Клык Защитника — «наилучший возможный путь» отчетливо выкристаллизовался в его мыслях.

За северным краем долины земля снова круто опускалась на добрую дюжину футов, но на самом верху имелось небольшое плато, вернее, плоская вершина одного из громадных валунов, похожая на пень гигантского дерева. Основное стойбище орков располагалось вокруг этого возвышения, но Вульфгар, устремившись через впадину, увидел только одну-единственную палатку и троих орков, стоящих на страже.

Вульфгар на бегу боевым кличем призвал помощь своего бога войны Темпоса, и Клык Защитника, повинаясь его крику, полетел вперед. Молот несколько раз перевернулся в воздухе и ударил ближайшего часового в грудь, отчего тот заскользил к противоположному краю каменной площадки, рассекая снег на обе стороны, как нос корабля рассекает волны. Пролетев так футов десять, орк свалился вниз.

Несколько слоев тяжелой одежды и скользкая почва помешали Вульфгару как следует рассчитать пятнадцатифутовый прыжок, и он сильно ударился голенью о край площадки и растянулся на снегу. Не переставая рычать от ярости, он рванулся в сторону, чтобы не стать легкой целью для двоих оставшихся орков, потом оперся руками о землю и быстро вскочил на ноги. Голень кровоточила после падения, но Вульфгар не чувствовал боли и снова рванулся вперед на ближайшего орка, пытавшегося загордиться копьем.

Взмахом руки он отбил в сторону бесполезное оружие и схватил орка за ворот тяжелой меховой накидки. Вульфгар попросту придушил противника, а второй рукой вцепился в его живот и поднял орка над головой. Обернувшись к третьему врагу, он швырнул в него тело, но тот пригнулся под живым снарядом, и полузадушенный орк влетел в маленькую палатку и увлек ее за собой к дальнему краю площадки.

Оставшийся орк выхватил меч и, держа его обеими руками, отважно ринулся навстречу Вульфгару.

Варвар не раз встречался с такой безрассудной смелостью, поскольку на первый взгляд казался противникам безоружным. Но не успел орк сделать и пары шагов, как Клык Защитника вернулся в протянутую руку хозяина, и Вульфгар легко размахнулся, держа молот в одной руке. Оружие тяжело ударило в грудь бегущего орка.

Воин остановился, словно со всего размаху наткнулся на каменную стену.

Вульфгар отвел молот и перехватил его обеими руками, готовясь нанести следующий удар, но орк не двигался, а только уставился на него остекленевшими глазами. Вульфгар увидел, как меч выпал из ослабевшей руки и упал к ногам орка. А потом, не дожидаясь второго удара, он рухнул на землю.

Вульфгар стремительно подбежал к краю каменного выступа. Внизу метались орки, пытаясь оценить неожиданно возникшую угрозу. Один из них нацелил на Вульфгара лук, но он опоздал, поскольку Клык Защитника уже завертелся в воздухе. Боевой молот ударил лучника прямо по рукам и опрокинул его на спину.

Одним прыжком Вульфгар оказался внизу, пролетев над двумя ближайшими противниками, выставившими перед собой копьа. Он приземлился в центре второй группы, среди еще не подготовившихся орков, и одного отшвырнул коленом, а двоих других опрокинул своим мощным телом. Каким-то образом он умудрился сохранить равновесие и сразу шагнул вперед, подальше от развернувшихся копьеносцев. Он использовал инерцию движения и точным ударом уложил еще одного врага, а следующего подхватил на бегу и, загородившись его телом, устремился на мечи растерявшихся стражников.

Клык Защитника вовремя вернулся в его руку, и один мощный взмах опрокинул всех троих на землю. Повинуясь инстинкту, Вульфгар резко остановился и крутанулся на месте, и его боевой молот смел несколько копий орков, атаковавших сзади. Пораженные противники еще барахтались в снегу, а Вульфгар, и не думая останавливаться, ринулся дальше.

Он врезался в край палатки и сорвал молотом оленьи шкуры с деревянной рамы. Ударами ног Вульфгар раскидал скатанные одеяла, припасы и двоих истощенно вопивших молодых орков, которые предпочли поспешно отползти подальше.

Эти двое не представляли для него угрозы, и Вульфгар не стал их преследовать, а резко свернул навстречу другим воинам, уже державшим оружие наготове. Он без устали размахивал молотом, описывая круги над головой, и Клык Защитника со свистом рассекал воздух. Раздался глухой удар, трое орков повалились на землю, но один успел сам припасть к земле. Он бросил оружие и попытался отползти в сторону, однако Вульфгар жестоко ударил его ногой в бедро и опрокинул на спину. Орк упрямо перевернулся на живот и поскакал на четвереньках, стараясь на бегу встать на ноги.

Вульфгар усилием мускулистых рук резко остановил вращение молота и метнул его вслед беглецу. Оружие с треском врезалось в плечо орка, мимоходом задело голову, и обездвиженный орк распластался на снегу.

Вдобавок Вульфгар тяжело наступил ему на спину, а затем ринулся на его компаньонов, уже стоящих с оружием наготове.

Вульфгар с ревом взметнул молот над головой, охотно принимая их вызов. Он снова атаковал, но тотчас заметил что-то боковым зрением. Варвар врылся в снег ногами, резко остановился и хотел развернуться, но копье уже больно ужалило в бок. Наконечник на лету пробил плащ из волчьих шкур и крепко застрял, так что древко волочилося по земле и путалось в ногах Вульфгара, продолжавшего разворот. Второе копье уже летело ему навстречу, так что Вульфгару было некогда что-то предпринимать. В последний момент он прижал Клык Защитника к груди и резко повернул его вниз, отбив острый наконечник. Оружие все же миновало защиту и вонзилось в плечо, а конец треугольного лезвия рассек ему щеку.

Вульфгар резко отшатнулся, но нога зацепилась за висящее древко копьа.

К чести Вульфгара, он не упал, но потерял равновесие, и двоих следующих орков пришлось встретить в невыгодной позиции и с опущенным молотом. Он резко провел Клыком Защитника слева направо, отбивая удары мечей, но клинки попали не в молот, а в его руки. Вульфгар заметил еще одного орка, готового нанести удар копьем, и повернул молот горизонтально, чтобы парировать выпад.

Но выпад оказался ложным, и Вульфгар жестоко ошибся. Едва орк отскочил, его усмешка подсказала варвару, что теперь уже ничто не поможет ему отразить второй удар, нацеленный в живот.

Бросившись ничком в холодный снег, он подумал о Делли.

Бренор и Кэтти-бри вышли за восточные ворота Мифрил Халла. К северу строительные работы уже были закончены, и от горного хребта до самого берега реки спускалась заново укрепленная стена. До тех пор пока этот барьер сможет сдерживать натиск орков, у дворфов останется выход на просторы Серебряных Земель. Паром, перевозивший беженцев через Сарбрин, стоял в сотне метров от Бренора и Кэтти-бри, но необходимость в нем скоро отпадет. На обоих берегах уже поднялись мощные опоры будущего моста.

Орки не смогут напасть на них с юга, не выдав своих намерений по меньшей мере за несколько дней, а продвижение по этим диким местам сделает их армию уязвимой во многих отношениях. Ряды катапульт и гнезда лучников, как и многие другие сооружения вдоль берегов, особенно на месте переправы, привели бы к катастрофе любой отряд, осмелившийся атаковать со стороны реки, как это чуть не произошло с дворфами из Цитадели Фелбарр, когда они пришли на помощь клану Боевого Топора, чтобы защитить этот жизненно важный участок земли.

Однако ни Бренор, ни Кэтти-бри почти не обращали внимания на результаты трудов дворфов. Глаза и мысли обоих были обращены дальше на север, куда так неожиданно отправился Вульфгар.

— Ты готова идти с ним в Серебристую Луну? — спросил Бренор у своей приемной дочери после долгого и напряженного молчания.

Дворф отлично понимал, что Кэтти-бри терзают те же ужасные опасения, что и его.

— Я чувствую боль при каждом шаге, — призналась Женщина. — Булыжник ударил слишком сильно, и я теперь не знаю, смогу ли когда-нибудь ходить так же легко, как прежде.

Бренор окинул ее взглядом, и на его глаза навернулись слезы. Ему было известно, что она говорит правду, и жрецы уже довольно определенно высказали ему свое мнение. Сражение в западном крыле крепости закончилось для нее хромотой, которая будет преследовать Кэтти-бри до конца ее дней, а может, положение ухудшится. Жрец Кордио поделился с Бренором своими опасениями по поводу того, что у Кэтти-бри не будет детей, тем более что возраст женщины уже приближался к окончанию детородного периода.

— Но я готова отправиться в путь хоть сегодня, — решительно и без малейших колебаний заверила его Кэтти-бри. — Если Вульфгар, как мы и предполагали, перебрался через крепостную стену, я поверну его к реке, чтобы мы могли начать поиски. Кэлси давно пора вернуться к отцу.

Бренор широко улыбнулся.

— Вам лучше побыстрее отыскать девочку и вернуться назад, — посоветовал он. — Я думаю, снег в этом году сойдет рано, и Гонтлгрим ждет!

— Ты уверен, что это действительно Гонтлгрим? — осмелилась спросить Кэтти-бри.

Этот очень важный вопрос впервые был задан напрямик королю осажденных дворфов. По пути в Мифрил Халл, не достигнув укреплений Обальда, караван повозок пропал в загадочном провале, который, как предполагали, вел к началу подземного лабиринта. Бренор немедленно объявил это место Гонтлгримом, древним и давно утраченным городом дворфов, последним сооружением могущественного клана Делзун и общим наследием всех северных дворфов — Боевого Топора, Мирабаррана, Фелбаррана и Адбаррана.

— Это Гонтлгрим, — убежденно ответил Бренор решительным тоном, появившимся у него после возвращения из мертвых. — Морадин не зря отослал меня сюда, а истинная причина возвращения откроется только тогда, когда я доберусь до Гонтлгрима. Там мы найдем оружие, чтобы загнать проклятых орков обратно в их норы, не сомневайся, девочка.

Кэтти-бри и не собиралась с ним спорить, поскольку видела, что Бренор не склонен к дальнейшим дискуссиям по этому вопросу. Они с Дзиртом подробно обсуждали план Бренора и саму вероятность того, что провал ведет к входу на широкие улицы потерянного города. Кроме того, она разговаривала и с Реджисом, постоянно изучавшим старинные книги и карты. К сожалению, никто из них не мог достоверно утверждать, то ли это место, как заявлял Бренор.

А сам Бренор не выносил никаких споров на эту тему. Он твердил лишь одно заклятие против окутавшей землю тьмы, одно-единственное слово: «Гонтлгрим».

— Несносный глупый мальчишка, — пробормотал Бренор, глядя на север и обратившись мыслями далеко за пределы вала, ограничивающего зону видимости. — Из-за него все замедлится!

Кэтти-бри хотела ответить, но обнаружила, что не может произнести ни слова из-за комка в горле. Конечно, Бренор жаловался, но его недовольство по поводу проволочек в

планах дворфов из-за поспешного решения Вульфгара отправиться в одиночку в занятые орками земли можно было считать наиболее оптимистичным предположением.

Женщина на мгновение поддалась своим страхам и спросила себя, сможет ли она из чувства дружеской привязанности одна отправиться через Сарбрин на поиски Кэлси. А если она найдет ребенка, что потом?

Глава 4

Строительство королевства

Бревна немного потрещали, потом противовесы заставили рычаг катапульты повернуться, и наблюдателей обдало сильным порывом воздуха. Корзина вывалила свое содержимое, и шары с шипами один за другим полетели по дуге с самой высокой точки скалы, набирая скорость и инерцию.

Едва поток черных металлических снарядов исчез из виду, король Обальд быстро подошел к краю утеса, чтобы увидеть, как они упадут на дно Долины Хранителя.

Накклз, Кна и некоторые другие орки тревожно переминались с ноги на ногу, не в силах сдерживать беспокойства при виде короля на краю двухсотфутовой пропасти. Любой из солдат генерала Дакки или, что более вероятно, стражник вождя Гримсмала мог запросто догнать короля и одним толчком положить конец его правлению.

Но Гримсма, несмотря на недавнее недовольство, одобрительно кивал, оглядывая оборонительный рубеж, возведенный на северном отроге, перед закрытыми западными воротами Мифрил Халла.

— Все дно долины усеяно шипованными снарядами, — заверил короля Обальда генерал Дакка. Затем он показал на ряды корзин рядом с катапультами, все они были заполнены камнями размером от большого кулака до двух голов орка. — Если проклятые дворфы посмеют высунуться, их встретит смертельный град.

Обальд перевел взгляд на юго-запад, где приблизительно в двух третях пути от дворфской крепости группа орков дробила камни, сооружая широкую и глубокую траншею. Точно слева от короля, на вершине скалы, замыкающей траншею, были установлены еще три катапульты для обстрела следующего участка долины в случае, если дворфы попытаются использовать в качестве прикрытия свои сооружения на западе.

План Дакки не представлял особых сложностей: он был намерен замедлить продвижение дворфов по Долине Хранителя, насколько это возможно, чтобы потом завершить разгром армии при помощи артиллерии и лучников, расположившихся на вершине хребта.

— Через восточную стену они вырвались с большой скоростью и применив разные хитрости, — напомнил сияющему генералу Обальд. — И неслись в металлических повозках. Обвалившаяся горная стена их не остановила.

— От их ворот до берега Сарбрина очень близко, мой король, — осмелился заметить Дакка. — Здесь у них нет такого преимущества.

— Не стоит их недооценивать, — предостерег Обальд. С этими словами он подошел вплотную к генералу, и орк, казалось, съежился на глазах. Обальд говорил отчетливо и громко, чтобы все могли его слышать:

— Они выскочат в ярости. Они прихватят с собой метлы, чтобы разместить твои заградительные шары, и достаточно щитов, чтобы укрыться от камней и стрел. И не сомневаюсь, у них будут с собой складные мостки, так что твоя траншея не станет для них препятствием. Король Бренор далеко не дурак, и он не ползет в битву неподготовленным. Дворфы будут точно знать, куда им надо двигаться, и помчатся туда со всей скоростью, на которую они способны.

Последовало долгое напряженное молчание, и многие орки обменялись беспокойными взглядами.

— Ты ожидаешь, что они смогут прорваться, мой король? — спросил Гримсма.

— Я ожидаю лишь того, что король Бренор, что бы он ни задумал, все сделает превосходно и с присущей ему хитростью, — ответил Обальд, и от такой похвалы врагам из уст их короля некоторые орки в изумлении открыли рты.

Обальд внимательно отслеживал взгляды своих подданных, припоминая неудачную попытку прорваться в Мифрил Халл. Он не мог допустить, чтобы его обвинили в слабости и осудили за собственные, не слишком блистательные решения.

— Посмотрите, как изменился горный кряж, — сказал он, указав рукой на запад.

Там, где раньше тянулся гребень скалистого отрога — где Обальд разместил своих союзников, снежных великанов с их огромными военными машинами, — зияла изломанная траншея с неровными каменистыми краями.

— Дворфы здесь на своей родной земле. Они знают каждый камень, каждый склон, каждый тоннель. Они знают, как здесь воевать. А мы... — для пущего эффекта он резко повысил голос и воздел к небу свои крючковатые руки, — мы не отказываем им в заслуженных достоинствах. Мы считаем их достойными и опытными противниками и готовимся, исходя из этих знаний. — Обальд резко повернулся к стоящим рядом генералу Дакке и вождю Гримсмалу. — Их опыт нам известен, но, несмотря на все их хитрости, мы смогли завоевать эти земли, а они до сих пор нас не узнали. Все это, — он махнул рукой на катапульты, позиции лучников и прочие сооружения, — им известно, и они ждут от нас именно таких приготовлений. Генерал Дакка, ты выполнил свою работу наполовину, но сделал это хорошо. А теперь представь себе, как будет действовать король Бренор, чтобы преодолеть воздвигнутые тобой препятствия, и закончи подготовку с учетом его противодействия. — Н-но... мой король, — заикаясь, промямлил Дакка.

— Я полностью тебе доверяю, — продолжил король Обальд. — Начни с продления твоих окопов на западный склон Долины Хранителя. Если дворфы доберутся до этого рубежа, пусть твои воины будут готовы отступить и завязать бой на выбранной тобой позиции.

Дакка медленно кивнул, его глаза загорелись и губы скривила свирепая усмешка.

— Ну, рассказывай, — подбодрил его король Обальд.

— Я могу послать второй отряд на юг, к воротам крепости за их спинами, — предложил генерал. — И отрезать армию дворфов, заперев ее в долине.

— Или встретить вторую волну, если она появится, — добавил Обальд и умолк, давая остальным возможность переварить его странное замечание.

— Они развернутся и побегут назад, — после некоторой заминки продолжил Дакка. — А потом им придется снова пройти под обстрелом, чтобы достичь своей цели.

— Я никогда в тебе не сомневался, генерал Дакка, — произнес Обальд, кивнул и даже похлопал сияющего орка по плечу, проходя мимо.

На его лице появилась широкая двусмысленная улыбка. Он только что укрепил верность важного генерала и одновременно произвел впечатление на потенциально опасного Гримсмала. Обальд прекрасно представлял себе ход мыслей Гримсмала в течение своей заключительной речи. Если Обальд, а возможно, и его командиры способны заранее разгадать намерения короля Бренора, что может ожидать любого орка, даже вождя племени, если он начнет строить замыслы против короля Многих Стрел?

В конечном итоге подобные сомнения и были истинной целью посещения Долины Хранителя, а вовсе не проверка готовности генерала Дакки. Обальд понимал, что все эти приготовления нужны не более чем для отвода глаз. Король Бренор никогда не станет прорываться из западных ворот. Дворфы хорошо усвоили урок после вылазки на восток, так же как Обальд прекрасно запомнил неудавшуюся попытку занять Мифрил Халл. Подобная операция повлечет за собой колоссальное кровопролитие.

Вульфгар закричал во всю силу своих легких, словно звук мог каким-то чудесным способом остановить летящее копьё.

Глаза резанула яркая бело-голубая вспышка, и на какой-то момент он решил, что это

результат обжигающей боли от полученной в живот раны. Но в следующее мгновение он моргнул и увидел, как прямо перед ним неловко поворачивается орк с копьем в руках. Враг осел на землю уже мертвым, а к тому времени, когда Вульфгар повернул голову к его напарнику, и этот орк уже выронил меч и схватился рукой за грудь. Из сквозной раны на груди и на спине хлынула кровь.

Вульфгар ничего не понимал. Он занес молот над раненым орком и промахнулся — еще одна смертоносная стрела молнией пронеслась мимо него и, ударив орка в плечо, отбросила его на землю рядом с напарником. Наконец он узнал эти легендарные стрелы и с торжествующим криком обернулся к своему спасителю.

К немалому удивлению, вместо Кэтти-бри он увидел Дзирта, державшего в руке Тулмарил, Искатель Сердец.

Дроу побежал к нему навстречу, и его легкие шаги почти не оставляли следов на толстом снежном покрывале. Дзирт на ходу снова натянул лук, но тут же отбросил его и выхватил оба меча. Он отсалютовал Вульфгару, а затем свернул в сторону и устремился в атаку на горстку готовых к бою орков.

— Биггрин! — крикнул он побежавшему следом Вульфгару.

— Темпос! — отозвался варвар.

Он снова поднял над головой Клык Защитника и обеими руками метнул завертевшийся в воздухе молот вслед удалявшемуся дроу.

Дзирт пригнулся и упал на четвереньки в самый последний момент. Пятеро орков последовали его примеру, но не успели увернуться от летящего снаряда. Орки в отчаянии загородились руками и начали толкаться, стараясь уйти с его пути. Клык Защитника со всей мощью обрушился на одного из них, а этот орк, в свою очередь, вцепился в своего товарища, так что на снег покатались сразу двое противников.

Оставшиеся трое орков еще не успели прийти в себя, как на них со всей яростью обрушился Дзирт. Стоя на коленях, он пропустил летящий молот, но тотчас стремительно вскочил на ноги и отважно бросился в атаку. Клинки с невообразимой скоростью сверкали перед ним, расходились в стороны, скрещивались перед лицом дроу, затем повторяли тот же маневр за его спиной. Он рассчитывал на смятение противников, и не ошибся. Спустя несколько мгновений трое орков валялись на земле с колотыми и резаными ранами.

Вульфгар все еще не догнал дроу, но Клык Защитника уже вернулся в его протянутую руку, и вскоре длинные ноги вынесли его на площадку рядом с Дзиртом, откуда открывался вид на основной палаточный лагерь и толпу собравшихся там орков.

Но эти орки не собирались оказывать им сопротивление. Если похожие на свиней гуманоиды и испытывали какие-то сомнения по поводу необходимости бегства, то они мгновенно рассеялись, когда рядом с Дзиртом с рычанием появилась гигантская пантера.

Оружие тотчас полетело на землю, а орки ударились в бег, барахтаясь в глубоком снегу.

Вульфгар метнул Клык Защитника в ближайшего беглеца и уложил запертво. Потом он прицелился в следующего, вернее, начал прицеливаться, но Дзирт, схватив его за рукав, развернул к себе лицом.

— Оставь их, — посоветовал дроу. — Здесь видимо-невидимо орков, и мы уже потеряли преимущество внезапности.

Вульфгар прислушался, вернул магический боевой молот, окинул взглядом убитых, раненых и бегущих, потом посмотрел на Дзирта и кивнул. Он уже утолил жажду крови.

И Вульфгар начал смеяться. Он не мог удержать хохот, вырывавшийся откуда-то изнутри, приносящий откровенное облегчение и изумление по поводу его нелепых действий. И снова всплыли воспоминания о свободном беге на просторах Долины Ледяного Ветра. И о том, как в единственном возгласе «Биггрин» он без труда понял желание Дзирта и метнул молот в спину дроу.

Как же ему это удалось?

— Вульфгар решил умереть? — тоже с улыбкой спросил Дзирт.

— Я знал, что ты придешь. И ты пришел.

Кна обвилась вокруг его руки, гладила по плечу, как всегда мурлыкала и что-то ворчала. Король Обальд, сидя за столом, казалось, вовсе не замечал ее, что побуждало женщину еще интенсивнее ворчать и извиваться.

Напротив него расположились генерал Дакка и вождь Гримсмал, и они прекрасно понимали, что Кна — это своего рода напоминание им, насколько сильно превосходство короля Обальда. Нечего и надеяться достичь подобных высот.

— У меня пять блоков, — доложил генерал Дакка. («Блок» был военным термином, введенным королем Обальдом для обозначения колонны из тысячи орков, идущих по десять воинов в шеренге). — Они будут готовы до наступления тарсака.

— Ты мог бы за пять дней перебросить их на берег Сарбрина, к северу от Мифрил Халла, — заметил вождь Гримсмал. — Или даже за четыре дня, если идти быстро.

— Во славу короля Обальда я могу пройти с ними сквозь каменные стены! — воскликнул Дакка.

Его заявление не произвело на Обальда видимого впечатления.

— В такой спешке нет никакой необходимости, — сказал он после того, как несколько минут просидел с равнодушным видом, заставив обоих орков нервно кусать губы от напряжения.

— С наступлением тарсака дорога к укреплениям дворфов очистится, — осмелился заметить вождь Гримсмал.

— Мы туда не пойдем.

От такого откровенного ответа Гримсмал заерзал на стуле и растерянно взглянул на Дакку.

— Возможно, я могу выделить шесть блоков, — произнес генерал.

— Пять или пятьдесят, это ничего не меняет, — заявил Обальд. — Идти в гору — не самый мудрый вариант.

— Тебе известен другой маршрут для удара? — спросил Дакка.

— Нет, — ответил Гримсмал, покачал головой и многозначительно взглянул на Обальда. — Значит, правы были сплетники. Король Обальд закончил войну.

Вождь предусмотрительно придал своему голосу оттенок равнодушия без всякого намека на осуждение, но вот расширившиеся глаза Гримсмала выдали его потрясение, хотя он быстро взял себя в руки.

— Мы остановимся и посмотрим, какие перед нами лежат дороги, — пояснил Обальд.

— Дороги к победе? — уточнил генерал Дакка.

— К победе, которую вы еще не можете себе представить, — ответил Обальд, качнул огромной головой и продемонстрировал зубы в уверенной, широкой усмешке.

Для пущего эффекта он положил перед собой на стол большие кулаки и сжал их, так что мускулы на обнаженных предплечьях вздулись и переплелись, снова напомнив оркам о превосходстве этого существа. Гримсмал, по меркам орков, мог похвастаться своим ростом и мощностью, что в первую очередь и привело его к положению вождя племени. Но даже он сник после откровенной демонстрации силы Обальда. В самом деле, казалось, что, будь в руках короля орков кусок гранита, он легко превратил бы его в песок.

Не меньшее впечатление производило и выражение непоколебимой уверенности на его лице, а также хорошо заметное пренебрежение к ласкам и мурлыканью Кны.

Гримсмал и генерал Дакка покинули короля, совершенно не представляя себе, что планирует Обальд. Он проводил их понимающей усмешкой и уверился, что эти двое не строят против него заговор. А потом он схватил Кну и резко привлек к себе, решив, что можно немного повеселиться.

Тело затвердело на морозе, и Вульфгару с Дзиртом не удалось разогнуть руки Делли и уложить их вдоль туловища. Вульфгар достал из рюкзака одеяла и завернул ее, оставив лицо

открытым, словно хотел, чтобы она видела его искреннее горе и раскаяние.

— Она этого не заслуживала, — сказал он, поднявшись с коленей и глядя на умершую жену. Вульфгар перевел взор на Дзирта, стоявшего рядом с Гвенвивар и рассеянно гладившего пантеру по загривку. — До того как я пришел и забрал ее, у Делли была своя жизнь в Лускане.

— Она выбрала твою дорогу.

— Она ошиблась, — горестно вздохнул Вульфгар. Дзирт пожал плечами, словно отметая его возражение:

— Многие дороги обрываются внезапно, и в пустыне, и на улицах Лускана. Нельзя узнать, где закончится путь, пока по нему не пройдешь.

— Боюсь, она напрасно мне поверила.

— Ты привел ее сюда не ради смерти, — возразил Дзирт. — И не ты вывел ее из безопасности Мифрил Халла.

— Я не слышал ее мольбы о помощи. Она говорила, что не может больше жить в дворфских тоннелях, но я этого не слышал.

— Но тогда, если бы она действительно решила уйти, ее путь лежал бы на другой берег Сарбрина. Ты виноват не больше, чем Кэтти-бри, недооценившая силу этого извращенного меча.

Упоминание Кэтти-бри немного встряхнуло Вульфгара. Он знал, что Кэтти-бри чувствует за собой вину из-за роли Хазид-Хи в трагической участи Делли Керти.

— Иногда случается то, что должно случиться. Какой-то несчастный случай, жестокий поворот судьбы, непредвиденное совпадение сил.

Вульфгар кивнул, и, кажется, с его широких плеч слетела огромная тяжесть.

— Она этого не заслуживала, — повторил он.

— Так же как Дагнаббит, и Дагна, и Тарафиэль, и многие другие, как те, кто переправил Кэлси через Сарбрин, — сказал Дзирт. — В этом состоит трагедия войны, неизбежность столкновения армий, наследие многих поколений орков и дворфов, эльфов и людей. Многие дороги обрываются внезапно. И Делли точно так же могла встретить грабителя на темных ночных улочках Лускана или попасть в крупную драку в Катлассе. Друг мой, мы определенно знаем только одно: всех нас когда-нибудь постигнет судьба Делли. Если идти своей дорогой только ради того, чтобы ускользнуть от неизбежности, если каждый шаг будет предваряться слишком долгими сомнениями и опасениями...

— Тогда лучше сразу лечь на снег и позволить холоду пробраться в кости, — закончил за него Вульфгар.

Он кивал, соглашаясь с каждым словом Дзирта, и давал понять, что огромная тяжесть, пригнувшая к земле его плечи, не заслуживает беспокойства.

— Ты пойдешь искать Кэлси? — спросил Дзирт.

— А как же иначе! Ты говоришь о том, что мы должны выбирать свои дороги, и напоминаешь о нашей ответственности за других. Я добровольно заключил этот договор, когда забирал ее из Аукни от Меральды. Даже если бы я был уверен, что она находится в безопасности с добрыми беженцами, переправившимися через Сарбрин, я не смог бы нарушить обещание, данное матери Кэлси и самой девочке.

— А ты будешь искать Гонтлгрим? — спросил Вульфгар. — Вместе с Бренором?

— Он ждет этого от меня, и мой долг — оправдать его надежды.

Вульфгар кивнул и окинул взглядом горизонт.

— Возможно, Бренор прав и Гонтлгрим укажет нам способ покончить с этой войной, — сказал Дзирт.

— За ней будет другая война, — безнадежно пожав плечами и горестно усмехнувшись, ответил Вульфгар. — Таков порядок вещей.

— Биггрин, — негромко произнес Дзирт, согнав улыбку с лица своего большого друга.

— Верно, — согласился Вульфгар. — Если мы не можем изменить ход событий, надо, по крайней мере, наслаждаться дорогой.

— Ты ведь знал, что я пригнусь, да? Вульфгар пожал плечами:
— Я решил, что если ты не пригнешься, значит...
— Таков ход вещей, — закончил за него Дзирт. Они вместе рассмеялись, но Вульфгар снова посмотрел на тело Делли, и его лицо омрачилось.
— Мне будет ее не хватать. Она значила для меня больше, чем казалось. Была чудесным товарищем и матерью. Ее дорога всегда была трудной, но она умудрялась найти в своей душе источник надежды и даже радости. После ее гибели моя жизнь стала беднее. В душе образовалась пустота, которую нелегко заполнить.
— Она никогда не заполнится, — поправил его Дзирт. — Такова природа потерь. Но ты пойдешь дальше и будешь находить успокоение в своих воспоминаниях о Делли, обо всем хорошем, что вы пережили вместе. Ты будешь видеть ее в Кэлси, хоть девочка вышла и не из ее утробы. И порой ты будешь ощущать ее присутствие, а печаль, хоть и останется навсегда, будет смягчаться драгоценными воспоминаниями.
Вульфгар нагнулся, подвел руки под Делли и поднял ее. Тело замерзло и окоченело, но он прижал его к груди, и в ярко-голубых глазах показались слезы.
— Теперь ты ненавидишь Обальда так же сильно, как и я? — спросил Дзирт.
Вульфгар ничего не сказал, но ответ, быстро сформировавшийся в мыслях, его сильно удивил. Обальд для него был всего лишь именем, даже не символом, на котором он мог сфокусировать свою печаль. Ярость каким-то образом переросла в понимание.
Случилось то, что случилось, решил он, повторяя недавние откровения Дзирта, и Обальд был лишь обстоятельством, одним из многих. Орк, разбойник, дракон, демон, убийца из Калимпорта — какое это имело значение?
— Приятно было снова сражаться с тобой плечом к плечу, — сказал Вульфгар таким тоном, что Дзирт не нашелся что ответить, поскольку слова звучали как прощание.
Дзирт послал Гвенвивар вперед, а они с Вульфгаром отправились к Мифрил Халлу. Весь обратный путь Вульфгар бережно прижимал Делли к груди.

Глава 5

Воспользоваться преимуществом

Клан Гримм повернул на север, — доложил своим компаньонам Туугвик Тук холодным ясным утром в середине часа, третьего месяца года. — Король Обальд наградил вождя Гримсмала прекрасными землями на тенистой и широкой равнине.
— Он будет готовиться? — спросил Унг-тол.
— Строить, — поправил его Туугвик Тук. — Он собирается поднять знамя клана Гримм и Королевства Многих Стрел над новым поселением.
— Поселением?! — в изумлении выплюнул слово Днарк.
— Король Обальд утверждает, что это вынужденная пауза, необходимая для налаживания маршрутов снабжения, — сказал Туугвик Тук.
— Справедливое заявление, — кивнул Днарк.
— Но только нам известно, что это лишь наполовину правда, — заметил Туугвик Тук.
— А что делает генерал Дакка? — возбужденно спросил Унг-тол. — Он обеспечил защиту Долины Хранителя?
— Да, — ответил другой жрец.
— И теперь направляется к Сарбрину?
— Нет, — сказал Туугвик Тук. — Генерал Дакка и тысячи его воинов не двинулись с места, хотя ходят слухи, что он в итоге собрал несколько блоков...
Днарк и Унг-тол тревожно переглянулись.
— Король Обальд не допустит, чтобы такое количество воинов разбежалось по своим племенам, — заявил Днарк. — Он не осмелится.
— Но пошлет ли он их против дворфов на реку Сарбрин? — спросил Унг-тол. — Укрепления дворфов с каждым днем становятся все выше.

— Мы ожидали, что Обальд не станет продолжать, — напомнил Туугвик Тук. — Иначе зачем было вызывать на поверхность клан Гргуча?

Поглядывая на своих сообщников, Туугвик Тук не мог не заметить их вполне предсказуемых сомнений перед моментом истины. Все трое разделяли убеждение, что Обальд избегает дальнейших завоеваний, а этого они, как последователи Груумша Одноглазого, не могли стерпеть. Но все они продолжали надеяться, что война еще не окончена и король орков решится на последний, решительный удар ради более выгодного положения, прежде чем сделать остановку.

Для того чтобы лишить дворфов выхода к реке Сарбрин, оставалось несколько месяцев, вернее, несколько декад. Погода вскоре переменится, а необходимые для атаки силы так и не выступили на подходящие позиции.

И все же в сложившейся ситуации эти двое ничем не могут ему помочь, кроме как выразить свое удивление и беспокойство, поскольку груз ответственности за судьбу заговора все сильнее давит на их плечи.

— Надо направить их на восток, против грабителей-эльфов, — неожиданно предложил Туугвик Тук, озадачив своих компаньонов. Заметив, что они смотрят на него с жалобным любопытством, он пояснил: — Мы надеялись, что Гргуч поможет при атаке на укрепления Сарбрина. Но король Обальд предпочитает занять выжидательную позицию, и этот вариант неприемлем. А Гргуч жаждет крови, и нам придется обеспечить ему поле битвы.

— Иначе он прольет нашу кровь, — пробормотал Унг-тол.

— Мне донесли о рейдах мелких эльфийских отрядов вдоль реки Сарбрин, к северу от дворфов, — сказал Днарк, обращаясь в основном к Унг-толу.

— Гргуч и его каруки подтвердят свою репутацию — и к нашей выгоде тоже, — когда придет время разобраться со зловредными выходками короля Бренора, — настаивал Туугвик Тук. — Надо действовать, и Королевство Многих Стрел обретет своего нового героя.

С легкостью листка, порхающего в полуночном ветерке, темный эльф скользнул к стене, построенной из камня и глины. Часовые-орки не заметили его приближения, и на замерзшем снегу не осталось никаких видимых следов.

Ни одно существо из плоти и крови не могло сравниться в скрытности с тренированным дроу, а Тос'ун Армго считался отличным специалистом даже по высоким меркам своей расы.

У стены он задержался и окинул взглядом теснящиеся строения — деревня Тунгруш, как он узнал из подслушанных разговоров местных «селян». Он заметил готовый фундамент и даже начатое основание на соседнем участке, значит, стена скоро замкнется вокруг жилья.

«Слишком поздно», — подумал дроу и хищно усмехнулся.

Он приблизился к отверстию в стене, хотя было ли это окошко, или просто осталась незаполненная дыра, дроу не мог определить. Да это и не имело значения, поскольку для такого худощавого существа отверстие оказалось вполне достаточным. Тос'ун, словно змея, перевесился внутрь, протягивая перед собой руки, пока они не коснулись пола. Кувырок, как и все его движения, был совершенно беззвучным.

В комнате казалось совершенно темно, и лишь слабый свет звезд проникал внутрь через многочисленные трещины в стенах. Наземное существо вряд ли имело шанс сориентироваться в тесном помещении, но для Тос'уна, почти всю свою жизнь проводящего в темных тоннелях Подземья, освещение было даже слишком ярким. Он стоял в главной комнате, вдвое превосходившей размерами каморку, которую отделяла внутренняя перегородка с проемом около трех футов, поставленная от наружной до задней стены. Из-за перегородки слышался храп.

Темный эльф тихо подошел ближе, и в его руках появились оба меча: один работы дроу, а второй — знаменитый и опасный Хазид-Хи. Заглянув в комнатку, он выяснил, что большой орк спокойно спит лицом вниз на кровати у дальней стены дома. В углу у передней стены валялась охапка тряпья.

Он собирался тихо вонзить свой меч в легкие орка, тем самым заглушить его крик и покончить с ним без излишнего шума. Но у Хазид-Хи были на этот счет свои намерения, и, едва Тос'ун подошел и приготовился для удара, меч поразил его взрывом неопишуемой ярости.

Клинок рванулся вниз, в шею орка, и с легкостью отделил голову от туловища, рассек деревянную раму кровати, задел пол и оставил в нем глубокую царапину. Сломанная кровать, сложившись пополам, громко ударилась о пол.

Куча тряпья за спиной Тос'уна зашевелилась, и из нее поднялся второй орк — женщина. Дроу инстинктивно развернулся, замахнувшись вторым мечом, и прекрасный клинок, изготовленный в Мензоберранзане, проткнул ее шею и пришил к стене. Лезвие без труда могло перерезать шею орочи, но Тос'ун, повинувшись какому-то неосознанному импульсу, повернул меч плашмя. Женщина не смогла крикнуть, и на лезвии показалась кровь, но она еще не умерла.

Хазид-Хи не желал уступать убийство какому-то другому оружию.

Тос'ун утихомирил орочику, и она еще дрожала, но сопротивляться была не в состоянии.

Хазид-Хи погрузился в ее грудь, вышел через спину и пронзил камни передней стены дома.

Удивленный собственным ударом, Тос'ун поспешно выдернул меч.

На лице орочи застыло выражение изумления. Затем она сползла на пол и умерла, сохранив все то же удивленное выражение.

«Ты всегда так голоден?» — мысленно спросил дроу у меча.

В ответ в его мозгу раздался смех Хазид-Хи.

Конечно, теперь это уже не имело значения. Это был всего лишь орк, и, будь перед ним даже высшее существо, Тос'ун Армго никогда не чурался убийства. После того как свидетели были уничтожены и некому было поднять тревогу, дроу вернулся в большую комнату и отыскал запасы еды, заготовленные парой орков. Он поел и выпил, а потом наполнил свой походный мешок и флягу. Он не торопился и полностью расслабился, обыскал весь дом в надежде обнаружить что-то полезное для себя, а затем даже вернулся в спальню и с ухмылкой положил отрезанную голову орка между ног, прижав лицо к ягодицам.

Он оценил свою работу, равнодушно пожав плечами. Как и еду, дроу получал удовольствие повсюду, где только мог найти.

Вскоре он покинул дом через тот же проем, которым воспользовался при входе. Снаружи все еще темнела ночь — самое подходящее для дроу время. Часовые все так же спокойно стояли на своих местах, и некоторое время он размышлял, не истребить ли орков за недостаток бдительности.

Но его внимание отвлекло какое-то движение в кроне далеких деревьев, и Тос'ун быстро нырнул в тень. Спустя некоторое время он понял...

Вокруг повсюду были эльфы.

Этот факт не слишком удивил Тос'уна. Многие эльфы из Лунного Леса нападали на поселения орков и торговые караваны. Не далее чем пару недель назад он сам был схвачен такой группой и после того, как притворился, что он им не враг, даже подумывал, не присоединиться ли к их отряду.

А было ли это притворством? Тос'ун и сам еще не решил. Безусловно, живя среди эльфов, он чувствовал бы себя намного лучше, чем сейчас. Он много размышлял над этим вопросом тогда, задумался и сейчас, когда на желудок еще давила грубая еда орков.

Но вряд ли это было возможно, напомнил он себе. Дзирт До'Урден был заодно с эльфами, и Дзирт знал, что Тос'ун Армго принимал немалое участие в боевых действиях короля Обальда. Кроме того, Дзирт наверняка отнимет у него Хазид-Хи, а без волшебного меча Тос'ун будет слишком уязвим для магических заклинаний, обнаруживающих любую ложь, что уж совсем неприемлемо.

Тос'ун выбросил все сомнения из головы, прежде чем Хазид-Хи мог их оценить, и попытался хотя бы приблизительно выяснить, сколько эльфов находится в Тунгруше. Он искал малейшие признаки передвижений, но не обнаружил ничего существенного. Дроу, однако, и не подумал расслабляться, поскольку знал, что эльфы не хуже его самого могут соблюдать скрытность и осторожность. В конце концов, они однажды уже окружили его, а он даже не заметил их приближения.

Он продолжил путь, призвав на помощь не только природные способности, но и магическую сферу тьмы, когда пришлось выйти из тени деревьев. Тос'ун внимательно смотрел вперед и даже обошел деревню кругом.

Повсюду было полно эльфов, так что он поспешил исчезнуть в темноте зимней ночи.

Меч Албондиэля свистнул в воздухе и рассек шею орка. Неуклюжее создание споткнулось и накренилось набок. В его плечо вонзилась стрела, и этого было достаточно, чтобы орк рухнул в окровавленный снег.

Еще один орк выбежал из дома и стал звать стражников.

Но все часовые уже были мертвы. Все они лежали по периметру, пронзенные эльфийскими стрелами. Никто не успел поднять тревогу. Орки в деревне продолжали спать, ни о чем не подозревая.

Кричавший орк попытался убежать, но стрела бросила его на колени, и эльфийский воин мгновенно прервал крик ударом меча.

После первой атаки никто из орков даже не пробовал оказать сопротивление. Почти все, кто выскакивал из домов, пытались убежать из деревни, но вязли в глубоком снегу. Большинство из них вскоре падали замертво, поскольку эльфы поджидали беглецов с быстрыми и меткими стрелами наготове.

— Хватит! — крикнул Албондиэль своим воинам и лучникам, готовым послать очередной залп вслед убегающим оркам. — Пусть бегут. Их ужас нам на пользу. Пусть повсюду рассказывают о своей судьбе и пугают остальных.

— Тебе все это не слишком-то нравится, — заметил другой эльф, молодой воин, остановившийся рядом с Албондиэлем.

— Я вовсе не против убийства орков, — ответил Албондиэль, строго оглядев дерзкого воина. — Но это скорее похоже на бойню, чем на сражение.

— Потому что мы умело построили атаку. Албондиэль ухмыльнулся и пожал плечами, словно все это было несущественно. Но умудренный опытом эльф понимал, что это не так. Орки нахлынули и распространились повсюду, словно чума, сокрушая все на своем пути. Их необходимо остановить любыми средствами. Все так просто.

Или было просто. Эльф опустил взгляд к последней жертве, безоружной орочихе, в легких которой еще клокотал воздух. На ней была только ночная рубаха.

Безоружные и мертвые.

Албондиэль не солгал своим ответом. Он действительно не избегал сражений и в боях уничтожил не один десяток орков. Но набег на деревню оставляли во рту привкус горечи.

Отчаянные крики на другой стороне деревни свидетельствовали о том, что еще не все орки убежали, покинув свои дома. Он увидел, как один из них, шатаясь и истекая кровью, показался из двери. А потом упал замертво.

Маленький, еще ребенок.

С жестокой эффективностью воины карательного отряда эльфов собрали все тела в большую груду. Потом принялись опустошать дома, вытаскивая все, что могло гореть, — мебель, постели, одеяла, одежду и другой скраб. Все это тоже полетело в кучу.

— Лорд Албондиэль, — окликнул его один из эльфов и показал на маленький домик, стоявший на самой окраине.

Подойдя ближе, Албондиэль заметил струйку крови на передней стене дома, слева от двери. На ходу, следуя за своим проводником, он рассмотрел отверстие — ровный разрез в каменной стене.

— Здесь внутри двое были мертвы еще до нашего прихода, — объяснил эльф. — Один был обезглавлен, а женщина приколот к стене.

— Приколота изнутри, — уточнил Албондиэль.

— Да, и лезвие прошло насквозь.

— Тос'ун, — прошептал Албондиэль.

Он был в отряде Синнафейн, когда она захватила в плен этого дроу. Дроу с мечом Хазид-Хи, принадлежавшим Кэтти-бри. Только этот меч мог пронзить каменную стену.

— Когда они были убиты? — спросил Албондиэль.

— Перед рассветом, не раньше.

Албондиэль окинул взглядом окрестности деревни:

— Значит, он все еще здесь, возможно, наблюдает за нами.

— Я могу послать следопытов...

— Нет, — прервал его Албондиэль. — В этом нет необходимости, и я не хочу, чтобы кто-то из наших воинов связывался с изгнанником. Заканчивайте все дела, и уходим.

Немного позже груды тел, дерева и тряпок занялась огнем, а эльфы зажгли от костра факелы и подпалили крытые соломой крыши. При помощи бревен из ближайшей рощи эльфы разрушали все горящие строения, а камни, которые можно было вытащить из дымящихся развалин, относили к западному краю деревни, стоявшей на краю длинного крутого склона, и сбрасывали вниз.

Все, что орки построили на продуваемой всеми ветрами вершине холма, эльфы разрушили. До основания. Так, словно уродливые существа здесь никогда не появлялись.

Поздним утром, когда они уходили и темный дым все еще поднимался с пожарищ, Албондиэль снова внимательно осмотрел холмистые окрестности, гадая, наблюдает ли за ними Тос'ун.

Он действительно наблюдал.

Тос'ун Армго следил за тем, как поднимается толстый столб черного дыма и растворяется в плотной серой пелене туч. Хотя он и не знал, кто разыграл кровавую сцену — Албондиэль, или Синнафейн, или любой другой из тех, с кем он встречался и даже странствовал, — он был твердо уверен, что эльфы приходили из Лунного Леса. В этом он не сомневался.

Они становились все смелее и агрессивнее, и Тос'ун знал почему. Тучи вскоре разорвутся, и ветер подует с юга, принося с собой теплое дыхание весны. Эльфы старались посеять хаос в рядах орков. Они хотели до смены сезонов внушить ужас, смятение и малодушие, развеять решимость короля Обальда снова бросить свою армию на юг, против дворфов.

Или даже на другой берег реки, на восток, в Лунный Лес, в их любимое жилище.

При взгляде на разрушенную и сожженную деревню Тос'ун ощутил в душе укол одиночества. Он хотел бы присоединиться к сражению. Более того, дроу мог признаться самому себе, что предпочел бы уйти вместе с победоносными эльфами.

Глава 6 Прощание

В двадцатифутовом квадратном зале на специально вырубленных в северной стене для этой цели уступах горели сотни свечей. Рядом с закрытой деревянной дверью у восточной стены стояла гранитная плита. Прямоугольник гранита был аккуратно вырезан из пола, и на одной стороне рунами дворфов была выгравирована следующая надпись:

ДЭЛЕНИЯ КЕРТИ ИЗ ЛУСКАНА И МИФРИЛ ХАЛЛА
ЖЕНА ВУЛЬФГАРА, СЫНА КОРОЛЯ БРЕНОРА,
И МАТЬ КЭЛСИ
ПАЛА ПО ВИНЕ ОБАЛЬДА В ГОД РАССТРОЕННОЙ АРФЫ
1371 ПО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЮ ДОЛИНЫ

ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ МОРАДИН ПРОТЯГИВАЕТ СВОЙ КУБОК
И ДУМАТОЙН НАШЕПТЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ
ДА БУДЕТ С НЕЙ БЛАГОСЛОВЕНИЕ.

Над углублением, образовавшимся на месте вынудой плиты, на двух крепких бревнах покоился каменный саркофаг. Пара веревок проходила под ним с обеих сторон. Ящик был закрыт и запечатан после того, как Вульфгар отдал покойной последние почести.

Перед саркофагом, напротив свечей, в один ряд стояли Вульфгар, Бренор, Дзирт, Кэтти-бри и Реджис, а остальные гости, пришедшие на церемонию, образовывали за их спинами широкий полукруг. Кордио Хлебноголовой читал молитвы по усопшей. Вульфгар не вникал в смысл его слов, но глубокий ритмичный звук голоса Кордио помогал ему углубиться в размышления. Он вспомнил долгий и тяжелый путь, приведший его к сегодняшнему дню, начиная с поражения от лап йоклолов в битве за Мифрил Халл до многолетних мучений в плену у демона Эррту. Он только однажды взглянул на Кэтти-бри и пожалел о том, что могло случиться.

Что могло быть, но чему не суждено было случиться. Он знал старинную поговорку дворфов: «K'niko burger braz-pxh strame» — «Слишком много пустой породы над жилой». Так говорили о шахте, которую уже нецелесообразно разрабатывать. Так было и у них с Кэтти-бри. Ни один не мог повернуть назад. Вульфгар понимал это, когда брал в жены Делли Керти, и его отношение к ней было искренним. Сознание своей чистосердечности приносило ему облегчение, но лишь чуть-чуть смягчало боль и чувство вины. Хотя он и не обманывал Делли, он был ей не слишком хорошим мужем, не слышал ее тихих просьб, не ставил ее превыше всего остального.

А мог ли он это сделать? Кому принадлежала его верность? Делли или Мифрил Халлу?

Он покачал головой и выбросил этот вопрос из головы, пока не получил ответа. Его долг был привести обе эти обязанности в согласие. Какими бы ни были его обязательства по отношению к Мифрил Халлу и королю Бренору, Делли он потерял. Отрицать это значило бы лгать самому себе, а ложь могла уничтожить Вульфгара изнутри.

Пение Кордио заглушало боль. Он смотрел на саркофаг и вспоминал Делли Керти, прекрасную женщину, бывшую его женой и так много сделавшую для Кэлси. Он принял свою утрату и смирился с ней. Почтить память Делли он может заботой о Кэлси и стремлением стать лучше.

В своем сердце он знал, что Делли простила его, как он сам простил бы ее, если бы ситуация была обратной. Это все, что они могли сделать друг для друга в самом конце. Стараться изо всех сил, признавать ошибки и выбирать лучший путь.

Он чувствовал ее присутствие повсюду и в себе самом тоже. В мыслях всплывал образ Делли, блеск ее улыбки, нежность на ее лице после того, как они любили друг друга. Ее взгляд, он знал без всяких вопросов, предназначенный только ему одному.

Ему вспомнился случай, когда он застал Делли танцующей с Кэлси и не знавшей о его присутствии. За все время их знакомства Вульфгар никогда не видел ее такой оживленной, такой свободной и полной жизни. Все дело было в Кэлси, и в тот момент Делли обрела частицу своего детства, которого ее лишили. Это был единственный раз, когда Вульфгар смог заглянуть в ее душу глубже, чем даже во время занятий любовью.

Этот образ Делли был неизгладим, он навеки врезался в его память. И Вульфгар решил, что отныне будет вспоминать Делли Керти такой, какой видел во время танца с Кэлси.

Печальная улыбка изогнула его губы, и в этот момент Кордио закончил свои молитвы. Вульфгар не сразу понял, что все взгляды обращены на него.

— Он спрашивает, не скажешь ли ты несколько слов, — тихо прошептал ему Дзирт.

Вульфгар кивнул, окинул взглядом собравшихся дворфов, и Реджиса, и Кэтти-бри.

— Делли не выбрала бы это место для своей могилы, — безучастно заговорил он. — При всей ее любви к клану Боевого Топора, она недолюбливала тоннели. Но она была бы горда... она гордится, что такой замечательный народ так много для нее сделал. — Он посмотрел на гроб и снова грустно улыбнулся. — Ты заслуживаешь гораздо большего, чем

та жизнь, что я мог тебе предложить. После знакомства с тобой я стал лучше, и ты останешься со мной навсегда. Прощай, моя жена, моя любовь.

Он почувствовал, как кто-то похлопал его по руке, и, обернувшись, увидел Кэтти-бри. Дзирт положил свою ладонь поверх их рук, и к ним присоединились Реджис и Бренор.

«Делли заслуживала лучшего, — подумал Вульфгар. — А я не достоин таких друзей».

Солнце потихоньку поднималось в небо из-за лежащей перед ними реки Сарбрин. На дальнем конце сторожевых укреплений стучали молотки, а к ним присоединялся хор голосов дворфов, помогавших себе в тяжелой работе пением и свистом. На противоположном берегу Сарбрина тоже работали дворфы и люди, укрепляя опоры и фундаменты и поднимая наверх множество стройматериалов, необходимых, чтобы к лету закончить сооружение моста. В пятый день часа в воздухе явственно повеяло весной, и за спинами пятерых друзей по каменистым склонам гор уже зазвенели первые ручейки.

— У вас будет довольно короткий промежуток времени, — сказал Дзирт своим друзьям. — Река еще не полностью освободилась ото льда, и паром может сделать первый рейс. Но когда снег окончательно растает, начнется половодье, и кормчие не обещают регулярного движения. Если вы переправитесь сейчас, то не сможете вернуться по крайней мере до наступления тарсака.

— Все равно выбора у нас нет, — ответил Вульфгар.

— Да и посещение Сандабара и Серебристой Луны займет не меньше пары недель, — вставил Реджис.

— Тем более что мои ноги не позволят передвигаться бегом, — добавила Кэтти-бри и улыбнулась, показывая всем, что в ее неожиданном комментарии нет ни горечи, ни сожаления.

— Ладно, за месяц мы не успеем состариться, — проворчал Бренор. — Если погода удержится, мы на днях отправимся на поиски Гонтлгрима. Невозможно предугадать, сколько времени нам понадобится, но, как мне кажется, путешествие займет не меньше нескольких недель. А может быть, и все лето.

Дзирт пристально взглянул на Вульфгара и отметил в синих глазах выражение отчужденности. Бренор с таким же успехом мог говорить о Мензоберранзане или Калимпорте, варвар все равно этого не заметил бы. Мысли Вульфгара были обращены вперед, к Кэлси.

И еще дальше, понимал Дзирт. Вульфгару было все равно, сможет ли он пересечь Сарбрин в обратном направлении.

Несколько мгновений молчания быстро промелькнули под утренним солнцем. Дзирт знал, что должен ценить этот момент и навсегда запечатлеть его в своей памяти. Стоящий напротив Бренора Реджис беспокойно переступил с ноги на ногу, и Дзирт, повернув голову, встретил взгляд хафлинга и уловил в нем боль утраты. Дзирт, кивнув, понимающе улыбнулся.

— Паром грузится, — сказала Кэтти-бри, возвращая внимание собравшихся к реке. — Дорога ждет нас.

Вульфгар кивком предложил ей спускаться и завершить все приготовления, и Кэтти-бри, окинув его любопытным взглядом, захромала вниз, пользуясь Тулмарилом в качестве трости. Даже на ходу она несколько раз оглядывалась, стараясь понять происходящую за ее спиной сцену. Вульфгар очень серьезно сказал что-то троим приятелям, потом каждого по очереди обнял. Последним был Дзирт. Вульфгар крепко сжал запястье дроу, и тот ответил ему тем же жестом. Они долго смотрели друг на друга, словно заключая, как показалось Кэтти-бри, какое-то важное соглашение.

Она подозревала, в чем кроется смысл их договора, но затем выбросила из головы все догадки и сосредоточила внимание на реке и пароме.

— Идем, эльф! — воскликнул Бренор, даже не дождавшись, пока Вульфгар догонит

Кэтти-бри по пути к парому. — Я хочу перед походом привести в порядок карты. Нечего терять время попусту.

Дворф, бормоча что-то себе под нос и потирая руки, двинулся к крепости. Реджис и Дзирт постояли еще немного и последовали за ним. Они одновременно замедлили шаг у открытых дверей и обернулись к реке и поднимавшемуся над ней солнцу.

— Для меня лето никогда не приходит слишком рано, — промолвил Реджис.

Дзирт не ответил, но по его лицу было видно, что у него нет возражений.

— Хотя я почти боюсь его, — немного тише добавил хафлинг.

— Из-за того, что могут прийти орки? — спросил Дзирт.

— Из-за того, что могут не прийти другие, — сказал Реджис и бросил взгляд на паром, где двое друзей смотрели не назад, а на восток.

И снова у Дзирта не нашлось что возразить. Вероятно, Бренор был слишком занят, чтобы это понять, но опасения Реджиса подтверждали подозрения Дзирта относительно Вульфгара.

— Пуэнт пойдет с нами, — объявил Бренор, когда тем же днем Реджис и Дзирт присоединились к нему в зале для аудиенций.

С этими словами он достал из-под своего каменного трона рюкзак и протянул его Дзирту.

— Вы отправитесь втроем? — задал вопрос Реджис, но прикусил язык, когда Бренор, нагнувшись, вытащил второй рюкзак и бросил его в сторону хафлинга.

Реджис негромко взвизгнул и постарался увернуться. Но рюкзак не долетел до пола, подхваченный протянутой рукой Дзирта. Дроу так и продолжал держать рюкзак на весу, предлагая его ошеломленному хафлингу.

— И мне не нужен проводник, поскольку проводником будешь ты, — пояснил Бренор. — Кроме того, ты единственный, кто был в том месте.

— В том месте?

— Ну да. Ты же провалился в дыру.

— Я был там всего несколько минут! — запротестовал Реджис. — Я даже ничего не рассмотрел, кроме пово...

— Только из-за этого тебя можно считать экспертом, — постановил Бренор.

Реджис взглядом обратился к Дзирту за помощью, но дроу стоял молча и все так же держал на вытянутой руке походный мешок. Увидев на лице Бренора неумолимую усмешку, хафлинг обреченно вздохнул и взял рюкзак.

— Торгар тоже пойдет, — продолжил Бренор. — Я хочу, чтобы в этом деле с самого начала приняли участие парни из Мирабара. Гонтлгрим создан кланом Делзун а ребята Торгара как раз из клана Делзун.

— Значит, пятеро? — подсчитал Дзирт.

— С Кордио будет шестеро, — поправил его Бренор.

— Завтра утром? — уточнил Дзирт.

— Весной, в первый день тарсака, — заспорил Реджис, но довольно безнадежно, поскольку уже держал в руках походный мешок.

Не успел он договорить, как увидел, что через боковую дверь вошли Пуэнт, Торгар и Кордио, все с тяжелыми рюкзаками на плечах, а Пуэнт еще и в полном комплекте доспехов, усеянных шипами.

— Нет лучшего времени, чем сейчас, — объявил Бренор.

Встав с трона, он издал пронзительный свист. Противоположная боковая дверь распахнулась, и в зал вкатился Банак Браунавил. Следом за ним двое молодых дворфов внесли доспехи Бренора, сделанные из мифрила его однорогий шлем и старый боевой топор, участвовавший во многих битвах.

— Похоже, что нашего мнения тут никто не спросил, — сказал Дзирт Реджису, всем своим видом выражающему крайнее недовольство.

— Ты получаешь от меня трон и этот зал. — С этими словами Бренор спустился с возвышения и крепко пожал протянутую навстречу руку старого друга. — Не становись слишком хорошим правителем, а то народ не захочет моего возвращения.

— Это невозможно, мой король, — ответил Банак. — Я верну их тебе, даже если придется силой тащить людей к трону.

Бренор ответил на эти слова широкой улыбкой, и его белые зубы ярко блеснули из-под рыжей бороды. Лишь немногие члены клана Боевого Топора могли разговаривать с ним так откровенно, но Банак давно заслужил такое право.

— Я уйду с миром, потому что знаю, что за моей спиной остаешься ты, — со всей серьезностью произнес Бренор.

Улыбка слетела с лица Банака, и старый воин с благодарностью кивнул.

— Тогда пошли, эльф, и ты, Пузан, — позвал Бренор, накинул через голову мифриловую кольчугу и водрузил побитый старый шлем с одним рогом. — Мои парни выкопали проход на западе, так что нам не придется обходить ущелье Гарумна и возвращаться в горы. Медлить некогда!

— Ага, только я не думаю, что выбить из крепости несколько орков — это пустая трата времени, — заметил Тибблдорф Пуэнт, решительно шагая вслед за двумя Другими дворфами через зал к Бренору. — Может, нам повезет и мы наткнемся на самого Обальда и разом избавимся от этого чудовища.

— Просто чудесно, — пробормотал Реджис, закидывая рюкзак на плечи.

Еще один раздраженный вздох последовал сразу, как только он увидел свою маленькую булаву, пристегнутую к клапану рюкзака. Похоже, что Бренор позаботился абсолютно обо всем.

— Нас ждет полная приключений дорога, мой друг, — сказал ему Дзирт.

Реджис печально усмехнулся, но Дзирт весело рассмеялся. Сколько раз за эти годы он видел горестный взгляд хафлинга? Он всегда недолюбливал приключения. Но Дзирту, как и всем остальным в зале, было прекрасно известно, что Реджис всегда оказывается там, где в нем возникает необходимость. Вздохи были своего рода игрой, ритуалом, помогавшим Реджису закалить свое сердце и укрепить волю.

— Я рад, что с нами идет знаток этой дыры, — тихо добавил Дзирт, как только они встали в ряд за остальными участниками похода.

Реджис вздохнул.

В тот момент, когда они проходили мимо зала, где была похоронена Делли, Дзирту вдруг подумалось, что уходят те, кто хотел бы остаться, а остаются те, кто хотел уйти. Он вспомнил Вульфгара и спросил себя, сохранится ли эта тенденция в будущем.

Глава 7

Тревожное ощущение

Яма выглядела обычной медвежьей берлогой и была прикрыта несколькими небрежно брошенными ветками, присыпанными снегом. Но Тос'ун Армго лучше знал, что это такое, поскольку сам соорудил незатейливый фасад. Медвежьим логовом заканчивался длинный, но неглубокий тоннель, выбранный темным эльфом для того, чтобы наблюдать за небольшим рабочим отрядом, состоявшим преимущественно из гоблинов. Они строили мостки через канаву, очевидно надеясь, что они послужит им во время таяния снегов.

К северо-востоку от них притаились эльфы из Лунного Леса. Если они планировали атаку, она должна была состояться очень скоро — ближайшей ночью или следующим днем, поскольку было ясно, что эльфы испытывали недостаток припасов и еще сильнее нуждались в стрелах. Тос'ун, следуя за ними с юга на север, потом на северо-восток, понимал, что они направляются к своему излюбленному броду через Сарбрин, а потом вернутся в тенистые чащи Лунного Леса. Дроу подозревал, что эльфы не упустят шанса еще раз сразиться с врагами.

Солнце за его спиной поднималось все выше, и Тос'ун был вынужден щуриться от блестящего снега. Какое-то движение в северной части неба привлекло его внимание, и он успел уловить силуэт летящего коня, прежде чем тот скрылся из виду за изломанной линией гор.

Против предпочитающих ночь гоблинов эльфы решили предпринять дневную атаку.

Тос'уну не пришлось куда-то идти, поскольку он отыскал отличный пункт для наблюдения за разворачивающимся спектаклем. Он проскользнул между двух высоких камней и устроился поудобнее как раз перед тем, как на лагерь гоблинов обрушился первый залп эльфийских стрел. Жертвы нападения закричали, заухали и начали метаться по лагерю.

— *Как предсказуемо,* — изобразили ловкие пальцы Тос'уна на тайном языке жестов дроу.

За десятилетия жизни в Подземье, в Мензоберранзане, он повидал немало гоблинов, которые были самыми распространенными рабами, за исключением разве что кобольдов, живущих в каналах вдоль гигантской расщелины, известной под названием Разлом Когтя. Гоблинов можно было организовать в отважные военные отряды, но для этого требовались громадные усилия, едва ли стоящие получаемого результата. У этих существ природный баланс «бить или бежать» существенно склонялся в пользу последнего.

И то, что происходило внизу, в долине, только подтверждало общее правило. Гоблины бежали кто куда, и опытные дисциплинированные эльфийские воины наступали, ловко орудуя сверкающими мечами. Похоже, это будет быстрый и ничем не примечательный набег.

Но вот на востоке появилось желтое знамя с красной серединой, словно налитый кровью глаз орка, и начало споро продвигаться по ложбине между двумя невысокими и округлыми холмами. Тос'ун пристально вглядывался, пока не рассмотрел знаменосца и его последователей. Со своего наблюдательного пункта он почти ощутил их запах. Это были орки, но огромные по меркам своей расы, выше, чем широкоплечие гвардейцы Обальда, некоторые даже были крупнее самого короля.

Тос'уна так захватил спектакль, что он поднялся и наклонился вперед, высунувшись из своего укрытия между камнями. Оглянувшись назад, на отряд эльфов, он увидел, что и там картина сильно изменилась. Появилась еще одна группа огромных орков, причем некоторые вылезли из-под снега прямо посреди площадки.

— Ловушка для эльфов, — недоверчиво прошептал дроу.

И тотчас в голове закружились тысячи мыслей. Хочется ли ему, чтобы эльфы были уничтожены? Имеет ли вообще для него какое-то значение эта схватка?

Он не позволил себе долго разбираться в эмоциях, поскольку быстро понял, что и сам может быть захвачен общей суматохой, а этого он точно не хотел.

Тос'ун посмотрел на приближающееся знамя, потом на поле боя и снова оглянулся назад, рассчитывая время. Затем, быстро осмотревшись по сторонам и убедившись в относительной безопасности, дроу покинул свой наблюдательный пункт и бросился к входу в тоннель. У самого входа он обернулся и увидел, что все участники уже вступили в бой и ход сражения сильно изменился. Оставшиеся в меньшинстве эльфы спасались бегством. Они не разбегались в разные стороны, как это сделали гоблины, но отступали плотной группой, сдерживая жестокий натиск орков. Эльфы даже решились на пару маневров и остановок, чтобы выпустить в массу орков еще залп стрел.

Но темный вал неумолимо накатывался. Снова в небе появился крылатый конь, медленно облетел поле боя и стал подниматься выше над толпой орков, не преминувших метнуть в его сторону несколько копий. Всадник и пегас поднялись еще выше и продолжали планировать над эльфами.

Всадник на крылатом коне, вероятно, корректировал отступление, и благосклонная удача направила его в сторону Тос'уна. Летающий всадник быстро приближался, и дроу от удивления широко открыл глаза. Несмотря на то, что снег под полуденным солнцем больно жалил его чувствительное зрение, Тос'ун узнал всадника — это была Синнафейн.

Некоторое время он не двигался и оставался в тени тоннеля, еще не решив, спрятаться глубже или выйти и показаться Синнафейн.

Едва ли сознавая, что он делает, дроу вышел из тоннеля и замахал Синнафейн рукой, а когда она не ответила, даже закричал.

Что ты делаешь?

Хазид-Хи явно был возмущен.

Резкий рывок поводьев и крутой вираж пегаса подсказали Тос'уну, что Синнафейн его заметила. И он ощутил некоторое удовлетворение от того факта, что при этом эльфийка не схватилась за свой лук.

Ты собираешься к ним вернуться?

Телепатическая связь в полной мере передала оттенок ярости в голосе Хазид-Хи.

Синнафейн замедлила разворот крылатого коня и не отрывала взгляда от дроу. Она была слишком далеко, чтобы Тос'ун мог разглядеть выражение ее лица и определить намерения, но тем не менее она еще не сняла с плеча лук. И не просигналила своим отступающим друзьям, чтобы те направились в другую сторону.

Хазид-Хи не унимался.

Дзирт тебя убьет! А когда он заберет меня, ты останешься беззащитным перед заклинаниями правды эльфийских жрецов!

Тос'ун снял ветки, прикрывающие вход в тоннель, и стал энергично показывать на отверстие.

Конь Синнафейн продолжал медленно описывать круги. Когда она наконец повернулась к своим друзьям, Тос'ун, к немалому удовлетворению меча, отскочил в сторону и исчез в тени предгорья.

Дроу оглянулся только один раз, но успел увидеть, как эльфы спускаются в тоннель. Он поискал в небе пегаса, но тот вместе со своей всадницей уже скрылся за горным хребтом.

Но Синнафейн ему поверила.

Невероятно, но Синнафейн поверила дроу.

Тос'ун даже не знал, испытывает ли он по этому поводу гордость, или его уважение к эльфам несколько уменьшилось.

Возможно и то, и другое.

Синнафейн, сидя на спине Зари, не имела возможности присоединиться к своим соплеменникам в тоннеле. Она только поднялась над хребтом и пролетела над входом в маленькую пещеру, а потом сняла лук и стала обстреливать передний ряд наступающих орков.

Она продолжала стрельбу и после того, как последние эльфы скрылись в тоннеле, но громадные орки крепкими щитами сводили на нет все ее усилия, и Синнафейн оставалось только надеяться, что она задержала врагов достаточно, чтобы ее друзья успели убежать. Она направила Зарю еще выше, а потом снова свернула за вершины гор, на противоположную сторону. Перед этим она поискала глазами Тос'уна, но не обнаружила никаких признаков дроу.

Спустя довольно долгое время, когда пегас уже начал проявлять признаки усталости, эльфийка смогла вздохнуть свободно, заметив на востоке в кронах деревьев вспышку белого огня. Албондизель сигнализировал о том, что все эльфы миновали тоннель.

К месту встречи Синнафейн выбрала круглой путь, чтобы часовые орков не могли заметить, как она спускается на землю, и к тому времени, когда она добралась до стоянки, там уже всю кипела работа. На маленькой лужайке в глубине леса лежали раненые под присмотром жрецов, старавшихся облегчить их страдания. Другие эльфы заваливали выход из тоннеля тяжелыми бревнами и камнями, а остальные забрались на деревья по периметру поляны, образовав защитный кордон, откуда могли со всех сторон обстрелять возможных преследователей.

Пока Синнафейн шла по лесной тропинке, ведя Зарю на поводу, она не раз слышала

высказанные шепотом разговоры о короле Обальде и о том, что орки возобновили военные действия. Албондиэля эльфийка обнаружила на краю полянки возле раненых, где он распределял дополнительные припасы и оружие.

— Ты спасла многих из нас, — приветствовал он подошедшую Синнафейн. — Если бы не этот тоннель, много воинов могло погибнуть. Возможно, даже весь отряд.

Синнафейн хотела было рассказать, что это не ее заслуга, а одолжение дроу, но пока оставила эти сведения при себе.

— Сколько людей пострадали?

— Четверо раненых, — угрюмо ответил Албондиэль. Он кивнул в сторону, где на одеялах лежали эльфы. — Двое из них получили серьезные раны, возможно смертельные.

— Мы... Я должна была с высоты заметить эту ловушку, — сказала Синнафейн, отвернувшись к востоку, где гряда гор загораживала поле боя.

— Орки хорошо подготовили засаду, — отозвался Албондиэль. — Те, кто это спланировал, на деле знакомы с нашей тактикой. Они изучили нас и смогли противостоять нашим методам боя. Наверное, пришло время возвращаться обратно, за Сарбрин.

— У нас мало припасов, — напомнила ему Синнафейн.

— Значит, пришло время оставаться за рекой, — поправился Албондиэль.

Вопросы о темном эльфе снова заняли мысли Синнафейн. Мог ли Тос'ун их предать? Некоторое время он воевал вместе с ними и хорошо узнал их тактику. К тому же он дроу, а ни одна раса так хорошо не научилась устраивать засады, как эти вероломные темные эльфы. Хотя он показал им путь к спасению. Для представителя любой другой расы одного этого поступка хватило бы, чтобы развеять все сомнения Синнафейн. Но она не могла забыть о том, что Тос'ун был темным эльфом, но не Дзиртом До'Урденем, который неоднократно подтверждал свою репутацию уже не один десяток лет. Возможно, Тос'ун сталкивает эльфов и орков ради какой-то личной цели, а возможно, просто ради удовольствия.

— Синнафейн? — окликнул ее Албондиэль, отрывая от раздумий. — Сарбрин? Лунный Лес?

— Ты считаешь, что здесь все кончено? — спросила Синнафейн.

— Воздух становится все теплее, и в ближайшие дни оркам будет легче передвигаться. Они уже не будут так изолированы друг от друга, и наша работа станет намного труднее.

— Кроме того, они нас неплохо узнали.

— Пора уходить, — сделал вывод Албондиэль. Синнафейн кивнула и снова обернулась к востоку.

Вдали, у самого горизонта, с трудом можно было различить блестящую ленту Сарбрина.

— Хорошо бы по пути отыскать Тос'уна, — сказала Синнафейн. — У меня к нему накопилось много вопросов.

Несколько мгновений Албондиэль удивленно смотрел на нее, затем медленно кивнул. Хоть дроу и не упоминался в их разговоре, желание казалось объяснимым, но они оба знали, что в этих землях они не скоро разыщут Тос'уна.

— Я их хорошо знаю, — убеждал Тос'ун сомневающегося Хазид-Хи. — Днарк — вождь очень значительного племени. Я сам подтолкнул его к союзу с Обальдом еще до того, как орки спустились с Хребта Мира.

С тех пор многое изменилось, — напомнил ему Хазид-Хи. — В том числе отношения между Тос'уном и Обальдом. Если этим троим известно о твоём последнем столкновении с королем орков, они вряд ли примут тебя с радостью.

— Их там не было, — заверил дроу свой меч. *А до них не дошли слухи о судьбе Каэрлик Суун Уэтт?* — спросил Хазид-Хи. — *Ты в этом уверен?*

— Даже если и дошли, им прекрасно известен нрав Обальда, — парировал Тос'ун. — Они поверят, что Каэрлик разозлила Обальда и он ее убил. Неужели ты думаешь, что никто из орков не лишился друзей из-за крутого характера короля? И все равно они оставались ему

верны.

Ты многим рискуешь.

— Я ничем не рискую, — настаивал Тос'ун. — Если Днарк и его приятели знают, что Обальд меня ищет, или они заподозрят, что я в союзе с эльфами, тогда... Тогда мы их убьем. Я не думаю, что такой вариант будет неприятен Хазид-Хи.

Он знал, что только что произнес магические слова, поскольку меч тотчас же затих, и дроу даже ощутил исходящее от него нетерпение. Тос'ун начал спускаться к троим оркам, которые вышли на строительную площадку, где собрались огромные воины. По пути он обдумывал происшедшую с мечом перемену. Тос'ун пришел к заключению, что Хазид-Хи только что сказал ему комплимент, выразив нежелание уходить из его рук.

Тос'ун тщательно выбирал путь по направлению к троим оркам, заботясь о том, чтобы у него всегда оставался способ поспешного бегства, если в нем возникнет необходимость, — а он опасался, что так оно и случится. Несколько раз он останавливался и внимательно осматривался в поисках пропущенных часовых.

На некотором расстоянии от троицы он выкрикнул распространенное уважительное приветствие вождю клана:

— Эй, Днарк, пусть Волчий Клык хватает крепко! Тос'ун произнес это на самом чистом наречии орков, на какое был способен, но не сделал попыток скрыть характерный акцент жителей Подземья. Дроу внимательно следил за всеми троими, справедливо полагая, что первая реакция и будет самой верной.

Орки обернулись, выражая крайнее удивление, даже шок, но никто не схватился за оружие.

— За горло твоего врага, — закончил Тос'ун ритуальное приветствие клана Волчьей Пасти.

Он продолжал приближаться, отметив, что старый Унг-тол явно расслабился, а молодой — Туугвик Тук — оставался настороже.

— Рад снова вас увидеть, — добавил Тос'ун, преодолевая последний небольшой подъем к затененной плоской площадке, где стояли трое приятелей. — Как я и предсказывал несколько месяцев назад, вы далеко ушли от берлог Хребта Мира.

— Приветствую тебя, Тос'ун из Мензоберранзана, — откликнулся Днарк.

Дроу отметил, что голос орка звучал настороженно, но не выражал ни теплоты, ни холода.

— Твое появление меня удивило, — продолжил Днарк.

— Мы слышали о судьбе, постигшей твоих компаньонов, — добавил Унг-тол.

Тос'ун напрягся и мысленно приказал себе не хвататься за рукояти мечей.

— Да, Донния Сольду и Ад'нон Кариз, — произнес он. — Я тоже узнал об их печальной участи, будь проклят убийца Дзирт До'Урден.

Трое орков обменялись самодовольными взглядами. Тос'ун понял, что им известно и об убийстве жрицы.

— И еще бедняжка Каэрлик, — легкомысленным тоном добавил он. — Глупо было так сильно злить могучего Обальда.

Реакция Туугвика Тука его озадачила: с лица жреца мгновенно исчезла улыбка и губы напряженно сжались.

— Она и ты, как говорят... — заметил Унг-тол.

— Я снова смогу доказать свою полезность.

— Обальду? — спросил Днарк.

Вопрос захватил дроу врасплох, и он не понимал, куда клонит жрец.

— А я могу быть полезен кому-то другому? — ответил он вопросом на вопрос, лишив свой голос обычного оттенка сарказма, чтобы Днарк, если пожелает, мог принять это как честное предложение.

— По всему королевству Обальда многие вышли на поверхность, — осторожно произнес Днарк. Он оглянулся через плечо на могучих орков, заполнивших строительную

площадку. — Вот и Гргуч привел свой клан Карук.

— Я был свидетелем его отваги в победе над зловерными эльфами с поверхности.

— Это сильные союзники, — сказал Днарк.

— Обальду? — без колебаний спросил Тос'ун, возвращая вопрос.

— Груумшу, — хищно усмехнувшись, ответил Днарк.

— Сильные союзники, — повторил Тос'ун.

Они недовольны королем Обальдом, — проник в мысли дроу голос меча.

Тос'ун ничего не ответил, ему нечего было возразить.

Интересный поворот.

И темный эльф вновь не стал спорить. Его охватило тревожное ощущение, это волнующее ожидание, знакомое многим последователям Паучьей Королевы Ллос, впервые осознавшим, что вскоре им может представиться возможность создать массу неприятностей.

Он подумал о Синнафейн и ее соплеменниках, но не стал на этом задерживаться. Радость грядущего хаоса еще усиливалась тем обстоятельством, что все должно было произойти само по себе и ему не требовалось прилагать больших усилий. Кто знает, кому принесут пользу будущие распри — эльфам или оркам, Днарку или Обальду, а может, и обоим сразу. Тос'ун не собирался это предсказывать. Его цель состояла в том, чтобы при любых обстоятельствах, при любом разрешении кризиса он оказался в идеальном положении, сохранил жизнь и получил выгоду.

Несмотря на проведенное недавно время с эльфами, несмотря на свои фантазии по поводу возможной жизни среди них, Тос'ун Армго прежде всего оставался дроу.

Он отчетливо ощутил одобрение Хазид-Хи.

Гргуч был недоволен. Он протопал по склону холма до входа в тоннель, и остальные орки из клана Карук предусмотрительно разбежались. Все, кроме Хакууна, конечно. Хакуун не мог бежать от Гргуча. Это было бы непозволительно. Реши Гргуч убить Хакууна, жрец должен был безропотно принять свою судьбу. Положение жреца клана Карук влекло за собой эту обязанность, и все поколения семейства Хакууна выполняли свой долг, унесший не одну жизнь представителей их рода.

Хотя он понимал, что Гргуч пока не намерен разрубить его пополам. Вождя раздосадовало бегство эльфов, но сражение нельзя было назвать иначе как победой клана Карук. Они не только поразили нескольких противников, но и обратили врагов вспять, и, если бы не этот проклятый тоннель, ни один воин эльфийской банды не ушел бы от смерти.

Огромные орки клана Карук не могли преследовать беглецов в узком тоннеле, и это привело Гргуча в ярость.

— Я этого так не оставлю, — проворчал он Хакууну.

— Конечно нет.

— Я хотел, чтобы наша первая встреча с этим низкорослым народцем принесла более внушительные результаты.

— Так и будет, стоит нам нанести более решительный удар.

Хакуун помедлил, ожидая приказа.

— Спланируй, — бросил Гргуч. — Мы пойдем за ними до самого их дома.

Хакуун кивнул, и Гргуч, слегка успокоившись, отошел и принялся раздавать приказы своим воинам. Все знали, что эльфы — трусливые существа, но, убежав, они могли вернуться и нанести смертельный удар, а потому вождь клана расставлял часовых и организовывал оборону, оставив Хакууна наедине с его мыслями.

Но ему только так казалось.

Жрец вздрогнул и замер, когда на плечо приземлилась змея длиной около фута, а потом задержал дыхание, как всегда делал в таких, к счастью редких, случаях, оказавшись в обществе Джекули. Именно это имя назвал ему Джек — имя крылатой змеи, чей образ он принимал всякий раз, покидая пределы своей лаборатории.

— Я бы хотел, чтобы ты извещал меня в случае своего ухода, — сказал Джек на ухо

Хакууну.

— Я не хотел тебя беспокоить, — слегка запинаясь, ответил Хакуун.

Нелегко было сохранять видимость спокойствия, когда язычок змеи порхал в его ухе — достаточно близко, чтобы одной из раздвоенных молний пронзить голову несчастного жреца насквозь.

— Клан Карук всегда меня беспокоит, — напомнил ему Джек. — Иногда мне кажется, что ты рассказал обо мне остальным.

— Нет! Никогда, о Ужасный!

Смех Джека прозвучал приглушенным свистом. Когда много лет назад он только начинал опутывать орков паутиной лжи и устанавливать свое господство, его действиями двигал один только прагматизм. Но через несколько лет он осознал: ему нравилось пугать этих уродливых существ до безумия! Правду сказать, это было одним из немногих удовольствий, оставшихся для Джека, ведущего жизнь в простоте и... скуке, — он знал это, хотя и не хотел признаваться даже самому себе. В глубине души он прекрасно сознавал, почему последовал за каруками из пещер. Потому что все его страхи, даже страх смерти, не могли преодолеть опасений, что все останется как прежде.

— Почему вы покинули Подземье? Хакуун тряхнул головой:

— Если слухи верны, здесь есть чем поживиться.

— Клану Карук?

— Да.

— И Джекули?

Хакуун с трудом сглотнул и снова услышал смех-свист Джека.

— И Груумшу, — осмелился прошептать он.

Как бы тихо ни было это сказано, Джек был вынужден промолчать. При всей его власти над семейством Хакууна, их фанатичная преданность Груумшу всегда оставалась непоколебимой. Однажды Джек потратил целый день, мучая одного из предков Хакууна — его прапрапрадедушку, как припомнил гном, — чтобы вырвать у того одно-единственное слово против одноглазого божества. Но и тогда жрец вскоре передал свои обязанности сыну, а сам, во славу Груумша, покончил с жизнью.

Как и немного раньше в пещере, чародей вздохнул. Если речь идет об интересах Груумша, клан Карук не свернет со своей дороги.

— Посмотрим, — прошептал он в ухо Хакууна, и себе тоже, выразив вынужденное смирение по поводу наличия у орков собственных планов.

Возможно, он тоже найдет для себя какую-то выгоду и развлечения. В конце концов, что ему терять?

Джек понюхал воздух и вновь ощутил какие-то перемены.

— Здесь повсюду полно орков, — произнес он.

— Десятки тысяч, — подтвердил Хакуун. — Они собрались на зов Обальда Многострельного.

Многострельный... Джек припоминал имя, давным-давно запечатленное в его памяти. Он подумал о Цитадели Фел... Цитадели Фелб... Фел-как-ее-там — словом, о крепости дворфов. Своим вечным стуком и глупым бормотанием, которое они почему-то считали пением, дворфы раздражали его почти так же сильно, как и орки.

— Посмотрим, — снова сказал он Хакууну. Заметив, что к ним приближается безобразный Гргуч, Джек скользнул за ворот Хакууну и устроился на его поясице. Время от времени он проводил раздвоенным язычком по его коже, просто ради удовольствия послушать, как заикается шаман, обсуждая дальнейшие планы с ужасным Гргучем.

ЧАСТЬ II Гонтлгрим

Я пришел из Подземья, земли монстров. Жил в Долине Ледяного Ветра, где мороз обращает человека в камень, а трясина поглощает путника так быстро, что он не успевает понять, что происходит, и даже не пытается кричать, пока рот не забивается жидкой грязью. Через Вульфгара я заглянул в Бездну, обиталище демонов, а есть ли на свете место более ужасное и переполненное ненавистью? Да, это было поистине самое опасное из приключений.

Я окружил себя друзьями, которые могли бесстрашно преодолеть злобу чудовищ, морозный ветер, и трясины, и демонов, встретить опасность боевыми криками, крепко сжатыми челюстями и поднятым наготове оружием. И никто из них не противостоял врагам с такой отвагой, как Бренор.

Но есть нечто такое, что способно потрясти даже его, как и каждого из нас, с такой же силой, с какой земля колеблется под ногами, начинает дрожать и покрываться трещинами. Перемены.

При любом честном анализе, в основе страха лежат именно перемены, ожидание чего-то незнакомого, превосходящего наш опыт и совершенно недоступного пониманию и предсказанию конечного результата. Перемены. Неопределенность.

В них лежит корень самого примитивного страха — страха смерти, этого кардинального изменения, никем из нас не испытанного, которого мы стараемся избежать при помощи замысловатых сценариев и банальностей, хотя все они могут как помочь, так и навредить. Эти меры, как мне кажется, являются продолжением рутины нашей жизни. Мы прокладываем колею единообразием своих дней и жалуемся и сетуем против этого однообразия, хотя фактически находим в нем успокоение. Просыпаясь, мы строим наши дни согласно привычкам, следуем нами же выработанным нормам и лишь иногда чуть-чуть отклоняемся от ежедневных правил. Изменение — это маленькая смерть, неиспользованная частица сава-игры. Оно может быть волнующим и пугающим переживанием только в том случае, когда у нас имеется средство противостоять ему, когда есть возможные пути отступления, какими бы трудными они ни были.

Армия орков не пугает Бренора. Обальд Многострельный тоже не внушает ему страх. Но то, что может последовать за его действиями, особенно если Обальд, остановится и построит королевство, а если еще и другие государства Серебряных Земель примут это новшество, — вот что внушает Бренору Боевому Топору ужас, леденящий сердце и потрясающий устои веры. Обальд угрожает не только народу Бренора, его королевству и жизни. Замыслы орков разрушают основу порядка, связывающего народ Бренора, лишают значения Мифрил Халл и уничтожают само представление об орках и их месте в установившейся концепции дворфов. Не могу утверждать со всей уверенностью, но подозреваю, что Бренор надеется на новые атаки орков, на то, что они в конце концов будут вести себя так, как можно ожидать от орков и всех остальных представителей гоблинского племени. Любой другой вариант был бы слишком неожиданным и неприемлемым для Бренора и его воззрений на мир, чтобы рассматривать возможность — даже вероятность — благополучного исхода для всех вовлеченных в эти события.

Я вижу перед собой предстоящую битву за сердце Бренора и за сердца всех дворфов Серебряных Земель.

Намного легче поднять оружие и нанести смертельный удар по знакомому врагу, орку.

В каждом обществе, с которым я был знаком, во всех племенах, с которыми странствовал, я убеждался, что в каждом подобном случае диссонанса, когда события выходят из-под контроля, разочарованные современники часто ищут маяк, постоянную точку — божество, личность, место или магический предмет, которые, как они верят, могут все в мире изменить к лучшему. В Мифрил Халле было немало разговоров о том, что все исправит король Бренор и тогда жизнь станет такой, какой была до нашествия орков. Бренор давно заслужил их уважение, он несет на своих плечах мантию героя с достоинством и отвагой, как ни один другой дворф за всю историю этого клана. Для большинства дворфов именно король Бренор стал своего рода маяком и средоточием

надежды.

Но все это лишь усиливает ответственность Бренора, поскольку перепуганные люди, основывая свою веру на определенной личности, намного больше склонны к проявлениям нерешительности и некомпетентности. Все это усиливает давление на Бренора. Он-то знает, что ожидания людей могут быть обмануты и он не в силах оправдать их надежды. Он не может убедить леди Аластриэль из Серебристой Луны и других вождей, даже короля Эмеруса клана Боевого Венца из Цитадели Фелбарр, выступить против Обальда общими силами. А воевать силами одного Мифрил Халла значило бы обречь клан Боевого Топора на полное истребление. Бренор понимает, что обязан носить мантию не только героя, но и спасителя, а это для него тяжелая ноша.

И потому Бренор, тоже испытывающий беспокойство и тревогу, нашел точку, на которой сосредоточились все его надежды. Самой частой фразой, что я слышал от него в эту зиму, было: «Гонтлгрим, эльф!»

Гонтлгрим. Это легенда клана Боевого Топора и всех дворфов рода Делзун. Этим словом обозначается их общее наследие — огромный, богатый и сильный город, олицетворяющий собой расцвет цивилизации дворфов для всех потомков племени Делзун. Возможно, это история, переплетенная с мифом, непреднамеренное преувеличение того, что было когда-то. Как герои древности с каждым последующим поколением обретают все более гигантские пропорции, так и разрастается значение этой точки приложения надежд и источника гордости.

«Гонтлгрим, эльф!» — с упрямой решительностью повторяет Бренор.

Он уверен, что найдет там ответы на все свои вопросы. В Гонтлгриме Бренор отыщет способ разгадать замыслы короля Обальда. В Гонтлгриме он узнает, как загнать орков обратно в их логово и, что еще важнее, как снова вернуть народам Серебряных Земель то положение, к которому привык старый непреклонный дворф.

Он верит, что мы отыщем волшебное королевство в путешествии к Побережью Мечей. Он не может не верить, что этот ничем не примечательный провал в давно заброшенный тоннель и есть начало пути, на котором могут быть найдены ответы.

В противном случае ему самому придется отвечать перед встревоженным племенем. А Бренор знает, что сейчас их вера необоснованна и у него нет ключа к загадке по имени Обальд.

И потому он твердит: «Гонтлгрим, эльф!» — с той же убежденностью, с какой благочестивый верующий повторяет имя своего бога-спасителя.

Мы пойдем к этому провалу, к этой дыре в пустынных землях западного края. Мы отыщем Гонтлгрим, что бы это ни означало. Возможно, инстинкт Бренора его не обманул. Возможно ведь, что сам Морадин шепнул ему об этом в те дни, когда Бренор был близок к смерти? А возможно, мы найдем нечто совершенно другое, что приведет нас к необходимым для Мифрил Халла ответам.

Одержимый и отчаянный, как и весь его народ, Бренор еще не понимает, что название, означающее для него спасение, не передает смысла поисков. Смысл заключен в поисках решений и истины, а не места, которое он считает своей целью.

Гонтлгрим, эльф!

Пусть будет так.

Дзирт До'Урден

Глава 8

Первые шаги к дому

Сверкающие серебром ворота Серебристой Луны с перекладинами в виде виноградных лоз были заперты, ясно показывая, что в Серебряных Землях неспокойно. Стражники с суровыми лицами дежурили на всех башнях городской стены, а также в нескольких каменных домиках, служивших пропускными пунктами для всех путников.

Кэтти-бри, чья хромота за время путешествия заметно усилилась, и Вульфгар заметили обращенные в их сторону настороженные взгляды, но женщина только улыбнулась. Ее могучий спутник, широкоплечий, почти семи футов ростом, и в более спокойные времена мог внушить трепет любым часовым. Когда они подошли ближе, часовые, как и следовало ожидать, успокоились и даже приветственно замахали руками. Они быстро узнали знаменитую волчью накидку варвара и женщину, часто исполнявшую обязанности связного между Мифрил Халлом и Серебристой Луной.

Вновь прибывших путников никто не стал останавливать, и ворота открылись без всякой просьбы с их стороны. Несколько часовых у ворот и наверху стены даже захлопали в ладоши, приветствуя Вульфгара и Кэтти-бри, и в их честь раздались крики «Ура!».

— С официальным посланием или ради собственного удовольствия? — спросил командир стражи у путников по ту сторону ворот. На Кэтти-бри он взглянул с особым вниманием. — Госпожа, ты ранена?

Кэтти-бри ответила успокаивающим взглядом, словно речь шла о пустяке, но командир не унимался:

— Я сейчас же приготовлю для вас коляску.

— Я пришла из Мифрил Халла через снег и грязь, — ответила она. — Так что не лишайте меня радости прогуляться по извилистым дорогам Серебристой Луны.

— Но...

— Я пойду пешком, — прервала его Кэтти-бри. — Не стоит спорить.

Стражник отвесил поклон:

— Леди Аластриэль будет рада вашему визиту.

— И мы с радостью встретимся с ней, — сказал Вульфгар.

— Вы принесли официальное послание короля Бренора? — снова спросил командир.

— Наше дело носит более личный характер, но оно тоже срочное, — объяснил варвар. — Вы доложите о нашем приходе?

— Курьер уже на пути к дворцу. Вульфгар с благодарностью кивнул.

— Мы пройдемся по Серебристой Луне, и путь к дворцу не прямой, так что попадем к леди Аластриэль, когда солнце достигнет зенита, — пояснил Вульфгар. — Я рад, что мы оказались здесь. Серебристая Луна в самом деле радуется своим видом, и это очень гостеприимный город для уставших с дороги путников. Но наше Дело может потребовать вашей помощи, так же как и помощи ваших людей, командир...

— Кеньон, — подсказала Кэтти-бри, поскольку не раз встречалась с этим офицером, хотя и на короткое время.

— Я польщен, что ты меня помнишь, леди Кэтти-бри, — сказал он и опять поклонился.

— Мы разыскиваем беженцев, пришедших из Мифрил Халла. Они могли пройти через ваш прекраснейший из городов, — сказал Вульфгар.

— Многие приходили сюда, — признал Кеньон. — И многие потом отправились дальше. Но конечно, мы в вашем распоряжении, сын Бренора, по первому же слову леди Аластриэль. Я предлагаю вам пройти к ней и получить такой приказ.

Вульфгар кивнул, и они с Кэтти-бри покинули сторожевой пост.

Женщина в потрепанной в пути одежде, с магическим луком, служившим ей в качестве трости, и гигант с огромным боевым молотом за спиной сильно выделялись в этом городе философов и поэтов, так что на вроде бы беспорядочно запутанных улицах тщательно украшенного города пара привлекала к себе множество любопытных взглядов. Как случалось с каждым гостем Серебристой Луны, независимо от того, сколько раз он посещал эти места, взгляды путников постоянно обращались вверх — к замысловатым лепным украшениям и панно, покрывавшим каждую стену зданий, и еще выше — к стройным башням, венчавшим каждое сооружение. Большая часть людских поселений казались воплощениями практичности и строились с учетом своей специфики и необходимой защиты от местных угроз. Торговые города отличались широкими улицами, прибрежные порты — укрепленными гаванями и волноломами, а пограничные селения — толстыми стенами. В

Серебристой Луне интересы безопасности и коммерции безусловно учитывались, но не это было главным, и библиотеки здесь были просторнее, чем казармы, а улицы, в отличие от прямых линий, ведущих к центральной площади, или обычных рядов домов и лавок, прокладывались так, чтобы гости и жители могли лишний раз полюбоваться самыми прекрасными видами.

В этом городе трудно было спешить по делам, и лишь немногим удавалось быстро пройти по улицам, но еще меньше было тех, кто мог сконцентрировать волю и не поддаться очарованию красоты.

Вопреки обещанию Вульфгара, солнце давно миновало зенит, когда он и Кэтти-бри увидели перед собой удивительный дворец леди Аластриэль, но такое опоздание было в порядке вещей, и опытный стражник сразу предупредил повелительницу Серебристой Луны о предполагаемой задержке.

— Лучшие люди клана Боевого Топора, — обратилась к ним высокая женщина, выходя из-за портьеры, отделявшей частные покои от зала аудиенций и парадных помещений.

В ее насмешливом приветствии не было ничего оскорбительного, хотя стоящие перед леди Аластриэль приемные сын и дочь короля Бренора были, безусловно, единственными представителями человеческой расы в клане Боевого Топора. Вульфгар весело усмехнулся, но Кэтти-бри не нашла в этих словах ничего смешного.

Она пристально рассматривала великую леди Аластриэль, одну из Семи Сестер и правительницу великолепной Серебристой Луны. Только заметив уголком глаза, как склонился Вульфгар, она вспомнила, что необходимо поклониться, но и тогда не опустила головы и не изменила направления взгляда.

Потому что, несмотря на всю свою отвагу, Кэтти-бри боялась. Аластриэль была шести футов ростом и бесспорно красива по человеческим стандартам, по эльфийским стандартам — по любым стандартам. В душе Кэтти-бри знала, что даже существа высшего плана взглянули бы на нее с удовольствием, поскольку леди Аластриэль распространяла вокруг себя сияние и обладала привлекательностью, недоступной простым смертным. Ее блестящие серебристые волосы густыми волнами падали на плечи, а взгляд мог по ее воле растопить сердце любого человека или лишить его разума. На леди Аластриэль было простое зеленое с золотой строчкой платье, украшенное лишь несколькими изумрудами. Многие короли и королевы предпочитали более пышные и замысловатые наряды, но Аластриэль не нуждалась ни в каких украшениях. Одним своим видом она покоряла любые собрания, стоило лишь войти в помещение.

В прежних коротких встречах Кэтти-бри не видела от леди Аластриэль ничего, кроме дружеской доброты и ласки, но с тех пор прошло уже немало времени, и в присутствии великой правительницы Кэтти-бри почувствовала себя меньше ростом. Из-за слухов о любовной связи между Аластриэль и Дзиртом она когда-то испытывала ревность к могущественной женщине, но так и не захотела узнать, были ли эти сведения правдивыми или нет.

Наконец Кэтти-бри искренне улыбнулась, посмеялась в душе над своими страхами и прогнала все мрачные мысли. Она больше не ревновала Дзирта и, вспоминая о своих отношениях с темным эльфом, не могла чувствовать себя униженной ни перед кем.

Что такого, если даже боги склоняются перед леди Аластриэль? Дзирт все равно выбрал Кэтти-бри.

К ее удивлению, Аластриэль прошла прямо к ней, обняла и поцеловала в щеку.

— Слишком много времени прошло с нашей последней встречи, — сказала Аластриэль. Отстранив Кэтти-бри на расстояние вытянутой руки, она осторожно убрала с ее лица прядь золотисто-каштановых волос. — Я никогда не понимала, как ты можешь сохранять свою красоту, словно грязь и пыль путешествия тебя не касаются.

Кэтти-бри не нашлась что ответить.

— Ты можешь сражаться с сотней орков, истребить их всех, обогреть кровью свой меч, кулаки и сапоги, но даже пятна крови не уменьшают твоего сияния.

Кэтти-бри немного смущенно рассмеялась.

— Госпожа, ты слишком добра ко мне, — сказала она. — И боюсь, за этим кроется какая-то причина.

— Ты рассуждаешь как истинная дочь Бренора. Ты выросла среди дворфов, а они едва ли могут оценить твою красоту и очарование. Ты даже представить себе не можешь, насколько превосходишь представительниц своей расы.

Лицо Кэтти-бри вспыхнуло от смущения, и она так и не поняла, к чему завела этот разговор правительница Серебристой Луны.

— И это тоже часть твоего очарования, — продолжала Аластриэль. — Твоя скромность искренняя, а не притворная.

Кэтти-бри не стало от этого легче, тем более что стоящий рядом Вульфгар рассмеялся. Она искоса метнула на него сердитый взгляд, призывая помолчать.

— Ветер принес вести, что ты взяла в мужья Дзирта До'Урдена, — сказала Аластриэль.

Кэтти-бри все еще смотрела на Вульфгара, и при словах Аластриэль варвар едва заметно нахмурился, а может быть, ей это только показалось.

— Вы поженились? — спросила Аластриэль.

— Да, — ответила Кэтти-бри. — Но мы не стали проводить официальную церемонию. Подождем, пока рассеется тьма, принесенная Обальдом.

Лицо леди Аластриэль стало очень серьезным.

— Боюсь, это займет немало времени.

— Король Бренор убежден в обратном.

— Конечно. — Леди Аластриэль позволила себе обнадеживающую улыбку и слегка пожала плечами. — Я надеюсь, вы вскоре отпразднуете свой союз в Мифрил Халле, а я приглашаю тебя и Дзирта До'Урдена сюда, в Серебристую Луну, в качестве почетных гостей. Я с радостью открою для вас дворец, и многие мои подданные охотно поздравят дочь доброго короля Бренора и этого самого странного из всех темных эльфов.

— Но многие при твоём дворе предпочли бы, чтобы Дзирт оставался в Мифрил Халле, — сказала Кэтти-бри с неожиданной для себя резкостью.

Леди Аластриэль кивнула и рассмеялась, поскольку отрицать бесспорную истинность слов Кэтти-бри было бы напрасно.

— А Фрету он нравится, — сказала она о своем доверенном советнике, самом необычном и уникально миниатюрном дворфе. — Фрет любит вас обоих, так же как и я. А если я буду беспокоиться о том, чтобы не раздражать и не тревожить своих придворных лордов и леди, придется все время тратить на извинения и объяснения.

— Если сомневаетесь, доверьтесь Фрету, — подмигнув, посоветовала Кэтти-бри, и леди Аластриэль, весело рассмеявшись, снова заключила ее в объятия.

При этом она прошептала на ухо Кэтти-бри:

— Прошу тебя, приходи сюда почаще, вместе со своим упрямым темным эльфом или без него.

Затем она подошла к Вульфгару и тоже сердечно обняла его. Отодвинувшись немного, окинула варвара любопытным взглядом.

— Сын Беарнегара, — со спокойным уважением в голосе произнесла Аластриэль.

У Кэтти-бри от изумления открылся рот. Вульфгар лишь недавно стал регулярно именовать себя так, и леди Аластриэль каким-то образом об этом узнала.

— Я вижу спокойствие в твоих синих глазах, — заметила Аластриэль. — В тебе никогда не было такого мира, как сейчас, — даже много лет назад, во время нашей первой встречи.

— Я был тогда слишком молод и слишком увлечен, — ответил Вульфгар.

— А разве сейчас иначе? Вульфгар пожал плечами.

— Вернее, слишком озабочен, — поправился он.

— Теперь ты глубже прячешь свою силу, потому что больше в ней уверен и хорошо знаешь, как ею пользоваться.

Кивок Вульфгара, казалось, удовлетворил Аластриэль, но Кэтти-бри продолжала переводить взгляд с варвара на могущественную женщину. Ей казалось, они словно использовали в разговоре какой-то секретный код и озвучивали лишь половинки фраз, а все остальное было известно только им двоим.

— Ты обрел мир, — сказала Аластриэль.

— Еще нет, — возразил Вульфгар. — Моя до... девочка Кэлси потеряна.

— Неужели она убита?

Вульфгар поспешно качнул головой, чтобы успокоить добрую эльфийку:

— Делли Керти погибла из-за нашествия Обальда, а Кэлси жива. Ее вместе с группой беженцев отправили из завоеванного северного края через Сарбрин.

— Сюда, в Серебристую Луну?

— Вот это я и хотел выяснить, — сказал Вульфгар. Аластриэль отступила на шаг назад и окинула обоих гостей покровительственным взглядом.

— Мы могли бы обойти все гостиницы, — заговорила Кэтти-бри, — но Серебристая Луна не маленький город, так же как и Сандабар, и вокруг еще множество селений.

— Вы останетесь здесь моими гостями, — решительно сказала Аластриэль. — Я опрошу каждого солдата из городского гарнизона и поговорю с гильдией торговцев. Обещаю, вы получите ответ в самое короткое время.

— Ты слишком добра, — с глубоким поклоном откликнулся Вульфгар.

— А как бы поступили король Бренор, Кэтти-бри и Вульфгар, случись мне прийти в Мифрил Халл с подобной просьбой?

Это справедливое замечание пресекло все дальнейшие возражения двух благодарных путников.

— Я думаю, мы могли бы поселиться в одной из гостиниц и поспрашивать о беженцах, — сказала Кэтти-бри.

— И привлечь внимание к вашим поискам? — возразила Аластриэль. — Этот человек, что забрал с собой Кэлси, захочет ли он вам ее вернуть?

Вульфгар отрицательно покачал головой, но ответила Кэтти-бри:

— Мы не знаем точно, но, возможно, и не захочет.

— Тогда вам лучше оставаться здесь в качестве моих гостей. Я знаю многих содержателей гостиниц. Прислушиваться к заботам простых людей очень важно для любого правителя. Ответы на ваши вопросы получить не трудно, по крайней мере в Серебристой Луне. — Леда Аластриэль махнула рукой своим придворным. — Проводите их и устройте со всеми удобствами. И я знаю, что Фрет хотел бы повидаться с Кэтти-бри.

— Он вряд ли одобрит всю грязь, которая на мне накопилась, — сухо ответила Кэтти-бри.

— Только потому, что он заботится о тебе.

— Или потому, что презирает грязь?

— И поэтому тоже, — согласилась Аластриэль.

Кэтти-бри взглянула на Вульфгара и беспомощно пожала плечами. Его молчаливое согласие на это предложение приятно удивило ее. Возможно, Вульфгар понимал, что такую работу лучше предоставить Аластриэль, а они действительно могут отдохнуть и насладиться передышкой в роскошном дворце повелительницы Серебристой Луны.

— И могу поклясться, что она прибыла без соответствующего гардероба! — послышался явно раздраженный, но вместе с тем удивительно мелодичный и певучий, как у эльфов, голос, в котором все же слышалось раскатистое рычание дворфа — самого удивительного из всех дворфов.

Вульфгар и Кэтти-бри одновременно обернулись к входящему в зал приятелю, одетому в прекрасный белый костюм с ярко-зеленой отделкой. При взгляде на Кэтти-бри он неодобрительно вздохнул и погрозил ей скрюченным, но тщательно ухоженным пальцем. Затем он остановился, еще раз вздохнул и, подперев подбородок рукой, провел вдоль линии аккуратно подстриженной серебристой бородки. Он явно призадумался над перспективой

преображения Кэтти-бри.

— Рада тебя видеть, Фрет, — приветствовала Аластриэль своего советника. — Похоже, тебе выпала нелегкая работа. Прошу тебя, не задень деликатные чувства нашей гостью.

— Ты преувеличиваешь мою репутацию, госпожа. Кэтти-бри нахмурилась, но сдержать улыбку не смогла.

— Фрет, как мне кажется, надушил бы и тигра и еще подвесил бы ему колокольчики, — сказала Аластриэль, и ее придворные дружно рассмеялись шутке в адрес дворфа.

— И покрыл бы ему когти разноцветным лаком, — гордо ответил Фрет. Он подошел к Кэтти-бри, расстроенно поцокал языком и, взяв за локоть, повел к выходу. — Если уж мы поклоняемся красоте, мой священный долг проявить ее. Я так и сделаю. А теперь пойдем, дитя. После долгого и трудного путешествия тебе предстоит вытерпеть длительное купание.

Кэтти-бри с улыбкой оглянулась на Вульфгара. После долгого и трудного путешествия она не возражала как следует «потерпеть».

Ответная улыбка Вульфгара была не менее искренней. Он повернулся к Аластриэль, отдал честь и поблагодарил ее.

— Что мы можем сделать для Вульфгара, пока мои разведчики ищут Кэлси? — спросила его Аластриэль.

— Я бы предпочел тихую комнату с видом на ваш чудесный город, — негромко ответил он и добавил: — На запад, если это возможно.

Ранним вечером того же дня Кэтти-бри разыскала Вульфгара на балконе высокой главной башни — одной из дюжины, украшавших дворец.

— У дворфа определенно имеется талант, — заметил Вульфгар.

От свежевымытых волос Кэтти-бри пахло весенними лилиями. Она почти всегда носила их свободно распущенными по плечам, но сейчас с одной стороны волосы были подобраны, а с другой — вились густой волной. Кэтти-бри надела открытое голубое платье, оттеняющее сияние глаз, глубокий вырез открывал нежную кожу плеч, а бело-золотой, свободно повязанный пояс подчеркивал округлые линии тела. Платье немного не доходило до пола, и Вульфгар не смог сдержать удивленную улыбку, заметив, что на ногах Кэтти-бри не обычные мокасины из оленьей шкуры, а пара изящных босоножек из кружева и тесьмы.

— Я оказалась перед выбором: позволить ему проделать все это со мной или щелкнуть по носу, — произнесла Кэтти-бри, выдав свое смущение слегка заметным дворфским акцентом.

— И тебе это совсем не нравится? Кэтти-бри сердито нахмурилась.

— Ты бы не хотела показаться в таком виде Дзирту? — не унимался варвар. — И выражение его лица не доставило бы тебе никакого удовольствия?

— Мне доставляет удовольствие сражение с орками.

— Прекрати.

Кэтти-бри вздрогнула, словно получила пощечину.

— Прекрати, — повторил Вульфгар. — В Серебристой Луне тебе не нужны ни сапоги, ни оружие, ни привитая дворфами практичность, ни этот давно забытый акцент. Ты хоть посмотрела в зеркало после того, как Фрет над тобой поколдовал?

Кэтти-бри фыркнула и хотела отвернуться, но насмешливый взгляд Вульфгара ее удержал.

— А надо было, — сказал он.

— Ты говоришь глупости, — отрезала Кэтти-бри уже без всякого акцента.

— Ничего подобного. Разве глупо наслаждаться видом Серебристой Луны?

Он слегка повернулся и показал рукой на сгущающийся полумрак с западной стороны и потемневшие здания прекрасного города с горящими свечами в окнах. Мягкие огни безобидного магического пламени подсвечивали некоторые башни, обрисовывая их стройные силуэты.

— Неужели ты не позволила себе удивляться, пока мы шли по улицам к дворцу? —

спросил Вульфгар. — Неужели не ощутила окружающую нас красоту? Так почему же ты не относишься так же к своей внешности? Почему так упрямо прячешь ее под слоем пыли и поношенной одежды?

Кэтти-бри покачала головой. Ее губы несколько раз шевельнулись, словно она хотела что-то сказать, но не находила слов.

— Дзирту понравился бы твой нынешний облик, — продолжал Вульфгар. — Мне, твоему другу, очень приятно на тебя смотреть. Хватит прятаться за грубым акцентом и потрепанными платьями. Хватит бояться самой себя, хватит скрывать свою истинную сущность. Ты не боишься показаться после трудного дня вспотевшей и грязной. Ты не тратишь время на прихорашивание и наряды, и все это говорит в твою пользу. Но в такие моменты, как этот, когда предоставляется возможность, не стоит ее отбрасывать.

— Я чувствую себя... бесполезной.

— Тебе надо чувствовать себя хорошенькой и радоваться этому. Если тебе действительно все равно, что скажут другие, зачем отказывать себе в приятных мыслях?

Кэтти-бри сначала взглянула на него с любопытством, потом на ее лице зажглась улыбка.

— Кто ты такой и что сделал с Вульфгаром?

— Могу тебя заверить, странник давно мертв. Я сбросил его вместе с узами Эррту.

— Я никогда не видела тебя таким.

— Я никогда и не чувствовал себя так. Я доволен, и мой путь мне известен. Теперь я в ответе только перед самим собой и больше ни перед кем, и я никогда не ощущал такой свободы.

— И ты хочешь разделить ее со мной?

— Со всеми, — со смехом ответил Вульфгар.

— Я и правда посмотрелась в зеркало... Или в два, — призналась Кэтти-бри, и Вульфгар засмеялся еще громче.

— И тебе понравилось то, что ты увидела?

— Да, — созналась она.

— И ты бы хотела, чтобы Дзирт был рядом?

— Хватит, — взмолилась она, что тоже означало «да». Вульфгар взял ее за руку и увлек к перилам балкона.

— Так много поколений эльфов и людей строили этот город. Здесь могут найти убежище такие, как Фрет и ему подобные, и все мы можем прийти сюда и просто стоять и смотреть, просто наслаждаться. И это, как мне кажется, самые важные моменты. Откровенно заглянуть в себя без страха и сожалений. Я мог бы сражаться с орками или драконами. Я мог бы добывать руду мифрила в глубоких шахтах. Или вести охоту в Долине Ледяного Ветра. Но есть такие места, как это, и их, к сожалению, так мало, где можно просто смотреть и радоваться, и это важнее всего остального.

Кэтти-бри обвила Вульфгара рукой за талию, положила голову на его сильное плечо, и двое друзей стояли рядом, любовались городом и радовались жизни.

Вульфгар в полном умиротворении положил руку на плечи Кэтти-бри, и оба в глубине души поняли, что настал момент, который следует хранить в самой глубине памяти до конца дней. В этом мгновении воплотилось все, что они испытали, начиная с того судьбоносного дня, когда молодой воин Вульфгар в своем безрассудстве хлопнул по голове старого крепкого дворфа по имени Бренор.

Так они стояли некоторое время, но вышедшая на балкон леди Аластриэль нарушила очарование момента. Они обернулись на звук ее голоса и увидели рядом с женщиной человека средних лет в переднике содержателя гостиницы.

Аластриэль помедлила, окинув внимательным взглядом фигуру Кэтти-бри.

— Мне не зря говорили, что Фрет настоящий волшебник,- сказала Кэтти-бри, поглядывая на Вульфгара.

Аластриэль покачала головой:

— Фрет отыскивает красоту, но он ее не создает.

— Он ищет ее так же успешно, как Дзирт ищет орков, чтобы их уничтожить, а Бренор ищет под землей полезную руду, — добавил Вульфгар.

— Он говорил, что может приступить к поискам и в Вульфгаре тоже.

Кэтти-бри рассмеялась, и даже Вульфгар усмехнулся, но покачал головой:

— У меня нет на это времени.

— Он будет очень разочарован, — вздохнула Аластриэль.

— Возможно, как-нибудь в другой раз, — ответил Вульфгар, вызвав тень сомнения на лице Кэтти-бри.

Она долго смотрела на него, не упуская ни выражения лица, ни жестов, ни модуляций голоса. Его обещание Фрету могло быть искренним или ложным, но все это мало что значило, поскольку Вульфгар решил больше никогда не приходить в Серебристую Луну. Это Кэтти-бри поняла совершенно ясно еще до их ухода из Мифрил Халла.

Последний момент, разделенный с Вульфгаром, окрасился страхом. Надвигалась буря, и Вульфгар знал о ней, но, хоть он и не поделился своими опасениями, признаки надвигающихся бедствий были безошибочными.

— Это мастер Тапвелл из «Ревущего дракона», прекрасного заведения на краю нижней части города, — представила своего спутника Аластриэль.

Низкорослый человечек с кругленьким брюшком довольно робко качнулся вперед.

— Общедоступный отдых для всех гостей Серебристой Луны, — произнес он.

— Рады познакомиться, — ответила Кэтти-бри, а Вульфгар ограничился приветливым кивком.

— Весьма польщен, принц и принцесса Мифрил Халла, — приветствовал их Тапвелл, неловко кланяясь.

— «Ревущий дракон» приютил многих беженцев, переправившихся через Сарбрин из Мифрил Халла, — пояснила Аластриэль. — Мастер Тапвелл уверен, что одна пара могла бы вас заинтересовать.

Вульфгар от нетерпения так сильно наклонился вперед, что Кэтти-бри схватила его за локоть, чтобы не дать упасть.

— Ваша девочка, Кэлси, — заговорил мастер Тапвелл, нервно вытирая руки своим фартуком, — такая худенькая, со светлыми волосами вот до сих пор? — Он показал рукой длину чуть пониже плеча, примерно так, как висели распущенные волосы Кэлси.

— Продолжай, — кивнув, попросил Вульфгар.

— Она появилась с последней группой и со своей матерью.

— С матерью?

Вульфгар взглядом попросил у Аластриэль объяснений, но она лишь кивнула на Тапвелла.

— Ну, она так говорила, что это ее мама, — пояснил хозяин гостиницы.

— А как ее звали?

Тапвелл поежился, словно не в силах сформулировать ответ:

— Я хорошо помню, как она называла девочку Кэлси. И ее имя было немного похоже, начиналось с той же буквы, если вы меня понимаете...

— Вспомни, пожалуйста, — настаивал Вульфгар.

— Котти? — предположила Кэтти-бри.

— Точно, Котти, — обрадовался Тапвелл.

— Котти Куперсон, — сказала Кэтти-бри Вульфгару, — Она была в той группе, в нижних залах, где Делли проводила много времени. Обальд лишил ее семьи.

— И Делли дала ей новую, — добавил Вульфгар, но в его голосе не было горечи.

— Вы понимаете, о ком идет речь? — спросила Аластриэль.

— Более или менее, — кивнула Кэтти-бри.

— Эта группа последней переправилась через Сарбрин, а потом паром уже не ходил. Но позже в Серебристой Луне появилось еще немало беженцев, — сказала Аластриэль. —

Это стало мне известно непосредственно от стражников, сопровождавших беженцев от самой реки. И они, стражники, остались здесь вместе с некоторыми беженцами.

— А вы не нашли их, чтобы расспросить о Кэлси и Котти? — поинтересовалась Кэтти-бри. — Или они тоже остались здесь?

— Расспросы еще продолжаются, — ответила Аластриэль. — Но я совершенно уверена, они только подтвердят то, что нам уже известно. Что касается Кэлси и Котти, то они отправились дальше.

Вульфгар уныло опустил плечи.

— В Несм, — продолжила Аластриэль. — Вскоре после того, как прибыли беженцы, из Несма поступило приглашение. Они восстанавливают город и предлагают Дома каждому, кто согласится к ним присоединиться. Этот район снова стал безопасным, на страже стоит Серебряная Гвардия и всадники Несма. Они следят, чтобы тролли оставались в своих болотах. В следующем сезоне город снова будет процветать, он хорошо снабжается и хорошо охраняется.

— Вы уверены, что Котти и Кэлси там? — спросил Вульфгар.

— Я уверена, что буквально через несколько дней после прибытия они вышли из Серебристой Луны с караваном, направлявшимся в Несм. Караван благополучно добрался до места назначения, но проделали ли Котти и Кэлси с ними весь маршрут, я не могу сказать. По пути они останавливались в нескольких селениях, стоящих вдоль тракта. Женщина может быть в любом из них.

Вульфгар кивнул и посмотрел на Кэтти-бри. Теперь направление их поисков прояснилось.

— Я могла бы переправить вас в Несм на летающей колеснице, — предложила Аластриэль. — Но у меня есть другой вариант. Завтра в полдень в Несм отправляется еще один караван точно по такому же маршруту, и в нем недостает стражников. Проводник был бы рад разделить дорогу с Вульфгаром и Кэтти-бри, а Несм всего в десяти днях пути от Серебристой Луны.

— И Котти некуда было уйти дальше Несма, — добавил Вульфгар. — Что ж, так и поступим.

— Очень хорошо, — кивнула Аластриэль. — Я извещу начальника каравана.

Леди Аластриэль и мастер Тапвелл вышли из комнаты.

— Наша дорога ясна, — с явным удовлетворением заметил Вульфгар.

Но Кэтти-бри покачала головой.

— Южные дороги безопасны, и до Несма не так уж далеко, — добавил Вульфгар, видя ее сомнения.

— Боюсь, это не слишком хорошие новости.

— В чем дело?

— В Котти, — ответила Кэтти-бри. — Я встречалась с ней несколько раз, пока моя рана не позволяла покидать нижние уровни. Она полностью сломлена, и душой, и разумом.

— Ты боишься, что она причинит вред Кэлси? — воскликнул Вульфгар, тревожно вскинув голову.

— Ничуть, — ответила Кэтти-бри. — Но я боюсь, что она слишком крепко привязалась к девочке и вряд ли обрадуется твоим притязаниям.

- Кэлси не ее ребенок.

- Но для некоторых людей истина - это лишь мелкая неприятность, - сказала Кэтти-бри.

Я заберу ребенка, - заявил Вульфгар не допускающим возражений тоном.

Кэтти-бри поразило не столько уверенное заявление Вульфгара, сколько то, что он называл Кэлси просто «ребенок», а не «мой ребенок». Несколько мгновений она всматривалась в лицо своего друга, ища скрытый смысл.

Но его не было.

Глава 9

У цели

— Не нравится мне это место. По прихоти ветра, дующего по тоннелю между двумя высокими снежными дюнами, негромкий голос Реджиса усилился и разнесся по всему пространству вокруг его четверых компаньонов-дворфов. Слова смешались с завыванием холодного бриза, превратившись в мелодию страха и причитания, так подходившую этому месту, названному Лютым Ущельем.

Бренор, слишком беспокойный, чтобы уступить кому-то место лидера, обернулся и, казалось, вот-вот отругает хафлинга. Но ничего не сказал. Просто молча покачал головой. Как можно было возражать против очевидного факта?

В этой местности явно ощущалось присутствие потусторонних сил. Прошлой весной они уже проходили здесь с запада на восток, направляясь к Мифрил Халлу. И сейчас в Лютом Ущелье сохранилась та же внушающая страх атмосфера, хотя местность сильно изменилась в соответствии с временем года. В тот раз они шли по ровной и твердой тропе, широкой и хорошо различимой между двумя далекими горными хребтами. Вероятно, ветры с обеих сторон, встречаясь между гор, постоянно выравнивали почву. Сейчас эти же ветры занесли все глубоким снегом, выстроив ряды сугробов, напоминавшие цепочки дюн в пустыне Калим. По форме они напоминали еще и ярко-белые створки гигантских моллюсков, поставленные перпендикулярно линии восток—запад, разграничивающей горные склоны. Оттепели конца зимы покрыли верхушки сугробов коркой наста, но недостаточно крепкой, чтобы выдерживать вес дворфов. И потому путникам приходилось петлять между впадинами в глубоком снегу, отыскивая проходы между дюнами.

Дзирт был для них проводником. Легконогий эльф то и дело срубал своим мечом ледяные кромки, а затем преодолевал препятствия, как лосось преодолевает пороги не слишком быстрой реки. Вверх по одной стороне, вниз по другой, а на вершине он часто останавливался, чтобы определить направление.

Дорога до восточного входа в Лютое Ущелье заняла у шести путников — Бренора, Реджиса, Дзирта, Тибблдорфа Пуэнта, Кордио и Торгара Молотобойца — четыре дня. Несмотря на снег, они продвигались с неплохой скоростью, и это притом, что им пришлось обогнуть несколько сторожевых постов короля Обальда и уступить дорогу паре оркских караванов. Даже в ущелье со снежными дюнами они двигались достаточно быстро, поскольку Дзирт шел впереди и показывал Пуэнту, где пробивать заносы.

По прошествии семи дней быстрый шаг почти сменился топтанием на одном месте. Они были уверены, что уже подошли к тому месту, где, как верил Бренор, находился вход в легендарный город дворфов Гонтлгрим.

В прошлый раз, путешествуя с запада на восток, они составили подробную карту и по приказу Бренора нанесли на нее все ориентиры и углы направлений по отношению к самым заметным вершинам, к северу и к югу. Но закрытое снежным покрывалом Лютое Ущелье выглядело теперь совершенно по-другому, и Дзирт уже не был так уверен в правильности выбранного пути. Весьма вероятно, что они могли пройти мимо того провала, куда угодила одна из повозок, и эта мысль тяжелым грузом давила на каждого из путешественников, особенно на Бренора.

Кроме того, было кое-что еще. От странного ощущения, охватившего буквально каждого, у них шевелились волосы. В заунывном вое ветра слышались жалобные стенания мертвецов. В этом никто не сомневался. Жрец Кордио непрерывно читал заклинания, и его действия указывали на то, что в этом месте на самом деле присутствует что-то сверхъестественное, какие-то разрывы реальности или выход потусторонних сил. Во время путешествия к Мифрил Халлу жрецы Бренора, из опасений привлечь нежелательное внимание со стороны обитателей иных уровней, убедили Дзирта не прибегать к помощи Гвенвивар, и в этот раз Кордио снова поставил такое же условие. Главный жрец дворфов заверил своих спутников в межуровневой нестабильности этого района, не скрывая того, что и сам не совсем понимает его суть.

— Эльф, ты отыскал что-нибудь для нас?! — крикнул Дзирту Бренор.

Его грубый, полный раздражения голос эхом прокатился по заснеженному проходу.

Дзирт показался на вершине сугроба слева от группы, на западной стороне. Он пожал плечами, затем шагнул вперед и ловко заскользил по склону сверкающей белизной дюны. Он превосходно удерживал равновесие и, обогнув хафлинга и дворфов, оказался у подножия с другой стороны сугроба и остановился, резко наклонившись вперед.

— Я вижу только снег, — ответил дроу. — Снега полно, и заносы тянутся в западном направлении, насколько я могу видеть.

— Нам что, оставаться здесь и ждать, пока снег растает? — проворчал Бренор.

Он подбоченился и тяжелым сапогом пнул ближайший сугроб.

— Мы найдем его, — ответил Дзирт, но внезапный крик Тибблдорфа заглушил его слова:

— Бах!

Неистовый воин сложил руки перед собой и, хрустя тяжелыми башмаками по насту, ринулся вперед. Тогда как остальные путники кутались в несколько слоев шкур и тканей, Пуэнт красовался в традиционной боевой кольчуге, закрывающей тело от шеи до голеней. Кольчуга была собрана из находящихся друг на друга металлических пластин, а в самых нужных местах — на кулаках, локтях, плечах и коленях — усеяна острыми шипами. Даже на его шлеме торчал длинный шип, пронзивший в недавних битвах не одного орка.

— Твоя магия может мне чем-нибудь помочь? — спросил Бренор у Кордио.

Жрец беспомощно пожал плечами.

— Края этой пелены лежат за пределами физического мира, мой король, — попытался объяснить Кордио. — Заклинания с моими вопросами не приносят ничего, кроме новых вопросов. Я знаю, что мы близки к цели, но больше из ощущения, что с каждым заклинанием становится все труднее.

— Бах!

Пуэнт снова взревел, опустил голову и ринулся в ближайший сугроб. Он тотчас исчез за белой стеной обвалившегося снега, но сумел пробить тоннель на противоположную сторону дюны.

— Значит, мы отыщем его, — сказал Торгар Молотобоец. — Если дыра была здесь, когда вы проходили по ущелью в прошлый раз, она и сейчас никуда не делась. А если мой король говорит, что это Гонтлгрим, ничто не Удержит меня от желания на него посмотреть.

— Да будет так! — согласился Кордио.

От внезапно обрушившегося на головы снега все вздрогнули, а в руках Дзирта мгновенно возникли мечи, словно он и не убирал их в ножны. Из пролома в дюне с криком выскочил запорошенный снегом Тибблдорф Пуэнт. Он даже не остановился, а легко проломил ледяную корку на следующем сугробе и опять пропал из виду.

— Ты остановишься, неугомонный? — окрикнул его Бренор, но Пуэнт уже не слышал.

— Я уверен, что мы где-то рядом с входом, — заверил Бренора Дзирт и убрал мечи. — Мы правильно выдержали дистанцию с севера и юга, за это я могу поручиться.

— Мы уже близко, — подвел итог Реджис, тревожно озираясь, словно ожидая, что вот-вот выскочит призрак и унесет его с собой.

В этом отношении хафлинг знал больше, чем кто-либо другой, поскольку именно он несколько месяцев тому назад рухнул вниз вместе с повозкой. Реджис мог поклясться, что в темноте успел рассмотреть призрак давно умершего дворфа.

— Значит, будем продолжать поиски, — сказал Бренор. — И если секрет скрывается под снегом, ждать осталось недолго, скоро придет весна.

— Бах!

Они услышали крик Пуэнта с восточной стороны дюны и отшатнулись, ожидая, что он сейчас врежется в них, да еще опустив голову в шлеме с шипом.

Поверхность сугроба дрогнула от удара изнутри, и неистовый рев повторился, но тон изменился с вызывающего на изумленный. Затем голос стал стремительно удаляться, словно

дворф полетел вниз.

Бренор оглянулся на Дзирта.

— Гонтлгрим! — воскликнул дроу.

Торгар и Кордио склонились к основанию сугроба, из которого они слышали крик Пуэнта, и начали разгребать снег, словно собаки, раскапывающие кость. Небольшой подкоп ослабил пласт снега, и часть сугроба обвалилась прямо на них, значительно затруднив работу. И все же через несколько мгновений они докопались до края отверстия в земле, и оставшая часть снега рухнула вниз, завалив проем.

— Пуэнт? — окликнул Торгар своего товарища, считая, что его завалило снегом.

Он наклонился над краем, предоставив жрецу держать его за ноги, и погрузил руку в снежную пробку. Препятствие не было слишком крепким и плотным, и, когда рука Торгара раздвинула снег, он просыпался дальше вниз, и дворф устался в темную холодную шахту.

— Пуэнт?! — громче крикнул Торгар, понимая, что воин пролетел гораздо дальше.

— Вот оно! — завопил Бренор, протискиваясь между стоящими на коленях спутниками.

Он тоже присел и отгреб еще немного снега. Открылся замерзший след, оставленный упавшей повозкой несколько месяцев назад.

— Гонтлгрим!

— И Пуэнт упал вниз, — напомнил ему Дзирт.

Трое дворфов, обернувшись, увидели, что дроу и Реджис разматывают кусок веревки и Дзирт уже обвязал один конец вокруг пояса.

— Держите конец, мальчики! — распорядился Бренор, но Торгар и Кордио уже отбежали на несколько шагов и старались покрепче упереться в снег ногами.

Дзирт бросился на землю у края ямы и всмотрелся вниз, но издали снова донесся крик, сопровождаемый пронзительным шипящим визгом. Такого никто из них еще никогда не слышал — это было нечто среднее между криком орла и шипением гигантской ящерицы.

Дзирт перевалился через край и, ухватившись руками за веревку, обернулся, а Бренор подбежал к своим Дворфам и помог ее натянуть.

— Скорее! — скомандовал Дзирт, и дворфы стали стравливать веревку.

Доверившись своим друзьям, дроу спустил ноги вниз и скрылся из виду.

— В пятнадцати футах есть выступ! — крикнул Реджис, подползая к яме.

Он двигался вперед, словно собирался нырнуть вниз, но на краю внезапно остановился и на несколько секунд замер, с ужасом вспомнив свое прежнее погружение в то место, которое Бренор называл Гонтлгримом.

— Я на выступе! — Крик Дзирта вывел хафлинга из транса. — Дальше буду спускаться сам, но держите веревку наготове.

Реджис заглянул вниз и в темноте различил лишь очертания фигуры дроу.

— Пузан, ты будешь нам обо всем докладывать! — крикнул ему Бренор, и Реджис нашел в себе силы, чтобы кивнуть.

Раздавшийся внизу грохот снова ошеломил его, а за ним последовали полный боли вопль и этот чужеродный визг. Шум не прекращался, металл скрежетал о камни, змеиное шипение сменялось криками орла, и не утихали вопли разъяренного дворфа.

Но вот раздался крик Пуэнта, исполненный ужаса, и он потряс всех, кто был наверху, до самой глубины души. Когда это было, чтобы Тибблдорф Пуэнт кричал от ужаса?

— Что ты там видишь? — нетерпеливо окликнул Реджиса Бренор.

Хафлинг заглянул вниз и прищурился. Сначала он различал только Дзирта, скользящего по стене далеко внизу, под выступом. Затем глаза немного привыкли к темноте, и Реджис понял, что это вовсе и не выступ, а конус сталагмита, выросшего в пещере вплотную к стене. Он снова поискал взглядом Дзирта, но тот уже пропал из виду, а дворфы сзади резко качнулись назад, поскольку веревка больше не натягивалась.

— Держите конец! — приказал Бренор Торгару и Кордио, а сам бросился к дыре, выкрикивая на бегу: — Что там происходит, Пузан?

Реджис отполз назад и оглянулся, качая головой. Но Бренор уже не ждал объяснений. Король дворфов бросился на землю, схватил веревку и, не колеблясь ни секунды, перевалился через край и исчез в темноте. Торгар и Кордио заворчали, с трудом удерживая конец веревки, но только крепче уперлись ногами в снег.

Реджис с трудом сглотнул. Снизу опять доносились удары и крики. Образ призрака-дворфа стоял у него перед глазами и призывал убежать как можно дальше. Но Дзирт был внизу, Бренор был внизу, и Пуэнт тоже был внизу.

Хафлинг снова попытался проглотить комок в горле и придвинулся к яме. Через мгновение он вцепился в веревку и, бросив последний взгляд на Торгара и Кордио, прыгнул в темноту.

Дзирт сразу понял, что находится под ним, едва ноги коснулись твердой опоры. Высокий сталагмит поднимался под углом со дна пещеры и сросся со стеной, темневшей за спиной дроу.

Несмотря на то что он спустился всего на пятнадцать футов от поверхности, чувства Дзирта тотчас напомнили ему, что он в сущности остался обитателем Подземья. Дроу пристально взгляделся в темноту и даже ослабил натяжение веревки, чтобы сделать пару шагов.

Глаза быстро привыкли к сумраку, и он различил контуры сталагмита и дно примерно в двадцати футах под ним. На дне валялись обломки повозки, несколько месяцев назад упавшей в провал. А рядом Дзирт разглядел знакомый сапог — жесткий, подбитый полосками железа. Затем слева донеслись сдавленный крик и лязг металла по камням, словно кто-то волок дворфа в доспехах по каменному полу.

Одним движением запястья Дзирт освободился от веревки и стал так ловко спускаться по сталагмиту, что не только ни разу не нагнулся, чтобы опереться руками но и сумел на бегу выхватить оба меча. Он с размаху спрыгнул на пол и уже готов был ринуться в узкий тоннель, замеченный еще сверху. Но Сверкающий — меч в левой руке дроу — вспыхнул голубым пламенем, и обостренные чувства Дзирта уловили у боковой стены тещ движения и отзвук голоса.

Он резко остановился и развернулся навстречу угрозе. От изумления Дзирт широко открыл глаза: навстречу ему стремительно несло невиданное до сих пор существо.

От головы до хвоста оно было почти вдвое выше Дзирта, бежало на сильных задних лапах, словно двуногая ящерица, круто наклонившись вперед, и толстый хвост уравнивал массивную голову — если это можно было назвать головой. Казалось, это только пасть с тремя широко разинутыми мандибулами. Черные клыки величиной с руку Дзирта загибались назад от краев мандибул, а от них до самой глотки, как он успел заметить, тремя двойными линиями расходились ряды острейших зубов.

Еще более странными могли показаться сверкающие глаза — их тоже было три, они располагались между мандибулами, и над каждым нависала складка толстой кожи. Ужасное создание наклонилось к Дзирту, разинув пасть, словно змея с треугольным ртом, готовая поглотить свою жертву.

Дзирт метнулся влево, но чудовище тотчас изменило курс, и он прыгнул назад. Даже с магическими ножными браслетами дроу едва успел избежать столкновения с монстром. Мощные челюсти громко захлопнулись, но поймали только воздух. Дроу высоко подпрыгнул и перевернулся над мандибулами. Пролетая над врагом, он обеими руками полоснул по его голове, а потом оттолкнулся, чтобы взлететь еще выше, и поджал ноги. Существо издало странный, протестующий рев — громогласный крик существа из другого мира, как показалось Дзирту.

Дзирт успел повернуться в воздухе и обеими ногами ударил чудовище в плечо, но существо оказалось крепче, чем он предполагал, и его удар лишь слегка отклонил корпус монстра. Дроу оказался сбоку, но удар ногами заставил чудовище снова нацелить на него разинутую пасть.

Отличная реакция и способность сохранять равновесие позволили Дзирту вовремя отпрыгнуть назад, а пока чудовище разворачивало корпус, он успел мечами нанести пару ударов по тугим мускулам, соединяющим зубастые мандибулы.

Чудовище снова заревело и попыталось зубами поймать мелькающие в воздухе мечи, но мандибулы сомкнулись уже не так плотно, как раньше. Открыв пасть, оно снова нацелилось на Дзирта.

Оба меча Дзирта двигались одновременно; Ледяная Смерть слева отсекала лоскут кожи, а резким ударом Сверкающего дроу пронзил мышцы чудовища и, повернув меч вниз, вогнал лезвие в основание связок, удерживающих две нижние мандибулы. Дзирт еще немного повернул клинок и сильно нажал, так что нижние челюсти отвисли.

Чудовище, получив удар, резко отпрянуло назад и, подпрыгнув, высвободило задние лапы и приземлилось на вытянутый хвост. В следующее мгновение оно уже было готово разорвать противника на части. Жуткие трехпалые лапы с острыми когтями угрожающе вытянулись вперед, и Дзирт едва успел отшатнуться и избежать смертельного удара.

Монстр последовал за ним, используя для толчка мощный хвост. Короткие передние лапы яростно размахивали в воздухе, а задние, более длинные, угрожали дроу когтями. Мечи Дзирта замелькали с невероятной скоростью. Он защищался, изредка приближаясь для удара, но опасался, что мощные конечности могут выбить оружие из рук. Дзирт отвел один меч, и задняя лапа чудовища просвистела мимо, а второй меч вонзился сбоку, пронзив ступню насквозь.

Сверху донесся удар, и на выступе сталагмита появилась чья-то фигура; чудовище, запрокинув голову, снова испустило рев. Дзирт не замедлил воспользоваться преимуществом, когда его враг отвлекся. Перекатившись под бьющимися задними лапами, он рубанул сначала Сверкающим, потом Ледяной Смертью, а напоследок вонзил оба меча в тонкую шею. Послышался чавкающий звук, и Дзирт, вытащив мечи, увидел на лезвиях пузырящуюся кровь.

Он даже не стал дожидаться, пока чудовище умолкнет и рухнет на пол, а развернулся и бросился в тоннель. Новый взрыв рева все же заставил его обернуться. Бренор, подняв над головой топор, спрыгнул с нижнего уровня сталагмита. Дворф точно выбрал место приземления: пролетев несколько футов, он с размаху обрушил боевой топор на хребет уже смертельно раненного чудовища.

— Оставайся здесь! — крикнул ему на ходу Дзирт и скрылся.

Бренор настороженно ждал, пока чудовище билось в предсмертных судорогах. Оно еще пыталось извернуться и схватить врага зубами, но мечи Дзирта лишили страшные мандибулы их невероятной силы, и зубы не могли сколько-нибудь навредить. Большая часть соединительных связок была разрублена, и челюсти неловко хлопали и поочередно раздвигались. Точно так же и хвост, и задние лапы монстра едва вздрагивали в агонии, поскольку топор Бренора перебил спинной хребет.

Так что дворф стоял на расстоянии вытянутой руки и на всякий случай держал оружие наготове.

— Торопись, эльф! — крикнул Бренор вслед Дзирту, увидев немного в стороне подкованный сапог Тибблдорфа.

Ждать возле умирающего чудовища ему было уже невозможно, и Бренор, вспрыгнув на тушу, несколько раз ударил его по спине, разрубая топором кости и сухожилия. Он уже собрался бежать следом за Дзиртом, но, едва в очередной раз освободил топор, боковым зрением уловил какое-то движение.

Дворф с изумлением увидел, как у боковой стены, за разбитой повозкой, тьма сгустилась и приобрела очертания еще одного такого же загадочного чудовища.

Оно быстро надвигалось, и Бренор предусмотрительно припал к земле за тушей убитого монстра. Второе чудовище угрожающе защелкало челюстями, и дворф распластался на каменном полу, используя убитое существо в качестве естественного щита. Через

несколько мгновений дворф воочию увидел, какие повреждения могут нанести странные треугольные челюсти, поскольку вновь прибывший монстр в секунды разорвал тушу, с одинаковой легкостью перекусывая мускулы и кости.

Какое-то движение позади заставило его повернуться вправо.

— Это я! — воскликнул Реджис, и Бренор снова сосредоточился на чудовище.

Затем он взглянул налево и увидел, что Дзирт, отчаянно защищаясь, пятится из тоннеля, а его мечи с огромной скоростью и совершенно независимо друг от друга рассекают кожу и плоть сразу двух монстров, нацеливших пасти на дроу.

— Пузан, помоги эльфу! — скомандовал Бренор, но, оглянувшись, не увидел хафлинга: Реджис успел убежать.

Противник Бренора уже заканчивал пир над своим павшим сородичем, и королю дворфов было не до поисков союзника.

Дзирт заметил прижавшегося к стене хафлинга, когда пятился от двоих преследующих его монстров. Реджис кивнул ему и стал ждать, пока эльф подаст сигнал. По знаку Дзирта хафлинг быстро подскочил и ударил своей короткой палицей по хвосту того чудовища, что было слева. Как и следовало ожидать, монстр повернулся, намереваясь схватить нового врага, но Дзирт на это и рассчитывал. Он еще быстрее заработал мечами и ударом сверху наискось перечеркнул шею чудовища глубокой раной. Враг протестующе заревел и осел назад, а второй монстр, получив достаточно пространства, неожиданно рванулся вперед.

Но Дзирт оказался проворнее и успел отскочить, чтобы выиграть время и изменить направление мечей. Он одобритительно кивнул Реджису, и хафлинг скользнул в тоннель.

Реджис целеустремленно, но с большой опаской двигался по тоннелю, ожидая, что из каждого сгустка темноты на него вот-вот бросится очередное чудовище. Вскоре он услышал скрип металла и редкие проклятия на языке дворфов. Из того немногого, что он смог разобрать, можно было сделать вывод, что Тибблдорф Пуэнт попал в серьезную переделку.

Это соображение подтолкнуло Реджиса, и, ускорив шаг, он быстро оказался на краю боковой пещеры, откуда и доносился ужасный скрежет металла. Реджис собрал всю свою храбрость и заглянул внутрь. В большой пещере, освещенной слабым светом лишайников, стояло еще одно чудовище, гораздо большее, чем предыдущие, почти десяти футов ростом. Оно стояло совершенно неподвижно и только энергично мотало головой взад и вперед. Реджис находился сзади и немного сбоку, так что он быстро понял причину такого странного поведения. Сбоку из его пасти свисала слегка покачивающаяся нога в поножах, но босая и грязная. Реджис содрогнулся, решив, что ужасная треугольная пасть разорвала его товарища на части. Он даже представил себе, как черные зубы впиваются в тело Пуэнта и прокусывают его вместе с металлическими доспехами.

Дрожа от ярости и ужаса, Реджис в отчаянии бросился вперед, высоко подняв свою маленькую палицу. Но куда он мог ударить проклятое чудовище, чтобы нанести хоть какой-то урон?

Монстр повернул в его сторону голову, и ответ был найден. Хафлинг в первый раз отчетливо рассмотрел странную голову с тремя глазами, расположенными на лоскутах кожи, соединяющих три мандибулы. Повинуясь инстинкту, он ткнул палицей в ближайший глаз, и короткие передние лапы не смогли дотянуться, чтобы заблокировать выпад.

Палица не дрогнула в его руке, а кожа, натянутая коленом и бедром пойманного дворфа, не смогла смягчить удар. Глаз с тошнотворным хлюпаньем лопнул, и перепуганного дворфа забрызгало с головы до ног.

Чудовище зашипело и яростно замотало головой, стараясь освободиться от дворфа.

Но Пуэнт был жив. Он свернулся в оборонительной позе, называемой «черепашкой», выставив наружу закрытые доспехами места и прикрыв самые уязвимые части тела. Едва чудовище ослабило хватку челюстей, он сердито заворчал и развернулся. Места для нанесения удара или хотя бы резкого поворота головой в шлеме у него не было, и он

попросту бился из стороны в сторону, словно кустарник под порывами урагана.

Чудовище утратило интерес к Реджису и старалось придавить Пуэнта, но было уже поздно — Пуэнт пришел в бешенство.

В конце концов чудовище сумело достаточно широко разинуть пасть и наклонить голову, чтобы выплюнуть дворфа. Увидев освободившегося друга, Реджис изумился его успеху; доспехи Пуэнта были покрыты обрывками кожи, сломанными зубами и кровью чудовища.

Но Пуэнт и не думал прекращать бой. Он приземлился на ноги, немного присел, затем резко выпрямил колени и ринулся на чудовище головой — и шлемом с шипом — вперед. Он врезался в концы челюстей и стал давить, вынуждая врага попятиться. Дворф продолжал напирать и подключил руки. Латные рукавицы с шипами с размаху били по обеим сторонам шеи, раздирая кожу в клочья. Пуэнт отскакивал и снова бросался в атаку, терзая плоть чудовища.

Он изо всех сил упирался ногами в пол и теснил врага назад, к боковой стене, а когда они до нее дошли, чудовище уже почти не сопротивлялось и без опоры за спиной давно бы уже упало.

Но Пуэнт продолжал наносить удары, беспрестанно выкрикивая проклятия.

Горизонтальным движением топора Бренор отбил первую атаку. Затем повернул оружие и заставил чудовище немного отклониться в сторону, а сам проскочил мимо противника к обломкам повозки. Все короба и корзины уже давно были разломаны при падении или позже, но Бренор нашел то, что искал: уцелевшую часть борта, стоявшую наклонно к полу и высотой почти до пояса. Дворф предвидел, что чудовище тотчас бросится в погоню, и, перепрыгнув через борт повозки, распластался на спине у самых досок и поднял над собой топор.

Ужасное существо действительно перепрыгнуло через невысокую преграду и не заметило бы дворфа, если бы он не ударил топором в его бок, нанеся глубокую рану чуть ниже основания короткой передней лапы.

При ударе Бренор подался назад, но не остановился, а перевернулся через голову и вскочил на ноги. Он не стал тратить время на оценку нанесенного противнику ущерба и тотчас устремился вперед, на ходу замахиваясь топором с плеча.

Чудовище уже приготовилось к бою и злобно щелкало зубастыми челюстями навстречу дворфу. А когда ему пришлось отпрянуть перед угрожающим выпадом Бренора, оно, как и его сородич, оперлось на толстый хвост и выставило перед собой мощные задние лапы.

Одной лапой монстр блокировал удар Бренора и схватил топор чуть ниже оголовка, а второй оставил на его доспехах глубокие царапины. На этом чудовище не остановилось, а наклонило верхнюю часть туловища и угрожающе открыло пасть, нацелившись разорвать Бренора. Лишь в последний момент тому удалось отпрянуть назад и не попасть в зубы врагу.

Король дворфов с пронзительным криком размахнулся и попытался нанести рубящий удар, но чудовище уклонилось, и оружие впустую просвистело в воздухе. Чудовище тотчас снова двинулось вперед.

Бренор не стал останавливать тяжелый топор, а использовал инерцию для отражения атаки. Он позволил топору продолжать движение вниз, но слегка изменил его направление и даже осмелился повернуться к чудовищу спиной, надеясь, что окажется быстрее врага.

Так и произошло.

Бренор развернулся, держа топор в вытянутых руках, готовый к мощному боковому удару. Чудовище сгруппировалось для защиты. Бренор слегка подтянул к себе оружие, а когда чудовище выбросило вперед лапы, чтобы блокировать удар, лезвие угодило точно в цель и разрубило ступню задней лапы пополам, лишив противника одного из когтей.

Монстр заревел от ярости и боли и в слепой ярости бросился на Бренора. Королю дворфов пришлось поспешно отступить, неистово размахивая топором, чтобы отразить удары мощной лапы и страшных челюстей.

— Эльф, ты мне нужен! — закричал отчаявшийся дворф.

Дзирт был не в том положении, чтобы отвечать. Рана, нанесенная им одному из чудовищ, очевидно, оказалась не так опасна, как он надеялся, поскольку существо не проявляло никаких признаков усталости. Что еще хуже, Дзирт был вынужден выйти на широкое пространство, чудовища получили свободу для маневров и теперь нападали с обеих сторон.

Один из монстров угрожал слева, другой справа, и их действия были удивительно хорошо скоординированы для неразумных тварей, если только они и в самом деле были неразумными. Дзирт, пока это было возможно, отражал атаки с обеих сторон своими мечами, а когда его движения стали утрачивать ловкость и скорость, неожиданно ринулся вперед, обратно к тоннелю.

Оба чудовища повернули за ним, но Дзирт развернулся еще быстрее и встретил преследователей градом ударов. Одному монстру он рассек мышцы сбоку от пасти, а второму проткнул нижний глаз.

В довершение ко всему он слышал удары и крик Бренора, взывающего о помощи, но пока Дзирту оставалось лишь искать возможный выход из опасной ситуации.

Сверху посыпались мелкие камни, и Дзирт, проследив за ними взглядом, увидел отчаянно балансировавшего на сталагмите Торгара Молотобойца. Дворф держал перед собой тяжелый арбалет и перед тем, как резко накрениться, успел послать дротик в то чудовище, что было справа от Дзирта. Затем арбалет вылетел из рук, и сам Торгар тоже понесся вниз, едва удерживаясь на ногах.

Пораженное дротиком чудовище переключилось на несущегося сверху дворфа, но Торгар так сильно метался из стороны в сторону, что челюсти не смогли его поймать, и он врезался в бок врага, опрокинув его на пол. Падение ошеломило Торгара, и он едва ли мог себя защитить, а чудовище уже готовилось к атаке.

Но Дзирт обогнул оставшегося противника и, набросившись на упавшего монстра, быстро нанес ему несколько глубоких ран ударами обоих мечей. Затем он был вынужден сделать паузу, чтобы отразить нападение второго противника, но, как только атака была отбита, вернулся к первому и убедился, что тот мертв.

Потом Дроу улыбнулся, увидев дворфа в увенчанном шипом шлеме, снова и снова наносящего удары головой и руками стоявшему у стены чудовищу, и понял, что соотношение сил изменилось.

Оставив Пуэнта добивать своего противника, Дзирт поспешно устремился к обломкам повозки, где обнаружил Бренора и его врага, занятых друг другом.

Дроу вскочил на остатки повозки и стал выискивать возможность вмешаться. Бренор, заметив Дзирта, отскочил в сторону, и чудовище повернулось вслед за дворфом. Тогда Дзирт прыгнул ему на спину, и мечи сделали свое дело.

— Во имя Девяти Кругов, что это за звери? — спросил Бренор, когда поверженный противник наконец-то затих.

— Возможно, они как раз из Девяти Кругов, — пожав плечами, ответил Дзирт.

Они прошли к центру пещеры, где Пуэнт продолжал терзать уже мертвое чудовище, а Реджис пытался помочь ошеломленному и сильно побитому при падении Торгару.

— Я не могу к вам спуститься, — послышался сверху голос, и, подняв головы, они увидели далековерху Кордио. — Здесь не за что зацепить веревку.

— Я его доставлю, — пообещал Бренору Дзирт.

С достойной восхищения ловкостью дроу избежал вверх по сталагмиту, убрав на ходу мечи. На вершине он отыскал зацепки для рук, чтобы добраться до веревки, снова спущенной Кордио, и через несколько секунд Уже скрылся в проеме.

Вскоре Кордио спустился на веревке до вершины сталагмита, а потом при помощи Дзирта осторожно добрался до каменного пола пещеры. Дзирт не задержался наверху. Он зацепился за край ямы кончиками пальцев, выбрал место и спрыгнул, приземлившись точно

на верхушку сталагмита, а затем пробежал вниз и присоединился к друзьям.

— Глупые вонючие ящеры, — бормотал Пуэнт, пытаясь натянуть на босую ногу сапог.

Металлические полосы сильно погнулись, и эта задача потребовала от него немалых усилий.

— Что же это за существа? — спросил Бренор, обращаясь ко всем сразу.

— Межуровневые создания, — сказал Кордио, наблюдая, как одно из них дымится и разлагается прямо у него на глазах. — Я бы посоветовал тебе держать свою кошку в статуетке, эльф.

Рука Дзирта инстинктивно нащупала в кармане фигурку из оникса, при помощи которой он вызывал Гвенвивар на Материальный Уровень. Он кивнул Кордио, соглашаясь с жрецом. Если ему и потребуется помощь пантеры, это будет в последней, решающей битве, да и тогда он вряд ли осмелится ее вызвать. Дзирт и сам ощущал всепроникающую ауру потустороннего мира. Это место либо было действительно населено призраками, либо обладало какой-то нестабильностью измерений.

Он снова нащупал фигурку и погладил пальцами контуры изображения пантеры. Оставалось надеяться, что сложившаяся ситуация не заставит его прибегнуть к помощи пантеры, но, взглянув на своих измученных и уже сильно уставших спутников, эльф ощутил, как его уверенность тает.

Глава 10 Путь орков

Орки из клана Желтого Клыка рассыпались по северной опушке леса и набросились на деревья, словно мстили неодушевленным растениям за какое-то страшное преступление. Топоры работали в полную силу, вскоре запылали костры, и вся группа, как и было приказано, производила как можно больше шума.

К востоку от этого места, на склоне горы, притаились Днарк, Туугвик Тук и Унг-тол. Они с тревогой следили, как позади к югу пробираются по зарослям воины клана Карук.

— Это слишком рискованно, — предостерег друзей Унг-тол. — Эльфы соберут немалые силы.

Днарк сознавал, что к словам шамана нельзя не прислушаться, поскольку они вторглись в Лунный Лес, обиталище опасного и сильного эльфийского клана.

— Мы скроемся за рекой раньше, чем подойдут главные силы, — ответил Туугвик Тук. — Гргуч и Хакуун все прекрасно спланировали.

— Но мы беззащитны! — возразил Унг-тол. — Если нас заметят на открытом месте...

— Все их взгляды будут прикованы к северу, к огню, пожирающему их любимые деревья-божества, — заверил его Туугвик Тук.

— Это рискованная игра, — вставил Днарк, стараясь успокоить обоих жрецов.

— Это путь воина, — сказал Туугвик Тук. — Путь орка. Это то, что давно должен был сделать Обальд Многострельный, и ничего больше.

Заключавшаяся в этих словах истина была ясна и Днарку, и Унг-толу. Вождь перевел взгляд на крадущихся воинов клана Карук; многие из них даже дополнили свои доспехи и одежду сорванными зелеными ветками. В той же стороне, в густом подлеске, молча и неподвижно стояла группа огров, метателей дротиков, сжимая в руках деревянные пращи.

Днарк понимал, что этот день может закончиться катастрофой, крахом всех их планов воздействия на Обальда. Или принести удачу, которая оправдает их заговор. В любом случае нанесенный здесь удар разбудит громкое эхо и будет рассматриваться как нарушение договора, и вождь считал, что это им на руку.

Он снова пригнулся к самой траве и стал следить за разворачивающимся спектаклем. Конечно, он вряд ли заметит приближение эльфов, но крики принесенных в жертву передовых воинов клана Желтого Клыка известят об их появлении.

В следующее мгновение, не слишком далеко к северу, воздух сотряс как раз такой

воплъ забившегося в агонии орка.

Днарк посмотрел вниз. Клан Карук методично продолжал свое продвижение.

При виде темных столбов дыма, поднимавшихся к небу в северной части Лунного Леса, Инновиндиль лишь встревоженно покачала головой. Иначе как упрямыми глупцами назвать орков невозможно.

Эльфийка положила лук поперек седла и направила Заката над самыми верхушками деревьев, не позволяя пегасу подниматься выше. Она не сомневалась, что передовой отряд разведчиков отвлечет внимание орков, но и сама надеялась сделать несколько выстрелов сверху и воспользоваться замешательством врагов.

Она повернула пегаса влево, к реке, и хотела обойти толпу орков с тыла, чтобы эффективнее направлять своих оставшихся на земле сородичей. Лес заметно поредел, и Инновиндиль отпустила поводья Заката, предоставив пегасу лететь на полной скорости. Ветер отбросил назад светлые локоны эльфийки, захлопал накидкой, и на глазах от резкого холодного воздуха выступили слезы. Инновиндиль превосходно держалась в седле и ритмично поднималась и опускалась в такт движению конских плеч. Благодаря совершенному чувству равновесия она казалась не отдельным существом, а продолжением пегаса. Пальцами одной руки она поглаживала изукрашенный лук, а другую опустила вниз и нащупала оперение стрел, торчавших из колчана сбоку от седла. Инновиндиль повертела в пальцах стрелу и представила, как пустит ее в лицо мародеру-орку.

Оставив реку слева, а край леса справа, Инновиндиль продолжала путь. Она проплыла над лесистым холмом и уже почти спустилась, как внезапно заметила тени, крадущиеся вдоль подножия.

Орки. Южнее костров и шума. Южнее передового отряда.

Она была опытным воином и с первого взгляда распознала засаду. Вторая группа орков намеревалась ударить с фланга в тыл эльфам из Лунного Леса, а костры и весь этот шум на северной опушке были всего лишь приманкой в западне.

Инновиндиль быстро окинула взглядом лес, отметила движение внизу и оценила опасность. Потянув поводья, она развернула пегаса вправо и полетела над небольшим островком леса с маленькой полянкой посередине. Взгляд эльфийки был прикован к основному лесному массиву, где она надеялась определить масштаб схватки и положение своих соплеменников.

Но краем глаза она заметила еще движение внизу среди деревьев. Охваченная беспокойством, она пропустила группу жестоких чудовищ, вдвое превышавших ее ростом и втрое — в ширине плеч.

Она увидела их, но и они ее заметили и забегали внизу, потрясая тяжелыми копьями и нацеливая зазубренные дротики.

— Лети, Закат! — крикнула Инновиндиль, осознав опасность своего положения еще до того, как в воздухе просвистела первая стрела.

Она натянула на себя поводья, принудив пегаса подняться выше, и Закат, почуввав угрозу, забил крыльями изо всех сил. Длинное копье распорол воздух, пролетая мимо, но совсем рядом, и эльфийка поразилась мощности броска.

Она поворачивала пегаса то влево, то вправо, чтобы враги не имели возможности прицелиться. И пегасу, и ей придется сделать все возможное, чтобы выбраться отсюда, и Инновиндиль собралась с силами, готовая принять любой вызов.

Ей было неизвестно, что всадницу на пегасе поджидали, и внимание Инновиндиль было слишком поглощено мелькающими копьями, чтобы заметить в кронах деревьев летящую параллельно маленькую крылатую змею.

Вождь Гргуч с удовольствием и невольным уважением наблюдал за петляющим в небе пегасом. Он быстро понял, что ограм не под силу сбить эту парочку, как и предсказывал его ближайший советник Хакуун. Вождь с довольной усмешкой обернулся к своему жрецу.

— Вот почему я держу тебя рядом, — сказал Гргуч, хоть и не был уверен, что Хакуун, полностью погруженный в чтение заклятия, подготовленного специально для сегодняшнего дня, услышит его похвалу.

Присутствие крылатого всадника в предыдущей схватке с эльфами сильно разозлило Гргуча, поскольку он решил, что именно в нем кроется причина неудавшейся засады. Гргуч верил, что только летающий всадник виноват в преждевременном бегстве эльфов, и теперь опасался, что ситуация повторится. Больше того, он боялся, что эльф сверху может раскрыть замыслы затаившихся каруков.

Хакуун пообещал решить эту проблему и подтвердил свое обещание, подняв руки над головой и выкрикнув последние слова заклинания. Воздух задрожал у губ жреца, и сокрушительная волна энергии рванулась вперед, искажая перспективу, словно катящийся водяной шар или жаркий воздух, поднимающийся от разогретого камня.

Заклятие Хакууна настигло петлявшего пегаса, воздух вокруг вздрогнул и разошелся ударными волнами, сильно встряхнув и крылатого коня, и его всадника.

Хакуун с видом превосходства обернулся к своему вождю.

— Проблема решена, — доложил он.

Инновиндиль не поняла, что ударило ее и, что гораздо важнее, ударило пегаса. Совершенно неожиданно они оба на одно мгновение утратили способность двигаться и со всех сторон обрушились резкие порывы энергии. А потом они начали падать, всего один миг, пока Закат снова не распростер крылья и не поймал восходящий поток воздуха.

Но теперь они оказались гораздо ниже, намного ближе к земле, и инерция движения была потеряна. Никакое искусство всадника или сила пегаса не могли компенсировать это внезапное падение. Теперь все зависело только от простого везения.

Закат заржал от боли, и Инновиндиль почувствовала толчок позади своей ноги. Оглянувшись, она увидела; вонзившееся в бок пегаса копьё и капли крови, окрасившие снежно-белую шкуру жеребца.

— Лети! — умоляла пегаса Инновиндиль, потому что выбора у них не было.

Еще одно копьё пролетело мимо, затем второе заставило Заката резко свернуть, чтобы уберечь голову.

Инновиндиль держалась изо всех сил, костяшки пальцев побелели от напряжения, ноги крепко сжимали бока крылатого коня. Она хотела бы обернуться назад выдернуть копьё, явно мешавшее Закату, но не могла рисковать при таком неровном полете.

Лунный Лес, темный и гостеприимный, поднимался ей навстречу. Это место сотни лет было ей домом, если им удастся туда добраться, жрецы наверняка помогут Закату.

Неожиданный удар сбоку едва не выбросил ее из седла — правое крыло Заката неловко задело всадницу, потом еще раз, и жеребец начал падать. Огромное кот попало в крыло несчастного пегаса, угодив в самый сустав. Инновиндиль приникла к шее коня и умоляла рад нее, ради него самого преодолеть боль и продолжать полет.

Последовал еще один взмах крылом, на этот раз сильнее.

Закат сумел выровнять полет и распростер крылья, чтобы потоки воздуха пронесли их еще немного.

Островок леса исчез позади, и Инновиндиль решила, что они смогут выбраться, что могучему пегасу хватит сил и решимости донести ее до цели. Она обернулась, чтобы посмотреть на копьё в боку Заката. Но не успела.

Едва начав поворачиваться в седле, она ощутила в боку такую резкую боль, что чуть не лишилась сознания. Эльфийка сумела удержаться и повернула только голову. Оказалось, что последний полученный ею удар был нанесен не крылом Заката, а дротиком неизвестного происхождения, застрявшим в бедре. Она ощущала, как он пульсирует магической энергией, словно сердце, наполняет жгучей болью весь бок. Одна из струек крови на шкуре пегаса вытекла не из его тела, а из ее собственного.

Затем правая нога полностью онемела, а перед глазами стала сгущаться темнота.

— Лети, — бормотала она на ухо Закату, зная, что каждый взмах крыльями причиняет ее другу мучительную боль.

Они должны долететь до передового отряда эльфов. Все остальное не важно.

Благородный Закат и отважная всадница пролетели над краем Лунного Леса, и Инновиндиль позвала своих соплеменников, собравшихся под деревьями.

— Бегите на юго-запад! — крикнула она слабеющим с каждой секундой голосом. — Впереди ловушка! Засада!

Закат забил крыльями, заржал от боли и резко накренился влево. Где-то на краю сознания, между небытием и реальностью, Инновиндиль поняла, что пегас больше не в состоянии держаться.

Она думала, что путь перед ними чист, но внезапно на ровном месте выросло раскидистое дерево. Инновиндиль уже было все равно. Ей не доставало сил подумать, что колдун находится где-то рядом и вызывает видения, чтобы их обмануть. Инновиндиль с трудом поняла, что пегас упал на огромную крону, но даже не ощутила боли, когда они оба рухнули вниз, ударяясь о ветви, ломая кости и переворачиваясь. Но в один момент она совершенно ясно увидела нечто странное: маленький старый гном с остатками седых волос над большими ушами, одетый в роскошный блестящий багряно-красный костюм, сидел, скрестив ноги, на ветке и по-детски раскачивался, глядя на нее с нескрываемым Удовольствием.

Мимолетные обрывки мыслей подсказали, что у нее начинаются предсмертные галлюцинации. Так и должно было быть.

Закат первым тяжело ударился о землю и замер бесформенной грудой. Инновиндиль так и осталась на нем, почти вплотную приблизив лицо к его голове.

Она услышала его последний вздох.

И умерла в седле.

Трое орков на склоне горы потеряли из виду эльфийку и ее крылатого коня задолго до их падения, но они видели, как копыта попадали в цель, и радовались каждому удару.

— Клан Карук! — воскликнул Днарк и взметнул над головой сжатый кулак.

В этот момент победного ликования он уже верил: появление полуогров и их еще более мощных сородичей оправдает самые оптимистичные ожидания Туугвика Тука. Эльфы с их летающими всадниками были проклятием орков с тех самых пор, как они вторглись на юг, но теперь-то уж никто не осмелится посягнуть на просторы Королевства Многих Стрел.

— Карук, — согласился Туугвик Тук, хлопнул вождя по плечу и показал вниз.

Там, подняв руки, стоял Гргуч.

— Взять их! — кричал вождь своим воинам. — В лес!

С завыванием и топотом, от которых у вождя и шаманов по коже поползли мурашки, воины клана Карук выскочили из своих укрытий и стремглав понеслись в лес. Из маленькой рощицы вышли неуклюжие огры, и у каждого на одном плече висела праща, а на втором — готовое к бою копьё с раздвоенным наконечником.

Под их тяжелыми шагами задрожала земля, а оглушительные воинственные вопли прогнали ветер.

Предупреждающий крик Инновиндиль был услышан, и ее люди достаточно доверяли всаднице, чтобы не обсуждать приказ. Едва над лесом затих ее голос, эльфы Лунного Леса выпустили по последней стреле и, повернув на юго-запад, стали отступать, перебегая от одного укрытия к другому. Какой бы сильной ни была их ярость, как ни хотели они вернуться и ударить по оркам, предупреждение Инновиндиль нельзя было проигнорировать.

Как и следовало ожидать, тревога была не напрасной: уже через несколько мгновений с востока послышался рев, и эльфы поняли, что это и есть та западня, о которой говорила Инновиндиль. Воины организованно сплотили свои ряды и направились в тот участок, где могли бы эффективно защищаться.

Крайняя с востока группа из дюжины лесных эльфов первой увидела атаку клана

Карук. Огромные полукровки со злобными завываниями и с пугающей скоростью неслись между деревьями.

— Задержим их, — сказал командир группы своим товарищам.

Некоторые из его воинов недоверчиво переглянулись, но на лицах остальных отразилась только твердая решимость. Атака была слишком яростной. Остальным эльфам, перебежавшим от дерева к дереву, грозило полное уничтожение.

Отряд остановился позади древней разбитой и выветрившейся стены из наваленных камней. Эльфы, обменявшись мрачными взглядами, притаились и приготовили луки со стрелами.

Первые огромные орки уже показались вблизи, но эльфы пока удерживались от выстрелов. Вслед за самыми быстрыми преследователями показались еще воины, но и теперь эльфы не дрогнули и не выпустили стрел. Они понимали, что предстоит сражение не за собственные жизни, а ради спасения их соплеменников, которым требовалось время, чтобы организовать оборону.

Авангард орков из клана Карук уже был в пяти шагах от каменной гряды, и только тогда все эльфы, как один, вскочили, прицелились и выпустили залп.

Раздались крики, орки попадали, и снег перед стеной окрасился кровью. Вылетели следующие стрелы, но орков подбегало все больше и больше. А перед ними плясал в воздухе небольшой пылающий шар, и эльфы знали, какую угрозу он представляет. Словно по команде, они пригнулись, укрываясь под рядами камней от огненного снаряда, который, сказать по правде, поразил больше атакующих в первых рядах орков, чем спрятавшихся эльфов, но при этом взрыв нарушил синхронность их обороны.

Крики умирающих сородичей только подстегнули воинов клана Карук. Они не знали страха, и единственным их желанием было желание погибнуть во славу Груумша и Гргуча. Орки в своей ярости не обращали внимания на град стрел и горящие ветки, падавшие на головы после взрыва. Кое-кто даже хватал раненых товарищей и нес перед собой, используя в качестве щита.

Эльфы за стеной отложили луки и обнажили тонкие длинные мечи. Воины в серебристых кольчугах и развевающихся на ветру накидках, не обращая внимания на тлеющую одежду — а некоторые были еще охвачены пламенем, — встретили врагов с отвагой, решимостью и ловкостью.

Но воинов Гргуча было слишком много, и эльфы гибли, их оружие из серебристого стало красным, а пропитанные кровью накидки отяжелели и уже не развевались под порывами ветра.

Гргуч провел своих воинов еще дальше, но он понимал, что находится уже на территории эльфов, где залпы стрел грозили им с каждого холма и крон деревьев, а губительные магические заклинания могли настичь совершенно неожиданно. Вскоре он поднял руку с открытой ладонью, подав сигнал к окончанию атаки, а потом жестом указал на юг, отправив вперед тройку огров.

— Заберите их головы! — приказал он оркам и кивнул в сторону защитников каменной стены. — Мы насадим их на колья и поставим на западном берегу реки, чтобы волшебный народец не забывал о своих ошибках.

Но стоило одному из орков отойти в сторону, как раздался крик боли. Гргуч понимающе кивнул. Он знал, что эльфы способны мгновенно перегруппировать свои силы и нанести ответный удар. Возможно, они уже готовы к продолжению сражения.

— К реке! — приказал он.

Гргуч считал, что выполнил свой долг перед кланом Карук и перед тремя эмиссарами, убедившими его покинуть глубокие тоннели Хребта Мира.

Конечно, он не знал о четвертом наблюдателе, не принадлежащем к клану Карук, но сыгравшем в сегодняшнем сражении важную роль. Джек снова принял образ Джекули, обернулся вокруг ветки дерева и с любопытством наблюдал за всем, что происходило вокруг. В ближайшем будущем ему еще предстоял долгий разговор с Хакууном, но он был

вполне доволен, что вслед за кланом Карук покинул Подземье.

Он уже почти забыл о возможностях Верхнего Мира и его забавной суете.

Кроме того, он всегда недолюбливал эльфов.

На обратном пути к завоеванным орками землям с лиц Днарка, Туугвика Тука и Унг-тола не сходили свирепые улыбки.

— Мы разбудили ярость Груумша, — сказал Днарк, когда вся троица остановилась на западном берегу Сарбрина, и все оглянулись на Лунный Лес.

Солнце за их спинами спустилось к самому горизонту, и лес выглядел очень необычно, словно ряды деревьев превратились в крепостную стену величественного замка.

— Это напугает королю Обальду о нашей истинной Цели, — заявил Унг-тол.

— Или он будет смещен, — добавил Туугвик Тук. Двое остальных даже не поморщились от таких слов, впервые произнесенных открыто. После того как они стали свидетелями хитрости, мощи и свирепости клана Карук и самого Гргуча, их уже ничто не пугало. Тем более что в каких-то двадцати футах к северу от их стоянки покачивались на ветру насаженные на шесты головы эльфов.

Сердце Албондиэля дрогнуло при виде сверкнувшего впереди белого пятна. Сначала он подумал, что это лишь очередной клочок снега, оставшийся в лесу, но, обойдя толстый ствол дерева, чтобы рассмотреть находку, он все понял.

У снега не бывает перьев.

— Хралайн, — позвал он, едва совладав со своим голосом.

Казалось, что время остановилось вокруг пораженного эльфа, и несколько мгновений, прошедших до прихода друга, протянулись для него мучительными часами.

— Это Закат, — прошептал Хралайн и шагнул вперед. Албондиэль, собравшись с силами, последовал за ним.

Он уже знал, что им предстоит обнаружить.

Инновиндиль лежала на спине пегаса, обхватив руками белоснежную шею, прижав лицо к голове Заката. С первого взгляда, когда Албондиэль вышел из-за дерева, так жестоко оборвавшего полет Заката и Инновиндиль, сцена казалась мирной и спокойной, словно его подруга отдыхала на спине своего любимого пегаса. Но дальнейший осмотр выявил правду: стали видны огромные копыта, следы крови, сломанное крыло и рана от заговоренного дротика в бедре эльфийки, вокруг которой уже начала разлагаться плоть.

Хралайн склонился над погибшими, погладил густые волосы Инновиндиль, а второй рукой провел по могучей шее Заката.

— Они готовились к нашему нападению, — сказал он.

— Готовились?! — воскликнул Албондиэль, качая головой и вытирая бегущие по щекам слезы. — Не просто готовились. Они точно рассчитали нашу реакцию на свои действия.

— Но это же орки! — возразил Хралайн.

Затем он резко выпрямился и отвернулся. Эльф поднял перед собой руки, медленно развел их в стороны и назад, одновременно выгнув спину и запрокинул назад голову. Это ритуальное движение часто использовалось во времена тяжелых испытаний и горя, и Хралайн закончил его пронзительным криком в небо, выражая свой протест богам, пославшим столько боли его народу в этот сумрачный день.

Он быстро овладел своими чувствами и постарался на время забыть об утрате. Хралайн повернулся к Албондиэлю, все еще стоявшему на коленях и гладившему волосы Инновиндиль.

— Орки, — повторил Хралайн. — Неужели они стали такими сообразительными?

— Они всегда проявляли хитрость, — заметил Албондиэль.

— Но они слишком много о нас знают, — возразил Хралайн.

— Значит, нам придется изменить свою тактику. Но Хралайн покачал головой:

— Боюсь, этого будет недостаточно. Не направляет ли их действия темный эльф, которому отлично известны наши методы?

— Этого мы не можем знать, — предостерег его Албондиэль. — Возможно, это была обычная засада.

— Для Инновиндиль и Заката?

— Был ли это замысел или простое совпадение? Ты берешь на себя слишком большую ответственность.

Хралайн опустил на колени рядом со своими друзьями — мертвыми и живым.

— Разве можно без этого обойтись? Албондиэль на некоторое время задумался:

— Мы должны разыскать Тос'уна.

— Надо послать весточку в Мифрил Халл, рассказать Дзирту До'Урдену, — предложил Хралайн. — Он тоже будет опечален гибелью Инновиндиль и Заката. Кроме того, он лучше знает методы Тос'уна и когда-то поклялся разыскать дроу.

Их внимание привлекла пролетевшая тень.

Над головами эльфов кружил Заря, горестно склонив голову и плача по погибшему собрату.

Албондиэль посмотрел на Хралайна и увидел, что его друг тоже плачет. Он взглянул вверх, но под утренним солнцем едва смог различить летевшего пегаса сквозь пелену собственных слез.

— Найти Дзирта, — услышал он собственный шепот.

Глава 11

Обманчивые приметы

— Запакуйте здесь все и заберите с собой, — проворчал Бренор и закинул на плечи рюкзак. Свой топор король дворфов взял под самым оголовком и держал рукоятью вниз, опираясь, словно на обычную трость. Через мгновение Бренор уже шагал по тоннелю, оставляя всю группу позади.

Тибблдорф Пуэнт, растеряв большую часть обеда в бороде и на доспехах, быстро ринулся следом, торопясь догнать Бренора, а Торгар и Кордио тоже поднялись со своих мест, но при этом проявили меньший энтузиазм и даже обменялись беспокойными взглядами.

Реджис, вздыхая, посмотрел на недоеденную снедь — ломоть холодной говядины на плоском хлебце, кружку густого соуса и кусок пирога.

— Вечно мы спешим, — пожаловался он Дзирту, пока тот помогал упаковывать остатки обеда.

— Бренор нервничает, — ответил Дзирт. — К тому же он сильно обеспокоен.

— Это из-за монстров?

— Из-за того, что тоннели не оправдывают его ожиданий, — пояснил дроу, и Реджис удовлетворенно кивнул.

Они спустились в провал в надежде найти дорогу, ведущую к легендарному городу дворфов Гонтлгриму, и поначалу, после сражения с чудовищами, все шло так, как они и ожидали, включая плавно понижающийся тоннель с рукотворной стеной. С одной стороны прохода, так же как на полу и потолке, можно было увидеть только необработанную поверхность скалы, но вторая стена не оставляла сомнений в том, что это не каприз природы. Следы работы каменщиков убедили Бренора и остальных дворфов в том, что это результат деятельности их предков.

Но тоннель не оправдал их ожиданий и не вывел к цели, хотя они были уже глубоко под землей и до сих пор находили фрагменты древних сооружений. След явно остывал.

Дзирт и Реджис поспешили догнать ушедшую вперед группу. Поскольку монстры появлялись из темноты, словно ниоткуда, группа не могла разделиться, и это создало проблему уже через сотню футов, когда Бренор вывел их в небольшую пещеру, которую тут

же называли центром, поскольку от нее отходило по меньшей мере шесть тоннелей.

— Ну вот, взгляните! — крикнул Бренор, тыча рукоятку своего топора в воздух. — Ни одна река, никакой зверь не смогли бы создать такую площадь.

Дзирт, оглядываясь кругом, не мог ничего возразить. Кроме одной стороны, где внутрь провалилась земля, площадь была совершенно круглой, а тоннели располагались через равные промежутки. Помещение явно было спланировано.

Торгар упал на колени и начал копать слежавшуюся грязь, и его работа пошла гораздо быстрее, после того как присоединившийся Пуэнт пустил в ход латные рукавицы с шипами. Через несколько минут шип заскрежетал по камню, а когда воин расширил раскопки, камень оказался плоским.

— Мостовая! — объявил Торгар.

— Гонтлгрим! — сказал Бренор и многозначительно подмигнул Дзирту и Реджису. — Никогда не сомневайтесь в старом дворфе!

— Еще один! — доложил Пуэнт.

— Я уверен, ими выложен здесь весь пол, — обрадовался Бренор. — Это центральная площадь для торговых караванов, или можете назвать меня бородатым гномом. Вы и сами все поняли, — добавил он, глядя на Торгара.

Дворф из Мирабара согласно кивнул.

Дзирт посмотрел на четвертого из дворфов. Кордио подошел к стене между двумя тоннелями и поскреб поверхность. Нож скользнул в трещину, и под слоем накопившейся грязи и пыли обнаружилась ровная вертикальная линия. Жрец молча кивнул.

— Что ты нашел? — спросил Бренор и в сопровождении Торгара и Пуэнта приблизился к Кордио.

Секунду спустя жрец отвалил большой пласт поверхностных отложений, и стало ясно, что он обнаружил дверь. Общими усилиями дворфы полностью ее расчистили и, к всеобщей радости, даже смогли открыть. За дверью оказалось небольшое замкнутое пространство. Часть задней стены в левом углу обвалилась, обрушив несколько полок, но остальное пространство комнаты осталось нетронутым.

— Это строили дворфы, — сказал Бренор Дзирту, когда дроу шагнул через порог.

Король дворфов прошел к стене и стал внимательно исследовать древние металлические артефакты. Очевидно, раньше это были инструменты или оружие, и Бренор взял в руки один предмет, напоминавший шест или даже мотыгу.

— Может быть, и дворфы, — согласился Торгар, осматривая другой предмет с короткой рукояткой, напоминавший заступ. — Слишком старые, чтобы сказать точно.

— Нет, все это сделано дворфами, — настаивал Бренор. Он развернулся и окинул взглядом все помещение. — Это место принадлежало дворфам.

Остальные кивали, но не потому, что сами пришли к подобному заключению, а просто не могли опровергнуть его теорию. Обломки стола и пары стульев вполне могли выйти из-под рук дворфов, и их размеры хорошо подходили бородатому народу. Кордио, минуя все предметы обстановки, подошел к очагу и снова стал скрести камень и разгребать мусор, казалось поддерживая мнение Бренора. Назначение очага и тщательность работы не вызывали сомнений. Старинные кирпичи были уложены так плотно, что время не смогло нарушить целостность сооружения. Можно было предположить, что после некоторой чистки его снова будет легко разжечь.

Дзирт тоже обследовал очаг и обратил особое внимание на его небольшую глубину и воронкообразную форму боковых стен, расширявшихся непосредственно в помещении.

— Эта площадь — городской форпост, — заявил Бренор, как только они вышли из комнаты. — Мне кажется, сам город должен находиться в противоположной стороне от того тоннеля, по которому мы пришли.

— Вперед! — воскликнул Пуэнт, без промедления направляясь по указанному пути.

— Отличная догадка насчет двери, — похвалил Бренор Кордио и похлопал его по плечу, а затем вместе с Торгаром бросился догонять Пуэнта.

— Это была не догадка, — сказал Дзирт вполголоса, чтобы услышал только Реджис.

Но Кордио, видимо, тоже услышал его слова, поскольку оглянулся на друу, и его лицо, как показалось Реджису, отнюдь не выражало радости. Затем жрец поспешил за королем, но на ходу бормотал себе под нос:

— Зачем мостить дорогу под землей?

Реджис в ожидании разъяснений перевел взгляд на Дзирта.

— Это был отдельно стоящий дом, а не укрепленное пещерное жилье, — пояснил Дзирт.

Реджис огляделся по сторонам:

— Ты думаешь, между тоннелями есть и другие такие же дома?

— Возможно.

— И что все это значит? В предместьях Мирабара было много отдельных домов, это довольно обычное дело для подземных городов.

— Верно, — согласился Дзирт. — И Мензоберранзан состоит из множества подобных структур.

— Но выражение лица Кордио весьма многозначительно, — заметил хафлинг. — Если расположение строений такое, как они ожидали увидеть, почему он так сильно хмурится?

— Ты видел очаг? — спросил Дзирт.

— Дворфский, — ответил Реджис.

— Может быть.

— А что в нем не так?

— Очаг не был предназначен для приготовления еды, — пояснил Дзирт. — Он использовался, чтобы нагревать комнату.

Реджис, не понимая сути, пожал плечами.

— Мы очень глубоко под землей, и температура здесь почти не меняется, — растолковал ему Дзирт и бросился догонять остальных.

Реджис немного помедлил и оглянулся на открытую комнатку.

— Может, стоит осмотреть здесь все более внимательно? — спросил хафлинг.

— Догоняй Бренора, — поторопил его Дзирт. — Скоро мы получим ответы на все вопросы.

Они больше не стали обсуждать бесконечные загадки, а поспешили присоединиться к четверым дворфам, что заняло довольно много времени, поскольку Бренор вел группу по тоннелю ускоренным шагом.

Вскоре тоннель значительно расширился, а потом разделился на несколько отдельных параллельных проходов различной ширины, уходящих все в том же направлении. Бренор без колебаний выбрал центральный, но вскоре обнаружилось, что это не имело значения, так как тоннели соединялись между собой во многих точках. Более того, немного погодя путники увидели, что все тоннели представляли собой единое пространство, разделенное рядами колонн, столбов и других сооружений.

В одном из переходов они наткнулись на низкий вход, над которым по диагонали располагалось строение, выполненное весьма искусными каменщиками. Здесь можно было различить отдельные бруски камня, и они крепко держались даже по прошествии многих столетий, несмотря на разрушение соседнего сооружения, примыкавшего к одной из стен.

— Похоже на ствол наклонной шахты для быстрого спуска, — заметил Бренор.

— Это упавший шпиль здания, — возразил Кордио, однако Бренор только хмыкнул и пренебрежительно махнул рукой.

Но Торгар подошел ближе и высказал свое мнение:

— Да, это шпиль. — Дворф помолчал, глядя наверх. — Он упал с большой высоты. Или соскользнул.

— И как вы оба об этом узнали? — с явным раздражением спросил Бренор.

Вероятно, он уже начинал понимать, что дело поворачивается совсем не так, как он ожидал.

Торгар тем временем махал им рукой и показывал на ближний угол сооружения, где каменные бруски были закруглены, но явно без применения инструментов.

— Мы все время сталкиваемся с этим в Мирабаре, — объяснил Торгар и провел большим пальцем по закруглению. — Ветер сглаживает камни. Это место находилось не под землей, а под открытым небом.

— В тоннелях тоже есть ветер, — возразил Бренор. — Сквозняки и те порывы, что долетают сверху.

Торгара его слова не убедили.

— Это здание стояло наверху, — сказал он, качая головой. — Стояло долгие годы, пока не ушло под землю.

— Ба! — фыркнул Бренор. — Это всего лишь догадки.

— А не могло быть над Гонтлгримом торговой площади? — вмешался Кордио.

Дзирт, глядя на Реджиса, закатил глаза, и, едва дворфы двинулись дальше, хафлинг схватил его за рукав и задержал.

— Ты не веришь, что в Гонтлгриме был наземный рынок? — спросил Реджис.

— Гонтлгрим? — скептически переспросил Дзирт.

— Ты не веришь?

— Боюсь, на поверхности земли стоял не только рынок, — вздохнул Дзирт. — Все эти сооружения — тоже. И Кордио с Торгаром это уже поняли.

— Но не Бренор, — произнес Реджис.

— Это будет для него тяжелым ударом, а он еще не готов его принять.

— Ты считаешь, что весь город когда-то стоял на поверхности? — уточнил Реджис. — И весь город погрузился в тундру?

— Пойдем за дворфами. Мы узнаем все, что нам предстоит узнать.

Тоннели тянулись еще на сотню футов, но вскоре путники оказались перед солидной преградой, блокировавшей и все остальные проходы. Торгар несколько раз постучал по стене маленьким молоточком, прислушался к звуку ударов и после тщательного осмотра всех тоннелей объявил свое заключение:

— За стеной находится большое пустое пространство. Я в этом уверен.

— Кузницы? — с надеждой спросил Бренор. Торгар только пожал плечами:

— Есть только один способ это выяснить, мой король.

Они разбили лагерь прямо в центральном тоннеле у основания стены, и, пока Дзирт и Реджис бродили по тоннелям на случай внезапного нападения, дворфы разрабатывали план безопасного пролома. После чего все немного перекусили, и застучали молотки, причем самым энергичным был звук инструмента Бренора.

Глава 12 Гордость Несма

— Я надеялся отыскать эту женщину до последнего перехода к Несму, — сказал Вульфгар Кэтти-бри.

Их караван остановился пополнить запасы у незначительного и безымянного скопления домиков в двух днях пути от конечной цели путешествия, и это была последняя остановка, запланированная маршрутом.

— По дороге есть еще поселения, — напомнила ему Кэтти-бри слова одного из возниц о нескольких уединенных гостиницах, которые им предстояло встретить на пути в следующие два дня.

— Это всего лишь домики для охотников и бродяг, — ответил Вульфгар. — Там нет подходящего места для Котти и Кэлси.

— Если только беженцы не остались все вместе, чтобы образовать новое поселение.

Вульфгар ответил проницательной усмешкой, отражавшей и собственное мнение Кэтти-бри. Она, как и Вульфгар, знала наверняка, что Котти Куперсон и Кэлси они найдут

только в Несме.

— Осталось два дня, — сказала Кэтти-бри. — Всего Два дня, и Кэлси снова окажется в твоих руках. Где ей и надлежит быть.

Угрюмое выражение лица Вульфгара, ставшее еще более хмурым, вызвало у нее удивление.

— Мы ничего не слышали о несчастных случаях на дороге, — продолжила Кэтти-бри. — Если бы караван, где была Котти и остальные беженцы, подвергся нападению, в селениях вдоль дороги об этом бы уже знали. Теперь мы уже совсем близко, и можно с уверенностью сказать, что Котти и Кэлси благополучно добрались до Несма.

— И все же мне не нравится это место, — проворчал он. — И нет никакого желания снова видеть Галена Ферта и его надменных приятелей.

Кэтти-бри придвинулась ближе и положила руку на плечо Вульфгара.

— Мы заберем девочку и уйдем, — сказала она. — Все закончится быстро, потребуется лишь несколько слов. С обратным караваном мы доберемся до Мифрил Халла, но туда прибудем уже с твоей девочкой.

Лицо Вульфгара оставалось непроницаемым, и это только усилило подозрения Кэтти-бри, что что-то неладно.

На следующее утро караван вышел из деревни еще до рассвета, и колеса снова закрипели по неровной и постоянно покрытой грязью дороге. Путь лежал на запад, а с юга все ближе подступали Болота Троллей — зловонная трясина, населенная малоприятными тварями. Но возницы, уже хорошо изучившие эту местность, с удовольствием сообщили, что после рейдов Серебряной Гвардии Аластриэль и всадников Несма дорога стала гораздо безопаснее.

— Путь стал намного спокойнее, чем даже десять лет назад, — утверждал главный возничий.

— А я так уже сожалею об этом! — громко откликнулся возница со второй повозки. — Я надеялся, что хоть несколько троллей покажут свои отвратительные морды, чтобы мы увидели работу детей Бренора!

Его слова вызвали общее оживление, и улыбка отразилась на лице Кэтти-бри. Она взглянула на Вульфгара. Если ее спутник и слышал последние реплики, он ничем этого не показал.

Вульфгар и Кэтти-бри не совсем представляли себе, что им предстоит увидеть, но, когда перед караваном наконец-то возник Несм, они с уверенностью могли сказать, что это совсем не тот город, через который они проходили несколько лет назад, возвращаясь в Мифрил Халл. Напрасно они воображали себе картину разрушенных и сожженных домов и беспорядочных временных построек. Несм снова возродился, даже несмотря на холодную ветреную зиму.

Большая часть развалин после нашествия троллей уже была убрана, и на месте старых построек выросли новые здания — выше, крепче, с более толстыми стенами. Сооружение двойной крепостной стены, охватывающей весь город, уже близилось к завершению, а та сторона, что граничила с Болотами Троллей, была значительно усилена.

Вокруг Несма патрулировали отряды вооруженных всадников в доспехах, и они встретили караван еще на подходе к главным воротам.

Несм снова ожил, став воплощением решимости и стойкости, а также бесконечного упорства, отличавшего жителей всех приграничных человеческих поселений по всему Фазруну. Несмотря на оправданную неприязнь к городу, возникшую много лет назад, ни Кэтти-бри, ни Вульфгар не могли не испытывать уважения к его жителям.

— Восстал, как феникс из пепла, — сказала Кэтти-бри, пока повозка подъезжала к воротам. — Эти люди не согнутся перед испытаниями.

Вульфгар чуть кивнул, соглашаясь с ней, но не повернул головы, внимательно рассматривая город.

— Теперь в городе больше жителей, чем перед нападением троллей, — повторила она

слова одного из возникших. — Говорят, что население удвоилось.

Вульфгар не мигнул и не ответил даже взглядом. Кэтти-бри отчетливо ощущала его внутреннее смятение и знала, что оно вызвано не тревогой за Кэлси. По крайней мере не только этим.

Она снова попыталась втянуть его в разговор:

— Пример Несма может вдохновить людей на строительство новых городов вдоль дороги на Серебристую Луну. Это было бы решительным ответом на вылазки троллей, не правда ли? Хорошо, если северные районы настолько окрепнут, что учредят собственное ополчение, и тогда мерзким тварям придется навсегда остаться в болотах.

— Возможно, — произнес Вульфгар, но по его тону Кэтти-бри поняла, что он даже не задумывался, с чем соглашается.

Городские ворота из черных окоренных бревен, скрепленные широкими металлическими полосами и втрое превышавшие рост самого высокого человека, разошлись с протестующим скрипом, и стражники дали знак каравану войти в город. За крепостной стеной Вульфгар и Кэтти-бри увидели, что первое впечатление от города их не обмануло: по сравнению с прошлым разом Несм и впрямь значительно вырос и стал более внушительным. Слева, вдоль южной крепостной стены, выросло двухэтажное здание для усиленного гарнизона, а прямо перед путниками поднималось к небу самое высокое в городе здание, если не считать единственной башни, маячившей где-то в северо-западном квартале. С открытой площади, где остановились повозки, к западу от ворот вели два десятка ступеней, а за ними шли два узких параллельных моста — короткий, но удобный для обороны проход к новой ратуше Несма. Как и во всех городских зданиях, здесь еще не закончились строительные работы, но и оно, подобно остальным сооружениям Несма, было готово отразить любое нападение троллей с южных болот или короля Обальда с севера.

Вульфгар спрыгнул с задка повозки и помог спуститься Кэтти-бри, чтобы ей не пришлось лишний раз напрягать раненую ногу. Она немного постояла, опираясь на его руку, и слегка размяла болевшие мышцы.

— Люди, которых вы разыскиваете, могут быть где угодно в этом городе, — негромко произнес подошедший главный возникший. Из-за опасений, что слухи об их приближении могут докатиться до Котти и ее друзей, только ему во всем караване была известна истинная причина, приведшая Вульфгара и Кэтти-бри в Несм. — Для них нет общих помещений, подобных тем, что вы могли видеть в Серебристой Луне, поскольку в Несме построено много домов и приезжих здесь больше, чем коренных жителей. Больше половины людей бежали сюда с захваченных Обальдом земель. Вместе с Серебряной Гвардией, оставшейся с благословения леди Аластриэль, они сплотились для защиты...

— Я уверена, местные писцы должны вести списки всех приезжих и отмечать, кто где поселился, — нетерпеливо прервала его Кэтти-бри.

— Если такие списки имеются, вы найдете их здесь, — ответил возникший и указал на внушительную ратушу. — А если нет, вы можете попытать счастья в тавернах по окончании работ. Большинство рабочих проводят вечера в подобных заведениях, и их пока совсем немного, все расположены на одной улице в юго-восточном квартале. Если кто-то и знает о Кэлси, там можно будет все разузнать.

Слух о прибытии каравана с двумя необычными охранниками быстро распространился по Несму. И как только разговоры о Вульфгаре и Кэтти-бри достигли ушей беженцев, с которыми успела подружиться Котти Куперсон, они тотчас поняли, что женщине грозит опасность.

Так что к тому времени, когда Вульфгар и Кэтти-бри добрались до района, где располагались таверны, двое обеспокоенных приятелей привели Котти и Кэлси к казармам и отдельно стоящему дому нынешнего правителя Несма Галена Ферта.

— Он приехал, чтобы забрать ребенка, — объяснил Галену Тиигорр Рет, пока его друг Ромдуул оставался вместе с Котти и Кэлси в приемной.

Сидящий за столом Гален, обдумывая его заявление, откинулся на спинку кресла. Его неприятно поразило сообщение о пребывании в городе принца и принцессы Мифрил Халла. Гален предполагал, что эти двое прибыли с дипломатической миссией, а учитывая опыт прежних сношений с Мифрил Халлом, миссия едва ли могла быть дружеской. В прошлых сражениях по вине Несма Мифрил Халл понес тяжелые потери. Неужели король Бренор решил потребовать какую-то компенсацию?

Гален никогда не испытывал особенного расположения к дворфам из Мифрил Халла, а к этим двоим его представителям особенно.

— Ты не можешь позволить им ее увезти, — настаивал Тиигорр.

— А что, он может на это претендовать? — спросил Гален.

— Прошу прощения, господин, но Котти ухаживала за девочкой с тех пор, как ушла из Мифрил Халла. Она приняла ее, как родную дочь, и она сильно пострадала.

— Девочка?

— Нет, господин, Котти, — пояснил Тиигорр. — Она потеряла своих детей — всех своих детей.

— А это ребенок Вульфгара?

— Нет, не совсем. Он привез девочку вместе с Делли, но потом Делли отдала ее Котти.

— С разрешения Вульфгара или без него?

— Кто теперь может это сказать?

— Я думаю, сам Вульфгар.

— Но...

— Ты уверен, что Вульфгар пришел сюда, чтобы забрать свою дочку, но разве он не мог просто завернуть по пути и провести ребенка? — спросил Гален. — Или у него имелись совершенно другие причины посетить Несм. Разве он знает, что Котти собиралась остаться в городе?

— Я... я не могу с уверенностью это утверждать, господин.

— Значит, ты высказал всего лишь предположение. Что ж, хорошо. Пусть Котти остается здесь, пока мы не выясним, с какой целью прибыл Вульфгар.

— О, спасибо и за это, господин!

— Только не наделяй ошибок, мой дорогой Тиигорр. Если требования Вульфгара законны и он захочет вернуть себе ребенка, я обязан удовлетворить его просьбу.

— Прошу меня извинить, господин, но с Котти прибыли два десятка ее друзей. Хорошие, сильные люди, знающие жизнь на границе и способные держать в руках оружие.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет, господин, — торопливо ответил Тиигорр. — Но если Несм не защитит своих жителей, кто захочет здесь оставаться?

— О чем ты толкуешь? — Гален с угрожающим видом приподнялся из-за стола. — Разве я могу прикрывать похитителей детей? Или Несм должен превратиться в убежище для преступников?

— Все не так просто, господин, — сказал Тиигорр. — Делли Керти по своей воле отдала девочку Котти, так что ее нельзя обвинить в похищении.

Последние слова заставили Галена призадуматься. Презрительное выражение не покидало его лица, хотя ввязываться в такого рода сражение было ему совсем не по душе. Несм не связывали с кланом Боевого Топора Дружеские отношения, несмотря на тот факт, что дворфы не раз посылали воинов на помощь горожанам. В конечном итоге даже восстановление Несма произошло вопреки пожеланиям короля Бренора, жаждавшего продолжить войну против Обальда, и грозные взгляды дворфа при их последней встрече не оставляли в этом никаких сомнений.

Кроме того, оставались старые разногласия, связанные с отношением к Бренору и его друзьям, включая и Вульфгара, и эльфа Дзирта, с которым они столкнулись много лет назад, когда проходили через город. Это неприятное происшествие породило давнюю неприязнь между Галеном Фертом и дворфами.

Гален довольно долго взвешивал все возможности и в конце концов не смог удержаться от злобной усмешки, скользнувшей по его задумчивому лицу. Он не мог не признаться самому себе, что получил бы удовлетворение, причинив боль Вульфгару, если представится такая возможность.

— Кто знает, что ты сюда пришел? — спросил Гален. Тиигорр удивленно моргнул:

— В Несм?

— Кто знает, что ты и твой друг привели ко мне Котти и девочку?

— Кое-кто из беженцев, вместе с нами переправлявшихся через Сарбрин.

— Они не будут об этом болтать?

— Нет, — заверил его Тиигорр. — Никто не желает, чтобы Котти Куперсон лишилась ребенка. Она перенесла жестокие страдания, а теперь обрела спокойствие. Ничего лучше Вульфгар не может предложить ребенку.

— Вульфгар — принц Мифрил Халла, — напомнил ему Гален. — И без сомнения, далеко не нищий.

— А Мифрил Халл не место для человека, и особенно для девочки! — не унимался Тиигорр. — Это крепость дворфов, и для них она вполне подходит, но девочке там расти не подобает.

Гален Ферт вышел из-за стола.

— Оставь ее здесь, — сказал он. — Я пойду и повидаясь со своим старинным знакомым Вульфгаром. Возможно, дело не в девочке, а в чем-то еще.

— А если он приехал за ней?

— Тогда считай, что этого разговора не было! — приказал Гален.

Он поставил у дверей приемной двоих охранников, наказав им никого не впускать, а сам в сопровождении еще двоих воинов вышел в уже окутанный темнотой город и направился к району таверн и гостиниц. Как он и ожидал, Кэтти-бри и Вульфгара не пришлось долго искать — они сидели за столом недалеко от стойки бара самой большой таверны и больше прислушивались, чем говорили.

— Вы пришли усилить наш гарнизон! — с преувеличенной любезностью воскликнул Гален Ферт, приближаясь к столу. — Я всегда рад крепким рукам и меткому луку!

Вульфгар и Кэтти-бри оглянулись на голос, и оба, особенно огромный варвар, узнав Галена, напряженно нахмурились.

— Мы нужны в своем гарнизоне, в Мифрил Халле, — вежливо ответила Кэтти-бри.

— Орки все еще не отступили! — добавил Вульфгар, и его резкий тон напомнил Галену, что его собственное решение возродить Несм сыграло немаловажную роль в отказе от уничтожения короля Обальда.

Остальные посетители таверны тоже это понимали, и все притихли, глядя на Галена, стоявшего у стола приемных детей короля Бренора.

— Всему свое время, — объявил Гален, оглянувшись и убедившись в поддержке присутствующих. — После того как Несм восстал из руин, Серебряные Земли стали сильнее.

Вокруг раздались одобрительные выкрики, и Гален Ферт заговорил громче:

— Больше никогда тролли не вылезут из своей грязи и не смогут угрожать западным окраинам Серебристой Луны и южным подступам вашего Мифрил Халла.

Утверждение, что Несм служит безопасности Мифрил Халла, заставило Вульфгара еще крепче сжать зубы, ведь те немногие жители города, что уцелели в последних набегах, спасались именно в Мифрил Халле.

Гален как раз на это и рассчитывал, и он многозначительно усмехнулся, когда Кэтти-бри успокаивающим жестом положила свою руку на предплечье Вульфгара.

— Но нас никак не уведомили о том, что предстоит радостная встреча, — продолжал Гален Ферт. — Или в Мифрил Халле принято присылать своих эмиссаров без предупреждения?

— Мы здесь не по делам Бренора, — сказала Кэтти-бри и жестом пригласила Галена сесть за их стол напротив Вульфгара.

Он выдвинул стул, но не сел, а развернул к себе и поставил на сиденье ногу, так что остался возвышаться над своими собеседниками. Впрочем, только до тех пор, пока Вульфгар не поднялся на ноги. Почти семь футов роста варвара и его гигантские плечи начисто лишили Галена преимущества.

Но он не сдавался и уперся в лицо Вульфгара пристальным взглядом.

— Тогда зачем? — спросил Гален уже тише, но не менее настойчиво.

— Мы пришли с караваном как его охранники, — сказала Кэтти-бри.

Гален перевел взгляд на женщину:

— Дети Бренора нанимаются к купцам?

— Мы вызвались добровольно, преследуя обоюдные интересы, — ответила Кэтти-бри.

— Таким способом мы разрешили и свои проблемы, — добавил Вульфгар.

— Чтобы попасть в Несм? — уточнил Гален.

— Да.

— Но если дело не касается Брен...

— Я пришел в поисках девочки по имени Кэлси, увезенной из Мифрил Халла, — прервал его Вульфгар.

— Увезенной? Противозаконно?

— Да.

Несколько человек за спиной Вульфгара недовольно зашумели. Гален узнал в них приятелей Тиигорра и Котти и понял, что скоро может возникнуть драка, а подобной неприятности он не предвидел. По правде говоря, он был не против испытать свою силу в поединке против легендарного Вульфгара, а предотвратить общую свалку ему помогут несколько стражников.

— Как могло случиться, что из Мифрил Халла был похищен ребенок? — спросил он. — Да еще переправлен через реку на пароме самого Бренора? Что это за подлый заговор?

— Девочку зовут Кэлси, — вмешалась Кэтти-бри, пока Вульфгар и Гален сверлили друг друга сердитыми взглядами. — У нас есть причины полагать, что она добралась до Несма. Фактически мы в этом уверены.

— Здесь немало детей, — согласился Гален. — Обездоленные беженцы привозят их со всех краев, чтобы найти достойное общество и убежище.

— Никто не может отрицать, что Несм с радостью принимает всех, кто нуждается в защите, — признала Кэтти-бри, и Вульфгар бросил в ее сторону короткий взгляд. — Это хорошо и для них, и для постоянно растущего города.

— Но здесь находится ребенок, не принадлежащий ни городу, ни женщине, которая его сюда привезла! — настойчиво произнес Вульфгар. — Я пришел, чтобы забрать девочку.

Кто-то за его спиной шевельнулся, и он развернулся — быстро, словно эльф. Выбросив вперед правую руку, он крепко схватил одного из приятелей Котти, потом опустил руку вниз, увлекая вниз и попытавшегося напасть глупца. Левой рукой Вульфгар быстро перехватил его за ворот туники. В мгновение ока варвар поднял человека на два фута над полом и энергично встряхнул.

Обернувшись к Галену Ферту, Вульфгар одним движением запястья отбросил незадачливого защитника Котти далеко в сторону.

— Кэлси уедет со мной. Ее увезли по ошибке, и, хотя я не усматриваю в том злой воли, — он немного помедлил, окинув присутствующих испытующим взглядом, — со стороны тех, кто находился рядом с этой женщиной, и, конечно, со стороны самой женщины, я уйду отсюда только вместе с дочерью.

— Как же она попала за пределы Мифрил Халла, крепости дворфов? — спросил Гален Ферт, испытывая все большее раздражение.

— Ее вынесла Делли Керти, — ответил Вульфгар.

— Жена Вульфгара, — пояснила Кэтти-бри.

— Так она не является матерью Кэлси?

— Она была приемной матерью, так же как Вульфгар — приемным отцом, — снова

подсказала Кэтти-бри.

Гален Ферт недоверчиво фыркнул, а многие посетители вполголоса пробормотали ругательства.

— Делли Керти была под воздействием злобного и опасного магического оружия, — продолжала объяснять Кэтти-бри. — Она никогда не рассталась бы с ребенком по собственной воле.

— Тогда она должна быть здесь, чтобы это подтвердить.

— Она мертва, — ответил Вульфгар.

— Убита орками короля Обальда, — добавила Кэтти-бри. — После того как Делли передала девочку Котти Куперсон, она убежала на север, к заставам орков, где ее обнаружили, убили и оставили замерзать на снегу.

Гален Ферт при этом известили поморщился, и в его взгляде, обращенном на Вульфгара, мелькнула почти симпатия. Почти.

— Оружие управляло ее поступками, — сказала Кэтти-бри. — Это оно заставило женщину отдать ребенка и уйти навстречу неминуемой гибели. Это очень злобное оружие. Я знаю, поскольку сама носила его на протяжении нескольких лет.

Ее сообщение вызвало изумленные возгласы посетителей таверны и недоверчивый взгляд со стороны Галена Ферта.

— И на какие же ужасы способна Кэтти-бри под влиянием такого могущественного зла?

— Ни на какие. Я сама контролировала его. Оно не могло управлять моими поступками.

— А Делли Керти оказалась не такой крепкой? — спросил Гален Ферт.

— Она не была воином. И не росла среди дворфов. Гален Ферт не мог не заметить скрытого напominания, какие люди сидели перед ним и кто стоял за их спинами. Он кивнул и, немного поразмыслив, воскликнул:

— Какая интересная сказка!

— Это требование, которое не останется без ответа, — заявил Вульфгар. Прищутив голубые глаза, он всей своей внушительной фигурой наклонился к правителю Несма. — Мы не ждем твоей оценки. Мы описываем сложившуюся ситуацию и ожидаем, что ты вернешь девочку.

— Ты не в Мифрил Халле, сын Бренора! — сквозь зубы процедил Гален Ферт.

— Ты отказываешь мне? — спросил Вульфгар. Стало ясно, что варвар на грани ужасного взрыва.

Его голубые глаза метали молнии. Гален Ферт не шевельнулся, хотя и предвидел возможность атаки. Но снова вмешалась Кэтти-бри.

— Мы пришли в Несм охранниками каравана, тем самым оказав услугу леди Аластриэль, — заговорила она и при этом, слегка повернувшись, положила руку на стол перед Вульфгаром, хоть и не надеялась замедлить удар, если он все же последует. — Именно леди Аластриэль, друг короля Бренора Боевого Топора, друг Дзирта До'Урдена, друг Вульфгара и Кэтти-бри, сказала нам, что Кэлси отыщется в Несме.

Гален Ферт старался держаться, но уже понимал, что проигрывает схватку.

— Она хорошо знает Кэлси и хорошо знает ее отца Вульфгара, — продолжала Кэтти-бри. — Леди Аластриэль, услышав о цели нашего путешествия, предоставила в наше распоряжение своих помощников, и именно она сказала, что Котти Куперсон вместе с Кэлси направились в Несм. Она пожелала нам удачи и даже предложила перенести нас сюда на своей огненной колеснице, но мы не хотели ее затруднять и согласились присоединиться к каравану в качестве охранников.

— Почему же нетерпеливый отец не выбрал более быстрый путь? — спросил Гален Ферт, и все вокруг закивали.

— Мы не знали, дошла ли Кэлси до Несма, или добрые люди, с которыми она странствовала, решили остаться в одном из придорожных селений. В любом случае этот

вопрос решать не тебе, Гален Ферт. Как ты можешь отказать Вульфгару в его законных требованиях? Неужели ты хочешь, чтобы мы вернулись к леди Аластриэль и рассказали, что высокомерные жители Несма не пожелали вернуть Кэлси ее отцу? Ты хочешь, чтобы в Серебристой Луне и в Мифрил Халле узнали, что ты отказался вернуть Вульфгару его дочь?

— Приемную дочь, — заметил один из сидящих в таверне людей.

Гален Ферт не воспользовался этим аргументом. Человек высказался в его поддержку, но только потому, что он в ней безусловно нуждался. Это резкое напоминание позволило ему расправить плечи, но он знал, что Кэтти-бри нанесла решающий удар по его сопротивлению. Она говорила правду, и Гален вполне мог заслужить гнев повелительницы Серебристой Луны. Что бы ни произошло между Галеном и королем Бренором, не имело решающего значения для Несма, поскольку дворфы вряд ли отправились бы на юг с целью нанести удар, но поддержка леди Аластриэль совершенно меняла дело. Несм нуждался в помощи Серебристой Луны. Ни один караван, направлявшийся в этот город, не мог миновать остановки или хотя бы прохода через Серебристую Луну.

Гален Ферт был далеко не глуп. Он не сомневался в словах Кэтти-бри и Вульфгара и ясно видел отчаяние на лице Котти Куперсон, когда провожал ее до казарм. Это отчаяние подтверждало правомочность требований варвара и то, что Кэлси не была ей дочерью.

Конечно, Кэлси — дочь Вульфгара.

Гален Ферт через плечо посмотрел на своих стражников.

— Идите и приведите сюда Котти Куперсон и девочку! — приказал он.

В зале таверны раздались протестующие крики, люди гневно потрясали в воздухе сжатыми кулаками.

— Это мой ребенок! — крикнул им Вульфгар и так резко повернулся, что стоящие рядом люди испуганно попятились. — Неужели вы на моем месте поступили бы иначе?

— Котти наш друг, — довольно нерешительно отозвался один из мужчин. — И она не причинит девочке никакого вреда.

— Тогда приведи своего ребенка, — сказал Вульфгар. — Отдай его взамен моей девочки!

— Что за глупости ты говоришь?

— Я только указываю на твою собственную глупость, — парировал гигант. — Какое бы доброе сердце ни было у Котти Куперсон, какой бы хорошей матерью и другом она ни была, я не могу отдать ей своего ребенка. Я пришел за Кэлси и уйду вместе с ней, а любому, кто встанет на моем пути, советую заранее примириться с богом.

Он вытянул перед собой руку, призвал Клык Защитника, и массивный молот тотчас возник из воздуха. В следующее мгновение Вульфгар опустил молот на стоящий рядом стол, сломав все четыре ножки и сбросив на пол расколотую столешницу.

Гален Ферт издал протестующий крик, а один из его воинов потянулся за мечом, но замер, увидев перед собой стрелу Кэтти-бри, наложенную на тетиву Искателя Сердец.

— Кто из вас осмелится выйти вперед и оспорить мои права на Кэлси? — спросил Вульфгар, но, как и следовало ожидать, его вызов был встречен общим молчанием.

— Вы должны уйти из моего города, — заявил Гален Ферт.

— Мы уйдем с тем же самым караваном, с которым пришли, — ответила Кэтти-бри и ослабила тетиву лука, поскольку стражник оставил меч в покое и поднял перед собой руки. — Как только заберем Кэлси.

— Я выражу свой протест леди Аластриэль, — предупредил ее Гален Ферт.

— Только вместе со своим протестом не забудь рассказать леди Аластриэль о том, как ты чуть не спровоцировал восстание и разыграл сцену перед враждебно настроенными мужчинами и женщинами, искавшими в твоём городе безопасность и новое жилище. Не забудь рассказать леди Аластриэль о своей осторожности, Гален Ферт, а мы известим об этом короля Бренора.

— Я устал выслушивать ваши угрозы, — бросил Гален Ферт, но Кэтти-бри только улыbnулась в ответ.

— А я давно устал от тебя, — добавил Вульфгар.

Дверь таверны за спиной Галена Ферта отворилась, и вошла Котти Куперсон с Кэлси на руках, подталкиваемая одним из стражников. Из-за двери доносилась брань еще двух человек, которых стражники не впускали в зал.

Все сомнения в законности притязаний Вульфгара были развеяны в тот момент, когда Кэлси оказалась в зале таверны. С криком «Па!» девочка стала нетерпеливо вырываться из рук Котти и потянулась к человеку, которого всю свою жизнь считала отцом. Она визжала, извивалась, протягивала к нему ручки и без конца повторяла: «Па!»

Вульфгар, уронив Клык Защитника на пол, рванулся к ней навстречу, обнял, а потом бережно, но решительно забрал ее из рук Котти. Кэлси даже не пыталась оглянуться на женщину, она крепко обнимала своего па.

Котти завывала, и ее отчаяние с каждой секундой становилось все сильнее. Спустя минуту она упала на колени и продолжала рыдать.

Вульфгар не мог остаться равнодушным и опустился рядом с ней на одно колено. Свободной рукой он поднял ее голову, погладил по волосам и постарался успокоить.

— Дорогая Котти, у Кэлси есть мать, которая любит ее так же сильно, как ты любила своих детей, — произнес он.

Стоявшая за его спиной Кэтти-бри удивленно распахнула глаза.

Вульфгар улыбнулся, отвел волосы с лица Котти и поднялся. Клык Защитника снова появился в его руке, и варвар прошел мимо Галена Ферта, пренебрежительно усмехнувшись в ответ на его изумленный взгляд. Вульфгар направился к двери, и двое друзей Котти расступились перед ним, несмотря на жалобные протесты Котти. В этом мире не много людей могли бы встать на пути Вульфгара, сына Беарнегара, воина, чья легендарная репутация была вполне заслуженной.

— Я поговорю с нашими возницами, — сказала Вульфгару Кэтти-бри, как только они вышли из таверны, оставив позади бурю возмущенных криков. — Нам надо как можно скорее отправиться в обратный путь.

— Согласен, — кивнул Вульфгар. — Я подожду, пока повозки не уедут.

Кэтти-бри, взмахнув рукой, направилась в соседнюю таверну, где, как она знала, коротали время возницы из их каравана. Но смысл уклончивого ответа Вульфгара внезапно стал ей очевиден, и она, резко развернувшись, пристально заглянула в его лицо.

— Я не вернусь в Серебристую Луну, — подтвердил Вульфгар.

— Не можешь же ты отправиться с ребенком прямиком в Мифрил Халл! Это слишком тяжелый путь, да еще по занятым орками землям. Безопасная дорога до Мифрил Халла лежит через Серебристую Луну.

— Верно, поэтому ты должна ехать до Серебристой Луны.

Кэтти-бри неотрывно смотрела в его глаза.

— Ты хочешь остаться здесь, чтобы Котти помогла заботиться о Кэлси? — с нескрываемым сарказмом спросила она, но разочарованно заметила, что лицо Вульфгара осталось непроницаемым. — В Мифрил Халле тебя ждет семья, я с радостью помогу и тебе, и девочке. Я знаю, тебе будет трудно без Делли, но я еще не скоро смогу отправиться в путь, и девочка не станет мне обузой, можешь не сомневаться.

— Я не вернусь в Мифрил Халл, — спокойно повторил Вульфгар, и Кэтти-бри показалось, будто ей в лицо ударил свирепый ураган. — Ее место рядом с ее матерью, — продолжал Вульфгар. — С настоящей матерью. Мне не стоило ее забирать, но я исправлю эту ошибку и верну туда, где она должна жить.

— В Аукни? Вульфгар кивнул.

Но это так далеко на севере!

— Этот путь я проходил неоднократно, и он не слишком опасен.

— В Мифрил Халле у Кэлси есть дом, — настаивала Кэтти-бри, но Вульфгар отрицательно покачал головой, даже не дослушав ее до конца.

— Это место не для нее.

Кэтти-бри, облизнув губы, перевела взгляд с девочки на Вульфгара и осознала, что разговор касается не только ребенка, но и его самого.

— Как долго ты будешь отсутствовать? — едва осмелилась она спросить.

Молчание Вульфгара все прояснило.

— Ты не можешь... — прошептала Кэтти-бри, как будто снова превратившись в маленькую девочку с сильным дворфским акцентом.

— У меня нет выбора, — ответил Вульфгар. — Это место не для меня. Не сейчас. Посмотри на меня! — Он размашистым жестом свободной руки обвел свою гигантскую фигуру с головы до ног. — Я рожден не для того, чтобы ползать по дворфским тоннелям. Мое место в тундре. В Долине Ледяного Ветра, где странствуют мои соплеменники.

Кэтти-бри беспомощно качала головой.

— Но Бренор твой отец, — прошептала она.

— И я буду любить его до конца своих дней, — согласился Вульфгар. — Его место там, в Мифрил Халле, но не мое.

— Дзирт твой друг. Вульфгар кивнул.

— И Кэтти-бри тоже, — с печальной улыбкой сказал он. — Двое дорогих друзей, наконец-то нашедших свою любовь.

Губы Кэтти-бри дрогнули, словно говоря: «Прости», но она так и не смогла произнести этого вслух.

— Я счастлив за вас обоих, — сказал Вульфгар. — Честно. Вы прекрасно подходите друг другу, и я никогда не слышал от тебя такого радостного смеха, как в присутствии Дзирта. Но это не совсем то, чего бы я хотел. Я счастлив за вас — за вас обоих, и говорю это со всей откровенностью. Но я не хочу оставаться поблизости и смотреть на вас.

Осознание на некоторое время лишило Кэтти-бри возможности дышать.

— Так не должно было быть, — все-таки сказала она.

— Не смей грустить! — вскричал Вульфгар. — Только не обо мне! Теперь я знаю, где находится мой дом и куда ведет меня мой путь. Я тосковал без свежих порывов Долины Ледяного Ветра и свободы прежней жизни. Я буду охотиться на карибу на побережье Моря Плавающего Льда. Я буду сражаться с гоблинами и орками, не оглядываясь на политические интересы. Я отправляюсь домой, к своему народу, поклонюсь могилам предков, найду себе жену и продолжу род Беарнегара.

— Все это так неожиданно.

И вновь Вульфгар покачал головой:

— Я все хорошо продумал, как и всегда.

— Ты должен вернуться и поговорить с Бренором, — настаивала Кэтти-бри. — В этом-то ты не можешь ему отказать!

Вульфгар запустил руку за пазуху, достал свернутый пергамент и протянул его Кэтти-бри:

— Ты обо всем ему расскажешь сама. Мне легче идти отсюда на запад, чем из Мифрил Халла.

— Он придет в ярость!

— Его даже еще не будет в Мифрил Халле, — напомнил ей Вульфгар. — Он где-то на западе, ищет Гонтигрим вместе с Дзиртом.

— Потому что жаждет получить ответы на свои вопросы, — ответила Кэтти-бри. — Неужели ты покинешь Бренора в это тяжелое время?

Вульфгар с усмешкой покачал головой:

— Он правит дворфами на завоеванных орками землях. Каждый день, как ты правильно заметила, приносит новые трудности. И конца этому не будет. Если не станет Обальда, найдется новая угроза со стороны Подземья или наследников Обальда. Таков вечный порядок вещей, таким он был раньше и останется навеки. Уйду я или буду ждать, пока ситуация изменится, обрести покой мне удастся, только когда я пересеку рубеж Отдохновения Воина. Ты и сама это прекрасно знаешь, — добавил он с обезоруживающей

улыбкой, которой Кэтти-бри не могла противиться. — Сегодня Обальд, вчера дроу, кто-нибудь — обязательно найдется кто-нибудь — завтра. Это неизменный порядок.

— Вульфгар...

— Бренор простит меня, — сказал варвар. — Он окружен прекрасными воинами и друзьями, и орки вряд ли решатся еще на одну попытку завоевать Мифрил Халл. Я не мог бы выбрать подходящего момента, чтобы уйти, но и остаться я тоже не могу. А каждый день разлуки Кэлси с ее матерью — это трагедия. Теперь я это понял.

— Меральда сама отдала ее тебе, — напомнила ему Кэтти-бри. — Так что решение принимал не ты.

— Это было неправильно. Я понял.

— Потому что Делли погибла?

— Ее гибель напомнила, какой хрупкой и всегда короткой бывает жизнь.

— Все не так плохо, как ты считаешь. Здесь многие могут оказать тебе поддержку...

Вульфгар энергично тряхнул головой, заставив ее замолчать.

— Я любил тебя, — сказал он. — Я любил тебя, но потерял, потому что был глуп. Всю оставшуюся жизнь я буду сожалеть о том, как относился к тебе перед нашей помолвкой. Но я понимаю, что вернуться в прошлое невозможно, даже если бы мы оба этого захотели. Я знаю, что стал другим человеком. Время, проведенное в плену у Эррту, оставило в душе глубокие шрамы, и я попытаюсь сгладить их вихрями Долины Ледяного Ветра, кочуя вместе с моим племенем. Я удовлетворен. Я обрел спокойствие. И никогда не был так уверен в правильности выбранного пути.

Кэтти-бри не переставала качать головой в тщетном и бесполезном отрицании его слов, а большие голубые глаза повлажнели от слез. Она не ожидала такого поворота. Пятеро друзей Мифрил Халла лишь недавно собрались все вместе, и она считала, что союз сохранится до конца их дней.

— Ты говорила, что готова оказать поддержку, и теперь я прошу об одолжении, — снова заговорил Вульфгар. — Пожалуйста, доверься моему выбору. Я уношу в своей душе любовь к тебе, и Дзирту, и Бренору, и Реджису. Это чувство навсегда останется в сердце Вульфгара. Я не позволю образам друзей изгладиться из моей памяти и на своем пути никогда не забуду полученных от вас уроков.

— Перед тобой такой далекий путь. Вульфгар кивнул:

— В вихрях Долины Ледяного Ветра.

Глава 13

Не дворфский город

Шестеро спутников, буквально разинув рты, стояли в проломе, пробитом ими в каменной стене. За их спинами тянулась сплошная преграда, а впереди открылась гигантская пещера, в которой величественно раскинулся древний город. Вокруг громоздились колоссальные сооружения — три ступенчатые пирамиды справа и целый ряд прекрасных башен слева. Все это соединяли между собой будто парящие в воздухе мосты, украшенные тонкими шпилями, горгульями и башенками. Прямо перед ними вокруг старинного бассейна, в котором еще сохранилась потемневшая вода, стояло несколько зданий меньшего размера, а по невысокой стене вились многочисленные растения. Растения виднелись во многих местах пещеры, это были обычные для Подземья светящиеся грибы, и их слабое сияние смешивалось с лучами факелов в руках Торгара, Тибблдорфа и, конечно, Реджиса, не соглашавшегося сделать без факела ни шагу. Но в тот момент их внимание мало привлекала архитектура и бассейн, поскольку за домами высилось самое грандиозное здание под огромным куполом — замок, собор или дворец. К входу во дворец вела лестница с каменными ступенями, а над ними выстроился целый лес колонн, поддерживающих тяжеловесный портик. В тени нависающего портика все шестеро разглядели гигантские двери.

— Гонтлгрим, — постоянно шептал король Бренор едва сдерживая наворачнувшиеся на глаза слезы.

Дзирт, менее склонный к поспешным выводам, продолжал осматривать пещеру. Пол нельзя было назвать ровным, но повсюду виднелись хорошо подогнанные плоские камни мостовой, образующие между домами извилистые проходы.

— Похоже, вкусы древних дворфов отличались от нынешних, — заметил Реджис.

«И значительно», — добавил про себя Дзирт.

И в самом деле, это место не было похоже ни на один из известных ему дворфских городов. Ни Мирабар, ни Фелбарр, ни Мифрил Халл не могли похвастаться высотой своих зданий даже по сравнению с самыми маленькими домами в этой пещере, а главное сооружение в центре превосходило даже образованный сталагмитами комплекс домов Мензоберранзана. По мнению Дзирта, это здание больше подходило для Глубоководья или Калимпорта и немного напоминало роскошные дворцы пашей.

Немного погодя, когда прошло первое потрясение, дворфы рассредоточились и отошли от стены. Дзирт тотчас обратил внимание на Торгара: тот опустился на одно колено и стал что-то выскребать из щели между плитами. Полученную щепотку грязи он поднес ко рту, попробовал языком и сплюнул, после чего озабоченно покачал головой.

Дзирт перевел взгляд на Бренора, казалось забывшего о своих спутниках. Король дворфов целенаправленно шагал к гигантскому строению, словно его притягивали невидимые силы.

Дзирт быстро понял, что это за силы. Бренора толкали вперед гордость и надежда, что это в самом деле Гонтлгрим, легендарный город его предков, превзошедший все мыслимые ожидания, где он сможет отыскать способ разгромить Обальда.

Тибблдорф Пуэнт неотступно следовал за Бренором, а Кордио подошел к Торгару, и они о чем-то тихо заговорили.

Наверняка о своих сомнениях.

— Это и есть Гонтлгрим? — спросил у Дзирта Реджис.

— Скоро мы это выясним, — ответил Дзирт и повернулся вслед за Бренором.

Но Реджис схватил дроу за рукав и заставил остановиться.

— Мне кажется, ты в это не веришь, — тихо произнес хафлинг.

Дзирт обвел взглядом пещеру, предложив Реджису сделать то же самое:

— Ты когда-нибудь видел такие здания?

— Нет, конечно.

— Нет? — переспросил Дзирт. — Или ты не видел таких построек в таком окружении, как эта пещера?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Реджис, но его голос внезапно пресекся, а глаза широко раскрылись, и Дзирт понял, что Реджис догадался.

Они поспешили догнать Торгара и Кордио, уже ушедших вперед, вслед за Бренором.

— Проверьте по пути здания, — распорядился Бренор, обращаясь к Пуэнту и Торгару. — Эльф, ты присмотришься к флангам, а ты, Пузан, держись поближе ко мне и Кордио.

Пуэнт и Торгар, проходя мимо дверей, на ходу попеременно стучали в них ногами или врывались в открытые проемы, а Бренор, хотя и медленнее, продолжал идти к самому большому зданию, и Реджис шел сбоку, словно приклеенный. Но Кордио немного отстал, чтобы в случае опасности быстро прийти на помощь любому из троих дворфов.

Дзирт двигался в тени с правой стороны и мельком наблюдал за своими спутниками, но в основном его внимание было приковано к темным закоулкам. Он, конечно, очень хотел постичь тайну этого загадочного места, однако главную тревогу представляло возможное неожиданное появление чудовищных обитателей удивительного города. Дзирт достаточно долго прожил в Подземье, чтобы понимать: лишь немногие из столь подходящих убежищ надолго остаются необитаемыми.

— Кузница! — закричал Тибблдорф Пуэнт из очередного оставшегося открытым здания, как заметил Дзирт, весьма похожего на обычные кузницы на поверхности. — Я

нашел кузницу!

Бренор немного помедлил, но потом снова зашагал к гигантскому зданию, только улыбка на его лице стала еще шире, а шаги быстрее. Остальные дворфы, Реджис и даже глупо ухмыляющийся Пуэнт поспешили его догнать, и к тому времени, когда король дворфов добрался до подножия ступеней, все пятеро были в сборе.

Лестница оказалась не столько высокой, сколько широкой — в то время как она поднималась на высоту приблизительно в тридцать футов, слева и справа от Бренора ступени тянулись футов на пятьдесят. Дзирт тоже поторопился и быстро догнал остальных по правой стороне. Он двигался тихо, словно тень, и на фоне скудно освещенных стен был почти невидим. Дзирт устремился вперед, и, когда Бренор миновал десятую ступень, дроу уже поднялся и вступил в еще более густой полумрак под лежащим на колоннах портиком.

Только там Дзирт понял, что они не одни и его друзьям грозит опасность. Рядом с одной из центральных колонн притаилось чудовище, каких он до сих пор не встречал. Высокий, безволосый и жилистый гуманоид казался чернее дроу, если это только было возможно. Ростом он втрое, а то и вчетверо превышал Дзирта, и его фигура излучала ауру неимоверной силы. В довольно худощавом теле чувствовалась мощь горного великана.

И двигалось чудовище с невероятной скоростью.

А над головой Дзирта, немного позади, на стропилах перекрытий сидело еще одно порождение тьмы и следило за приближающейся группой. Внешне похожий на летучую мышь, но огромный и абсолютно черный, темнокрыл внимательно наблюдал за движениями всех членов группы, но особенно пристально он смотрел за дроу и черным гигантом, таким же, как он, обитателем Уровня Теней, очень опасным существом, известным как ночной странник.

- Бренор! — закричал Дзирт, едва гигант шевельнулся.

При звуке его голоса дворфы слаженно приготовились к бою, а Тибблдорф Пуэнт одним прыжком занял позицию перед своим королем.

Навстречу путникам из тени появился чернокожий гигант, ночной странник, представлявший собой двадцать футов ужаса и сплошных мускулов, но Тибблдорф встретил его парализующий взгляд боевым кличем берсерка и ринулся в атаку.

Он успел взбежать всего лишь на три ступени, когда ночной странник наклонился и вытянул руку, настолько длинную, что своими пропорциями она больше подошла бы гигантской обезьяне, чем человеку. Огромные черные кисти обхватили отважного дворфа, и длинные пальцы полностью оплели его туловище. Пуэнт, лягаясь и извиваясь, словно малый ребенок в руках отца, взлетел в воздух.

Оставшийся позади Бренор не смог успеть вовремя, чтобы предотвратить несчастье, Кордио мгновенно начал творить заклинание, а Реджис и Торгар и вовсе утратили способность двигаться, магический взгляд гиганта так сильно на них подействовал, что они только стояли, Дрожа и с трудом переводя дыхание.

Тибблдорфу Пуэнту угрожала неминуемая гибель, поскольку ночной странник своими руками был способен раздробить и каменную глыбу, но с правого края лестницы в прыжке взвился Дзирт До'Урден, размахивая на лету обоими мечами. Дроу успел нанести два удара по левому плечу великана, и волшебные клинки рассекли черную кожу и мускулы странника.

Гигант покачнулся и уронил левую руку, так что смертельно опасное давление на яростно сопротивлявшегося дворфа уменьшилось вдвое. Ночной странник передумал стирать врага в порошок и выбрал второй способ от него избавиться — он подбросил Тибблдорфа Пуэнта высоко в воздух.

Крик Пуэнта мгновенно изменился и стал похож на пронзительный визг пикирующего ястреба, а в следующее мгновение дворф врезался в портик футах в сорока над полом. Он все же не потерял присутствия духа и выставил перед собой кулаки в рукавицах с шипами, и ему повезло — один кулак попал в трещину между камнями, так что Пуэнт беспомощно повис на

огромной высоте, но зато остался жив.

Далеко внизу Дзирт приземлился на ступенях футов на десять ниже того места, откуда прыгал, и лишь его ловкость и гибкость уберегли дреу от серьезных повреждений, когда он кубарем покатился по лестнице, чтобы уменьшить инерцию удара. По пути он даже умудрился ударить мечом плащом по руке Торгара.

Дворф заморгал глазами, быстро пришел в чувство и проводил летящего вниз Дзирта удивленным взглядом.

Наконец Дзирт остановился, мгновенно развернулся и увидел, что Бренор, яростно орудуя топором, мечется под ногами ночного странника. Гигант заревел от ярости, и в его странном, неземном голосе одновременно послышались самые разные звуки, словно несколько существ кричали в один рупор. Чернокожий монстр с удивительной быстротой поворачивался, изгибался, попеременно поднимал ноги и старался наступить на дворфа.

Но Бренор сознавал угрозу. Он отскочил в сторону из-под огромной ступни и даже сумел нанести рубящий удар по второй ноге. Ночной странник топнул по пустым каменным плитам, и удар был такой силы, что камень треснул.

Дзирт ринулся на помощь своему другу, но заметил какое-то движение справа и не решился пренебречь новой угрозой. Он посмотрел на висящего Тибблдорфа, который не переставал извиваться и изрыгать проклятия, а над ним увидел вылетающее из-под портика гигантское существо, похожее на черную летучую мышь с размахом крыльев не меньше сорока футов. Стоило новому чудовищу оторваться от опоры, как воздух перед ним замерцал. Темнокрыл гнал впереди себя сокрушительную волну магической энергии, и она ударила в дреу с чудовищной силой.

У Дзирта на мгновение остановилось сердце, словно сжатое чьей-то огромной рукой, из глаз выступили капельки крови, и все вокруг почернело. Он пошатнулся, едва не упал и ощутил себя совершенно беспомощным перед надвигавшимся темнокрылом. Дзирт сохранил способность видеть, но происходящее не затрагивало его разум, а Тибблдорф Пуэнт тем временем подтянул ноги к краю портика и уперся в камень.

Торгар Молотобоец, гордый воин из Мирабара, чей род не одно поколение отважно служил различным маркграфам Мирабара, храбро предложивший свои услуги осажденному Мифрил Халлу, присягнув на верность королю Бренору, не мог поверить, что поддался страху. Торгар Молотобоец, стремглав бросавшийся в бой против армии орков, дравшийся с великанами и огромными подземными червями, однажды победивший дракона, проклинал себя за то, что страх перед чернокожим ночным странником полностью парализовал его волю.

Он увидел, и как Дзирт скатился по лестнице, и атакующего монстра, похожего на огромную летучую мышь. Но Торгар, высоко вскинув боевой топор, все же ринулся на помощь Бренору, своему королю.

На бегу он заметил, как Кордио Хлебноголовый закончил первое заклинание и послал волны магии на Бренора, увеличивая силы короля дворфов, и его покрытый зазубринами топор при следующем ударе глубже вонзился в ногу великана. Кордио тоже заметил летящего темнокрыла и мгновенно понял, что чудовище каким-то образом сумело обезвредить Дзирта. Жрец поспешно приступил к следующему заклятию, но уже не надеялся вовремя оказать поддержку дреу.

А Тибблдорф Пуэнт прибег к помощи собственного заклинания — двомера дворфов. Яростно рыча, изрядно побитый дворф изо всех сил уперся мощными ногами в камень, и застрявшие в щели шипы рукавицы с оглушительным скрежетом освободились. Пуэнт вылетел из-под портика и на лету умудрился то ли извернуться, то ли перекувырнуться. Он попал как раз на пролетавшего темнокрыла и сразу пустил в ход шипованные рукавицы, нанося один удар за другим. Темнокрыл под весом запрыгнувшего на спину дворфа резко нырнул вниз и пронзительно вскрикнул. Затем чудовище вобрало побольше воздуха, и Пуэнт почувствовал под собой странный холод. Однако то не был холод остывающего после

смерти тела — ему показалось, будто он приземлился на Великий Ледник.

Темнокрыл принялся мотать головой, но Пуэнт оказался проворнее. Он набычился и напряг все мышцы тела, чтобы продвинуться вперед, а затем вонзил шип шлема в основание черепа темнокрыла. От неожиданного удара дворфа чудовище перестало дергать шеей, но не прекратило испускать конусообразный поток ледящего воздуха.

К несчастью для гигантского гуманоида, он оказался на пути этого смертельно опасного оружия.

Великан с протестующим ревом вскинул перед собой руки, пытаясь загородиться от ослепляющего и замораживающего дыхания темнокрыла. Голова, руки и грудь побелели от инея, и ночной странник инстинктивно ткнул кулаком в пролетавшего мимо ошеломленного темнокрыла, попав в основание одного из крыльев. Гигантская летучая мышь вместе с дворфом задела крышу одного из соседних домов и врезалась в стену второго, где и рухнула бесформенной темной грудой.

Тибблдорф Пуэнт ни на секунду не прекращал наносить удары и сыпать проклятиями.

Дзирт преодолел боль и стер пелену с окровавленных глаз. Идти за крылатым чудовищем и Пуэнтом у него не было времени. Да и у всех остальных тоже. До победы над огромным чернокожим гигантом было еще очень далеко.

Бренор и Торгар метались по ступеням и рубили похожие на деревья ноги чудовища своими знаменитыми топорами. На мощных ногах действительно оставались раны, и из них сочилась сероватая слизь, начинавшая дымиться по мере того, как стекала на камни, но Дзирт понимал, что таких ударов потребуется не меньше сотни, чтобы свалить врага, а если он хоть раз попадет ногой по одному из дворфов...

Дзирт поморщился, увидев, как ночной странник размахнулся ногой. Он всего лишь мимоходом задел увернувшегося Торгара, но тот кувырком полетел на каменные ступени и выпустил из рук топор. У Бренора не было шансов выстоять в одиночку, и Дзирт шагнул в его сторону, однако пошатнулся: после магической атаки крылатого монстра он был еще слишком слаб и не мог в полной мере управлять своим телом.

Но вот дроу ощутил еще одно магическое воздействие, на этот раз его окутала исцеляющая и успокаивающая волна энергии, и он снова устремился на помок к Бренору, а по пути успел мимолетным взглядом поблагодарить Кордио.

В тот же момент он заметил Реджиса: хафлинг брел куда-то в сторону и бормотал себе под нос, будто бы разворачивающиеся события его совершенно не касались.

У дроу не было возможности заняться Реджисом, так же как и Пуэнтом. Он сосредоточился на гигантской цели и тотчас похолодел от страха: великан резко опустил свою огромную руку вниз, и в воздухе остался черный след, тьма стала разрастаться и приобретать очертания.

Магические врата. А в их клубящейся глубине уже закружились неясные тени.

Удачный удар Бренора немного подбодрил дроу: король дворфов едва не опрокинул гиганта, когда тот слишком высоко поднял ногу, чтобы прихлопнуть противника. Это позволило королю дворфов вовремя отскочить в безопасное место и, что более важно, дало время Торгару снова подняться по ступеням и возобновить атаку, хотя он уже заметно хромал.

А Дзирт остановился на полпути к Бренору. Предостережения жрецов быстро промелькнули в его мозгу, но он все же достал из кармана ониковую фигурку. Он ясно представлял себе, как опасна нестабильность этого места и открытых врат на Уровень Теней, однако из дымящегося портала уже показался первый призрак, и Дзирт понимал, что им не обойтись без помощи.

— Ко мне, Гвенвивар! — крикнул он и уронил статуэтку на камни. — Ты мне нужна!

— Дзирт, не надо! — закричал Кордио, но было поздно. На том месте, где упала фигурка, уже клубился серый туман и начал принимать очертания пантеры.

Торгар рванулся вперед, перескакивая сразу через две ступеньки. По пути к

чернокожему великану он немного отклонился в сторону, чтобы перехватить первого плывущего по воздуху призрака, появившегося из портала. Это туманное существо имело вид костлявого бродяги в темно-серых лохмотьях. Торгар бесстрашно атаковал его мощным ударом топора, и существо ответило взмахом руки, за которой тянулись щупальца дыма.

Удар топора достиг своей цели, но рука призрака задела Торгара по плечу, и цепкие пальцы проникли внутрь, распространяя по всему телу оцепенение и слабость, будто высасывая жизненную энергию. Торгар, ощутив упадок сил, побледнел, но подтянул топор, развернулся вокруг своей оси и вторым ударом отшвырнул привидение обратно в дымившийся портал.

Там уже клубилось следующее существо, а у Торгара от слабости задрожали ноги. У него уже не было сил, чтобы броситься врагу навстречу, и он лишь старался встать поустойчивее и встретить призрака еще одним ударом.

Зато перед Дзиртом возникла дилемма. Торгар, вне всякого сомнения, нуждался в помощи, но Бренор на лестнице тоже сражался из последних сил, а гигант двигался целенаправленно, чтобы не дать ему возможности ускользнуть вниз.

Дроу еще не успел задуматься над выбором, как вдруг возникла вспышка тьмы, и время остановилось на несколько долгих мгновений.

Свет превратился в тьму, а тьма — в свет, так что гигант стал светло-серым, как и Дзирт, а лица дворфов потемнели. Все переменялось, факелы пылали чернотой, и порождения тьмы, как и путешественники, застыли от удивления.

Рычание Гвенвивар нарушило оцепенение.

Дзирт обернулся, чтобы посмотреть на свою любимую напарницу, но его радость тотчас сменилась ужасом. Гвенвивар, блее, чем Дзирт и великан, казалась сформировавшейся только наполовину. Она прыгнула на второго призрака, только что появившегося из портала, и ее туловище на глазах вытянулось, как будто пантера тащила за собой свои волшебные ворота. Она ударила лапами по привидению и вместе с ним влетела в дымящийся портал тьмы. Два перехода соприкоснулись, противоборствующие энергетические потоки взорвались, и последовала еще одна вспышка ослепительной тьмы. Призрак при этом жалобно зашипел, а в рычании Гвенвивар послышалась боль.

Великан тоже взвыл, бесспорно испытывая сильные мучения. Портал изогнулся, вытянулся по направлению к гигантскому созданию Уровня Теней, словно пытаясь вернуть его домой.

Дзирт напряг зрение, пытаясь разобраться в миллиардах мелькающих образов, и понял, что ворота вовсе не возвращали гиганта домой. Они пытались дотянуться до него, чтобы поглотить, и вопли гуманоида только подтверждали, что усилия портала не похожи на дружеские объятия.

Но гигант выдержал противостояние, и ворота, замерцав, погасли. Факелы и грибы светили по-прежнему, как будто ничего не произошло.

Однако монстр был ранен, пошатывался и с очевидным трудом сохранял равновесие. Как оказалось, от соприкосновения порталов и внезапной смены тьмы и света оцепенели не все. Бренор успел забраться на вершину лестницы и теперь воспользовался представившейся возможностью.словно катящийся с горы валун, он побежал вниз, оттолкнулся от края ступеньки и подпрыгнул настолько высоко, насколько могли его поднять короткие ноги дворфа.

Дзирт тотчас же бросился на великана и отвлек его внимание вихрем сверкающих мечей и пронзительным боевым кличем, так что гигант был полностью занят новым противником, когда боевой топор Бренора со всего размаху врезался в его спину.

От боли и шока гигант резко выпрямился, ударил себя локтями по ребрам, а его руки с длинными пальцами бесцельно заматались в воздухе.

Атака Дзирта стала более действенной. Дроу нацелился на правую ногу монстра, более пострадавшую от топоров дворфов, и в стремительной пробежке успел нанести еще несколько глубоких ран.

Великан повернулся вслед быстро убегавшему эльфу, и Бренор не смог удержаться на ногах. Его топор так и остался торчать в спине гуманоида, а сам он скатился по ступеням и упал у подножия лестницы, не в силах подняться. Но Кордио тотчас оказался рядом и направил в его сторону волны исцеляющей магии.

Гигант морщился от боли и заметно хромал, так что Дзирту не составило особого труда оказаться вне пределов его досягаемости. Он быстро развернулся и собрался предпринять очередную атаку. Но остановился, увидев, что из маленькой статуэтки, лежащей на ступени, снова поднимается дымок.

Великан немного оправился и попытался вытащить топор Бренора, однако не смог дотянуться до рукояти. Стоящий внизу Торгар хотел было прийти на помощь Дзирту, но ноги по-прежнему его не слушались, и он рухнул на пол. От Бренора, как заметил дроу, тоже вряд ли можно было ожидать поддержки, как и от Кордио, сосредоточившегося на излечении своего короля, а Реджис совсем пропал из виду.

Отказавшись от попыток освободиться от топора, великан снова обратил свой злобный взгляд на Дзирта. Дроу ощутил окативший его поток энергии и на какое-то мгновение забыл, зачем он здесь оказался и что происходит. Долю секунды он даже подумывал броситься с мечами на дворфов, почему-то приняв их за своих смертельных врагов.

В отличие от Реджиса, совершенно забывшего о реальности, заклинание, вызывающее полное замешательство и путаницу в мыслях, не могло долго действовать на такого закаленного воина, каким был темный эльф. Дзирт спустился до того же уровня, где стоял великан, решив пожертвовать преимуществом высоты, чтобы ограничить возможности противника. Лучше заставить его наклоняться или оставаться на одной ноге, пытаясь прихлопнуть противника другой, решил он.

Гигант так и поступил и уже поднял огромную ступню, а Гвенвивар сделала как раз то, чего от нее хотел Дзирт: она взобралась по опорной ноге и вонзила зубы под колено.

После этого и Дзирт вступил в бой. Он вынуждал великана изгибаться и поворачиваться, чтобы уследить за противником. Магические браслеты на ногах позволяли дроу проскочить под опускавшейся ногой, и он немедленно разворачивался и вонзал мечи, кромсая мускулы и связки. Гигант несколько раз потрянул ногой, пытаясь сбросить пантеру, но Гвенвивар не разжимала мощных челюстей, и острые клыки продолжали терзать колено.

Нога не выдержала и сломалась. Взмахнув руками, гигант упал на спину, проехал по ступеням и грохнулся об пол с оглушительным стуком, едва не задавив несчастного Торгара, лежавшего без сознания.

Дзирт стремглав догнал гиганта, запрыгнул на него и пробежал по груди до самой шеи, пока великан не поднял руки, чтобы его стряхнуть. Сопротивление оказалось значительно слабее, чем ожидал дроу, поскольку, падая, гигант еще глубже вогнал топор в спину и повредил позвоночник.

Чудовищный враг оказался беспомощным, и Дзирт не стал проявлять милосердие. Он вонзил один меч в грудь, а вторым без труда рассек горло, поскольку голова так и осталась запрокинутой после падения.

Мгновением позже он спрыгнул с хрипящего, умирающего великана и, не останавливаясь, помчался к тому месту, где рухнули темнокрыл и Пуэнт. Там было тихо, сражение явно закончилось, и дроу печально поморщился, увидев, как поднимается кожистое крыло. Он решил, что огромная летучая мышь еще жива.

Но это был Пуэнт, который, не переставая ворчать, выбирался из-под безжизненного тела.

Дзирт обернулся назад, намереваясь разыскать Реджиса, однако не успел приступить к поискам: между домов появился хафлинг. Он почти бегом возвращался назад с палицей наготове, и круглые щеки пылали от смущения.

— Мой король, он вытянул из меня все силы, — жаловался Торгар Молотобоец, когда Дзирт в сопровождении Гвенвивар вернулся к троице дворфов. — Мне кажется, будто из меня выдернули позвоночник.

— Это призрак, — пояснил Кордио, все еще хлопоча вокруг Бренора и перевязывая рану на его голове. — Их холодные прикосновения лишают тебя внутренней силы, а если контакт будет достаточно долгим, призрак таким образом может тебя убить. Крепись, ты скоро поправишься.

— И мой король тоже? — спросил Торгар.

— Ба! — откликнулся Бренор. — Я получил удар посильнее, когда свалился с трона после особого благословения Морадина. Ночь за освященным медом может причинить гораздо больший вред, чем это создание!

Торгар подошел к поверженному гиганту и попытался приподнять его плечо, затем обернулся и сокрушенно покачал головой:

— Чтобы достать твой топор, понадобится еще десяток рук.

— Тогда возмись за свой топор и проруби в нем дыру! — приказал Бренор.

Торгар окинул взглядом великана, потом посмотрел на свое оружие. Пожав плечами и задумчиво хмыкнув, он обеими руками поднял топор.

— Это не займет много времени, — пообещал Торгар. — Но будь осторожнее с оружием. Когда я тебе его верну, рукоять наверняка будет скользкой.

— Не-а, они рассыпаются, когда высыхают, — слышался голос сбоку.

Все обернулись и увидели подошедшего Тибблдорфа Пуэнта, рассуждавшего с очевидным знанием дела. После схватки с крылатым чудовищем Пуэнта с головы до ног покрывали кровь и обрывки кожи, а фрагмент черепа темнокрыла до сих пор торчал на шипе его шлема, и с него к основанию стекали кусочки окровавленного мозга. В подтверждение своих слов Пуэнт сжал и разжал кулак, производя одновременно чавкающий и хрустящий звук.

— А что случилось с тобой? — сердито спросил Пуэнт у подошедшего хафлинга. — Ты нашел себе противников где-то в стороне?

— Я не знаю, — честно ответил Реджис.

— Ба, отстаньте от малыша, — сказал Бренор, обращаясь к Пуэнту, но обводя взглядом и всех остальных. — Можно подумать, вам больше нечем заняться, как дразнить Пузана.

— Я действительно не знаю, что произошло, — признался Реджис, взглянул на великана и пожал плечами. — Совсем ничего.

— Магия, — пояснил Дзирт. — Эти создания, как и большинство существ иного уровня, обладали не только физической силой. Одно из их заклинаний действовало на мой мозг. Дезориентирующий двомер.

— Верно, эльф, — согласился Кордио. — Они мешали мне творить заклинания.

— Вот как, а я ничего не почувствовал, — удивился Пуэнт.

— Они атаковали *мозг*, — заметил Бренор. — В этом смысле ты превосходно защищен. Несколько секунд Пуэнт молчал, обдумывая его слова, а затем разразился хохотом.

Что же это за место? — спросил немного погодя Торгар, когда нашел в себе силы подняться и обвести одним жестом и грандиозные сооружения, и скульптуры.

— Гонтлгрим, — заявил Бренор, энергично блеснув темными глазами.

— Значит, твой Гонтлгрим в прошлом стоял на поверхности, — сказал Торгар, чем вызвал сердитый взгляд Бренора. — Это место располагалось над землей, мой король, — ответил на его взгляд Торгар. — Все целиком. И это здание, и то тоже. Площадь полностью вымощена каменными плитами для защиты от грязи во время таяния снегов... — Он посмотрел на Кордио, потом на Дзирта, и оба кивнули, соглашаясь с его словами. — По какой-то причине тундра растаяла под всем этим городом. Почва превратилась в грязь и поглотила дома.

— А половодье каждый год затопляет его водой, — продолжил Кордио, указав рукой на север. — И вымывает грязь, унося ее раз за разом, но оставляя каменные дома.

— Твой ответ находится на потолке, — добавил Торгар, подняв руку. — Жрец, не мог бы ты немного посветить?

Кордио кивнул и отошел от Бренора. Он снова начал читать заклинание, слегка

помахал руками и получил светящуюся сферу, взлетевшую к потолку пещеры, как раз к тому месту, где с ним соприкасалась крыша самого высокого здания. Свет выявил доказательства слов Торгара.

— Корни, — пояснил дворф из Мирабара. — Между этой крышей и поверхностью не больше нескольких футов земли. И эти высокие сооружения служат опорами для потолка. В остальном помогают сплетенные корни и промерзшая тундра. Говорю вам: все это опустилось с поверхности, а не было построено для Подземья.

Бренор взглянул на потолок, потом заглянул в лицо Дзирта, но дроу только кивнул.

— Ба! — фыркнул Бренор. — Следовательно, Гонтлгрим был похож на Мирабар, и теперь мы это знаем. Вероятно, это только верхняя часть города, а где-то внизу скрывается вторая, еще более грандиозная. Все, что нам надо, так это отыскать шахту, которая приведет на нижний уровень, вроде той веревки и клетки, которыми вы пользуетесь в Мирабаре. А теперь давайте осмотрим это большое здание. Я думаю, оно имело большое значение, возможно, там даже есть тронный зал.

Торгар кивнул и занял место впереди Бренора, возглавляя подъем по лестнице. Кордио следовал по пятам за королем. А Торгар задержался, дав Дзирту новый повод для размышлений.

— Это не похоже на Мирабар, — шепнул дворф Дзирту и Реджису.

— Город дворфов на поверхности земли? — спросил Реджис.

— Я не знаю, — пожал плечами Торгар. Он поднял руку и вытащил из-за пояса предмет, подобранный в кузнице на площади. — Там их было полно, и почти ничего другого, — сообщил он.

Реджис едва не задохнулся, а Дзирт кивнул, выражая согласие с теорией дворфа о катастрофическом таянии тундры и погружении города в грязь. В руке Торгара лежал предмет, очень распространенный на поверхности, но совершенно не подходящий для Подземья: лошадиная подкова.

По настоянию Дзирта он сам, и притихший Тибблдорф, и с ними пантера возглавили процессию к грандиозному зданию. Дзирт и Гвенвивар медленно прошли в массивные, богато украшенные двери — покрытые красками и блестящим металлом, что в очередной раз подразумевало наличие солнечного света. Внутри дроу и большая кошка слились со сгустившейся тенью большого зала и двигались с давно выработанной согласованностью. Они не почувствовали опасности. Это место казалось тихим и давно покинутым.

Однако грандиозное сооружение не было ни залом приемов, ни дворцом дворфского короля. Когда все путешественники вошли в зал и заполнили его светом факелов, стало ясно, что это библиотека и галерея — место, предназначенное для изучения наук и искусств.

Вдоль стен повсюду стояли старинные стеллажи со сгнившими от времени свитками, между ними висели гобелены с картинами, выцветшими столетия назад, на полу стояли большие и маленькие скульптуры.

Именно скульптуры вызвали первые признаки беспокойства у путешественников, особенно у Бренора. Тогда как некоторые представляли собой изваяния дворфов в типичных для них героических боевых позах и при всех регалиях, другие изображали горделиво стоящих орков. Встречались и совсем странные фигуры — орки в непривычных, развевающихся одеяниях или с пером в руке.

Самой заметной была статуя на помосте в дальнем конце зала, как раз напротив дверей. Дворфы не могли не узнать исполненной силы и непреклонности коренастой фигуры Морадина.

Но была там и скульптура Груумша Одноглазого, бога орков, стоявшая напротив. Хотя эти двое смотрели друг на друга с явным подозрением, тот факт, что Морадин не был изображен торжествующим над поверженным Груумшем, вызвал на лицах всех четверых дворфов выражение изумленного недоверия. Тибблдорф Пуэнт даже сердито пробормотал что-то себе под нос.

— Что же это за место? — произнес Кордио, высказав вслух беспокоивший всех

вопрос. — Что это за зал? Чей город?

— Делзун, — пробормотал Бренор. — Гонтлгрим.

— Тогда это место совсем не такое, как о нем рассказывают легенды, — заметил Кордио, и Бренор метнул в его сторону напряженный взгляд. — Оно гораздо грандиознее, я бы сказал, — быстро добавил жрец.

— Что бы это ни было, сооружение действительно величественное, — подтвердил Дзирт. — Покидая Мифрил Халл, я и не надеялся такое увидеть. Бренор, я думал, мы найдем дыру в земле или какое-то маленькое древнее селение.

— Я же говорил вам, что это Гонтлгрим, — ответил Бренор.

— Если это действительно он, значит, потомкам Делзуна есть чем гордиться, — сказал дроу. — Если нет, давайте отыщем другие свидетельства успехов, достойных поклонения.

Мрачное лицо Бренора при этих словах немного смягчилось, он молча кивнул Дзирту и двинулся вглубь зала. Тибблдорф не отставал от короля. Дзирт посмотрел на Кордио и Торгара, и оба выразили кивками одобрение его способности успокоить переменчивый нрав короля.

Все трое уже точно знали, что это место не было Гонтлгримом — по крайней мере Гонтлгримом из дворфских легенд. Но что же тогда это такое?

В этой библиотеке осталось слишком мало пригодных для чтения свитков, но они все же разыскали несколько пергаментов, не совсем испорченных временем. Никто из присутствующих не смог бы прочесть то, что содержалось в древних посланиях, но это были подлинные свидетельства мастерства бывших обитателей города, и Реджис даже выбрал один из гобеленов, который, по его словам, можно было отчистить и разобрать вытканые картины. Они бережно собрали все свои находки, скатали и связали гобелен, а затем тщательно уложили трофеи в мешки из-под съеденной провизии.

Исследованием зала компаньоны занимались до полудня, но после этого они еще довольно долго, хотя и поверхностно, осматривали остальное пространство пещеры. Вскоре Бренор приказал заканчивать поиски. Спустя некоторое время они выбрались на поверхность через тот же провал, который привел их под землю, и были встречены тихой зимней ночью. При первых признаках рассвета они двинулись в обратный путь, домой, где надеялись получить ответы на некоторые вопросы.

Глава 14

Возможности

Как правило, король Обальд с удовольствием наблюдал за толпами орков, собиравшимися вокруг его временного дворца. Огромный шатер стоял внутри еще большего шатра, накрытого еще более просторным тентом. Все три шатра были укреплены деревянными и металлическими конструкциями, а выходы в целях безопасности располагались в разных точках периметра. Два наружных коридора патрулировались наиболее доверенными воинами Обальда, одетыми в тяжелые доспехи и с оружием в руках.

Меры предосторожности были относительно недавним нововведением, принятым после того, как король Обальд ужесточил дисциплину и начал проводить в жизнь собственную стратегию — план, который мог и не совпадать с воинственными настроениями большинства подданных, о чем ему в очередной раз напомнили доносившиеся снаружи крики. Среди скал Долины Хранителя он уже провел первый раунд заведомо долгой и трудной борьбы. На его решение отказаться от нападения на Мифрил Халл не один воин ответил глухим недовольным ворчанием. И это было еще только начало. Обальд прошел по внутреннему кольцу дворцового шатра до открытого проема и выглянул наружу, на площадь собраний кочевого поселения орков. Сегодня здесь собрались по меньшей мере две сотни его воинов; они оживленно кричали, подбрасывали вверх оружие и хлопали друг друга по спинам. Так орки отреагировали на известия о грандиозной победе в Лунном Лесу и

рассказы о головах эльфов, насаженных на колья.

— Мы должны пойти и посмотреть на головы, — сказала Обальду Кна, прижимаясь к его боку. — Эта картина наполнит меня страстью.

Обальд слегка повернулся к ней и улыбнулся, понимая, что глупая Кна не заметит в его лице жалости.

Крики на площади превратились в ритмичное скандирование: «Карук! Карук! Карук!»

Для Обальда это не стало неожиданностью. Он получил известия о сражении еще прошлой ночью, намного раньше, чем прибыл войсковой курьер, и теперь кивком подал знак своим приверженцам, чтобы они смешались с толпой.

К первому скандированию присоединились иные выкрики: «Много Стрел! Много Стрел! Много Стрел!» — и вскоре восхваление королевства заглушило приветствия клану.

— Возьми меня туда, и я буду тебя любить, — прошептала Кна на ухо Обальду, еще крепче прижимаясь к его телу.

Он снова обернулся, и на этот раз на женщину глянули прищуренные, налитые кровью глаза. Одной рукой Обальд схватил ее за волосы на затылке и запрокинул голову, чтобы Кна смогла рассмотреть его напряженное лицо. Он представил себе мертвые головы, насаженные на шесты, о которых так много кричали, и широко усмехнулся, воображая среди них и голову Кны.

Ошибочно принимая его напряжение за интерес, сожительница лукаво улыбнулась и обвилась вокруг Обальда.

Король с силой оторвал от себя женщину и бросил на землю. Отвернувшись к площади, он задумался: сколько из его приверженцев, которых здесь сегодня нет, добавят к восхвалениям Королевства Многих Стрел громкие дифирамбы в адрес клана Карук, когда весть об их победе распространится по всем землям?

Ночь выдалась темной, но только не для чувствительных глаз Тос'уна Армго, хорошо знакомого с чернотой Подземья. Притаившись за выступом скалы, он смотрел вниз на серебристую змею, называемую рекой Сарбрин, и особенно пристально вглядывался в ряд кольев на ее берегу.

Налетчики вместе с троицей подстрекателей — Днарком, Унг-толом и молодым выскочкой Туугвиком Туком — ушли на юг. А по пути они обсуждали план нападения на дворфов у переправы через реку.

Подобная самостоятельность вряд ли порадует Обальда. И как ни странно, дроу и сам не испытывал особого желания осуществить их проект. Он лично возглавлял предыдущую атаку на позиции дворфов и сам, подобравшись вплотную, заставил навеки умолкнуть часовых на главной сторожевой башне, перед тем как орда орков загнала клан Боевого Топора обратно в их дыру.

Это был отличный денек.

Так что же переменялось? Что вызывало меланхолию в душе дроу накануне битвы, да еще битвы между орками и дворфами, самыми уродливыми и вонючими расами из всех, что он имел несчастье знать?

Чем дольше он смотрел на реку, тем отчетливее понимал. Тос'ун был дроу, рос и воспитывался в Мензоберранзане и не испытывал любви к наземным родичам. Война между темными эльфами Подземья и эльфами с поверхности была одной из самых жестоких и долгих битв во всем мире. За свою продолжительную историю хитроумных ловушек и смертоносных рейдов ее можно было приравнять только к бесконечной вражде демонов Бездны и дьяволов Девяти Кругов. Перерезанная глотка наземного эльфа никогда не вызывала у Тос'уна Армго угрызений совести, но в этих насаженных на колья головах и во всей сложившейся ситуации что-то беспокоило темного эльфа и наполняло его сердце ужасом.

Как бы ни была велика его ненависть к наземным эльфам, к оркам Тос'ун испытывал еще большее презрение. И от одной мысли, что орки одержали победу над эльфами —

какого бы рода они ни были, — по его спине пробежал холодок. Он вырос в городе среди двадцати тысяч темных эльфов и приблизительно втрое большего числа рабов — орков, дворфов и кобольдов. Не было ли среди них воинов-каруков, готовых насадить на колья благородные головы Дома Баррисон Дель'Армго, или даже Дома Бэнр? Он прогнал это абсурдное предположение и напомнил себе, что наземные эльфы слабее, чем их сородичи-дроу. Этот отряд проиграл клану Карук, потому что эльфы этого заслуживали, потому что они были глупыми или слабыми, а может, и то и другое.

По крайней мере, Тос'ун повторял себе эти доводы снова и снова, надеясь, что повторение принесет ему спокойствие, раз этого не может сделать логика. Он посмотрел на юг, где среди потемневших холмов и низин давно скрылись отступившие воины клана Карук. Что бы он ни говорил себе о резне в Лунном Лесу, в глубине души Тос'ун желал Гргучу и его друзьям ужасной смерти.

Теплый день прорвался сквозь заслоны зимы, и повозку, удалявшуюся к востоку от Несма, весь день сопровождал звук капли. Возница то и дело принимался сокрушаться о грязных колесах, а один раз даже высказал надежду, что ночью подморозит.

— Если ночь будет теплой, придется идти пешком! — не раз предупреждал он.

Кэтти-бри почти не слышала его и едва ли замечала звучащую вокруг симфонию весны. Она сидела на дне повозки, прислонившись спиной к сиденью возницы, и неотрывно смотрела на удаляющийся запад.

Там остался Вульфгар, он движется в противоположном направлении и вряд ли когда-нибудь вернется.

Душа ее переполнилась болью и гневом. Как он мог их покинуть, когда армия орков держит Мифрил Халл в осаде? Зачем вообще ему потребовалось покинуть своих друзей? И как он мог уйти, не попрощавшись с Бренором, Дзиртом и Реджисом?

Перебирая в уме эти и другие вопросы, Кэтти-бри старалась постичь смысл происшедшего, примирившись с тем, над чем она была не властна. Так не должно было быть! Она пыталась сказать это Вульфгару, но его улыбка, такая уверенная и искренняя, опрокинула все ее возражения еще до того, как они были высказаны.

Кэтти-бри мысленно вернулась в тот день, когда они отправлялись из Мифрил Халла в Серебристую Луну. Она вспомнила поведение Бренора и Дзирта — слишком эмоциональное для первого и слишком стоическое для второго, как ей теперь показалось.

Вульфгар им сказал. Он попрощался с ними до начала путешествия, сказав обо всем открыто или намекнув так, чтобы все поняли. Его решение не было поспешным или неожиданно созревшим во время странствия.

Кэтти-бри снова ощутила прилив гнева и сердито поморщилась, обидевшись на Бренора и особенно на Дзирта. Почему они, зная о его решении, ничего ей не сказали?

Она быстро подавила гнев и поняла, что таково было желание Вульфгара. Он не хотел ей ничего говорить до тех пор, пока они не нашли Кэлси. Кэтти-бри кивнула согласившись с собственным выводом. Он выжидал, поскольку понимал, что вид ребенка, которого забрали у матери и которого необходимо вернуть, сделает для Кэтти-бри все гораздо проще и понятнее.

— Я сержусь не на Вульфгара и ни на кого из них, — прошептала она.

— А? — переспросил возница, но, увидев улыбку обернувшейся Кэтти-бри, снова занялся своим делом.

Она, сохранив улыбку, опять обратилась к западу и немного прищурилась, словно надела маску, скрывавшую наворачнувшиеся слезы. Вульфгар ушел, но, если она сосредоточится и примет во внимание все причины, она не сможет его ни в чем обвинить. Он уже не юноша. Ему пора позаботиться о своем наследии, а время уходит. Вульфгар не сможет выполнить свой долг перед грядущими поколениями, оставаясь в Мифрил Халле или в одном из городов, окружавших дворфскую крепость. Здешние люди не похожи на него ни внешне, ни внутренне. Его дом — Долина Ледяного Ветра. И там обитает его народ. Только

там он сможет найти себе спутницу жизни.

Потому что Кэтти-бри для него потеряна. И пусть варвар ее ни в чем не обвинял, но, видя любимую женщину рядом с Дзиртом, он испытывал боль.

У них с Вульфгаром был шанс, но он утрачен, украден демонами и потерян во тьме Бездны. Их шанс не был использован, а другого для Вульфгара при дворе дворфского короля больше не будет.

— Прощай, — беззвучно прошептала Кэтти-бри, глядя на пустой горизонт западного неба, и никогда еще это единственное слово не было исполнено для нее столь глубокого смысла.

Он наклонился, чтобы поднести Кэлси поближе к цветущим подснежникам, чьи крошечные белые колокольчики пробивались сквозь снег вдоль дороги. Первые цветы — признак скорой весны.

— Для ма, Дел-ли, — радостно пропела Кэлси, растягивая имя Делли и задевая самые чувствительные струны в сердце Вульфгара. — Шветочки, — хихикнула она и поднесла подснежник к лицу.

Вульфгар не стал поправлять ее шепелявость, чтобы ничем не омрачать сияющее личико, затмевающее своей свежестью любые «шветочки».

— Ма для шветочки, — забормотала она и произнесла еще дюжину звуков, которые Вульфгару не удалось разобрать, хотя девочка совершенно очевидно считала, будто говорит связными фразами.

Вульфгар был убежден, Кэлси все понимает.

Рядом с ним разумный маленький человек — Вульфгар понял это только сейчас, в этот момент простодушия и невинности. Мыслящая личность. Она больше не была беспомощным и неразумным младенцем.

Радость и гордость Вульфгара несколько омрачал тот факт, что скоро ему придется вернуть Кэлси ее матери, женщине, которую девочка никогда не знала, в местах, которые она никогда не называла своим домом.

— Что будет, то будет, — произнес он.

Кэлси, посмотрев на него, снова засмеялась, и радость в сердце Вульфгара победила ощущение надвигающегося несчастья.

Он чувствовал весну в своей душе, словно над ней тоже начал таять ледяной покров. Это всепоглощающее чувство ничто не могло изменить. Он свободен. Он доволен. И в своем сердце он уверен, что поступает хорошо и правильно.

Нагнувшись еще ниже к цветам, Вульфгар заметил кое-что еще: в грязи, на границе нарастающего снега виднелся свежий отпечаток. Он был оставлен небрежно обмотанной ногой, а поскольку они находились вдали от какого-либо селения, Вульфгар понял, что здесь прошел кто-то из рода гоблинов. Он выпрямился и внимательно осмотрелся.

Вульфгар повернулся к Кэлси, успокаивающе улыбнулся и поспешил продолжить путь. К счастью, это существо направлялось в обратную сторону. Ему совсем не хотелось сегодня драться, как и в любой другой день, пока Кэлси оставалась у него на руках.

Еще одна причина вернуть девочку матери. Вульфгар усадил Кэлси на плечо и тихо насвистывал ей, пока длинные ноги быстро несли его по дороге на запад. Домой.

К северу от того места, где останавливался Вульфгар в небольшой заснеженной долине расположились вокруг костра четверо дворфов, хафлинг и дроу. На этот раз они рано сошли с дороги, чтобы успеть разжечь огонь и накаливать камни, которые помогут им согреться холодной ночью. Торгар, Кордио и Тибблдорф немного подержали озябшие руки над пляшущими оранжевыми языками пламени и сразу отправились на поиски подходящих камней.

Бренор как будто и не заметил их ухода, его взгляд ни на миг не отрывался от лежащей поблизости связки древних свитков и свернутого гобелена.

Пока Реджис готовил ужин, Дзирт присел рядом со своим другом-дворфом и ждал. Он понимал, что у Бренора все внутри кипит и очень скоро ему захочется по делиться своими мыслями. Словно подтверждая его догадку, Бренор повернулся к дроу:

— Я думал, что найду Гонтлгрим и сразу получу все ответы.

— Ты не можешь знать, получил ты их или нет,-напомнил ему Дзирт.

Бренор хмыкнул:

— Это был не Гонтлгрим, эльф. Легенды рассказы вали не об этом месте. И ни в одной из известных мне историй о нем не упоминалось.

— Вероятно, — согласился дроу.

— Я никогда не слышал об этом месте.

— Но это может сделать находку еще более важной,-заметил Дзирт.

— Ба! — не совсем искренне отмахнулся Бренор. -Здесь одни загадки, и у меня нет желания их разгадывать.

— Но они все равно есть.

— И что теперь?

— Надеюсь, мы сможем понять, прочитав эти свитки.

— Ба! — громче воскликнул Бренор и махнул рукой и на Дзирта, и на связку пергаментов. — Пойду поищу камень, чтобы согреть постель, — пробормотал он и отошел от костра. — И чтобы разбить себе голову.

Последнее высказывание вызвало на лице Дзирта усмешку, напомнив, что Бренор будет следовать приметам, куда бы и к каким бы результатам они его ни привели. Дроу был полностью уверен в своем друге.

— Он боится, — произнес Реджис, как только дворф скрылся из виду.

— Так и должно быть, — ответил Дзирт. — Под угрозой само основание его мира.

— Как ты думаешь, что в этих свитках? — спросил Реджис, но Дзирт пожал плечами.

— А те статуи! — нетерпеливо продолжал хафлинг. — Орки и дворфы, но не воюют между собой. Что это означает? Ответы на наши вопросы? Или новые загадки?

Дзирт некоторое время обдумывал ответ, затем кивнул:

— Возможности.

ЧАСТЬ III Война в войне

Мы сами строим свою жизнь день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Жизнь становится рутинной, и мы жалуемся на нее. Предсказуемость, как мне кажется, это тонкая грань между комфортом и скукой. Мы стремимся к ней, стараемся ради нее, а когда обретаем, быстро отвергаем.

Потому что если перемены не всегда приводят к росту, рост обязательно основан на изменениях. Остановившийся человек, как законченный дом, понятие неизменное. Он может быть красивым, приятным или даже вызывать восхищение, но не способен взволновать.

Король Бренор достиг конечной точки, вершины успеха, самого высокого положения, о котором только может мечтать дворф. И все же король Бренор стремится к переменам, хотя и сам в этом пока не признается, ссылаясь на обычную склонность к приключениям. Он достиг наивысшего положения, а теперь ищет любой повод, чтобы его покинуть. Он не прекращает поисков, поскольку в душе понимает, что без поисков нет роста. Корона дворфов состарит Бренора до срока, как говорится в одной старой поговорке.

Не каждый обладает подобной силой духа. Многие предпочитают оставаться в скуке и спокойствии, в безопасности, обусловленной достигнутым благополучием. Эти люди в некотором роде прикованы к ежедневной обыденности. Они становятся рабами предсказуемости. Люди успокаивают свои неугомонные души в уверенности, что они нашли свое место в многообразии жизни, что все идет своим чередом и не осталось непройденных

дорог и достойных удивления чудес.

По большому счету такие люди становятся боязливыми и чересчур рассудительными, иногда даже вопреки здравому смыслу. Они опасаются всего, что может нарушить созданную ими систему. Социальные изменения, королевский указ, перемены в соседних землях, любые события, даже не имеющие к ним прямого отношения, могут вызвать страх и чувство неприятия. Когда леди Аластриэль впервые разрешила мне открыто появляться на улицах Серебристой Луны, ей пришлось столкнуться со значительным сопротивлением подданных. Ее народ, защищенный одной из лучших в мире армий и правительницей, чьи магические способности известны во всех землях, не боялся Дзирта До'Урдена. Нет, они опасались перемен, которые я представлял. Одно лишь мое присутствие в Серебристой Луне грозило нарушить течение их жизни, угрожало понятиям о мировом порядке и принятому укладу общества. Хотя сам я, конечно же, не представлял для них ни малейшей угрозы.

Все мы постоянно остаемся на грани между спокойствием и приключениями. Есть те, кто находит удовлетворение в прошлом, а есть вечные искатели.

Это моя догадка и только мои предположения, что в прошлом все страхи происходили из одного страха перед величайшей тайной — смертью. Не случайно те, кто сооружает самые толстые стены, обычно тверды и непоколебимы в своей вере. Настоящее должно быть таким, как есть, а лучшее будущее ждет только в загробной жизни. Это утверждение является основополагающим для многих верований, и к нему часто добавляется еще одно условие: обещания лучшего будущего будут выполнены только в том случае, если настоящее строго соответствует указующим принципам избранного божества.

Я причисляю себя ко второй группе — к искателям. Бренор, по всей видимости, тоже принадлежит к ней, поскольку он всегда будет неугомонным королем. Кэтти-бри тоже не способна пустить корни на одном месте. Ярче всего ее глаза сверкают при виде новой дороги. И даже Реджис, с его вечными жалобами на суровые испытания, сохранил способность удивляться, искать и бороться. И Вульфгар никогда не станет домоседом. Он испытал жизнь в Мифрил Халле и пришел к заключению — нелегкому и болезненному, — что для него есть лучшее место и лучший путь. Его уход очень меня огорчает. Не один десяток лет он был моим товарищем и компаньоном, испытанным соратником на поле боя и в жизни. Я очень скучаю по нему и вспоминаю каждый день, но, когда я о нем думаю, я улыбаюсь. Вульфгар покинул Мифрил Халл, потому что перерос все, что может предложить это место, потому что понял: в Долине Ледяного Ветра он обретет дом и сможет сделать много хорошего — для себя и для тех, кто будет с ним рядом.

Я тоже не слишком верю, что окончу свои дни в королевстве Бренора. На дорогу к неизведанному меня толкает не скука, а твердое убеждение в том, что основным принципом жизни должен быть поиск не того, что есть, а того, что может быть. Видеть жестокость и угнетение, нищету и рабство и беспомощно пожимать плечами или, еще хуже, искажать «божье слово» и оправдывать такое состояние — значит предавать идеал. А для меня идеала можно достичь только в постоянном поиске. Идеал — это не дар богов, а только их обещание.

Все мы одержимы здравым смыслом. Одержимы благородством. Одержимы симпатией и сочувствием. Внутри нас живет лучшее существо, и его невозможно запереть ни в каких стенах, кроме небесных пределов. По логике этого лучшего существа, совершенная жизнь не может быть достигнута в несовершенном мире.

И мы осмеливаемся искать. Мы решаемся на перемены. Даже сознание того, что мы в этой жизни не попадем «на небеса», не служит основанием для жизни в комфорте и рутине. Нашими исканиями движет желание самим стать лучше и улучшить мир вокруг нас, жажда просвещения, уверенность в том, что однажды мы сможем приблизиться к своим богам со смиренно склоненной головой, но с чувством выполненной работы, с сознанием того, что мы пытались подняться сами и поднять наш мир к их возвышенным

стандартам, к образу идеала.
Дзирт До'Урден

Глава 15

Приближение кризиса

Волшебные кони рванули с места, и огненная колесница оставила в предрассветном небе оранжевый след. Языки пламени развевались на встречном ветру, но не обжигали пассажиров. Кэтти-бри, стоя рядом с леди Аластриэль, в полной мере чувствовала этот ветер, и ее каштановые волосы тотчас отбросило назад, однако холод утреннего бриза смягчался теплом живой колесницы Аластриэль. Кэтти-бри полностью отдалась беззаботному ощущению полета и позволила завыванию ветра заглушить тяжелые мысли. На короткое время под последними мерцающими звездами она просто наслаждалась радостью жизни, и все чувства были поглощены необычной поездкой.

Она не увидела приближающейся серебряной ленты Сарбрина и лишь слегка вздрогнула от неожиданного снижения, когда леди Аластриэль заставила волшебную колесницу спуститься к самой воде, а затем кони уже по земле подвезли их к восточным воротам Мифрил Халла.

В этот ранний час снаружи было мало дворфов, лишь часовые с северной стены с радостными приветствиями выбежали навстречу повелительнице Серебристой Луны. Они не могли не узнать ее огненной колесницы, несколько раз за последние месяцы появлявшейся в Мифрил Халле.

При виде спутницы леди Аластриэль, принцессы Мифрил Халла, радостные возгласы стали еще громче.

— Добро пожаловать, — приветствовал прибывших гостей бородатый народ.

— Король Бренор еще не вернулся, — известил их поседевший от старости воин с повязкой на месте выбитого глаза и половиной густой черной бороды.

Кэтти-бри улыбнулась, узнав отважного и бесконечно преданного Шингла Макруффа, пришедшего в Мифрил Халл вместе с Торгаром Молотобойцем.

— Мы ждем его со дня на день.

— Но вы желанные гости, и гостеприимство Мифрил Халла к вашим услугам, — добавил другой дворф.

— Благодарю вас за великодушие, — ответила леди Аластриэль. Затем она обернулась на восток и добавила: — Этим утром здесь появятся еще несколько моих подданных — волшебники из Серебристой Луны. Они тоже прилетят по воздуху, кто-то своим ходом, а другие — верхом на черных насекомых, на метлах и на ковре. Я хочу попросить ваших лучников не сбивать их стрелами.

— На черных насекомых? — переспросил Шингл. — Вы хотите сказать, на жуках?

— На больших жуках, — ответила Кэтти-бри.

— Должно быть, даже на огромных.

— Мы вооружились заклинаниями созидания, поскольку хотим, чтобы мост через реку Сарбрин открылся как можно быстрее, — пояснила Аластриэль. — На благо Мифрил Халлу и всем дружественным королевствам Серебряных Земель.

— Тем более добро пожаловать! — вскричал Шингл, чем вызвал новый шквал приветственных выкриков.

Кэтти-бри подошла к заднему борту колесницы, но Аластриэль удержала ее, положив руку на плечо.

— Мы можем пролететь на запад и встретить короля Бренора, — предложила эльфийка.

Кэтти-бри остановилась, посмотрела в ту сторону, но покачала головой.

— Я уверена, он вот-вот вернется, — ответила она.

Шингл протянул ей руку, и Кэтти-бри приняла помощь дворфа, чтобы спуститься с

колесницы. Шингл успел подойти и к леди Аластриэль, и, хотя она в отличие от Кэтти-бри не была ранена, правительница Серебристой Луны тоже с благодарностью оперлась на предложенную руку. Затем она отошла на несколько шагов от колесницы и жестом предложила остальным последовать ее примеру.

Аластриэль могла бы просто отпустить волшебных коней и свой огненный экипаж. Подобное заклятие не составило бы никакого труда, и тогда упряжка и колесница, сверкнув на прощание, просто растаяли бы в воздухе и оставшийся столб дыма быстро унес бы ветер.

Но Аластриэль долгие годы пользовалась этим заклинанием и со временем дополнила его, немного изменив и вызов упряжки с экипажем, и их освобождение. Решив, что дворфам не помешает немного взбодриться, могущественная волшебница выбрала самый впечатляющий вариант рассеивания чар.

Кони в упряжке заржали и зафыркали, из ноздрей вырвались мощные клубящиеся струи огня, затем скакуны понеслись вверх, увлекая за собой колесницу. Примерно в двадцати футах над землей упряжка и экипаж взорвались оранжевыми огненными щупальцами, разлетелись в разные стороны, а затем вспыхнули с оглушительным треском, выбросив огромные фонтаны искр.

Дворфы завывали от восторга, и даже Кэтти-бри, несмотря на все неприятности, не могла удержаться от Улыбки.

Через несколько мгновений все закончилось, эхо взрывов отзвенело в ушах, искры погасли, и зрители перестали моргать после ослепительной вспышки. Кэтти-бри одобритительно кивнула своей подруге и вознице.

— Им недоставало как раз такого магического представления, — шепнула она, и леди Аластриэль подмигнула в ответ.

В Мифрил Халл они вошли рука об руку.

Ранним утром следующего дня Шинглу снова довелось выступить в роли официального встречающего у восточных ворот Мифрил Халла, поскольку именно он первым приветствовал шестерых путников, возвращавшихся из путешествия к тому месту, которое Бренор называл Гонтлгримом. Старый дворф из Мирабара возглавлял ночную стражу, а утром распределял задания по охране укреплений на северных отрогах хребта и на мосту. Поскольку он уже был немного знаком с работой магов, Шингл еще раз предупредил своих парней держаться подальше от команды леди Аластриэль, когда чародеи начнут творить свои двеомеры. Едва ему доложили о возвращении короля Бренора и его спутников, Шингл вышел далеко на юг, чтобы их встретить.

— Так ты нашел его, мой король? — нетерпеливо спросил он, озвучив многочисленные перешептывания и слухи окружающих.

— Ага, — ответил Бренор, но без особого энтузиазма. — Мы что-то нашли, хотя до сих пор не уверены, что это и есть Гонтлгрим. — Он махнул рукой на объемистый мешок со свитками на спине Торгара и скатанный гобелен, висевший через плечо Кордио. — Мы принесли кое-что достойное внимания Нанфудла и моих ученых. Мы получим ответы на свои вопросы.

— Твоя девочка вернулась, — доложил Шингл. — Леди Аластриэль привезла ее на своей огненной колеснице. И леди тоже осталась, и с ней прибыли десять волшебников из Серебристой Луны, все работают над сооружением моста.

Бренор, Дзирт и Реджис, выслушав Шингла, переглянулись.

— Девочка вернулась одна? — уточнил Бренор.

— С леди Аластриэль.

Бренор в упор смотрел на Шингла.

— Вульфгара с ними не было, — добавил старый мирабарский дворф. — Кэтти-бри ничего о нем не сказала, и я решил, что не мое дело ее спрашивать.

Бренор перевел взгляд на Дзирта.

— Он уже далеко на западе, — тихо произнес дроу, и Бренор, кивнув, непроизвольно

взглянул в ту сторону.

— Проводи меня к девочке! — приказал Бренор и быстро зашагал к восточным дверям Мифрил Халла.

Кэтти-бри, леди Аластриэль и волшебников из Серебристой Луны они нашли в коридорах неподалеку, поскольку почти все оставались ночевать в восточном крыле крепости. После недолгого обмена вежливыми приветствиями Бренор попросил извинения у леди Аластриэль, и она со своими волшебниками тотчас удалилась, последовав к мосту через Сарбрин.

— Куда он отправился? — спросил Бренор у Кэтти-бри, когда они остались вчетвером с Дзиртом и Реджисом.

— Вы и сами это хорошо знаете.

— Значит, вы нашли Кэлси? Кэтти-бри кивнула.

— И он повел ее домой, — констатировал Бренор. Последовал еще один кивок.

— Я предложила составить ему компанию, — пояснила Кэтти-бри, и у нее полегчало на сердце, едва она заметила улыбку на лице Дзирта. — Но он больше не нуждался во мне.

— Потому что этот глупец не собирается возвращаться! — выпалил Бренор, сплюнул себе под ноги и пошел прочь. — Упрямый сын орка-переростка! — пробормотал он себе под нос.

Дзирт жестом попросил Реджиса пойти за королем, и хафлинг, кивнув, потрусил следом.

— Я согласна с Бренором, — произнесла Кэтти-бри, печально тряхнула головой, а потом бросилась к Дзирту, крепко его обняла и поцеловала.

Не ослабляя своих объятий, она приникла головой к его плечу и шмыгнула носом, прогоняя слезы.

— Он знал, что Вульфгар вряд ли вернется, — прошептал Дзирт.

Кэтти-бри отстранилась.

— И ты тоже знал, но ничего мне не сказал, — упрекнула она.

— Я уважал желание Вульфгара. Он не мог знать, куда заведет его эта дорога, но не хотел, чтобы спор продолжался до самой Серебристой Луны и дальше.

— Если бы я заранее знала о его решении, может, сумела бы уговорить изменить планы, — возразила Кэтти-бри.

Дзирт беспомощно моргнул:

— Тем более не стоило тебе говорить.

— Ты одобряешь его выбор?

— Я уверен, что соглашаться или не соглашаться — не мое дело, — ответил Дзирт и пожал плечами.

— Ты считаешь, что он правильно поступил, оставив Бренора, когда?..

— Это время или какое-то другое, все равно.

— Как ты можешь такое говорить? Мы его семья, а Вульфгар ушел...

— Так же как мы с тобой несколько лет назад, после войны с дроу, когда Вульфгар провалился в Абисс, — напомнил ей Дзирт. — Мы хотели отправиться в путь и ушли, оставив Бренора и Мифрил Халл. На шесть лет.

Напоминание лишь немного успокоило гнев Кэтти-бри.

— Но сейчас у порога крепости Бренора стоит армия орков, — возразила она, хотя и не так энергично, как прежде.

— Эта армия может простоять здесь еще не один год. Вульфгар говорил мне, что не видит перед собой будущего. Правда, что его здесь ожидало? Ни жены, ни детей.

— И он с болью смотрел на нас.

— Возможно, — кивнул Дзирт.

— Он сам мне об этом сказал.

— И ты примерила на себя мантию вины? Кэтти-бри пожала плечами.

— Она тебе не к лицу, — заверил ее Дзирт. Он снова привлек женщину к себе и

бережно уложил ее голову на свое плечо. — Вульфгар должен сам выбирать свой путь. В Долине Ледяного Ветра у него тоже есть семья, и он решил уйти туда. Там живет его народ. Неужели ты хотела бы лишиться его возможности найти свою любовь? Разве не должен он воспитать своих детей, которым предстоит после него вести народы Долины Ледяного Ветра?

Кэтти-бри долго не отвечала.

— Я уже скучаю по нему, — наконец прошептала она.

— И я тоже. И Бренор, и Реджис тоже огорчены. Но ведь он не умер. Он не погиб в бою, как мы опасались тогда, много лет назад. Он пройдет свой путь и, следуя принятому им самим решению, доставит Кэлси домой, а потом, может быть, отправится в Долину Ледяного Ветра. А может, и нет. Возможно, там Вульфгар осознает, что его настоящий дом в Мифрил Халле, и тогда он вернется к Бренору. Или найдет себе другую жену и вернется с ней, исполненный счастья, свободный от страданий.

Дзирт немного отстранил Кэтти-бри, и его фиолетовые глаза встретились с ее ярко-синим взглядом.

— Ты должна доверять Вульфгару, он не раз заслужил это право. Позволь ему идти той дорогой, которую он выберет сам, и верь, что ты и я, Бренор и Реджис повсюду с ним в его сердце, так же как мы сохраним его в своих сердцах. Ты взвалила на себя вину, которой ты не заслуживаешь. Неужели Вульфгар должен был отказаться от собственного пути только для того, чтобы ты не печалилась?

Кэтти-бри некоторое время размышляла над его словами, а потом нашла в себе силы улыбнуться.

— В моем сердце нет пустоты, — сказала она, потянувшись вперед и поцеловала Дзирта настойчиво и страстно.

— Ты получишь все, что бы тебе ни понадобилось, — пообещал Бренор Нанфудлу, пока тот осторожно вынимал свиток из связки. — Пузан останется при тебе рабом и по твоей просьбе будет обращаться ко мне и всем моим парням.

Гном начал разворачивать пергамент, но услышал, как потрескивает хрупкий материал, поморщился и остановился.

— Мне придется сварить предохранительную смазку, — сказал он Бренору. — Я не осмелюсь выложить документ на свет, пока он не будет соответствующим образом обработан.

— Все, что пожелаешь, — заверил его Бренор. — Только сделай это, и сделай быстро.

— Насколько быстро? — забеспокоился гном.

— Аластриэль сейчас здесь, — пояснил Бренор. — Она еще несколько дней будет руководить работами по сооружению моста, и, если в этих пергаментах говорится о том, о чем я думаю, пусть леди Аластриэль будет над чем поразмыслить на обратном пути в Серебристую Луну.

Но Нанфудл покачал головой.

— Мне понадобится больше, чем несколько дней, чтобы все подготовить, — и это при условии, что у вас найдутся все необходимые ингредиенты. — Он перевел взгляд на Реджиса. — Основой для снадобья служит гуано летучих мышей.

— Великолепно, — пробормотал хафлинг.

— У нас оно есть, или мы его найдем, — настаивал Бренор.

— В любом случае процесс варки займет целый день, — сказал Нанфудл. — А потом потребуется три дня, чтобы мазь впиталась в пергамент, но лучше поддержать все пять дней.

— Значит, всего четыре, — сосчитал Бренор, и Нанфудл покорно кивнул.

— Это только подготовка свитков для изучения, — поторопился добавить гном. — Мне может потребоваться десяток дней, чтобы расшифровать древние письма, даже с помощью магии.

— Ба, ты справишься гораздо раньше! — воскликнул Бренор.

— Но я не могу обещать.

— Лучше бы тебе поторопиться, — снова повторил Бренор, но уже не ободряюще, а, скорее, требовательно. Затем он повернулся к Реджису. — Гуано, — напомнил он хафлингу и, развернувшись, вышел из комнаты.

— Гуано, — прошептал Реджис, беспомощно глядя на Нанфудла.

— И кузнечное масло, — добавил гном. Он вытащил из связки еще один свиток, положил его рядом с первым, приложил пальцы к губам и тяжело вздохнул. — Если бы они понимали, насколько деликатна эта работа, они бы сдержали свое нетерпение, — произнес он, обращаясь скорее к самому себе, нежели к хафлингу.

— Бренору сейчас не до деликатности, как мне кажется, — ответил Реджис. — Вокруг слишком много орков, чтобы быть деликатным.

— Орки и дворфы, — бормотал гном. — Орки и дворфы. Как же художник должен делать свое дело?

Он снова вздохнул, словно говоря: «Если бы я мог» — и отошел в угол, где хранились ступки и пестики и разные ложечки и флаконы.

— Вечная спешка, вечное ворчанье! — сетовал он. — Орки и дворфы, вот уж действительно!

Путники только-только разошлись по своим комнатам в западном крыле под ущельем Гарумна, как по Мифрил Халлу разнеслось известие еще об одном неожиданном посетителе, вошедшем через западные ворота. Эльфы были нечастыми гостями крепости Бренора, но перед Хралайном из Лунного Леса двери распахнулись мгновенно.

Дзирт, Кэтти-бри и Бренор нетерпеливо ожидали эльфа в зале для аудиенций.

— Аластриэль, а теперь еще и Хралайн, — говорил Бренор, сопровождая кивками каждое свое слово. — Все сходится одно к одному. Как только мы узнаем содержание этих свитков, им обоим придется признать, что пора ударить по этим смердящим оркам.

Дзирт не стал делиться своими сомнениями, а Кэтти-бри молча улыбнулась и кивнула. Пока еще не было причин разбавлять оптимизм Бренора примесью печальной реальности.

— Парни из Адбара и Фелбарра наверняка к нам присоединятся, — продолжал Бренор, не обращая внимания на сдержанность своих слушателей. — Если мы получим поддержку Серебристой Луны и Лунного Леса, мы быстро разгоним орков обратно по норам, можно не сомневаться!

Он еще некоторое время продолжал разглагольствовать, пока в зал после официального представления не ввели Хралайна.

— Рад встрече, король Бренор, — произнес эльф после того, как список его имен и титулов был зачитан полностью. — Я прибыл с вестями из Лунного Леса.

— Для того чтобы просто пообедать, это была бы слишком долгая поездка, — заметил Бренор.

— Мы подверглись нападению со стороны орков, — продолжал Хралайн, повинувшись жесту Бренора. — Согласованному и хитроумно спланированному нападению.

— Мы скорбим о ваших утратах, — откликнулся Бренор, и Хралайн поклонился в знак благодарности за проявленное сочувствие.

— Мы потеряли несколько своих людей, — рассказал он, — эльфов, которым предстояло бы увидеть рождение и закат последующих столетий. — Он перевел пристальный взгляд на Дзирта. — И среди них Инновиндиль.

Дзирт широко распахнул глаза, ахнул и отшатнулся назад, так что Кэтти-бри пришлось его поддержать.

— И Закат погиб вместе с ней, — продолжал рассказ Хралайн слегка задрожавшим голосом. — Похоже, что орки предвидели ее появление над полем боя и хорошо подготовились.

Дыхание Дзирта вырывалось из груди короткими резкими толчками. Он собрался было что-то сказать, но не нашел слов и лишь горестно покачал головой. Сердце затопило

непереносимой пустотой, холодным и жестоким напоминанием о неожиданности перемен, о внезапной и необратимой смертности.

— Я разделяю твою горе, — сказал Хралайн. — Инновиндиль была мне другом, и все, кто ее знал, относились к ней с любовью. И Заря тоже тоскует, в этом нет никаких сомнений, пегас остро переживает утрату своих товарищей — Заката и Инновиндиль.

— Проклятые свинорылые орки! — взревел Бренор. — Неужели вы и сейчас считаете, что их можно оставить в покое?! Вы все еще хотите сохранить королевство Обальда?

— Орки испокон веков атаковали Лунный Лес, — ответил Хралайн. — Они приходили за лесом и ради забавы, но мы убивали их и обращали в бегство. Но на этот Раз их атака была организована намного лучше — слишком хорошо для такой примитивной расы.

Хралайн договорил, продолжая смотреть на Дзирта, что вызвало любопытствующие взгляды Бренора и Кэтти-бри.

— Тос'ун Армго, — сделал вывод Дзирт.

— Нам известно, что он был в этих местах, провел некоторое время с Албондиэлем и Синнафейн и хорошо изучил наши методы, — рассказал Хралайн.

Дзирт кивнул, и печаль на его лице сменилась решимостью. После того как он и Инновиндиль доставили в Лунный Лес тело Эллифейн, Дзирт поклялся выследить Тос'уна. Сейчас настал момент выполнить это обещание.

— Горестное известие вдсятеро удлиняет путь, как говорится в пословице, — сказал Бренор. — Располагайся на отдых, Хралайн из Лунного Леса. Мои парни снабдят тебя всем необходимым, и ты можешь оставаться сколько захочешь. Возможно, вскоре у меня будут для тебя новости — кое-что полезное для борьбы против проклятого Обальда. Как заверяют мои люди, сведения поступят через несколько дней.

— Сегодня я всего лишь курьер и вынужден отклонить твоё лестное приглашение, король Бренор, — пояснил Хралайн, отвесив почтительный поклон. — На ваш зов из Лунного Леса несомненно придут другие, а мой путь должен продолжиться из восточных дверей крепости не позднее завтрашнего рассвета. — Он снова взглянул Дзирту в глаза. — Надеюсь, я пойду не один.

Дзирт кивком выразил свое согласие отправиться на охоту, даже не обернувшись к Кэтти-бри. Он знал, что она не сможет ему возразить.

Немного позже они остались вдвоем в своей комнате, и Дзирт начал собирать рюкзак.

— Ты уходишь на поиски Тос'уна, — произнесла Кэтти-бри, и в ее словах не было вопроса, а лишь спокойное утверждение.

— Разве у меня есть выбор?

— Нет. Только я бы хотела наконец выздороветь и отправиться с тобой.

Дзирт прекратил сборы и обернулся к ней:

— В Мензоберранзане есть такая поговорка: «Аспис ту дроу бед н'тус дроу». Дроу может выследить только дроу.

— Тогда удачной тебе охоты, — сказала Кэтти-бри и подошла к шкафу, чтобы помочь Дзирту приготовить вещи.

Она казалась не слишком расстроенной, но следующий негромко заданный вопрос застал Дзирта врасплох:

— Ты бы женился на Инновиндиль после моей смерти?

Дзирт замер и, набравшись смелости, медленно повернулся и взглянул на Кэтти-бри. Она слегка улыбалась и казалась спокойной, почти беззаботной. Кэтти-бри присела на край кровати и жестом пригласила Дзирта сесть рядом.

— Ты бы сделал это? — снова спросила она, как только он приблизился. — Инновиндиль была прекрасна душой и телом.

— Я как-то не думал об этом, — ответил Дзирт. Улыбка Кэтти-бри стала заметнее.

— Я знаю, — заверила она Дзирта. — Но я прошу подумать сейчас. Смог бы ты ее полюбить?

Дзирт немного подумал.

— Не знаю, — признался он.

— И тебе никогда не приходила в голову эта мысль? Дзирт мысленно вернулся к тем дням, когда он и Инновиндиль остались вдвоем в тылу армии орков. Тогда Инновиндиль чуть не соблазнила его и тем самым помогла разобраться в чувствах к Кэтти-бри, которую на тот момент Дзирт считал погибшей.

— Я думаю, ты бы смог ее полюбить, — сказала Кэтти-бри.

— Возможно, ты и права, — ответил он.

— Как ты думаешь, она вспоминала о тебе в последние минуты своей жизни?

Откровенный вопрос шокировал Дзирта, но Кэтти-бри не отступала.

— Скорее, она думала о Тарафизле и о том, что было между ними.

— Или о Дзирте и о том, что могло бы быть. Дзирт тряхнул головой:

— Вряд ли ее последние мысли относились ко мне. Скорее, к Закату. Быть эльфом значит жить настоящим. Наслаждаться тем, что есть здесь и сейчас, и принимать то, что будет, независимо от планов и надежд.

— Все равно, мне кажется, Инновиндиль испытала мимолетное сожаление о Дзирте и возможной утраченной любви.

Дзирт не стал спорить, да и не хотел, учитывая доброжелательный тон Кэтти-бри и ее откровенность. Она не осуждала его и не искала причин сомневаться в его любви. Кэтти-бри доказала это уже в следующую минуту, когда рассмеялась и погладила его по щеке.

— По всей вероятности, ты переживешь меня на несколько столетий, — объяснила она.

— Я понимаю все последствия такой разницы, мой любимый, и была бы эгоистичной душой, если бы надеялась, что ты останешься верен воспоминаниям. Я не могу хотеть — и не хочу — для тебя такой жизни.

— Но это не значит, что мы должны это обсуждать, — упрекнул ее Дзирт. — Нам не известно ни куда приведут нас дороги, ни кто проживет дольше. Мы живем в опасном мире и в опасное время.

— Я знаю.

— Тогда к чему беспокоиться и заводить этот разговор?

Кэтти-бри пожала плечами, но ее улыбка постепенно исчезла, и красивое лицо затуманилось печалью.

— Что случилось? — спросил Дзирт и, протянув руку, повернул к себе.

— Если опасности нас не разлучат, интересно, что почувствует Дзирт через двадцать лет?

Вопрос откровенно озадачил дроу.

— Ты будешь все так же молод и привлекателен, полон жизни и любви, — пояснила Кэтти-бри. — А я стану старой, уродливой и скрюченной. Я уверена, ты останешься со мной, но что это будет за жизнь?

Теперь настала очередь Дзирта рассмеяться.

— Можешь ты смотреть на женщину, которой перевалило за семьдесят, и находить ее привлекательной?

— Разве мало людей продолжают любить друг друга после долгих лет, проведенных вместе? — спросил Дзирт. — Разве мало мужчин все так же любят своих жен после семидесятого дня рождения?

— Но эти мужчины, как правило, не остаются в расцвете сил и красоты..

— Твое заблуждение состоит в том, что ты считаешь, будто старость подкрадется внезапно, за одну ночь, но это далеко не так, даже с точки зрения эльфа, наблюдающего за жизнью человека. Каждая морщинка имеет свое значение, моя дорогая. День за днем мы проводим вместе, и каждая перемена что-то означает. Ты в своем сердце знаешь, что я тебя люблю, и я не сомневаюсь, что моя любовь к тебе будет расти с каждым годом. Кэтти-бри, я знаю твое сердце. Ты, к счастью, предсказуема в одних вопросах и совершенно непредсказуема в других. Я снова и снова убеждаюсь, что знаю твой выбор, он всегда

обусловлен твоей прямоотой и честностью.

Кэтти-бри снова улыбнулась и поцеловала его, но Дзирт быстро отстранился:

— Если огненное дыхание дракона застигнет меня врасплох, опалит кожу, ослепит меня и навеки оставит запах сгоревшей плоти, разве Кэтти-бри перестанет меня любить?

— Прекрасная мысль, — сухо ответила она.

— Ответ. Ты останешься со мной?

— Конечно.

— А если бы я думал иначе, я бы никогда не стал твоим мужем. Разве ты не так же твердо во мне уверена?

Кэтти-бри усмехнулась и снова его поцеловала, а потом толкнула на кровать. Сборы могут подождать.

На рассвете следующего дня Дзирт склонился над спящей Кэтти-бри и легонько притронулся губами к ее лицу. Потом он долго смотрел на нее, даже когда шел от кровати к двери. Наконец он отвернулся и едва не подпрыгнул от неожиданности — у самой двери стоял Тулмарил, Искатель Сердец, лук Кэтти-бри, а рядом лежал волшебный колчан, в котором никогда не иссякали стрелы. Дзирт на мгновение нерешительно замер, а потом увидел на полу маленькую записку. По проколу в бумаге он догадался, что листок был насажен на кончик лука, но не удержался на месте.

Даже не поднимая записки, он уже знал, о чем там говорится.

Он снова посмотрел на Кэтти-бри. Возможно, она и не могла быть с ним рядом, но с Тулмарилом в руке он везде будет чувствовать ее присутствие.

Дзирт повесил лук на плечо, поднял колчан и забросил за спину. Еще раз оглянувшись на свою любовь, он беззвучно покинул комнату.

Глава 16

Марш Туугвика Тука

Ранним дождливым утром воины клана Карук парадным шагом вышли на грязную площадь в центре маленькой деревушки орков, и ни ненастное небо, ни непрекращающийся дождь не могли помешать их торжественному маршу.

— Держись и топай! — скандировали они гулкими голосами во всю мощь грудных клеток полуогров. — Круши и бей! Во славу Груумша Одноглазого!

Ветер хлопал желтыми знаменами, дружные шаги выплескивали фонтаны грязи, но клан двигался почти безукоризненным строем, и шесть флагов попарно взлетали вверх в такт оглушительным шагам. Любопытствующие зрители не могли не отметить резкого контраста между огромными полуограми и десятками воинов других племен, присоединившихся к клану в предыдущих Деревнях, через которые проходил марш вождя Гргуча.

Рядом с самим Гргучем маршировал только один чистокровный орк — молодой и пылкий шаман. Туугвик Тук не терял времени и не стал дожидаться, пока соберется вся деревня. Как только Гргуч скомандовал остановку, он выскочил вперед.

— Мы только что вернулись с победой из Лунного Леса, — объявил он.

Это ненавистное место было хорошо известно каждому орку восточной части недавно учрежденного королевства Обальда, и новость вызвала у зрителей бурю радостных возгласов.

— Восславим великого вождя Гргуча из клана Карук! — снова закричал Туугвик Тук, но на этот раз ответом стало смущенное молчание, пока он не добавил: — Восславим короля Обальда!

Туугвик Тук оглянулся на Гргуча и, дождавшись одобрительного кивка, начал скандировать:

— Гргуч! Обальд! Гргуч! Обальд! Гргуч! Гргуч! Гргуч!

Все воины клана Карук, как и недавно присоединившиеся орки, быстро подхватили

ритм, и сомнения селян быстро развеялись.

— Как Обальд обрушивал на врагов ярость Груумша, так теперь Гргуч повергнет в прах противников! — кричал Туугвик Тук, врезаясь в толпу и заражая ее неистовым энтузиазмом. — Снега отступают, и мы наступаем! — К каждому громкому лозунгу он не забывал добавлять: — Во славу Обальда! Могущество Гргуча!

Туугвик Тук в полной мере ощущал тяжесть возложенного на него задания. Днарк и Унг-тол отправились на запад, чтобы встретиться с Обальдом при осмотре новых укреплений, и Туугвику Туку предстояло в одиночку направлять триумфальное шествие Гргуча на юг. Один клан Карук безусловно не выстоит против тысяч воинов Обальда, но, если Гргуч соберет всех воинов из десятков поселений вдоль реки Сарбрин, их появление у северных укреплений короля Бренора будет иметь огромное значение и, как надеялись заговорщики, заставит подключиться к атаке и уже стоящую там армию Обальда.

Туугвик Тук на протяжении многих лет успешно справлялся с самыми различными сборищами орков. И его продвижение к должности главного шамана племени — почти полностью уничтоженного таинственным сокрушительным взрывом в Долине Хранителя — было обусловлено исключительно этим талантом. Он прекрасно знал, как манипулировать настроениями сельских орков и как незаметно перенаправить их преданность в нужную ему сторону. Каждый раз, выкрикивая имя Обальда, он тотчас добавлял имя Гргуча. Стоило соединить два имени, постоянно упоминать их рядом, и его слушатели будут неосознанно вспоминать имя Гргуча каждый раз, когда они услышат имя Обальда.

И на этот раз его энергия оказалась заразной, и вскоре все орки вопили и скандировали вместе с ним, прославляя короля Обальда и восхваляя могущество Гргуча.

До того как трое конспираторов разделились, было решено, что эти два имени должны быть тесно связаны между собой. Любой, даже малейший намек против Обальда после всех громких побед короля орков означал бы скорый и неминуемый конец всем их планам. Даже после неудачной попытки захватить Мифрил Халл через западные ворота, после потери восточных земель между крепостью дворфов и рекой Сарбрин, застоя в течение всей зимы и непрекращающихся разговоров о нежелании возобновить военные действия подавляющее большинство орков произносило имя Обальда с благоговением, отождествляя его с самим Груумшем. Но Туугвик Тук и двое его компаньонов рассчитывали постепенно, шаг за шагом, восстановить племена против их короля.

— Могущество Гргуча! — снова закричал Туугвик Тук и, не дожидаясь одобрительных возгласов, добавил: — Разве устоит дворфская стена перед тем, кто сжег Лунный Лес?

Он ожидал взрыва энтузиазма, но зрители смущенно и встревоженно молчали.

— Дворфы будут убежать еще до нашего приближения, — заявил шаман. — Они забьются в свои норы, а мы овладеем переправой через Сарбрин для короля Обальда! Во славу короля Обальда! — закончил он во всю силу легких.

Теперь собравшиеся орки ответили неистовыми воплями.

— Могущество Гргуча! — предусмотрительно добавил ничуть не смутившийся Туугвик Тук, и многие селяне, привыкшие хором повторять все его призывы, скандировали и последнюю фразу.

Он обернулся к Гргучу и увидел, что вождь довольно ухмыляется.

Туугвик Тук понял, что пройден еще один шаг.

Клан Карук, забрав предложенные припасы, скоро возобновил свой марш, и в толпе следом за каруками появилось новое знамя, и еще четыре десятка воинов влились в растущие ряды отряда Гргуча. Впереди предстояло пройти через несколько крупных поселений, и жрец-оратор справедливо надеялся, что к укреплениям дворфов они подойдут с тысячами воинов.

Туугвик Тук верил, что после разрушения стены дворфов восхваления вождя Гргуча станут громче, чем приветствия королю Обальду. В следующем своем выступлении он был намерен меньше прославлять Обальда и больше обращаться к Груумшу. Но могущество Гргуча в любом случае будет упоминаться не меньше, чем прежде.

Хакуун вышел из деревни под темные сосны и искривленные ели, и Джек заметил, как на его уродливом, покрытом бородавками носу с одной стороны дергается пучок волос, свидетельствуя о крайнем возбуждении жреца.

— Клянусь звездами и главными элементами мира, это было волнующее зрелище, не так ли?

При звуке так хорошо знакомого голоса орочий шаман замер на месте, собрался с духом, сделал глубокий вдох, раздувая огромные ноздри, и только потом повернулся.

На нижней ветке сидел маленький человечек в сверкающем алом одеянии и покачивал ногами взад и вперед, словно беззаботное дитя. Этот облик был для Хакууна новым. Да, конечно, он знал, кто такие гномы, но никогда не видел в таком виде Джекули.

— Этот молодой жрец полон задора, — продолжал Джек. — Я сам чуть не встал в строй, чтобы присоединиться к клану Гргуча! Какой грандиозный марш они задумали!

— Я не просил тебя сюда приходить, — произнес Хакуун.

— Разве? — удивился Джек, спрыгнул с дерева и отряхнул хвоинки со своего роскошного платья. — Скажи-ка мне, шаман клана Карук, что я должен был подумать, когда, оторвавшись от своей работы, вдруг обнаружил, что так щедро одаренный мною шаман сбежал?

— Я не сбежал, — возразил Хакуун, стараясь не выдать своего волнения голосом, хоть и был уже на грани паники. — Клан Карук нередко выходит поохотиться.

Хакуун попятился перед подошедшим гномом. Но Джек продолжал наступать, и Хакуун медленно отходил все дальше назад.

— Но это не совсем обычная экспедиция.

Хакуун смотрел на Джека с тупым недоумением, явно не понимая, о чем тот говорит.

— Не совсем обычная охота, — объяснил Джек.

— Я уже все рассказал.

— Да, об Обальде и его тысячах, — сказал Джек. — Ты говорил, что вы собираетесь устроить небольшую суматоху и пограбить. Но ведь это не все, не так ли?

На лице Хакууна снова отразилось недоумение. Джек щелкнул в воздухе своими скрюченными пальцами и стремительно развернулся.

— Ты что, не чувствуешь, шаман? — взволнованным голосом спросил он. — Ты еще не понял, насколько необычна эта охота?

Джек снова обернулся к Хакууну, чтобы оценить его реакцию, но опять увидел, что тот ничего не понял. Проницательность и хитрость Джека давно подсказали ему подтекст речей Туугвика Тука и кроющиеся за его словами возможности.

— Возможно, это только мои подозрения, — пробормотал гном. — Но ты должен рассказать мне все, что знаешь. А потом поговорим с этим одаренным молодым жрецом.

— Я все рассказал, — возразил Хакуун, однако при воспоминании об ужасной процедуре, которая могла последовать, его голос заметно дрогнул.

— Нет, я настаиваю, чтобы ты поведал мне абсолютно все, — потребовал Джек и шагнул к шаману.

Все намеки на легкомыслие мгновенно пропали и с его лица, и из голоса. Хакуун отшатнулся, но Джек только усилил натиск.

— Э, да ты все забыл, — сказал гном, подойдя вплотную. — Забыл обо всем, что я для тебя сделал и как мало просил взамен. Хакуун, большие возможности требуют большой ответственности.

— Но я больше ничего не знаю, — взмолился шаман и даже поднял вверх руки.

Лицо Джека превратилось в злобную маску. Он больше не сказал ни слова, только показал пальцем на землю. Хакуун слабо покачал головой, но Джек по-прежнему показывал на землю.

В исходе этого противостояния можно было не сомневаться. Тихонько всхлипнув, Хакуун, могущественный жрец клана Карук, проводник между Гргучем и Груумшем,

распростерся на земле лицом вниз.

Джек, опустив руки, смотрел прямо перед собой и беззвучно читал слова заклинания. Закончив, он вспомнил таинственных иллитидов, блистательных специалистов по чтению чужих мыслей, которые столь многому его научили.

Одеяние Джека лишь слегка дрогнуло, когда он начал съеживаться, а затем и костюм, и его тело в процессе изменения формы слились в одно целое. Через миг Джек-гном исчез, и по земле на четырех крошечных лапках прополз почти невидимый человеческому глазу грызун. Он подобрался к уху Хакууна и некоторое время принюхивался, размышляя, насколько это неудобно — превращаться в столь мелкое животное.

А потом Джек-гном, ставший мозговым кротом, вошел в ухо и там исчез.

Хакуун дрожал и дергался в мучительных судорогах, а существо прокапывало себе путь все глубже, сквозь стенки внутреннего уха, во вместилище его разума. Шаман с трудом встал на четвереньки, и его стало рвать. Он еще долго изрыгал пищу и отплевывался, поскольку слабая защита физического тела не могла вытолкнуть наружу нежеланного гостя.

Спустя некоторое время Хакуун поднялся на ноги.

Ну вот, — послышался голос Джека в его голове. *— Теперь я лучше понимаю цель вашего предприятия, и мы вместе сумеем узнать дальнейшие планы этого энергичного молодого шамана.*

Хакуун и не пытался спорить — да и как бы он мог? Кроме того, несмотря на все свое отвращение и боль, Хакуун понимал, что с Джеком внутри он намного проницательнее и во много раз могущественнее.

Нужна личная встреча с Туугвигом Туком, — проинструктировал его Джек, и Хакуун не мог с ним не согласиться.

Даже чувствительный эльфийский слух Хралайна и Дзирта улавливал только самые громкие выкрики собравшихся орков, но цель торжественного шествия уже проявилась.

— Это те самые, — заметил Хралайн. — Мы видели желтые знамена в Лунном Лесу. И похоже, что их численность...

Он замолчал и посмотрел на своего напарника, который, казалось, его совсем не слушал. Дзирт неподвижно сидел на корточках, и его взгляд был обращен на юг, в сторону Мифрил Халла.

— Мы уже встретили по пути несколько поселений орков, — заговорил дроу немного погодя. — Можно не сомневаться, что марш пройдет через каждое из них.

— И ряды орков умножатся, — согласился Хралайн. Наконец Дзирт повернулся к нему.

— И они направляются на юг, — сказал дроу.

— Похоже, зреет новая волна агрессии, — продолжил Хралайн. — И мне кажется, здесь не обошлось без подстрекателя.

— Тос'ун? — спросил Дзирт. — Но я не вижу темного эльфа среди собравшихся.

— Скорее всего, он где-нибудь поблизости.

— Взгляни на них. — Дзирт движением подбородка указал на кричащих и поющих орков. — Если даже он спровоцировал это безумие, может ли он контролировать орков?

На этот раз Хралайн пожал плечами.

— Не стоит недооценивать его хитрость, — предостерег эльф. — Нападение на Лунный Лес было отлично спланированным и эффективным.

— Орки Обальда поражают нас на каждом шагу.

— И не без помощи советников-дроу.

После такого заявления они скрестили взгляды, и по лицу Дзирта пробежала тень.

— Я твердо уверен, что нападение на Лунный Лес спланировал Тос'ун, — сказал Хралайн. — И за кулисами этого шествия, куда бы оно ни направлялось, тоже стоит он.

Дзирт снова обернулся на юг, где находилось королевство Бренора.

— Возможно, его целью является Мифрил Халл, — признал Хралайн. — Но я умоляю тебя продолжать путь вдали от тоннелей Бренора. Ради всех нас, разыщи Тос'уна Армго. Я

буду следить за этими орками и в случае необходимости подробно извещу обо всем короля Бренора, даже если мне придется отклониться от маршрута. Можешь не сомневаться. Прошу тебя, освободи свои мысли ради этого чрезвычайно важного дела.

Дзирт снова перевел взгляд с собравшихся на площади орков в сторону Мифрил Халла. Он представил себе ожесточенную битву на берегах Сарбрина и ощутил укол вины при мысли, что Бренор и Реджис, а возможно, и Кэтти-бри, и весь клан Боевого Топора опять будут сражаться без его помощи. Он снова увидел, как рушится башня в Низинах и Дагнаббит, которого он тогда принял за Бренора, летит на землю в смертельном падении.

Дзирт глубоко вздохнул и снова обратился к бесновавшимся оркам, все так же продолжавшим скандировать и приплясывать. Если к этому причастен темный эльф из Дома Баррисон Дель'Армго, орки представляют гораздо большую опасность, чем в начале своего похода. Дзирт мрачно кивнул. Его задача и путь были ему ясны.

— Следи за каждым их движением, — попросил он Хралайна.

— Даю тебе слово, — ответил эльф. — Твоих друзей не застанут врасплох.

Вскоре орки снова двинулись в путь, и Хралайн тенью последовал за маршем на юго-восток, оставив Дзирта на горном склоне. Дроу подумал спуститься к деревне орков и порыскать в окрестностях, но решил, что Тос'ун, если он к этому причастен, вряд ли станет скрываться среди камней, как сам Дзирт.

— Гвенвивар, иди ко мне, — произнес дроу, достав ониксовую фигурку.

Когда туманное облачко сгустилось и превратилось в пантеру, Дзирт послал ее на охоту. Гвенвивар могла в короткий срок покрыть огромное расстояние, и ни один Дроу не сумел бы укрыться от ее великолепного чутья.

Дзирт тоже не остался на месте, а с величайшей осторожностью отправился в противоположную сторону от пантеры, уже пересекавшей след марширующих орков. Если догадка Хралайна верна и Тос'ун Армго руководит орками, находясь где-то поблизости, Дзирт не сомневался, что в скором времени столкнется с негодеем.

Он вспомнил о Хазид-Хи, мече Кэтти-бри, попавшем в руки Тос'уну, и тотчас прикоснулся к своим клинкам. Любой воин-дроу представляет опасность. Воин из благородного Дома тем более опасен. Дзирт, даже думая о враге как представителе благородного рода темных эльфов, не забывал напомнить самому себе, что тот, кто недооценивает Хазид-Хи, обычно быстро падает наземь.

Разрубленный на две части.

Интересно, — раздался голос Джека в мозгу Хакууна, когда они возвращались после недолгого и спокойного разговора с Туугвиком Туком.

Во время встречи Джек воспользовался своим могуществом чародея, чтобы усилить заклинание Хакууна, направленное на распознавание лжи, что позволило им получить от молодого жреца более откровенные ответы, чем тот рассчитывал представить.

Значит, заговорщики вызвали вас сюда не для того, чтобы усилить армию Обальда.

— Надо все рассказать Гргучу, — прошептал Хакуун. *Что ты собираешься ему рассказать? Что ему предстоит сражение?*

— Что наше вторжение в Лунный Лес и готовящееся нападение на дворфов скорее всего вызовет гнев Обальда.

Хакуун услышал, как в его голове смеется Джек.

Орки замышляют против орков, — неслышно рассуждал Джек. *— Орки манипулируют орками и составляют заговоры. Я уверен, вождю Гргучу будет очень интересно это услышать.*

Решительные шаги Хакууна замедлились, его целеустремленность пропала под натиском сарказма Джека — достаточно эффективного, поскольку в словах гнома содержалось зерно истины.

Пусть все идет своим чередом, — сказал Джек. *— Если понадобится, мы сможем извлечь пользу из замыслов этих заговорщиков. А в данный момент рискуют только они,*

поскольку клан Карук ни о чем не подозревает. Если они сваяли дурака, осмелившись замыслить подобный шаг, будет любопытно понаблюдать за их провалом. А если они не дураки, все можно обратить в нашу пользу.

— В нашу пользу? — переспросил Хакуун, подчеркнув только один вывод.

— Ровно настолько, насколько я буду в этом заинтересован, — ответил голос Хакууна, хотя управлял им Джек.

Это не слишком деликатное напоминание давало Хакууну понять, кто из них главный.

Глава 17

Разъяснения Груумша

Вождь Днарк не мог не заметить особого блеска в желтых глазах короля Обальда, возникавшего всякий раз, когда он смотрел в их с Унг-толом сторону. Обальд продолжал перебрасывать свои войска с места на место, расставляя всех вождей на незнакомых им территориях, чтобы они понимали, насколько их личная безопасность зависит от сохранности всего королевства. Днарк и Унг-тол, встретившись со своим кланом Волчьей Пасти, сразу узнали, что их вызвали для работ на защитных сооружениях к северу от Долины Хранителя, неподалеку от того места, где король Обальд решил переждать последние дни уходящей зимы.

При встрече орков из клана Волчьей Пасти с королем Обальдом на новой позиции мудрый и проницательный вождь Днарк догадался, что дело не только в тактических перестановках. Впервые поймав взгляд короля орков, он лишился последних сомнений в том, что подобное решение имело непосредственное отношение к нему и Унг-толу.

Как обычно, рядом с королем извивалась несносная Кна, а шаман Накклз держался с левой стороны, из уважения к божественной личности короля отступив на пару шагов назад. Это означало, что среди сопровождавших короля воинов было немало преданных Накклзу жрецов. Днарк даже был уверен, что все орки, охранявшие трехслойный шатер Обальда, тоже были фанатично преданы Накклзу.

Обальд разразился вполне ожидаемой тирадой о том, насколько важен горный хребет, на котором стоит его шатер, и как зависит судьба всего королевства от усилий воинов Волчьей Пасти по охране и укреплению этой территории, включая стены и тоннели. Все это они уже не раз слышали, но восторженное выражение лиц подданных, сосредоточенно внимавших речам, бесспорно, харизматичного короля, сильно удивило Днарка. Повторение ничуть не уменьшило произведенный эффект, и вождь догадывался, что дело здесь не только в ораторском искусстве.

Днарк намеренно сосредоточил внимание на реакции других воинов, чтобы не слишком сильно прислушиваться к Обальду, чьей риторике было и впрямь трудно противостоять — иногда настолько трудно, что Днарк заподозрил Накклза и других жрецов в использовании каких-то магических заклинаний, усиливающих воздействие звучного голоса короля орков.

Он настолько глубоко погрузился в размышления, что Унг-толу стоило немалого труда заставить Днарка понять, что Обальд обращается к нему лично. Вождь в панике взглянул в глаза короля и стал отчаянно соображать, что можно сказать, чтобы сгладить впечатление от его невнимательности.

Многозначительная усмешка Обальда показала, что его усилия напрасны.

— Когда я буду готов к личной аудиенции, на входе в шатер вывесят мое знамя, — сказал или, вернее, повторил король орков. — Как только увидишь его, приходи Для частной беседы.

— Частной? — осмелился переспросить Днарк. — Или я могу взять с собой заместителя?

В усмешке Обальда сквозило нескрываемое самодовольство.

— Пожалуй, — произнес он, и в его голосе Днарку послышалось урчание кота, готового

выпустить когти.

Все с тем же самодовольным видом Обальд в сопровождении виснувшей на его руке Кны и державшегося позади Накклза прошел мимо. После того как король направился к шатру, Днарк осмотрелся, ловя на себе взгляды воинов Обальда и мысленно отмечая тех, кто, как он понимал, служил жрецам. Если дело дойдет до драки, он должен в первую очередь бросить своих воинов против этих фанатиков, обладавших магическими способностями.

При этой мысли он тотчас поморщился, понимая всю тщетность своих планов. Если дело дойдет до драки с гвардией короля Обальда, его воины сразу разбегутся, спасая свои жизни, и он ничем не сумеет их остановить.

Он посмотрел на Унг-тола. Тот, не мигая, уставился на короля и пристально следил за каждым его шагом.

Днарк понимал, что Унг-тол, так же как и он сам, уловил истинную сущность происходящего, и уже не в первый раз спросил себя, не заманил ли их Туугвик Тук на гибельную тропу.

— Флаг Обальда вывешен у входа, — некоторое время спустя заметил Унг-тол.

— Тогда надо идти, — отозвался Днарк. — Короля нельзя заставлять ждать.

Днарк уже шагнул к шатру, но Унг-тол схватил его за руку.

— Нельзя недооценивать шпионскую сеть Обальда, — сказал шаман. — Он предусмотрительно расставил племена по всей территории таким образом, чтобы верноподданные орки следили за теми, кто внушает подозрения. Он может знать, что мы с тобой были на востоке. И наверняка ему известно о нападении на Лунный Лес, поскольку имя нового героя Гргуча гремит по всему Королевству Многих Стрел.

Днарк немного подумал над его словами, затем медленно кивнул.

— Интересно, считает ли Обальд Гргуча героем? — спросил Унг-тол.

— Или соперником? — добавил Днарк, и Унг-тол порадовался, что они действуют заодно и вождь понимает грозящую им опасность. — Королю Обальду повезло, что у него имеется преданный вождь. — Днарк хлопнул себя ладонью по груди. — И мудрый шаман. Они могут подтвердить, что вождь Гргуч и клан Карук являются ценными союзниками.

Дождавшись одобрительного кивка и улыбки Унг-тола, Днарк снова шагнул к шатру. Улыбка шамана исчезла сразу, как только Днарк отвернулся. Более того, Унг-тол откровенно боялся. Он присутствовал на церемонии, когда королю Обальду приносили дары Груумша, и видел, как тот голыми руками свернул шею быку. Видел он и останки жрицы-дроу; ее горло было вырвано Обальдом после того, как потрясшее землю заклинание жрицы вызвало оползень, снесший короля со скалы на равнину. Впечатляющие успехи Гргуча на востоке, безусловно, вдохновляли и кружили голову. Клан Карук проявил свирепость и мощь истинных воинов-орков, и жрец Груумша не мог не чувствовать, как его сердце раздувается от гордости при воспоминании об этой быстрой и сокрушительной победе.

Но Унг-тол был достаточно стар и опытен, чтобы сдерживать свой восторг и стремление разрушить реальность, представляемую королем Обальдом Многострельным.

Едва они с Днарком вошли внутрь третьего, внутреннего шатра, как эта самая ужасная реальность вновь напомнила о себе. Король Обальд с весьма внушительным видом восседал на троне на приподнятом помосте, так что, даже сидя, возвышался над всеми, кто его окружал.

На нем были знаменитые доспехи, отремонтированные после страшной битвы с темным эльфом Дзиртом До'Урденем, а рядом, прислоненный к подлокотнику трона, стоял замечательный меч, способный по воле Обальда загораться магическим пламенем.

При их приближении Обальд поставил локоть на колено и уперся подбородком в ладонь. Он не мигая следил за каждым их шагом, но все его внимание было сосредоточено исключительно на Днарке. Унг-тол в душе надеялся, что ярость короля, если ей суждено проявиться, будет такой же избирательной.

— Волчья Пасть блистательно показала себя, — приветствовал их Обальд, несколько

сняв напряжение.

Днарк ответил на похвалу низким поклоном.

— Наш клан издавна отличался прекрасной дисциплиной, — произнес он.

— Мне это хорошо известно, — сказал король. — Ваше племя пользуется заслуженным уважением и внушает страх врагам. Вот потому-то я и держу вас при себе, чтобы центр линии фронта никогда не смещался.

Днарк снова поклонился. Эти слова о том, что его клан внушает страх, были самой высокой похвалой для любого орка. Унг-тол внимательно наблюдал за лицом Днарка, пока тот выпрямлялся после поклона. Едва перехватив самодовольный взгляд вождя, жрец постарался молча напомнить ему об истинной подоплеке действий Обальда. Да, он действительно держал при себе клан Волчьей Пасти, но Днарк должен был понимать, что он поступает так, чтобы следить за племенем, а не ради укрепления линии фронта. В конце концов, сейчас нет никаких сражений, да и линии фронта тоже.

— Прошедшая зима оказалась благоприятной для всех нас, — сказал Днарк. — Было построено немало башен и целые километры стены.

— На каждой горной вершине, вождь Днарк! — воскликнул Обальд. — Если дворфы или их союзники решат выступить против нас, им придется брать с боем каждую высоту.

Днарк посмотрел на жреца, и Унг-тол едва заметным кивком посоветовал ему оставить эту тему. Не стоило заводить спор с королем о целесообразности оборонительных укреплений. Особенно сейчас, когда на востоке начали воплощаться в жизнь их замыслы.

— А вы покидали свое племя, — заметил Обальд, и Унг-тол замер, опасаясь, что проницательный Обальд раскрыл их тайный план.

— Мой король? — переспросил Днарк.

— Ты путешествовал на востоке, — пояснил король. — Вместе со своим шаманом.

Унг-тол уже хотел порадоваться, что Днарк сумел удержать себя в руках, но потом вождь тяжело сглотнул, и жрец поморщился.

— После сражений с дворфами там осталось множество бродячих орков, — заговорил Днарк. — Среди них попадаются опытные воины и даже шаманы, потерявшие свои племена и кланы. Им недостает знамени.

Не успел он договорить фразу, как внушительное лицо Обальда опасно нахмурилось, и Унг-тол даже сделал шаг назад. Стоящие у противоположной стены шатра охранники ошетинились оружием, а кое-кто недовольно заворчал.

— Им недостает знамени? — спокойно, слишком спокойно спросил король.

— Конечно, у них имеется знамя Королевства Многих Стрел, — осмелился вмешаться Унг-тол, и глаза Обальда, обратившиеся в сторону шамана, сначала широко распахнулись, затем прищурились. — Но твое королевство, мой король, состоит из племен. Ты посылаешь племена в горы или в долины, поручаешь им работу а те, кто лишился кланов, не знают, куда идти. Днарк и другие вожди пытаются собрать бродяг и укрепить дисциплину, чтобы ты в своих грандиозных замыслах, вну шенных самим великим Груумшем, мог не беспокоиться о подобных мелочах.

Король откинулся на спинку трона, и казалось, критический момент миновал. Но с Обальдом, чей вспыльчивый нрав послужил причиной многих смертей, никогда нельзя было быть уверенным.

— Вы были на востоке, — сказал Обальд после нескольких долгих и томительных мгновений. — Рядом с Лунным Лесом.

— Не совсем рядом, но в той стороне, мой король, — подтвердил Днарк.

— Расскажи мне о Гргуче.

Неожиданный приказ потряс Днарка и едва не лишил его самообладания.

— О Гргуче? — неуверенно переспросил он.

— Его имя гремит по всему королевству, — сказал Обальд. — Ты должен был его слышать.

— А, ты имеешь в виду вождя Гргуча! — воскликнул Днарк, изменив интонацию и

сделав упор на «Гр», прикинувшись, что неправильно понял имя с первого раза. — Да, я о нем слышал.

— И встречался с ним, — добавил Обальд, ясно дав понять, что это не предположение, а установленный факт.

Днарк взглянул на Унг-тола, и на какой-то момент шаману показалось, что его вождь готов развернуться и бежать. Правду говоря, Унг-тол и сам хотел бы сделать то же самое. Не в первый и не в последний раз он задавался вопросом, как они могли так сгруппироваться, чтобы осмелиться строить заговор против короля Обальда Многострельного.

Негромкий смешок Днарка отрезвил Унг-тола, одновременно напомнив, что тот сумел пройти через все испытания и стать вождем внушительного племени — племени, чьи воины в этот самый момент окружали шатер Обальда.

— Да, вождь Гргуч из клана Карук, — повторил Днарк, глядя прямо в глаза Обальду. — Я видел, как он со своими воинами пересекал долину Тег'нгун, неподалеку от реки Сарбрин. Он направлялся в Лунный Лес, хотя в тот момент мы об этом не знали. Если бы я знал, то обязательно присоединился бы к ним, чтобы стать свидетелем победы над злобными эльфами.

— Ты одобряешь его атаку?

— Эльфы день за днем нападают на твоих подданных по всей восточной окраине, — сказал Днарк. — Я считаю справедливым перенести тяжесть битвы в их лес, а насаженные на шести головы вдоль берега реки станут напоминанием. Вождь Гргуч хорошо послужил тебе. Я думал, что его нападение в Лунном Лесу было проведено по твоему приказу.

Он закончил фразу немного смущенно, даже с подозрением, и выжидающе глянул на короля.

— Нашим врагам не избежать заслуженного наказания, — решительно произнес Обальд.

Унг-тол, слушая Днарка, не мог не признать, что сообразительность его компаньона только что спасла жизни им обоим. Теперь король Обальд не станет их убивать и молча признает, что Гргуч действовал независимо от трона.

— Вождь Гргуч и клан Карук будут отлично служить королевству, — продолжал Днарк. — Это самое свирепое племя из всех, которые я видел.

— Как мне говорили, они вступают в брачные союзы с ограми.

— И производят много детей, чтобы укрепить свой род.

— Где они сейчас?

— На востоке, как я полагаю, — ответил Днарк.

— Все еще поблизости от Лунного Леса?

— Наверное, — сказал Днарк. — Наверное, ожидают ответного хода наших врагов. Если мерзкие эльфы решатся пересечь Сарбрин, вождь Гргуч выставит на берегу еще не один шест с их головами.

Унг-тол внимательно следил за королем и его реакцией на ложь Днарка. Он понял, что Обальд знает намного больше, чем показывает. Слухи о марше Гргуча на восток уже достигли ушей короля. Обальду известно, что вождь клана Карук стал опасным соперником.

Он продолжал вглядываться в лицо короля, но хитрый орк ничем не выдавал своих чувств. Он высказал несколько распоряжений относительно укрепления оборонительных рубежей, включая заграждения-ловушки, а потом взмахом руки отпустил их и переключил внимание на надоедливую Кну.

— Твое промедление с ответом относительно Гргуча его насторожило, — прошептал Унг-тол Днарку, когда они, покинув шатер, пересекали грязную площадь, направляясь к своему клану.

— Он неправильно произнес имя.

— Это ты его неправильно произнес. Днарк остановился и повернулся к шаману:

— Разве теперь это важно?

Глава 18

Мост через Сарбрин

Чародей вытянул руку и согнул пальцы, словно это были когти хищной птицы. По его лбу, несмотря на холодный ветер, струился пот, а лицо застыло от неимоверного напряжения.

Камень был для него слишком тяжел, но он продолжал свою телекинетическую атаку, пытаясь удержать глыбу в воздухе. Ниже, на противоположном берегу реки, дворфы-каменщики неистово размахивали своими инструментами, а остальные суетились вокруг огромного валуна, подтягивая веревки и цепи. Но, несмотря на физическую силу и мастерство дворфов, несмотря на магическую помощь чародея из Серебристой Луны, камень покачивался, угрожая вот-вот рухнуть.

— Йоквим! — окликнул чародея один из жителей Серебристой Луны.

— Я... не... могу... его удержать, — прохрипел чародей Йоквим, с трудом цедя слова сквозь сжатые зубы.

Второй чародей, призванный на помощь, торопливо подбежал и встал рядом с Йоквимом. Его познания в телекинезе были невелики, но он применил двеомер, как раз подходящий для такого случая. Он прочел заклинание, и волны энергии полетели к дрожащему камню. Валун замер, а когда подключился третий маг из числа горожан Серебристой Луны, баланс сил окончательно изменился в пользу строителей. Соединенными усилиями дворфы и чародеи почти без усилий переправили камень над быстрыми водами реки Сарбрин.

Дворф, стоящий на конце выступающего бруса, указывал направление, а целая команда с мастерками подталкивала камень на груды еще больших глыб, уже уложенных в опору. Наконец дворф, руководящий работами, дал команду остановить камень, еще раз проверил его положение и поднял красный флажок.

Чародеи постепенно ослабили магическое воздействие, и камень медленно опустился на место.

— Пошли за следующим! — крикнул дворф своим товарищам и стоявшим на другом берегу магам. — Леди Аластриэль, похоже, готова приступить к очередному пролету.

Все взгляды обратились к другому берегу, ближнему к Мифрил Халлу, где над рекой, на первом пролете моста, находилась леди Аластриэль и сосредоточенно шептала слова мощного созидательного заклинания. Стоявшая над бурными водами реки женщина казалась холодной и сильной, почти равной богам. Белые одежды, слегка отсвечивающие зеленым, развевались вокруг ее стройной фигуры. Вздых удивления слышался среди зрителей, когда перед ней возник второй камень и плавно опустился на следующую опору.

Аластриэль уронила руки и устало выдохнула воздух, бессильно опустив плечи, словно перемещение камня требовало не только ее магических сил.

— Удивительно! — воскликнула Кэтти-бри и подошла ближе, чтобы осмотреть только что наколдованную плиту.

— Это Искусство, Кэтти-бри, — ответила леди Аластриэль. — Благословения Мистры действительно достойны восхищения. — Она искоса взглянула на подругу. — Возможно, я могла бы стать твоей наставницей.

Кэтти-бри усмехнулась, услышав такое предложение, но, по странному совпадению, она неловко повернулась и сильно согнула раненую ногу. Движение вызвало вспышку боли в поврежденном бедре и в очередной раз напомнило о том, что ее дни как воина в любом случае сочтены.

— Может быть, — ответила она.

Улыбка, возникшая на лице леди Аластриэль, светилась теплотой и искренностью. Повелительница Серебристой Луны, обернувшись, махнула рукой дворфам, и каменщики бросились вперед с мастерками и чанами раствора, чтобы укрепить и выровнять только что поставленный камень.

— Наколдованный камень такой же прочный? — спросила Кэтти-бри, спускаясь вслед за леди Аластриэль по насыпи на берег.

Аластриэль удивленно оглянулась, словно вопрос поразил ее своей абсурдностью:

— А ты боишься, что он исчезнет под колесами первой же повозки?

Беспечный ответ вызвал смех у обеих женщин.

— Я хотела спросить, это настоящий камень? — пояснила Кэтти-бри.

— Можешь быть уверена, это не иллюзия.

— Но все же продукт магии?

Аластриэль даже слегка нахмурилась, обдумывая вопрос:

— Камень такой же настоящий, как если бы дворфы притащили его из каменоломни, и создавший его двеомер весьма устойчив.

— Пока не будет снято заклинание, — добавила Кэтти-бри, наконец-то объяснив суть своих расспросов.

— Чтобы разрушить работу леди Аластриэль, понадобится участие самого Эльминстера, — вмешался в разговор идущий неподалеку чародей.

Кэтти-бри перевела взгляд с мага на Аластриэль.

— Ну, это немного преувеличенное мнение, — признала Аластриэль. — Но, по правде говоря, волшебник, обладающий достаточной силой, чтобы уничтожить мои творения, должен иметь в своем арсенале заклинания, которые легко могли бы разрушить любой мост, даже созданный без помощи магии.

— Но обычный мост должен быть укреплен заклинаниями против молний и других разрушительных воздействий, — заметила Кэтти-бри.

— И этот тоже, — пообещала леди Аластриэль.

— И потому он будет безопасен, как если бы дворфы... — начала Кэтти-бри.

— ...притащили камни из каменоломни, — закончила за нее Аластриэль.

Обе женщины снова дружно рассмеялись.

— Только не от самой леди Аластриэль, — добавила Кэтти-бри.

Повелительница Серебристой Луны резко оборвала смех и посмотрела на Кэтти-бри в упор.

— Мне говорили, что для волшебника не составляет труда снять собственное заклинание, — продолжила Кэтти-бри. — Ничто не мешает снова взмахнуть руками и заставить мост обрушиться, пролет за пролетом.

На красивом лице Аластриэль вспыхнула усмешка, и она выгнула бровь, выразив восхищение хитроумным рассуждением своей подруги.

— Это еще одно преимущество на тот случай, если орки прорвут оборону и захотят воспользоваться мостом, чтобы распространить свою тьму на другие земли, — закончила Кэтти-бри.

— Например, на Серебристую Луну, — добавила Аластриэль.

— Только не спешите разрушать путь из Мифрил Халла, повелительница! — воскликнула Кэтти-бри.

— В любом случае Мифрил Халл с восточным берегом соединяют подземные тоннели, — промолвила Аластриэль. — Мы не покинем твоего отца, Кэтти-бри. Мы никогда не оставим короля Бренора и отважных дворфов клана Боевого Топора.

Кэтти-бри чуть улыбнулась в ответ, поскольку не сомневалась ни в одном слове этого обещания. Обернувшись назад, Кэтти-бри одобрительно кивнула, радуясь одновременно и могуществу созидательного волшебства леди Аластриэль, и ее способности легко разрушить переправу.

Послеполуденное солнце отразило влагу в желтовато-карих глазах Туугвика Тука, когда он вновь осознал, что значит быть орком. Марш Гргуча через три последние деревни, как и ожидалось, имел большой успех, и после превосходных выступлений Туугвика Тука все способные держать оружие орки из этих поселений с восторженными криками

отправились за ним следом. Только этот день добавил свирепому вождю клана Карук две сотни воинов.

Но что еще более важно, Туугвик Тук вскоре понял, что подкрепление прибывает и из тех деревень, где они еще не были. Слухи о марше Гргуча разлетелись по всем территориям к северу от Мифрил Халла, и воинственные орки из многих племен, соскучившись по сражениям за время зимней передышки, откликнулись на призыв.

На пути через импровизированный лагерь Туугвик Тук видел десятки — нет, сотни новых бойцов. По подсчетам шамана, отряд Гргуча обрушится на укрепления дворфов скорее с двумя, а не с одной тысячей воинов. На берегу Сарбрина их ждет несомненная победа. Разве может король Обальд после этого надеяться удержать лавину войны?

Туугвик Тук с искренним разочарованием покачал головой, вспомнив великого воина, каким еще недавно был Обальд. С королем явно что-то случилось. Может быть, его сломила неудачная попытка ворваться в Мифрил Халл через западные ворота? Или так сильно подействовала потеря темных эльфов и уход Герти Орельсдоттр с ее снежными великанами? Возможно, перемены объясняются смертью его сына, Ульгрена, павшего в бою на вершине холма к северу от Долины Хранителя.

Независимо от причины, Обальд уже был не тем неистовым воином, который вел их в атаку на Цитадель Адбар или начинал великое нашествие на юг с Хребта Мира всего несколько месяцев назад. Обальд утратил понимание сущности орка. Голос Груумша утих в его сердце.

— Он требует, чтобы мы ждали, — вслух бормотал жрец, окидывая взглядом кишачий воинами лагерь. — А стоило лишь посулить новые битвы против проклятых дворфов, и орки приходят к нам десятками и сотнями.

Как никогда раньше уверенный в правильности своего выбора, шаман зашагал к шатру Гргуча. Если Обальд больше не слышал голоса Груумша, то Гргуч его слышал превосходно, и после того, как дворфы будут разбиты и загнаны в норы, как сможет король заставить подчиняться вождя клана Карук? И как сможет он сохранить преданность десятков тысяч орков, поверивших его обещаниям новых завоеваний?

Обальд требовал, чтобы они сидели и ждали, чтобы рылись в земле, словно крестьяне человеческой расы. Гргуч требовал, чтобы они точили копья и мечи, чтобы решительнее рассекали тела дворфов.

Гргуч слышал зов Груумша.

Шаман застал вождя стоящим у небольшого стола в окружении двух своих военачальников из клана Карук и рядом с ними одного орка небольшого роста, манипулировавшего на столе кучкой земли и несколькими камнями. Присмотревшись, Туугвик Тук понял, что низкорослый орк описывает лежащую вокруг местность, поскольку на столе отчетливо просматривался горный хребет, простиравшийся от восточного входа Мифрил Халла до берега Сарбрина.

— Входи, Говорящий-с-Груумшем, — приветствовал его Гргуч. — Присоединяйся к нам.

Туугвик Тук прошел к свободной стороне стола и внимательно осмотрел работу разведчика, изобразившего и почти законченную стену, тянувшуюся до берега реки, и несколько выстроенных башен.

— Дворфы неплохо поработали зимой, — сказал Гргуч. — Как ты и предсказывал. Они использовали паузу, взятую королем Обальдом, для укрепления своих позиций.

— И они будут ожидать нашего нападения, — заметил шаман.

— Они не видели больших передвижений войск, чтобы опасаться атаки, — возразил Гргуч.

— Кроме продвижения нашего отряда, — напомнил ему Туугвик Тук.

Но Гргуч со смехом покачал головой.

— Возможно, они заметили, что множество орков стекается к их крепости, — согласился он. — Они могут ожидать атаки в течение следующего десятка дней.

Двое огромных орков засмеялись вслед за своим вождем.

— Но они точно не ожидают нападения сегодня ночью, — заявил Гргуч.

Туугвик Тук нахмурился от неожиданности и почти в панике опустил взгляд на импровизированную карту поля боя.

— Мы еще даже не успели сформировать свои силы, — слабым голосом возразил жрец.

— Незачем их формировать! — отрезал Гргуч. — Наша тактика — массированный налет, и больше ничего.

— Массированный налет? — переспросил шаман.

— Да, просто навалиться всей толпой и проломить стену, — подтвердил Гргуч. — Темнота нам поможет. Скорость и внезапность — наши союзники. Мы сотрем их, как волна стирает оставленный на песке отпечаток сапога.

— Но тебе неизвестны способности недавно присоединившихся племен.

— Мне это неинтересно, — заявил Гргуч. — Мне незачем пересчитывать своих воинов. Я не стану выстраивать их в шеренги и каре, не стану оставлять резерв и защищать фланги, чтобы предотвратить обманные маневры со стороны противника. Это занятие для дворфов. — Он замолчал и посмотрел на глупо ухмылявшихся военачальников и взволнованного разведчика. — А я не вижу в этой комнате дворфов, — закончил Гргуч, вызвав общее веселье.

Гргуч снова посмотрел на Туугвика Тука. Он широко раскрыл глаза, словно чем-то обеспокоенный, затем пару раз втянул ноздрями воздух.

— Нет, — объявил Гргуч, опять поглядев на своих соратников. — Здесь не пахнет дворфами.

Последовавший хохот на этот раз продолжался дольше, и Туугвик Тук счел нужным присоединиться, несмотря на все свои опасения.

— Тактика для дворфов, — объяснял вождь. — Дисциплина для эльфов. А для орков только...

Он в упор уставился на Туугвика Тука.

— Массированный налет? — спросил шаман, и на уродливом лице вождя появилась довольная ухмылка.

— Хаос, — подтвердил Гргуч. — Ярость. Кровожадность и неудержимость. Мы начнем бег с заходом солнца. И будем бежать до самого Сарбрина. До самой стены. До восточных ворот Мифрил Халла. Половина, а может, и больше половины наших воинов сегодня ночью обретут награду в славной смерти.

При этих словах Туугвик Тук невольно поморщился и тотчас выругал себя. Неужели он становится похожим на Обальда?

Гргуч напомнил ему учение Груумша Одноглазого.

— Они умрут с радостью, — заявил вождь. — Их последний крик будет не криком боли, а воплем восторга.

А всякий, кто поступит иначе, кто погибнет, испытывая сожаление, или печаль, или страх, да будет изрублен на куски во славу Груумша еще до начала нашей атаки!

Неожиданно эмоциональное и громкое заявление Гргуча огорошило Туугвика Тука, а два его военачальника, разведчик и стоявшие по периметру шатра воины заворчали и закричали зубами. Шаман на краткий миг почти пожалел о том, что вызвал вождя Гргуча из глубоких подземных тоннелей.

Почти.

— Дворфы ничем не показали, что догадываются о наших намерениях, — возвестил Гргуч на большом собрании, состоявшемся в тот же день перед заходом солнца.

Рядом с ним Туугвик Тук заметил опасного жреца Хакууна и задумался. Ему уже не в первый раз казалось, что Хакуун все время пристально наблюдает за ним.

— Они не признают нависшей над крепостью угрозы, — продолжал Гргуч. — Не кричите по пути и старайтесь бежать быстрее. Бегите без промедления к стене и на каждом шагу шепотом читайте молитвы Груумшу.

Так, без всякого порядка, без распределения направлений, за многие мили от цели началась грандиозная атака. Не было ни факелов, освещающих путь, ни огненных шаров, наколдованных Туугвиком Туком или другими жрецами Груумша. В конце концов, они были орками, поднявшимися на поверхность из крошечной тьмы Подземья.

Однажды, еще в детстве, у одного из двух озер Лунного Леса Хралайн обнаружил кучу песка. Светло-желтый холмик издали казался раскрашенным красноватыми полосами, и, только подойдя ближе, юный Хралайн понял, что полосы не были песком другого цвета, они двигались по склонам песчаной кучи. Молодой и неопытный эльф испугался, что наткнулся на миниатюрный вулкан.

Но при ближайшем рассмотрении ему все стало ясно. Песчаная куча оказалась муравейником, а красные движущиеся полосы — цепочками бегавших взад и вперед шестиногих насекомых.

Он вспомнил об этом давнишнем опыте, увидев, как орки хлынули между невысокими скалистыми холмами с северной стороны от восточных ворот крепости короля Бренора. Их бег казался таким же неудержимым и ничуть не менее целеустремленным. Учитывая скорость продвижения, численность воинов и объект, стоявший у них на пути в двух милях к югу, Хралайн легко разгадал намерения орков.

Эльф прикусил губу, вспомнив клятву, данную Дзирту До'Урдену. Он устремил взор на юг, присматриваясь к рельефу и вспоминая тропы, которые наиболее скоро приведут его к Мифрил Халлу.

А потом он помчался со всех ног, боясь не успеть выполнить данное друу обещание, поскольку толпы орков уже были далеко впереди и бежать им осталось совсем немного. Ловкий и проворный Хралайн перескакивал с одного камня на другой, подпрыгивал, цеплялся за нижние ветви деревьев и, раскачавшись, перелетал через узкие лощины, а легко приземлившись, продолжал бег. В отличие от орков, чьи тяжелые шаги эхом отдавались в чувствительных ушах эльфа, он двигался почти беззвучно.

Он понимал, что должен быть осторожным и не задерживаться для случайных схваток. Но и замедлять бег, выбирая тропы, он тоже не мог, поскольку многие орки еще оставались впереди, и дворфам в любом случае понадобится каждое мгновение после того, как он их предупредит. Хралайн продолжал бег, прыгая и карабкаясь по скалам и глубоким долинам, где потоки талой воды, соединяясь, образовывали чистые холодные озера. Хралайн старался по возможности обходить эти озера, поскольку многие из них еще были покрыты скользким льдом. Но, при всей своей сноровке и остром зрении, он случайно проломил лед на одном из водоемов и сжался от неизбежного треска.

В стороне раздался крик орка, и Хралайн решил, что его обнаружили. Но, пробежав несколько шагов, понял, что орк окликал своего соплеменника. Их голоса снова напомнили, что самые быстрые бегуны и разведчики свирепых орков все еще находятся вокруг.

Наконец все звуки бегущих врагов остались позади. Хотя они и передвигались с огромной скоростью, никто не мог сравниться в ловкости с эльфом, даже на такой неровной тропе.

Вскоре он поднялся на скалистый склон и увидел перед собой квадратные каменные башни, уходящие вниз, к освещенной луной серебряной ленте реки Сарбрин.

— Слишком быстро, — в отчаянии прошептал эльф и оглянулся, словно ожидая увидеть за спиной всю армию Обальда.

Он покачал головой, поморщился и побежал дальше на юг.

— Мы все закончим в течение десяти дней, — сказала леди Аластриэль Кэтти-бри, когда они обе в компании еще нескольких магов из Серебристой Луны сидели у небольшого костра.

Один из волшебников, крепкий мужчина с седоватыми волосами и аккуратно подстриженной бородкой, наколдовал огонь и теперь развлекался, своими заклинаниями

заставляя пламя менять цвет от оранжевого до белого и голубого, а потом красного. К нему присоединился второй маг — довольно эксцентричный полуэльф с блестящими черными волосами, в которых ярко алели магически окрашенные пряди. Он тоже прочел заклинание, и пламя превратилось в маленького красного дракона. Почувствовав вызов, первый чародей сформировал голубого огненного дракона, и двое волшебников бросили своих питомцев в настоящую битву. Несколько магов тотчас же стали поспешно делать ставки.

Кэтти-бри наблюдала за ними с восхищением и неподдельным интересом, какого сама от себя не ожидала, и слова леди Аластриэль о занятиях загадочным искусством магии неожиданно всплыли в ее памяти. Ее знакомство с волшебниками до сих пор было весьма поверхностным и в основном ограничивалось стычками с непредсказуемыми и опасными упрямыми из семейства Гарпеллов, что жили в Длинной Седловине.

— Аза Хейвел выиграет, — прошептала Аластриэль, наклонившись к Кэтти-бри и кивнув на полуэльфа, управлявшего красным драконом. — Дазберил обладает гораздо большим могуществом в манипуляциях с огнем, но он почти до предела истощил свои возможности, поддерживая жаркое пламя для обработки камней. И Аза Хейвел об этом знает.

— Поэтому он и бросил вызов, — тоже шепотом ответила Кэтти-бри. — И его друзья знают об этом и заключают пари.

— Они все равно делали бы ставки, — пояснила Аластриэль. — Это вопрос гордости. То, что будет проиграно здесь, вернется в другой раз, в другом пари.

Кэтти-бри кивнула и продолжала наблюдать за разворачивающейся драмой, глядя на лица людей и эльфов, менявшиеся в зависимости от бликов неровно горящего пламени. Они становились голубоватыми, когда голубой дракон одерживал верх и поднимался над красным собратом, но затем меняли оттенки от зеленоватых до желтых и лихорадочно красных, если временное преимущество оказывалось на стороне Азы Хейвела. Все были настроены вполне добродушно, но Кэтти-бри не могла не заметить напряженности на лицах как участников, так и зрителей. Ей казалось, что она заглянула в совершенно иной мир. В тавернах Мифрил Халла она часто наблюдала за состязаниями в силе рук, за поединками и соревнованиями по количеству выпитого, и, хотя предмет споров был совершенно другой, эмоции были схожими. И все же имелось отличие, которое ее заинтриговало. Здесь тоже разыгрывался поединок, но поединок силы ума и концентрации внимания, а не физической силы и объема желудков.

— Через пару месяцев ты и сама могла бы формировать из пламени различные образы, — поддразнила ее Аластриэль.

Кэтти-бри, оглянувшись, легкомысленно рассмеялась, но не смогла скрыть свою заинтересованность.

Она снова посмотрела на костер, и как раз в этот момент голубой дракон Дазберила опрокинул противника и поглотил его, вопреки предсказанию леди Аластриэль. Болельщики обоих магов удивленно ахнули, а Дазберил издал вопль, поразивший всех не меньше его победы. Кэтти-бри перевела взгляд на Азу Хейвела, и ее удивление сменилось беспокойством.

Полуэльф, казалось, не обратил внимания на то, что его дракон повержен творением человека. Он смотрел куда-то на север, и взгляд бирюзовых глаз поднимался гораздо выше пламени костра. Кэтти-бри услышала, как леди Аластриэль рядом с ней повернулась, затем встала. Она взглянула поверх плеча Аластриэль на темную стену, но смущенно покачала головой, не обнаружив ничего необычного. Аластриэль прочла короткое заклинание.

— Эльф пришел, — сказала Аластриэль Кэтти-бри. — И дворфы встревожились.

— Это нападение, — объявил Аза Хейвел. Поднявшись, он подошел к двум женщинам, повелительнице Серебристой Луны и принцессе Мифрил Халла. — Орки?

— Готовьтесь к бою! — приказала Аластриэль своим подданным. — Пространственные заклинания на отражение любой атаки.

— У нас сегодня осталось не слишком много сил, — напомнил ей Дазберил.

В ответ Аластриэль погрузила руку в складки своей одежды и достала пару тонких палочек. Обернувшись, она протянула их Дазберилу.

— Если потребуется, используй и свое ожерелье! — приказала она.

Чародей кивнул и поднес руку к яркому украшению на шее. Золотые звенья ожерелья соединяли большие камни, похожие на рубины самых разных размеров, включая огромный камень, который Кэтти-бри даже не смогла бы обхватить пальцами.

— Талиндра, ты отправишься к воротам дворфской крепости, — обратилась Аластриэль к молодой эльфийке. — Предупреди дворфов и помоги им организовать оборону.

Талиндра кивнула и сделала несколько шагов к востоку, а потом исчезла в яркой вспышке бело-голубого огня. Вторая вспышка почти мгновенно возникла у восточных ворот, и, вероятно, там и появилась эльфийка, хотя пораженная Кэтти-бри не смогла ее рассмотреть.

Она снова обернулась к Аластриэль и услышала, как та инструктирует Азу Хейвела и еще двоих волшебников:

— Обеспечьте в случае необходимости безопасную переправу на другой берег. Приготовьте достаточно средств, чтобы перевезти и дворфов, если им придется отступить со стены.

Кэтти-бри услышала со стороны стены первые крики, сопровождаемые гудением великого множества рожков, донесшимся с севера. А потом раздался звук, заглушивший все остальные, — гулкий и низкий рев, от которого под ногами Кэтти-бри задрожали камни.

— Проклятый Обальд, пусть он сгинет в Девяти Кругах! — прошептала Кэтти-бри и с печалью вспомнила, что отдала Тулмарил Дзирту, а потом обратилась к Аластриэль: — У меня не осталось ни меча, ни лука. Дай мне, пожалуйста, оружие. Наколдуй или достань из своего бездонного кармана.

К удивлению Кэтти-бри, повелительница Серебристой Луны именно так и поступила. Она достала из складок одежды еще одну тонкую палочку и протянула ее Кэтти-бри. Та взяла, не зная, что с ней делать. Взглянув на Аластриэль, она увидела, что высокая женщина снимает с пальца кольцо.

— Возьми и это, — сказала Аластриэль, протянув тонкий золотой ободок с тремя сверкающими алмазами. — Теперь ты вооружена двумя волшебными предметами.

Кэтти-бри приняла кольцо, сжала его между большим и указательным пальцами и все так же озадаченно посмотрела на Аластриэль.

— Команда для палочки звучит так: «твелл-ин-сей», — объяснила Аластриэль. — Или «твелл-ин-сей-сей», если ты захочешь послать два магических заряда подряд.

— Я не знаю...

— Этим может воспользоваться любой, — заверила ее Аластриэль. — Наведи палочку на цель и произнеси команду. Для больших орков потребуется два заряда.

— Но...

— Кольцо надень на палец и открой свои мысли, оно передаст тебе необходимые двомеры. Только помни, они очень сильные.

С этими словами Аластриэль отвернулась, и Кэтти-бри поняла, что урок закончен.

Леди Аластриэль со своими магами, кроме тех, кто обеспечивал волшебную переправу через Сарбрин, отправилась к стене, и каждый из них держал в руке магическую палочку или готовил к бою кольца и другие драгоценные украшения. Кэтти-бри, глядя на них, испытывала такое сильное волнение, что дрожала всем телом и с трудом смогла надеть кольцо на палец.

Наконец она справилась, прикрыла глаза и глубоко вдохнула. Ей показалось, что она смотрит в небо и видит летающие по темному небосклону звезды, видит яркие вспышки, настолько мощные, как будто боги бросают друг в друга слепящие молнии.

Звуки боя развеяли ее задумчивость. Кэтти-бри открыла глаза, и от неожиданного перехода к реальности у нее слегка закружилась голова. Как будто она с Астрального Уровня

мгновенно перенеслась на твердую землю.

Она пошла вслед за Аластриэль, осматривая на ходу волшебную палочку. По тонкой кожаной петле, которую было удобно надевать на руку, она догадалась, за какой конец держать это оружие. Кэтти-бри решила, что сделала правильный выбор, но невольно зажмурилась, представив на миг, что послала энергетический дротик прямо себе в лицо. Но леди Аластриэль уже была далеко, и Кэтти-бри прогнала сомнения, тем более что дворфы уже карабкались на стену, а многие звали на помощь. Она опустила руки и побежала вперед со всей скоростью, на которую была способна искалеченная нога.

— Твелл-ин-сей, — прошептала она, стараясь правильно произнести незнакомые слова.

Это ей удалось.

Палочка выбросила энергетический снаряд, ударивший в землю как раз перед ее ногами. Кэтти-бри вскрикнула и покачнулась, чуть не упав в огонь. Ей удалось удержать равновесие и сохранить хладнокровие, и оставалось только радоваться, что никто ничего не заметил.

Она снова попыталась бежать, но вспышка боли пронзила ногу, едва не бросив ее на землю. Посмотрев вниз, Кэтти-бри увидела, что один сапог почернел и дымится со стороны мизинца. Она остановилась, собралась с силами, надеясь, что ожог не слишком сильный, и поблагодарила Морадина за то, что Аластриэль не снабдила ее более мощным оружием.

Орк мощным броском взлетел на стену и обрушил сокрушительный удар на ближайшего дворфа, который казался легкой добычей, поскольку был занят тем, что сбрасывал второго орка со стены в темноту ночи.

Но на дворфа по имени Чарморфф Землекоп из славного рода Желтобородых, прозванных так из-за того, что у всех Землекопов испокон веку были желтые бороды, его атака не произвела особого впечатления и не застала врасплох. Учителем Чарморффа был сам Тибблдорф Пуэнт, и за десять с лишним лет службы в его отряде «Веселые мясники» дворф встречал более грозных противников, чем это жалкое существо.

Поскольку Чарморфф никогда в жизни не использовал настоящего щита, навстречу копыю взметнулась его ладонь, размером с хорошую лопату. Дворф крепко схватил древко, развернул оружие и с разворота послал в бывшего владельца. Тем же движением он замахнулся своей дубинкой и, сделав три шага вперед, ударил едва сохранявшего равновесие орка. И орк, и дворф злобно заворчали, но удар дубиной в правое плечо развернул налетчика и сбросил с десятифутового парапета.

Чарморфф, расчистив пространство впереди, посмотрел вниз, но взгляд наткнулся на наконечник стрелы, наложенной на тетиву короткого лука. Дворф, коротко вскрикнув, упал на спину и подогнул колени, и Хралайн тотчас спустил тетиву. Стрела просвистела над Чарморффом и вонзилась в грудь орка, подбиравшегося к нему сзади.

Едва коснувшись спиной камней, Чарморфф выбросил руки вверх и резким толчком поднялся на ноги.

— Вздорный эльф, теперь я дважды обязан тебе жизнью! — сердито закричал дворф. — В первый раз, когда ты предупредил нас о нападении, и теперь второй, когда ты спас меня лично!

— Это не считается, добрый дворф, — ответил Хралайн, подбежал к ограждению, доходящему ему до пояса, и установил лук, готовясь продолжать стрельбу. — Я твердо знаю, что клан Боевого Топора способен сам о себе позаботиться.

Он послал еще стрелу, но едва успел спустить тетиву, как прямо перед ним возник огромный орк с мечом наготове, угрожая смертельным ударом. Орк легко приземлился на стену и опустил меч, но в воздухе мелькнула дубинка, ударившая и меч, и самого орка, так что удар не получился. А когда он сумел восстановить равновесие и бросился на Хралайна, навстречу ему вылетел Чарморфф Землекоп. Дворф врезался во врага правым плечом и прижал его к каменному ограждению. Орк начал осыпать противника малоэффективными ударами по спине, но Чарморфф, напрягая мощные ноги, только крепче вдавливал его в

стену.

Подоспевший Хралайн всадил стрелу орку в глаз, но тут же отпрыгнул назад и пустил стрелу в очередного врага, взлетевшего над стеной. Хралайн стрелял почти в упор, и, хотя ноги орка коснулись стены, толчок опрокинул его назад и сбросил вниз.

Чарморфф в прыжке перехватил еще одного орка и рванулся вперед, так что ударился грудью об ограждение, но огромным усилием мускулов сумел перебросить врага через голову и швырнуть со стены. Нагнувшись следом, Чарморфф разгадал загадку: прямо под ним в обе стороны вдоль стены тянулся ряд огров. То и дело кто-то из них нагибался и подставлял огромные ладони, а орки, разбежавшись, прыгали на импровизированную ступеньку. Толчка огров хватало, чтобы забросить орка на стену.

— Свинорылые отродья гоблинов! — зарычал Чарморфф и, обернувшись, отдал приказ: — Ребята, бросайте камни со стены! Там огры работают вместо лестниц.

Хралайн подбежал к Чарморффу, низко наклонился и пустил стрелу в голову ближайшего огра. Он задержался, чтобы полюбоваться своей работой, и яркая вспышка, возникшая на восточном краю стены, где строительство еще не было закончено, дала ему возможность увидеть подробности. Все осмотрев, Хралайн понял, что им не удержать эту позицию. Ясно, что Аластриэль и ее маги уже вступили в бой, но под оборонительной стеной скопились толпы огромных огров и орков.

— Надо бежать в Мифрил Халл, добрый дворф, — произнес эльф.

— Я и сам об этом подумывал, — ответил Чарморфф.

Дазберил спешил к стене и раздраженно ворчал на ходу.

— Две сотни золотых монет только за один этот камень! — бормотал он, вытаскивая очередной сверкающий камень из своего ожерелья.

Он размахнулся и бросил камень в ближайшую группу орков, но при слабом освещении неверно оценил расстояние, и рубин упал, не долетев до цели. Сильный огненный взрыв все же достал и уничтожил двоих врагов, а остальные, визжа на каждом шагу, бросились прочь.

Но Дазберил не переставал жаловаться.

— Сотня золотых за каждого орка! — ворчал он, поглядывая на леди Аластриэль, стоявшую далеко в стороне. — За одну десятую цены я мог бы собрать армию наемников и убить в десять раз больше! — не унимался он, хотя и знал, что Аластриэль не слышит.

Ей все равно некогда было слушать. Аластриэль в развевающейся от ветра одежде стояла неподвижно, вытянув вперед сжатую в кулак руку, и драгоценное кольцо сверкнуло радужным сиянием.

Дазберил и раньше наблюдал этот эффект, но не мог отвести взгляд, когда ночь осветилась ослепительным снарядом, вылетевшим из кольца Аластриэль. Могущественная волшебница, как и всегда, не промахнулась, и ее снаряд ударил в лицо огру, карабкавшемуся на стену. Громила полетел назад, в темноту, с дымящейся головой и вставшими дыбом волосами, а снаряд, отскочив, попал в ближайшего налетчика, орка, который, как показалось издали, просто вплавился в стену. Молния леди Аластриэль снова и снова поражала орков, огров и полуогров, сбрасывая врагов со стены, сжигая волосы и кожу до самой плоти.

Но освободившиеся места занимали другие, и взамен каждого убитого появлялся целый десяток.

Очевидная тщетность обороны исторгла из груди Дазберила очередную жалобу, и он отправился на поиски более подходящей позиции.

Кэтти-бри сильно хромала, испытывая боль в бедре и ступне, но сильнее физической боли было разочарование. Хорошо хоть леди Аластриэль и ее маги были вооружены для сражения с монстрами. Без своего лука она чувствовала себя почти голой и, несмотря на дары Аластриэль, считала себя скорее обузой, чем полноценным помощником.

Она уже подумывала уйти с передовой линии и вернуться к мосту, где могла быть хоть

чем-то полезной Азе Хейвелу, подготавливавшему отступление на случай невозможности отбить атаку. С этой мыслью она посмотрела назад и увидела небольшую группу орков, бегущих к реке, к увлеченно работавшим магам.

Кэтти-бри немедленно выставила вперед палочку, но быстро опустила ее и вытянула перед собой другую руку. Зов накопленной в кольце энергии послышался в ее голове, и Кэтти-бри, даже не зная, каким будет эффект, последовала по магическому пути, получив сильнейшее ощущение контроля над могущественной силой.

Кольцо выстрелило раз, другой, третий, и каждый снаряд огненным смерчем поражал намеченные Кэтти-бри цели. Шары пламени казались в темноте маленькими звездами, словно кольцо дотягивалось до небес и снимало светила, чтобы бросить их в противников. Снаряды летели с огромной скоростью, оставляя во тьме сверкающие следы, а потом взрывались посреди группы орков, окатывая врагов всепоглощающим пламенем.

Орки отчаянно визжали и метались, а многие попрыгали в реку и были унесены быстрым течением. Другие катились по земле, чтобы сбить огонь, но, не сумев этого сделать, бежали в темноту живыми факелами, только для того, чтобы упасть на промерзшую землю и догореть.

Все это длилось одно мгновение, но Кэтти-бри показалось целой вечностью. Она ошеломленно замерла, широко раскрыв глаза и с трудом контролируя дыхание. Одной силой мысли она разметала почти десяток орков. Словно их и не было. Как богиня, обрушившая свой гнев на кучку незначительных созданий. Еще никогда Кэтти-бри не ощущала подобного могущества!

Если бы кто-то в этот момент спросил эльфийское имя ее волшебного лука, она вряд ли его вспомнила бы.

— Мы здесь не удержимся! — крикнул Чарморфф Хралайну, одновременно сбросив своей дубиной со стены очередного орка.

Хралайн хотел бы как-то подбодрить его, но общая картина сражения, открывающаяся ему, не внушала оптимизма. Ситуация была даже опаснее, чем представлял себе дворфф.

Из Мифрил Халла к стене пробились всего несколько дворфов, а навстречу им через незаконченный участок оборонительной стены хлынул целый поток орков. Громадных орков, почти на два фута выше и на сотню фунтов тяжелее, чем дворфы. Были среди них и чистокровные огры, хотя Хралайн уже с трудом различал, где кончаются орки и начинаются огры.

При помощи огров-подъемников на стену взлетало все больше и больше врагов, они усиливали атаку и не давали защитникам организовать оборону от основной массы, накатывающейся с востока.

— Мы здесь не удержимся! — снова закричал Чарморфф, и он был прав.

Хралайн знал, что сражение будет недолгим. Все маги вступили в бой, огненные шары то и дело вспыхивали в воздухе, и целая очередь молний оставила на земле множество дымящихся врагов. Но этого было недостаточно, кроме того, как помнил Хралайн, волшебники весь день работали над сооружением моста, так что сил у них осталось немного.

— Отступаем! — крикнул эльф Чарморффу. — К Мифрил Халлу!

Толпы орков рвались вперед, и Хралайн стал опасаться, что он и Чарморфф слишком задержались.

— Ради богов и торговцев драгоценностями! — взревел Дазберил, увидев, что оборона дворфов внезапно разрушилась.

Воины бородатого народца ринулись вдоль стены на запад, прыгали с парашюта и бежали к восточному входу в Мифрил Халл. Не осталось никакой видимости обороны, только полное и отчаянное отступление.

Но волшебник понимал, что и это их не спасет, поскольку огры, жадные до крови дворфов, приближались с каждым мгновением. Увидев, как один из дворфов отстал и был

тотчас смят темной тучей орочьей орды, Дазберил сердито поморщился.

Дородный чародей пустился бегом и на ходу поднес руку к своему ожерелью. Схватив самый большой камень, он выдернул его из оправы, снова проклял жадного торговца драгоценностями и швырнул изо всех сил.

Волшебная граната упала у основания стены, как раз позади вырвавшихся вперед орков. Взрыв залил смертельным огнем все вокруг, даже парাপет. Оказавшиеся поблизости орки сразу обуглились и умерли, остальные в мучительной агонии пытались убежать, но пламя пожирало их на ходу. В рядах орков началась паника, и дворфы успели добраться до входа в Мифрил Халл.

— Маг, — пробурчал Гргуч, забравшись на стену на некотором удалении от чудовищного взрыва.

— Значительной силы, — подтвердил стоящий рядом Хакуун после того, как защитил вождя и себя всеми доступными заклинаниями.

Вождь отвернулся и низко нагнулся над ограждением парапета.

— Давай его сюда! — показав на оружие, крикнул он огру, подбросившему его на стену.

Мгновение спустя Гргуч снова стоял на стене и держал на плече огромное копье, конец которого упирался в приспособление для метания.

— Маг, — с видимым отвращением снова проворчал Гргуч.

Хакуун поднял вверх руку, прося вождя немного подождать. Затем Джек-гном из головы жреца орков произнес над наконечником копья самое действенное заклинание.

Гргуч усмехнулся и отвел плечо назад, наводя десятифутовое копье на цель. Как только Хакуун прочел второе заклинание, предназначенное задержать намеченную жертву, Гргуч мощным броском метнул копье.

Упрямый орк продолжал надвигаться, хотя на одной ноге у него еще плясали язычки волшебного пламени.

Кэтти-бри не отступила, даже не отшатнулась, когда он неловким движением метнул в ее сторону копье. Она не отводила глаз от его лица, встретила с ним взглядом, прочла в нем ненависть и медленно подняла волшебную палочку.

В этот момент ей хотелось иметь при себе Хазид-Хи и завязать с чудовищным существом поединок. Орк сделал еще шаг вперед, и тогда она произнесла магические слова.

Огненно-красный снаряд ударил орку в грудь и толкнул его назад. Но тот как-то сумел устоять на ногах и Даже снова шагнул вперед. Кэтти-бри дважды произнесла последнее слово заклинания, как ее учили, и первый заряд снова оттолкнул орка назад, а второй опрокинул на землю. Еще мгновение орк извивался в агонии, потом затих.

Кэтти-бри, приходя в себя, несколько секунд стояла неподвижно. Затем она повернулась к стене и тотчас зажмурилась от огненных взрывов и резких зигзагов молний. Ярость сражения едва не лишила ее способности дышать. В состоянии временного ослепления она почти надеялась, что битва закончилась и волшебные снаряды чародеев рассеяли атакующих, как она уничтожила группу, бегущую к реке. Но прогремел самый сильный взрыв, вспыхнувший где-то у стены, к западу от Мифрил Халла, и Кэтти-бри увидела истинное положение вещей, увидела дворфов и одного эльфа, поспешно отступавших к воротам, увидела, что оборона стены развалилась, погибла под грузными шагами нахлынувшей орды орков.

Стена была потеряна. Было потеряно все пространство от Мифрил Халла до реки Сарбрин. Отступала даже леди Аластриэль. Она еще не бежала, но и удержать позицию уже не могла.

Неподалеку от леди Аластриэль Кэтти-бри увидела Дазберила. На мгновение ее удивила поза мага — он слишком далеко наклонился назад, а руки безвольно висели вдоль туловища. Кто-то из чародеев бросил еще один огненный шар, и при его довольно слабой

вспышке Кэтти-бри увидела огромное десятифутовое копье, наполовину погрузившееся в грудь Дазберила. Наконечник копья воткнулся в землю, и поэтому чародей остался стоять в таком странном, наклонном положении.

— Мы разбили их наголову! Момент окончательной победы уже близок! — с разочарованием говорил Хакуун, стоя в полном одиночестве позади атакующей орды.

Он страстно хотел бежать вместе со всеми или, как это уже не раз случалось, служить проводником разрушительной магии Джекули.

Но Джекули не собирался продолжать обстрел, хуже того, незванный паразит прерывал его каждый раз, когда Хакуун пытался применить собственную магию шамана.

Временной победы, так будет вернее, — произнес в его мыслях Джек.

— Что за глупость...

Там леди Аластриэль, — объяснил Джек. — *Аластриэль, одна из Семи Сестер. Не вздумай привлечь ее внимание!*

— Она тоже бежит! — возразил Хакуун.

Она узнает меня. Обязательно узнает. И тогда повернет остатки своей армии, и всех чародеев, и свою магию, только чтобы меня уничтожить, — настаивал Джек. — *Это старинная распря, но ни она, ни я о ней никогда не забудем. Не делай ничего такого, что может привлечь ее внимание.*

— Но она отступает! Мы могли бы ее убить! — не унимался Хакуун.

Оглушительный скептический смех Джека заполнил голову, так что шаман даже не смог и шагу сделать вслед Гргучу и остальным воинам. Он просто стоял и покачивался, глядя на завершение битвы.

Джек, оставшийся в голове шамана в обличье мозгового грызуна, вздохнул с облегчением. По правде говоря, он не имел ни малейшего представления, помнит ли Аластриэль пренебрежительное высказывание, сделанное сотню лет назад. Но он-то прекрасно запомнил ее ярость, вспыхнувшую в тот злосчастный день, и Джек-гном не имел желания увидеть ее снова.

Один из магов леди Аластриэль пробежал мимо Кэтти-бри.

— Поторопись к мосту! — крикнул он.

Кэтти-бри покачала головой, хотя и понимала, что сопротивляться бесполезно. Мифрил Халл не ожидал столь скорой и яростной атаки. Зимнее бездействие, неоднократные донесения о том, что громада орочьей армии остается на западе, неподалеку от Долины Хранителя, и широко распространившиеся слухи о желании Обальда, удовлетворенного завоеваниями, осесть на месте ослабили бдительность дворфов.

— Чтоб тебе сгинуть в Девяти Кругах, Обальд! — неслышно выругалась Кэтти-бри. — Я молюсь, чтобы Дзирт тебя не убил и оставил это удовольствие мне.

Она отвернулась и поспешила к мосту, насколько позволяла нога, но шагала очень неловко. Каждый раз, заноса правую ногу вперед, она чувствовала боль в бедре, а ставя ее на землю, морщилась от мучительного ожога и вспоминала о собственной глупости в обращении с волшебной палочкой.

Когда еще один волшебник, пробегая мимо, остановился и предложил ей опереться на его плечо, Кэтти-бри, несмотря на свою гордость и твердое решение не становиться обузой, с благодарностью приняла помощь. Если бы она отвергла дружескую руку, то наверняка упала бы где-то по пути и не добралась до моста.

Аза Хейвел приветствовал возвратившихся товарищей и показал на парящие над землей волшебные диски. Как только все места были заняты, волшебник, создавший эти средства передвижения, тоже вскочил на борт, но несколько мгновений никто не трогался с места, не желая оставлять бегущих дворфов.

— Отправляйтесь! — приказала леди Аластриэль, пришедшая с последней группой, не намного опередившей погоню орков. — Благодаря жертве Дазберила отступающие дворфы

успеют укрыться в безопасности крепости, а я с ветерком отправила Талиндре весточку, чтобы она убедила их быстро закрыть все двери и дожждаться утра. Мы будем в безопасности за рекой, на восточном берегу. К утреннему наступлению надо подготовить заклинания и зажать орков между рекой и армией короля Бренора.

Многие головы качнулись, выражая согласие, глаза Аластриэль сосредоточенно блеснули, и Кэтти-бри оставалось только догадываться, какие могущественные двомеры обрушит повелительница Серебристой Луны на глупых орков, как только наступит рассвет.

Кэтти-бри сидела на краю диска, и ее ноги покачивались всего в нескольких дюймах от холодных и темных струй Сарбрина, а взгляд был обращен в сторону Мифрил Халла, и в душе бурлили разные чувства, не последними из которых были чувство вины и страх за любимого мужа. Дзирт ушел на север, и армия орков налетела именно с той стороны. Но Дзирт не вернулся с предупреждением о грозящей опасности. Кэтти-бри знала об этом наверняка, поскольку не видела в ночном небе светящихся стрел Тулмарила.

Кэтти-бри устала сидеть на воде и постаралась укрепить свое сердце и мысли.

Сидящий рядом Аза Хейвел положил ей руку на плечо. Она подняла голову, и полуэльф тепло улыбнулся, а затем озорно кивнул на обгоревший сапог. Кэтти-бри проследила за его взглядом, потом снова подняла глаза, и ее лицо вспыхнуло от смущения.

Но эльф понимающе кивнул, приподнял свои красно-черные волосы и повернул голову к лунному свету, чтобы она могла заметить пересекающий голову белый шрам. Он взял из рук Кэтти-бри палочку, изобразил задумчивость и приложил опасное оружие к голове, совместив со шрамом.

— Ты больше не повторишь эту ошибку, — заверил ее полуэльф, задорно подмигнул и возвратил палочку. — И не расстраивайся, твой метеоритный залп дал нам время закончить работу над дисками.

— Это не моя заслуга. Леди Аластриэль одолжила мне кольцо.

— Но ты привела его в действие, значит, твое хладнокровие и расчет сохранили нам силы. Утром тебе тоже найдется работа.

— И мы отомстим за Дазберила, — мрачно добавила Кэтти-бри.

Аза кивнул:

— И за дворфов, погибших этой ночью.

Крики на берегу вскоре стихли после гулко-го удара, возвещавшего о закрытии восточных дверей Мифрил Халла. Но шум не прекратился полностью. Пока маги и Кэтти-бри устраивались на ночлег, было слышно, как орки бродят между башнями и по недавнему лагерю волшебников, крушат, ломают все, что можно, и делают оставшиеся вещи. Иногда их ворчание прерывалось случайным стуком камней, брошенных в основание моста, а потом с плеском отскочивших в воду.

Кое-кто сразу же отправился спать, а Кэтти-бри осталась сидеть, вглядываясь в темноту, прорезаемую случайными огнями подожженных палаток.

— У меня там осталась запасная книга заклинаний, — горестно вздохнул один из волшебников.

— Да, и я оставил первые двадцать страниц переписанных заговоров, — произнес другой.

— А я лишился своего лучшего костюма, — пожаловался третий. — Ну, орки за это поплатятся!

Немного погодя послышались шаги с другой стороны, с востока. Кэтти-бри и другие, кто еще не отправился спать, обернулись на шум. Кэтти-бри поднялась и захромала к Аластриэль, уже приветствующей группу дворфов из клана Фелбарран, спешивших узнать причину ночного переполоха.

— Нас посылали к Снежному Кряжу, вырубить еще несколько плит, — рассказал предводитель, приземистый и крепкий дворф с белой бородой и такими густыми бровями, что под ними почти не было видно глаз. — А что за напасть на вас обрушилась? Нам показалось, как будто грохотал рев из самой утробы дракона.

— Обальд, — ответила Кэтти-бри, опередив леди Аластриэль.

— Вот вам все его добрые намерения! — проворчал дворф из клана Фелбарран. — Никогда не верил, что эти псы спокойно будут сидеть на завоеванных землях. Неужели Мифрил Халл пал?

— Ни в коем случае! — воскликнула Кэтти-бри.

— Что ж, это уже неплохо, — кивнул дворф. — Мы быстро прогоним их от стены обратно на север.

— Завтра утром, — сказала Аластриэль. — Мои чародеи готовят свои заклинания. А в Мифрил Халле у меня есть уши и голос, чтобы скоординировать контратаку.

— Хорошо бы перебить их всех, и чтоб никто не убежал, — обрадовался дворф. — То-то будет потеха!

— Устраивайтесь на ночь возле реки и разбейте группу на мелкие подвижные отряды, — проинструктировала его леди Аластриэль. — Мы откроем магические ворота, чтобы перебросить всех на другой берег. Ваша скорость и согласованность в завтрашней битве будут иметь решающее значение.

— Оркам можно только посочувствовать, — усмехнулся дворф и, поклонившись, побежал к своим людям, на ходу выкрикивая приказы.

Не успел он сделать и десятка шагов, как с другого берега послышался оглушительный грохот, сопровождаемый восторженными воплями орков.

— Башня, — пояснила Аластриэль, отвечая на изумленные взгляды.

Кэтти-бри выругалась про себя.

— Мы продлим наше пребывание в Мифрил Халле, — пообещала ей повелительница Серебристой Луны. — Наши враги воспользовались слабыми местами, которые больше нельзя оставлять. В первую очередь необходимо оттеснить орков на север и отогнать их от дверей Мифрил Халла.

— А потом закончить мост, — предложил сидящий рядом маг.

Но леди Аластриэль покачала головой.

— Сначала стена, — пояснила она. — Враги оказали нам услугу, показав нашу слабость. Если бы орки захватили эти земли после завершения строительства моста, угроза нависла бы над всем севером. Так что наш первейший долг после выдворения врагов — достроить и укрепить стену. Каждое новое нападение на Мифрил Халл с востока должно стоить им огромных потерь, чтобы мы имели достаточно времени для разрушения моста.

— А потом? — спросила Кэтти-бри, вызвав удивленные взгляды Аластриэль и ее чародеев. — Потом вы вернетесь в Серебристую Луну?

— Это наш долг. Ты хочешь предложить что-то другое?

— Обальд раскрыл свои намерения, — ответила Кэтти-бри. — Здесь не будет мира, пока он остается неподалеку от Мифрил Халла.

— Ты просишь меня собрать армию, — произнесла Аластриэль.

— Разве у нас есть выбор?

Аластриэль помолчала, обдумывая ее слова.

— Я его не вижу, — признала она. — Но давай сначала сосредоточимся на завтрашнем сражении. — Она повернулась к своим волшебникам. — Выспитесь хорошенько, а когда отдохнете, готовьте самые разрушительные чары. Объедините знания, сплотите свои усилия и составьте заклинания. Я хочу, чтобы эти орки были полностью уничтожены. Пусть их разгром послужит предостережением другим и удержит вдали от Мифрил Халла, чтобы мы успели укрепить оборону.

Ее слова были встречены кивками согласия и неожиданно раздавшимся кличем:

— За Дазберила!

— Дазберил! — подхватили остальные, и даже те волшебники из Серебристой Луны, кто уже лег спать, поднялись и тоже стали скандировать.

К ним присоединились и дворфы из клана Фелбарран, хотя никто из них не мог знать, что означает «Дазберил».

Это не имело значения.

Ночью Кэтти-бри не раз просыпалась от грохота на противоположном берегу реки. Но это лишь укрепляло ее решимость, и она засыпала снова с мыслями о данном леди Аластриэль обещании. Они сполна оплатят оркам.

Приготовления начались еще до рассвета: чародеи зашелестели страницами магических книг, дворфы точили оружие. Леди Аластриэль, взмахнув волшебной палочкой, превратилась в сову и неслышно унеслась осматривать поле будущего боя.

Она вернулась уже спустя несколько мгновений и приняла человеческий облик как раз в тот момент, когда первые лучи осветили Сарбрин и открыли всем то, о чем собиралась рассказать Аластриэль.

Книги заклинаний захлопнулись, дворфы опустили оружие и инструменты, и все в изумлении уставились на берег. Там не было видно ни одного орка.

Аластриэль вывела их из оцепенения, и чародеи открыли магические ворота, чтобы все — дворфы, маги и Кэтти-бри — могли быстро пересечь реку. Едва переправа закончилась, как восточные двери Мифрил Халла распахнулись и из крепости во главе войска выскочил король Бренор.

Но они обнаружили лишь десяток убитых и раздетых догола дворфов да мертвого волшебника, все еще приколотого к земле мощным копьем.

Лагерь магов был разграблен и разрушен, как и маленькие хижины, используемые строителями моста. Повсюду валялись булыжники из разбитой опоры моста, почти все башни и большая часть северной стены лежали в развалинах.

И ни одного орка — ни живого, ни мертвого.

Глава 19

Догадки короля орков

— Во славу великого Груумша! — радостно завопила Кна, как только новости о победе на реке Сарбрин, словно пламя, распространились по ставке Обальда. — Мы победили дворфов!

— Мы ужалили их и ослабили их защиту, — сказал гонец, прибывший с места битвы, орк по имени Октул из малочисленного племени, присоединившегося к клану Карук во время марша Гргуча. — Их стена разрушена, и снега уже отступают. Им придется все лето восстанавливать защитные укрепления на реке Сарбрин.

Собравшиеся орки разразились радостными криками:

— Мы отрезали Мифрил Халл от союзников! Ликование стало еще громче.

Обальд сидел на своем троне и был вынужден все это выслушивать. Он знал, что Гргуч ничего подобного не сделал, поскольку у хитрых дворфов все равно остались тоннели под Сарбрином, уходящие далеко на юг. И все же было невозможно недооценивать значение его победы, как с практической стороны, так и с психологической. Если бы мост был построен, он обеспечил бы легкий путь из Мифрил Халла в Серебристую Луну, к Снежной Белизне, Лунному Лесу и к другим соседним сообществам, и королю Бренору ничто не мешало бы продолжать прибыльную торговлю.

Но победа орков означала и их отступление. Обальд тоже хотел бы иметь права на мост через Сарбрин, но не таким образом, не в качестве врага. И уж конечно, не таким способом, когда вся слава достанется таинственному Гргучу. Он с трудом сдерживался, чтобы не хмуриться. Если не поддержать всеобщую радость, можно вызвать подозрения, а то и открытое восстание.

— Вождь Гргуч и клан Карук удержали захваченные земли?! — спросил он не без скрытого злорадства, поскольку уже знал ответ.

— Дворфам помогала леди Аластриэль со своими колдунами, — поведал Октул. — Вождь Гргуч предвидел, что с рассветом в атаку бросится вся их армия.

— А с ними, без сомнения, король Бренор, Дзирт До'Урден и остальные из этой

странной компании, — проворчал Обальд.

— Наших сил было недостаточно против всех дворфов, — признал Октул.

Обальд обвел взглядом и гонца, и всю собравшуюся толпу. На их лицах он заметил радостное волнение с оттенком... Чего? Подозрения?

Король орков встал во весь рост, возвышаясь над гонцом. Взгляд его желтых глаз охватил всю толпу, а на лице появилась неискренняя улыбка.

— Все равно это великая победа! — провозгласил он. Восторженные крики взметнулись с новой силой, а Обальд, с трудом сдерживая гнев, воспользовался случаем уйти к себе в шатер в сопровождении неотступной Кны и жреца Накклза.

В своих личных покоях он отпустил всю стражу.

— И ты тоже уходи, — бросила Кна, ошибочно полагая, что радостные известия взволновали ее повелителя так же сильно, как и ее.

— И ты тоже, — повторил Обальд, но адресовал приказ Кне, а не жрецу. — Уходи и жди, пока я снова тебя не призову.

Кна удивленно моргнула желтыми глазами и инстинктивно бросилась к Обальду, чтобы страстно прижаться к его телу. Но гигант одной рукой оторвал ее от себя.

— Не заставляй меня приказывать дважды, — медленно и непреклонно произнес он, словно строгий родитель, выговаривающий малому ребенку.

Движением запястья он швырнул Кну, и та кубарем покатилась по полу. Она так и поползла на четвереньках, пугливо оглядываясь на сердитое лицо Обальда.

— Мы должны пообщаться с Груумшем, чтобы обсудить следующую победу, — сказал Обальд, несколько смягчив тон. — Ты поиграешь с Обальдом позже.

Это, похоже, немного успокоило глупую женщину, и Кна, выходя из комнаты, даже выдавила на прощание улыбку.

Накклз сразу же хотел что-то сказать, но Обальд, подняв руку, приказал ему помолчать.

— Дай время Кне отойти подальше, — громко произнес король орков. — А то если моя дорогая супруга нечаянно услышит слова Груумша, Одноглазый потребует ее смерти.

Не успел он закончить, как за дверью послышался шорох, подтвердивший его подозрения о намерении глупой Кны подслушать разговор. Обальд перевел взгляд на Накклза и вздохнул.

— По крайней мере, она предсказуема, — заметил Накклз, и Обальд только пожал плечами.

Жрец начал творить заклинания и помахивать руками, создавая вокруг себя и Обальда зону тишины. По окончании обряда Обальд одобрительно кивнул.

— В последнее время я слишком часто слышу имя Гргуча, — заговорил он. — Что тебе известно о клане Карук?

Накклз пожал плечами:

— Ходят слухи, что это полуогры, но я не могу сказать ничего определенного. О них мало что известно.

— И тем не менее они откликнулись на мой призыв.

— После триумфа короля Обальда из пещер Хребта Мира вышли многие племена, пожелавшие принять участие в войне. Жрецы клана Карук наверняка прослышали о нашем нашествии благодаря связи с Груумшем.

— Или от кого-то из смертных. Накклз немного подумал.

— Конечно, должны были возникнуть разные слухи, — осторожно ответил он, поскольку Обальд своим тоном явно намекал на какую-то гнусность.

— Он выходит из своего логова и атакует Лунный Лес, потом рвется на юг и сокрушает дворфскую стену. Для вождя, который жил в глубине под дальними горами, Гргуч удивительно хорошо знаком с врагами Королевства Многих Стрел.

Накклз кивнул.

— Ты считаешь, что кто-то намеренно вызвал сюда клан Карук? — предположил он.

— Я считаю, что был бы дураком, если бы не выяснил причину их появления, —

ответил Обальд. — Ни для кого не секрет, что найдется много недовольных моим решением приостановить кампанию.

— Приостановить?

— Это все, что им известно.

— И потому они отыскиали провокатора, чтобы заставить Обальда двигаться дальше?

— Провокатора или соперника.

— Но это же глупо! — с очевидным и искренним изумлением воскликнул жрец.

— Нельзя недооценивать изобретательность масс, — предостерег его Обальд. — Но соперник он или провокатор, Гргуч расстроил мои планы. Возможно, расстроил бесповоротно. Я уверен, что мы можем ожидать контратаки короля Бренора, а если не повезет, то и его союзников.

— Гргуч больно ужалил их, но потом отступил, — напомнил королю Накклз. — Если они расценят его атаку как наживку, король Бренор вряд ли будет настолько глуп, чтобы покинуть хорошо защищенную крепость.

— Что ж, будем на это надеяться, а еще на то, что нам удастся быстро приструнить этого чересчур энергичного вождя. Отошли Октула обратно с известием, что я хочу поговорить с вождем Гргучем. Пригласи клан Карук на пир, чтобы отпраздновать их великие победы.

Накклз кивнул.

— И сам готовься к путешествию, мой верный друг, — добавил король Обальд.

Подобное обращение застало Накклза врасплох, ведь он совсем недавно знал короля Обальда и говорил с ним лично лишь с тех пор, как король едва уцелел после поединка с темным эльфом и ужасного оползня.

— Я готов дойти до самого Мифрил Халла и короля Бренора, — решительно выпрямившись, ответил жрец.

Обальд с усмешкой кивнул, и Накклз понял, что его догадка верна. И его ответ был искренним и своевременным. И ожидаемым, если учесть обращение короля к своему «верному другу».

— Пригласить Кну и стражников в твою комнату, о Великий? — с поклоном спросил Накклз.

Обальд немного помолчал, затем тряхнул головой.

— Я сам позову, когда они мне понадобятся, — сказал он. — Иди и поговори с Октулом. Отошли его обратно, а сам возвращайся вечером с готовым рюкзаком для долгого и опасного пути.

Накклз еще раз поклонился и быстро вышел.

— А хорошо, что ты здесь, леди, — сказал Бренор леди Аластриэль, когда они встретились у стены.

Кэтти-бри стояла рядом с повелительницей Серебристой Луны, а за спиной Бренора держались Тибблдорф Пуэнт и Реджис.

Кордио Хлебноголовый и еще один дворфский жрец неподалеку немедленно занялись несчастным Дазберилом, насаженным на копье, и старались извлечь оружие как можно бережнее.

— Жаль, что мы не смогли сделать больше, — грустно ответила Аластриэль. — Как и твой народ, мы были убаюканы последними спокойными месяцами, и атака орков стала для нас неожиданностью. Мы даже не подготовили соответствующих заклинаний, а все силы бросили на сооружение моста.

— Ты и твои маги доставили этим свиньям немало хлопот и помогли моим парням укрыться в Мифрил Халле, — возразил Бренор. — Вы здорово помогли, и наш народ этого никогда не забудет.

Аластриэль ответила легким поклоном.

— А теперь, наученные горьким опытом, мы больше не позволим застать себя

врасплох, — пообещала она. — Строительство моста теперь будет идти медленнее, и половина магических сил каждый день будет направлена на защиту этой земли и отражение любых захватчиков. А пока не будет закончено восстановление башен и строительство стены, на мосту будут работать лишь немногие волшебники. Мост не принесет большой пользы, пока...

— Ба! — фыркнул Бренор. — Все это чепуха. Мы увидели истинное лицо Обальда, и никаких сомнений не осталось. Направь все свои заклинания на истребление орков, кроме разве что тех, что помогут переправить через Сарбрин твою Серебряную Гвардию. А когда покончим с проклятыми орками, тогда и позаботимся и о мосте, и о стене, хотя, как я думаю, после этого стена нам вряд ли понадобится.

Тибблдорф Пуэнт за его спиной усмехнулся, еще несколько дворфов не удержались от улыбок, но на лице леди Аластриэль отразилось недоумение, словно она не совсем поняла, о чем идет речь. Как только Бренор увидел это выражение, он недоверчиво нахмурился. Кэтти-бри сердито поморщилась, и это только подтвердило, что король дворфов не ошибся в толковании мнения повелительницы Серебристой Луны.

— Ты считаешь, что нам надо окопаться и позволить Обальду играть по его правилам? — спросил дворф.

— Я советую соблюдать осторожность, добрый король, — сказала Аластриэль.

— Осторожность?

— Орки не удержали территорию, — заметила Аластриэль. — Они ударили и убежали — словно в ожидании твоего ответного хода. Они хотели выманить тебя из Мифрил Халла и навязать решительное сражение. А там, — она кивнула в сторону севера, — они бы дрались с тобой на ими выбранной территории.

— Ее слова справедливы, — добавила Кэтти-бри, но Бренор снова пренебрежительно фыркнул.

— Если они думают, что клан Боевого Топора выступит в одиночку, то их план мог бы и удался, — сказал Бренор. — Но они здорово просчитаются, когда на подготовленные ими западни налетят все силы Серебряных Земель. Маги Серебристой Луны и Серебряная Гвардия, тысячи дворфов Фелбарра и десятки тысяч адбарских воинов! А с фланга подойдет армия Сандабара, подкрепленная эльфами из Лунного Леса, которые не испытывают особой любви к проклятым оркам, если до тебя еще не дошли эти слухи.

Аластриэль крепко сжала губы и больше ничего не ответила.

— Что?! — заревел Бренор. — Ты не призовешь их?! Еще не готова?! Ты еще не поняла намерений Обальда?! Ты надеялась на перемирие, так вот как они понимают перемирие! Какие еще тебе нужны доказательства?

— Все это не так просто, мой добрый дворф, — спокойно ответила Аластриэль, хотя и в ее голосе прозвучало раздражение. — Надо все рассмотреть с практической стороны.

— Ты говоришь о практичности или о трусости? — резко бросил Бренор.

Аластриэль не ответила на грубость, а только пожала плечами.

— Ты говорила, что встанешь с моими парнями, когда в этом возникнет необходимость, — напомнил Бренор.

— Они будут... — заговорила Кэтти-бри, но тут же осеклась под сердитым взглядом Бренора.

— Твоя дружба хороша, когда дело касается слов и строительства, а когда запахнет кровью...

Не дослушав обвинения Бренора, леди Аластриэль показала рукой на лежащего на земле Дазберила, возле которого читал молитвы жрец Кордио.

— Ба, ты скорбишь по единственному павшему в бою, — не унимался Бренор, — а я этой ночью лишился десятка своих парней!

— Все Серебряные Земли оплакивают твоих погибших, король Бренор.

— Я не прошу вас плакать! — закричал Бренор.

Вся работа вокруг них остановилась: дворфы, люди, эльфы, включая Хралайна,

замерли при виде разъяренного короля Мифрил Халла и могущественной леди Аластриэль. Никто и представить себе не мог, что на нее можно так орать.

— Я прошу вас воевать! — Бренор буквально кипел от злости. — Я прошу сделать то, что необходимо сделать, — послать в бой армию, все твои армии! Место Обальда в его горном логове, и тебе об этом известно! Так собирай свои армии, собирай все армии, и давай загоним Обальда туда, где ему место, и вернем Серебряные Земли в прежнее состояние!

— Мы зальем кровью дворфов, людей и эльфов все земли от Мифрил Халла до Хребта Мира, — возразила Аластриэль. — Тысячи орков Обальда хорошо во...

— И будут наносить удар за ударом, пока их не остановят! — не дал ей договорить Бренор. — Ты слышала, что произошло в Лунном Лесу, слышала об их потерях, а теперь видела нападение Обальда своими глазами. Неужели ты еще сомневаешься в его намерениях?

— Но выходить из укрепленного форта против такой силы...

— Это наш единственный шанс, и сделать это надо как можно скорее, иначе я со своими парнями по вашей милости буду до бесконечности отбивать атаки Обальда то от моста, то от дверей, — настаивал король. — Ты думаешь, мы постоянно будем сносить их удары? Ты думаешь, что нам лучше держать запертыми все двери и тоннели, пока эти свиньи не прокопают проход и не окажутся в самом сердце Мифрил Халла?

Внезапно Бренор прищурил глаза, и на его лице отчетливо проступило выражение подозрительности.

— Или такое положение устраивает Аластриэль и всех остальных? Дворфы Боевого Топора погибнут — и все останутся довольны?

— Нет, конечно, — возразила леди Аластриэль, но ее слова ничего не могли сделать с яростью Бренора.

— Моя девочка стоит рядом с тобой, и она только что вернулась из Несма. Твои рыцари отлично поработали и загнали троллей обратно в болота, — продолжал Бренор. — Похоже, Несм стал сильнее, чем до нападения, разве леди Аластриэль не гордится этим?

— Отец! — воскликнула Кэтти-бри, пораженная его горячностью.

— Просто его жители по виду и мышлению больше похожи на твой народ.

— Король Бренор, мы должны продолжить этот спор наедине, — предложила Аластриэль.

Бренор сердито запыхтел, махнул рукой, резко повернулся и ушел, сопровождаемый Тибблдорфом Пуэнтон.

Реджис остался и переводил обеспокоенный взгляд с Аластриэль на Кэтти-бри и обратно.

— Он успокоится, — неуверенно произнес хафлинг.

— Не думаю, что он меня послушает, — призналась Кэтти-бри и посмотрела на Аластриэль.

Повелительнице Серебристой Луны ничего не оставалось, как беспомощно поднять руки, и Кэтти-бри захромала вслед за своим любимым отцом.

— Сегодня неудачный день, друг Реджис, — сказала Аластриэль после ее ухода.

Реджис вытаращил глаза, удивленный ласковым обращением со стороны повелительницы столь высокого ранга.

— Вот так может начаться грандиозная война, — пояснила Аластриэль. — И не сомневайся: чем бы она ни закончилась, победителей не будет.

После ухода жреца Обальд порадовался своему решению не звать свиту. Ему необходимо было побыть одному, разобраться в своих чувствах и все обдумать. В глубине души он знал, что Гргуч ему не союзник и появился он не случайно. После неудачной попытки прорваться в западные ворота Мифрил Халла и изгнания армии троллей Проффита орки и дворфы оказались в безвыходной ситуации, и Обальд был этому рад. Но радовался он втайне, поскольку знал, что поступает вопреки традициям, инстинктам и требованиям своей

воинственной расы. Конечно, никто в открытую не заявлял ему протеста — все вокруг слишком боялись его, чтобы проявить подобное нахальство, но даже в ежедневных восхвалениях он чувствовал нарастающее недовольство. Неугомонные орки хотели идти дальше, опять на Мифрил Халл, потом через Сарбрин на Серебристую Луну и Сандабар, особенно на Цитадель Фелбарр, которую однажды давным-давно смогли завоевать.

— Но какой ценой! — прошептал Обальд и покачал головой.

Он потеряет тысячи воинов, даже если только попытается уничтожить одного короля Бренора. Если двинется дальше, потеряет десятки тысяч. И, несмотря на то что Обальд ничего не хотел так сильно, как захватить трон Серебристой Луны, он понимал: даже собрав всех орков из всех пещер самых отдаленных гор, он вряд ли добьется исполнения своих желаний.

Можно было, конечно, найти союзников: великанов, или темных эльфов, или еще кого-нибудь из чудовищных рас и монстров, живущих ради одной цели — сражения и разрушения. Но в таком союзе он не сможет управлять единовластно, а его подданные лишатся свободы и права выбора пути.

И даже в том случае, если он со своими подданными орками завоюет еще больше земель и расширит рубежи Королевства Многих Стрел, уроки истории однозначно предостерегают о вероятности скорого падения центра подобного государства. У короля орков длинные руки и железная хватка, но хватит ли сил удержать границы Многих Стрел? Хватит ли сил, чтобы обуздать Гргуча и других потенциальных заговорщиков, вызвавших энергичного вождя на поверхность?

Как только этот последний вопрос оформился в его мыслях, Обальд сжал свой могучий кулак и испустил протяжный низкий рык, а потом облизнул губы, словно уже почувствовал кровь врагов.

Правда ли, что клан Карук ему враждебен?

Этот вопрос его немного успокоил. Он понял, что опережает факты. В Королевстве Многих Стрел появился клан свирепых и агрессивных воинов, самостоятельно ввязался в драку, как часто поступали племена орков, и добился успеха и славы.

Обальд кивнул, признав истинность этих положений, и решил ограничить свои догадки. Впрочем, в душе он уже знал, что появился соперник, причем соперник очень опасный.

Он произвольно повернул голову к юго-западу, где стоял лагерь генерал Дакка с самыми надежными и верными войсками. Нужен еще один гонец, понял Обальд. Окул отправился с приглашением для Гргуча, Накклз уехал к королю Бренору с предложением перемирия, а третий, самый быстрый из всех, должен предупредить Дакку и его воинов. Дворфы вскоре могут организовать контратаку, и весьма возможно, что к ним присоединятся опасные и злобные эльфы из Лунного Леса.

Или, что более вероятно, придется преподать урок клану Карук.

Глава 20

О закорючках и гонцах

Днарк одной рукой — он ведь был вождем, а не каким-то простым воином — отодвинул Окула в сторону и подошел к краю обрыва, откуда открывался вид на окруженный горами лагерь короля Обальда. Оттуда только что выехала группа всадников и поскакала на юг, но над ними не реяло знамя Королевства Многих Стрел.

— Вояки в отличных доспехах, — заметил жрец Унг-тол. — Элитная гвардия короля Обальда.

Днарк показал на всадника в самой середине группы. Несмотря на значительное расстояние и большую скорость, его прическа была отчетливо видна.

— Это жрец Накклз, — кивнул Унг-тол.

— И что это означает? — спросил Окул, и голосом, и всем своим видом выражая

крайнее замешательство.

Молодой Окул был выбран гонцом за скорость и выносливость, но не обладал ни мудростью, ни проницательностью, чтобы осознать, что происходит вокруг.

Вождь и шаман разом повернулись к орку.

— Это значит, что ты должен передать Гргучу, чтобы он двигался со всеми предосторожностями, — сказал Днарк.

— Я не понимаю.

— Король Обальд может не проявить той дружеской теплоты, о которой говорится в приглашении, — пояснил Днарк.

— Или, наоборот, встреча может быть более горячей, чем обещано! — насмешливо добавил Унг-тол.

Окул уставился на них, изумленно открыв рот:

— А что, разве король Обальд гневается?

У старших и умудренных опытом орков его восклицание вызвало дружный смех.

— Ты знаешь Туугвика Тука? — спросил Унг-тол. Окул кивнул:

— Орк-проповедник. Его слова поведали мне о славе вождя Гргуча. Он всем передал призыв могучего вождя и самого Груумша на войну с дворфами.

Днарк усмехнулся и махнул рукой, остановив недалекого гонца.

— Передай послание вождю Гргучу, как приказал тебе король, — сказал он. — Но прежде разыщи Туугвика Тука и расскажи ему о втором гонце из лагеря Обальда. Короля Обальда, — поспешно поправился он. — И скажи, что второй посланец отправился на юг.

— А что это значит? — опять спросил Окул.

— Это значит, что король Обальд опасается беды, — вмешался Днарк, не давая Унг-толу ответить. — Туугвик Тук знает, что делать.

— Беды? — удивился Окул.

— Дворфы, скорее всего, ринутся в атаку, и она может быть куда более яростной, если станет известно, что король Обальд и вождь Гргуч находятся в одном и том же месте.

Окул с глупым видом кивнул.

— Отправляйся сейчас же! — приказал Днарк, и молодой воин, развернувшись на месте, поспешно убежал.

По сигналу Днарка за ним отправились двое воинов, чтобы охранять гонца на трудном пути.

Как только они ушли, вождь и шаман снова повернулись к всадникам.

— Неужели ты и впрямь считаешь, что Обальд мог послать гонца к дворфам Боевого Топора? — спросил Унг-тол. — Или он действительно трусил?

Днарк кивал, подтверждая каждое его слово, а когда Унг-тол посмотрел ему в глаза, ответил:

— Мы должны это выяснить.

— Ты передашь королю Эмерусу, что мы будем рады всем, кого он приведет, — наставлял Бренор Жаконрея по прозвищу Широкий Кушак и Никвиллиха, посланцев из Цитадели Фелбарр.

— Я слышал, мост скоро будет закончен, — заметил Жаконрей.

— Забудь об этом треклятом мосте! — взорвался Бренор, озадачив всех собравшихся в зале неожиданной яростью. — Следующие несколько дней чародеи Аластриэль будут работать на стене, а не на мосту. Я хочу, чтобы армия была здесь еще до начала работы по строительству моста. Я хочу показать Аластриэль, что Фелбарр заодно с Мифрил Халлом, и, когда мы вместе выйдем за ворота, она должна понять, что время разговоров закончилось и настало время драться.

— Ага, — кивнул Жаконрей, и на его заросшей физиономии появилась улыбка. — Теперь я понимаю, почему Бренор стал королем. Ты оказал мне уважение, добрый король Бренор, и я даю слово, что сам вытолкну короля Эмеруса из ворот, если понадобится!

— Ты очень хороший дворф, твой род должен тобой гордиться.

Жаконрей так низко поклонился, что его борода коснулась пола. Они с Никвиллихом поспешно бросились к выходу, но Бренор тотчас их остановил.

— Выйдите на поверхность через восточные ворота! — с усмешкой приказал он.

— Но через тоннель будет быстрее, — осмелился возразить Никвиллих.

— Нет, выходите наружу и скажите Аластриэль, что я поручил вам немедленно возвращаться с армией Фелбарра, — пояснил Бренор и для пущей убедительности щелкнул в воздухе своими узловатыми пальцами.

Все дворфы вокруг захихикали.

— Никогда не сомневайтесь, что Боевой Топор может оценить хорошую шутку, — добавил довольный Бренор, и хихиканье переросло в хохот.

Жаконрей и Никвиллих, все еще посмеиваясь, припустили бегом.

— Пусть Аластриэль угодит в собственную ловушку, — сказал Бренор, обращаясь к Кордио, Тибблдорфу и Банаку Браунавилу, сидевшему в специально сконструированном кресле рядом с тронном, на почетном месте, отведенном для пострадавшего от орков героя.

— Уверен, она сильно нахмурит свое хорошенькое личико, — ответил Банак.

— Конечно, когда увидит, как мимо нее маршируют воины Мифрил Халла и Цитадели Фелбарр, — согласился Бренор. — Она поймет, что нельзя дольше прятаться от псов Обальда. Он хочет воевать, так мы ему предоставим такую возможность и загоним обратно, откуда пришел, даже еще дальше.

Все в зале громкими криками выразили свое одобрение, а Банак крепко пожал руку короля в знак уважения и решимости.

— Оставайся здесь и заканчивай аудиенции, — сказал Бренор Банаку. — А я пойду проведу Пузана и малыша. Пусть меня считают бородатым гномом, если мы не получим подсказку из тех свитков, что недавно привезли. Я хочу, чтобы все разгадки и хитрости были в наших руках еще до того, как мы ударим по Обальду.

Он спрыгнул с трона и помоста, Тибблдорфу жестом приказал оставаться и помогать Банаку, а Кордио позвал с собой.

— Нанфудл сказал, что никогда еще не видел таких значков, как на этих пергаментях, — доложил Кордио Бренору на выходе из зала для аудиенций. — Какие-то закорючки в тех местах, где их не должно быть.

— Не сомневайся, малыш сумеет их выпрямить. Я еще не встречал таких умников, и он отлично помогает клану. Мирабар много потерял, когда Торгар со своими парнями перешел ко мне, и еще больше потерял, когда вслед за Торгаром пришли Нанфудл и Шаудра.

Кордио кивнул в знак согласия, но не стал продолжать разговор, а последовал за Бренором по коридорам и лесенкам к нескольким уединенным комнатам, где Нанфудл устроил себе алхимическую лабораторию и библиотеку.

Никто в племени не знал, было ли имя обусловлено традиционно удачной тактикой, или вожди из поколения в поколение строили тактику в соответствии с именем. Каковы бы ни были причины, своеобразный рисунок боя с течением времени совершенствовался все больше и больше. Более того, вожди клана Волчьей Пасти отбирали орков в самом юном возрасте по росту и скорости бега, чтобы каждый из них со временем занял свое место в боевом строю.

Для того чтобы маневр принес успех, еще более важно было выбрать врага и место сражения. И никто из орков не мог вспомнить лучшего в этом деле воина, чем действующий вождь Днарк Волчий Клык. Он происходил из древнего рода воинов Острия — конца волчьей челюсти, смыкавшейся на горле врага. Молодой Днарк долгие годы возглавлял одну ветвь V-образного строя, обходя намеченную жертву с левого фланга, тогда как второй орк, обычно его кузен, вел вперед правую линию. Как только обе группы продвигались до намеченного предела, Днарк резко разворачивал свой отряд вправо, образуя клыки челюсти, и объединялся со своим напарником в тылу врага, чтобы отрезать все пути к отступлению.

Став вождем, Днарк перешел в центр. Две линии его воинов охватили маленький лагерь с севера и с юга, а когда до Днарка дошли вести о выполнении задания, он с главной ударной группой и сам двинулся вперед.

Они не торопились и не кричали, а подходили спокойно, словно не замыслили ничего дурного: и в самом деле, почему шаман, советник короля Обальда, должен был их в чем-то заподозрить?

Даже после того, как Днарк предложил жрецу Накклзу выйти из палатки, лагерь не всполошился. Только Унг-тол, положив ему руку на плечо, посоветовал не терять самообладания.

— Мы не знаем, с какой целью он послан, — шепнул шаман.

Несколько мгновений спустя появился Накклз и прошел к восточному краю плато, где остановился отдохнуть вместе с сопровождавшими его стражниками Обальда. Могучие воины, стоя позади, настороженно подняли тяжелые копья.

Как хотелось Днарку скомандовать атаку! Как хотелось ринуться в бой, прижать этих глупцов к каменистому склону и уничтожить!

Но Унг-тол стоял рядом и призывал к терпению.

— Хвала королю Обальду! — крикнул Днарк, выхватил у стоящего рядом орка знамя племени и помахал им из стороны в сторону. — У нас есть известия от вождя Гргуча! — солгал он.

Накклз поднял руку ладонью вперед, призывая Днарка остановиться.

— У нас нет к вам никаких дел! — крикнул жрец в ответ.

— Король Обальд считает иначе, — возразил Днарк и снова медленно двинулся вперед. — Он послал нас для сопровождения, чтобы быть уверенным, что клан Карук вам не помешает.

— Не помешает чему? — закричал Накклз.

Днарк оглянулся на Унг-тола и подавил свой гнев.

— Нам известно, куда вы направляетесь, — решил он на блеф.

Теперь уже жрец Накклз оглянулся на своих спутников.

— Вождь Днарк, подойди один! — крикнул он, — Тогда мы обсудим дальнейшие действия.

Днарк продолжал подниматься по склону — медленно, не делая угрожающих движений, но не приказав своим воинам остановиться.

— Один! — настойчиво потребовал Накклз. Днарк улыбнулся, но ничего не изменилось. Орки с поднятыми копьями встали рядом с Накклзом.

Это не имело значения. Блеф сработал и позволил Днарку с ударной группой подняться почти до половины склона. Днарк поднял руки перед жрецом и его охранниками, а затем повернулся к своим воинам, будто бы для того, чтобы приказать им остановиться и подождать.

— Убейте всех, кроме Накклза и ближайших воинов! — вместо этого скомандовал он, а когда снова развернулся, в его руке блеснул высоко поднятый меч.

Воины клана Волчьей Пасти ринулись вперед и загородили собой любимого вождя. В следующие мгновения пал не один из этих живых щитов, пронзенный копьями стражников.

Но «челюсти волка» сомкнулись.

К тому времени, когда Днарк поднялся на плато, повсюду кипела ожесточенная битва, но Накклза нигде не было видно. Разъяренный Днарк бросился в ближайшую схватку, где двое орков энергично, но неэффективно атаковали одного из стражников.

Обальд хорошо подбирал себе личную охрану.

Один из Волчьих Клыков сделал неловкий выпад копьем, но меч стражника обошел оружие и рассек древко, да еще отбросил его в сторону растерявшегося напарника. Расстроив оборону противников, стражник вернул меч и шагнул вперед для решающего удара.

Но Днарк поспешно подскочил сбоку и отсек руку глупца вместе с мечом по самый

локоть.

Стражник застонал, повернулся и упал на колени, прижав к груди обрубок. Днарк, подойдя ближе, схватил его за волосы и оттянул голову назад, открыв горло для смертельного удара.

Раньше вождь клана Волчьей Пасты непременно нанес бы этот удар и убил врага. Но сейчас он отвел меч и только слегка ткнул острием в горло, а когда стражник упал, приказал своим воинам сохранить ему жизнь.

Покончив с одним противником, Днарк бросился в следующую схватку.

Вскоре бой на плато закончился, но ни среди десятка мертвых, ни в числе семерых, взятых в плен, жреца Накклза не было видно. Очевидцы утверждали, что шаман при первых признаках боя спрятался в арьергарде.

Днарк еще не успел разразиться по этому поводу гневной тирадой, как обнаружил, что его выбор проверенной предками тактики оказался верен. Волчьи Клыки с дальнего края плато, подталкивая пленников концами копий, привели к нему Накклза и одного из раненых стражников.

— Обальд тебя за это убьет! — крикнул Накклз, завидев Днарка.

Мощный хук слева поверг шамана на землю.

— Символ правильный, — гордо объявил Нанфудл. — Рисунок воспроизведен точно.

Реджис уставился на огромный пергамент, где увеличенные руны располагались по отдельности. Под руководством Нанфудла хафлинг добрую половину дня копировал каждый значок в увеличенной версии, а потом они вдвоем вырезали для каждого знака деревянные копии — даже для тех, что казались обычным повторением символов современного дворфского письма.

Они не устояли перед соблазном толковать эти знакомые символы в тех значениях, которые предполагались правильными, — руны наречия детек для архаичного языка орков, называемого халгокрин, что сводило на нет все первоначальные попытки перевести пергамент. Так продолжалось до тех пор, пока Нанфудл не настоял, чтобы они рассматривали письма пергаментов из мертвого города как абсолютно нечитаемые записи. И только тогда наметился какой-то прогресс.

Если только это был действительно прогресс.

Было изготовлено множество деревянных значков — различных вариаций каждого дворфского символа. Потом были пробы и ошибки, ошибки, ошибки — целый день скрупулезных перемещений и переоценок. Нанфудл, будучи не самым искусным магом, прочел множество заклинаний, а затем были призваны жрецы, предложившие свои толкования и проорицания.

На пергаменте осталось тридцать два символа, и тщательный анализ косвенно указывал на сходство с традиционным наречием детек, в котором насчитывалось двадцать шесть знаков, но тот факт, что признаки сходства оказались не слишком существенными, превращал и эту теорию всего лишь в догадку.

Однако постепенно очертания наречия складывались в одно целое, и заклинания, казалось, подтверждали эту догадку.

За десять дней работы, когда Нанфудл выслушал все рассказы Реджиса о странном городе, решающим фактором оказалась проницательность гнома. Вместо того чтобы в качестве основной базы для анализа использовать Дворфский язык, он решил работать на основании двух наречий — дворфского и орочьего, в котором, безусловно, тоже преуспел. Пришлось вырезать из дерева новые символы и исследовать новые комбинации.

И однажды ранним утром Нанфудл представил Реджису законченный шаблон для перевода, таблицу соответствия, идентифицирующую каждый символ пергамента, причем некоторые знаки относились к письменности орков, а другие — к письменности дворфов.

Вот тогда хафлинг начал работу над пергаментом с увеличенными значками, прилежно расставляя над каждым деревянный символ по указанию Нанфудла. Реджис не задерживался

на узнавании знакомых букв, а просто расставлял их так быстро, как мог.

Затем он отступил назад и поднялся на высокую скамью, поставленную Нанфудлом у рабочего стола. Гном уже взобрался на нее и, открыв рот, недоверчиво рассматривал получившийся текст. Реджис последовал его примеру и вскоре понял изумление гнома.

По всей вероятности, догадка гнома оказалась правильной, и перевод читался довольно легко. За орками давно замечали склонность заимствовать и использовать руны наречия детек, и в халгокрине это было вполне очевидно. Но здесь было что-то большее, чем простое заимствование, — сознательное смешение в равной мере двух родственных, но несопоставимых наречий, что указывало на бесспорное сотрудничество и согласие дворфских и орочьих лингвистов.

Перевод предстал перед ними со всей ясностью. Но переварить его смысл оказалось намного труднее.

— Бренору это не понравится, — заметил Реджис и огляделся, словно ожидая внезапного появления короля дворфов и его гневных тирад.

— Что есть, то есть, — ответил Нанфудл. — Ему может не понравиться, но он будет должен это принять.

Реджис снова посмотрел на переведенный отрывок и еще раз прочел слова орочьего философа Дуугии.

— Ты придаешь слишком большое значение причине, — пробормотал хафлинг.

ЧАСТЬ IV

Отойти на шаг от ярости

Меня продолжают преследовать вопросы. Неужели мы наблюдаем за рождением новой цивилизации? Неужели орки вместо того, чтобы желать нашей гибели, хотят стать такими, как мы, вступить на наш путь, с нашими надеждами и стремлениями? Или это желание всегда жило в сердце примитивной и воинственной расы и они просто не видели способа достичь цели? Если причина только в этом, если орки небезнадежны и их можно приручить, что мы можем сделать, чтобы превратить их в более цивилизованную расу? Такой шаг был бы большим прогрессом в самообороне Миф-рил Халла и всех сообществ Серебряных Земель.

Если согласиться с предпосылкой универсальности стремлений для всех мыслящих существ и общности желаний, возникает вопрос: что могло бы произойти, если бы одно королевство обладало неоспоримым превосходством над остальными? Какую меру ответственности повлекло бы за собой подобное господство? Если Бренор добьется своего и народы Серебряных Земель поднимутся на войну и оттеснят орков Обальда с захваченных земель, вернут к первоначальному состоянию примитивных племен, какой будет наша роль в положении бесспорного превосходства?

Встанем ли мы на путь постепенного искоренения орков, уничтожая одно племя за другим? Если мои подозрения относительно Обальда верны, то я не могу с этим примириться. Станут ли дворфы соседями или угнетателями?

Конечно, все это основано на догадках и интуиции. А может, это просто глубоко скрытая мольба в душе отступника Дзирта До'Урдена? Мне отчаянно хочется оказаться правым в своей оценке Обальда — почти так же сильно, как хочется из личных побуждений его убить! Ведь если я окажусь прав, если в его душе имеется проблеск рациональных и приемлемых стремлений, мир только выиграет.

Убеждения правителей, принципиальные положения ведущих философов господствуют над умами большинства остальных существ. В лучших из этих королевств — а я с уверенностью причисляю Бренора к их числу — общество неуклонно идет по пути самоусовершенствования, и отдельные его части составляют между собой гармоническое целое. Свобода и единство интересов идут рядом, образуя взаимодействие личности и всего

сообщества. Если такие государства развиваются и сотрудничают с другими подобно устроенным королевствам, если развиваются торговые и культурные связи, что остается для оставшегося в стороне меньшинства? По-моему, могущественные королевства обязаны наклониться и протянуть руку помощи слабым, чтобы подтянуть их наверх, разделить с ними процветание и общий вклад. Такова сущность сообщества. Оно должно быть основано на надежде и мечте, а не на страхе и угнетении.

Но всегда остается вероятность того, что орк ответит на предложенную руку помощи ударом в сердце, еще даже не встав на ноги.

А это кажется уже чересчур, поскольку перед моими глазами предстает убитый Тарафизль, и я хочу вырвать злобное сердце из груди короля орков! И еще я не могу забыть о гибели Инновиндиль! Дорогая Инновиндиль, прошу, не думай обо мне плохо из-за моих размышлений!

Я чувствую укол парадокса, боль неразрешимости, неустрашимые и печальные изъяны мира, который втайне хочу увидеть совершенным. И все же, несмотря на все недостатки, я остаюсь оптимистом и продолжаю верить, что в конце концов идеал восторжествует. Я это точно знаю и потому не выпускаю из рук оружия. Настоящие перемены по плечу только сильным. Соперники не способны изменить ход событий. И руки слабых не могут гарантировать мир и надежду тем, кто сильнее.

Я продолжаю верить в королевство общности голосов, созданное королем Бренором, и подобное ему сообщество Серебристой Луны, созданное леди Аластриэль. Я верю, что это правильный порядок, поскольку это королевства свободы и надежды, где поддерживаются стремления отдельной личности и разделяются общие блага и ответственность также разделяется всеми. Как сильно эти два королевства отличаются от Мензоберранзана, где могущество Дома доминирует над интересами сообщества, а стремления личности подавляют свободу других, а иногда и лишают их жизни!

Но моя вера в Мифрил Халл, как более близкое к идеалу общество, подразумевает и большую ответственность. Недостаточно выдвинуть армию и сокрушить врага под крепкими дворфскими башиками. Недостаточно заполнить Мифрил Халл сокровищами и наращивать силы и влияние, если эти силы и влияние служат только могущественным и процветающим расам.

Истинная ответственность доминирования Мифрил Халла требует от него не только служить светом для клана Боевого Топора. Он должен стать маяком надежды для всех, кто сможет его увидеть. Если мы твердо убеждены в истинности своего пути, мы должны верить, что все — возможно, даже орки — будут тяготеть к выбранным нами дорогам и целям, а мы будем для них сияющим городом на холме и влияние и умиротворение будет достигаться нашим благородством и примером, а не мощью армий.

В противном случае, если влияние и господство основаны только на силе оружия, такое положение нельзя считать победой и оно не будет устойчивым. Империи не могут выжить, поскольку в них недостает благородства и гуманности, чтобы заслужить истинную преданность. Каждый раб мечтает сбросить свои кандалы. Величайшее стремление покоренного силой оружия состоит в том, чтобы сбросить иго угнетателя. И здесь нет места исключениям. Я могу твердо заверить всех победителей, что покоренные ими народы не смирятся с их господством. Любое желание следовать их путем, даже если покоренные соглашались с его превосходством, будет заглушаться злобой и чувством унижения, а также сожалениями по отношению к собственному сообществу. Это универсальная истина, возможно основанная на принципах племенного строя, на гордости и приверженности традициям и схожести взглядов.

А в совершенном мире ни одно общество не будет стремиться к господству, кроме господства идеалов. Мы убеждены, что наш путь истинный, и потому должны верить, что привлечем к нему и других, и наш путь станет их путем, и ассимиляция заставит спрятать мечи в ножны. Этот процесс займет немало времени, в нем будут рывки вперед и остановки, и договоры будут заключаться и нарушаться, и не раз еще зазвонит сталь.

В глубине души я все еще надеюсь, что получу шанс уничтожить короля Обальда Многострельного.

Но еще глубже кроется надежда на то, что король Обальд Многострельный увидит орков, поднимающихся на следующую ступень на пути к истинной цивилизации, что он увидит в Мифрил Халле сияющий город на холме и что у нас хватит сил, чтобы сдерживать орков достаточно долго для подъема на эту ступень.

Дзирт До'Урден

Глава 21

Собрать осколки мира в единое целое

Стук колес по каменистой тропе то раздражал, то успокаивал, а повозка катилась все дальше на север. Вульфгар сидел на задней скамье и смотрел на удаляющийся силуэт Лускана. Множество шпилей башни волшебников уже слились в одно размытое пятно, а ворота и стена казались такими маленькими, что невозможно было разобрать охранявших их стражников.

Вспоминая городскую стражу, Вульфгар не мог удержаться от улыбки. Когда-то его вместе с напарником по имени Морик вышвырнули из Лускана и запретили возвращаться под страхом смерти, и все же он вернулся в город, и по крайней мере один из стражников его узнал и многозначительно подмигнул. Можно не сомневаться, что Морик тоже находится где-то там.

Правосудие в Лускане было простым фарсом, посредственным фарсом, предназначенным для того, чтобы создать его обитателям видимость защиты и заставить их испытывать постоянный страх перед смертной казнью, время от времени применявшейся по усмотрению властей.

Вульфгар долго сомневался, стоит ли ему возвращаться в Лускан даже в составе отправлявшегося на север каравана, который мог бы служить ему некоторым прикрытием. Уж очень не хотелось подвергать опасности Кэлси, посещая запретное место. Но в конце концов он понял, что иного пути нет. Арумн Гардпек и Лягушачий Джози должны были узнать о печальной кончине Делли Керти. Они долгие годы были ее друзьями, и Вульфгар чувствовал себя не вправе утаивать от них это известие.

Слезы, пролитые всеми троими — Арумном, Джози и Вульфгаром, — стали бы, по мнению варвара, справедливым воздаянием памяти Делли. Эта женщина представляла собой гораздо больше, чем легкомысленная красотка, пользующаяся благосклонностью половины Лускана и когда-то купленная Вульфгаром, как утверждало сложившееся мнение. Под грубым налетом, оставленным тяжкими обстоятельствами, в Делли Керти сохранились благородство и честность. Она была отличным товарищем всем троим, хорошей женой Вульфгару и замечательной матерью Кэлси.

Вульфгар подавил смешок, вспомнив первую реакцию Джози, когда коротышка в ярости набросился на него с кулаками, обвинив варвара в гибели Делли. Вульфгар без труда усадил его обратно на кресло, где он обмяк, свесившись через подлокотник, а потом заломил руки и затрясся от рыданий, возможно вызванных еще и чрезмерным количеством выпитого, но, безусловно, искренних. Вульфгар никогда не сомневался в том, что Джози давно и тайно любил Делли.

Мир продолжал вращаться, и события занимали свое место на страницах истории. Что было, то было, и Вульфгар сознавал тщетность сожалений. Надо просто воспользоваться полученными уроками и не забывать их в будущем. Он частично соглашался со справедливостью обвинений Джози, хотя, конечно, и не в такой степени, как считал этот маленький человечек.

Что было, то было.

После особенно сильного толчка повозки Вульфгар обнял Кэлси за плечи и посмотрел на девочку, занимавшуюся с несколькими прутиками, из которых он попытался сделать

некое подобие куклы. Малышка казалась довольной и безмятежной, что было ее обычным состоянием. Спокойная и нетребовательная, Кэлси просила совсем немногого и довольствовалась малым, она, казалось, жила в согласии со всем, что происходило вокруг.

Вульфгар понимал, что их путешествие доставляло ей мало радости. Девочка лишилась Делли, бывшей ей настоящей матерью, и теперь испытывала колоссальное неудобство, оставшись с ним, ее приемным отцом. Вульфгар погладил ее по мягким волосам цвета спелой пшеницы.

— Кукла, па, — откликнулась Кэлси, воспользовавшись присвоенным Вульфгару именем, которое за последние десять дней он слышал всего пару раз.

— Да, кукла, — ответил он и снова потрепал волосы. Девочка хихикнула, и если какой-то звук и мог улучшить настроение Вульфгара...

А он собирался ее покинуть. Мгновенный приступ слабости пронзил сердце. Как он мог даже подумать об этом?

— Ты не помнишь свою маму, — тихо произнес он, не ожидая ответа от снова занявшейся игрой Кэлси.

Но она подняла голову и просияла широкой улыбкой.

— Дел-ли, ма, — сказала девочка.

Вульфгару показалось, что ее маленькая ручка ударила его в самое сердце. Он осознал, насколько плохим отцом был для Кэлси. Срочные дела занимали его каждый день, и общение с Кэлси всегда оставалось на втором плане по сравнению с необходимостью. Она провела с ним рядом долгие месяцы, а он так и не узнал ее хорошенько. Они прошли сотни миль на восток, а потом опять повернули на запад, и только на обратном пути он проводил все свое время с Кэлси, пытался прислушаться к девочке, понять ее нужды, обнимал ее.

Он беспомощно усмехнулся, принимая собственные обвинения, и опять дотронулся до ее волос. Девочка подняла голову, одарила не сходявшей с личика улыбкой и сразу же вернулась к игре.

Вульфгар знал, что поступил неправильно по отношению к ребенку. Он не смог стать ни настоящим мужем для Делли, ни полноценным отцом для Кэлси. Охранник — вот подходящее определение для той роли, что он играл в жизни девочки.

И вот он решился пройти путь, который, безусловно, причинит ему боль, но в конце он даст Кэлси все, чего она заслуживает, и даже больше.

— Ты принцесса, — сказал Вульфгар, и девочка снова улыбнулась ему, хотя и не понимала значения этого слова.

Вульфгар тоже ответил улыбкой, а затем перевел взгляд на Лускан, спрашивая себя, заберется ли он когда-нибудь еще так далеко на юг.

Поселение Аукни совсем не изменилось за те три года, как Вульфгар был здесь в последний раз. Впрочем, большую часть времени первого визита он провел в подземной темнице правителя, чего хотел избежать во второй свой приезд. Он даже не удивлялся, что в компании Морика он чаще всего попадал в такие места, уход из которых обычно сопровождали слова «под страхом смерти».

Но Вульфгар подозревал, что в отличие от солдат Лускана стражники Аукни могут привести в исполнение свои угрозы, если его узнают. Ради безопасности Кэлси он даже предпринял кое-какие усилия для маскировки и присоединился к торговому каравану, тащившемуся по горной дороге на западных склонах Хребта Мира к воротам Аукни. Он отрастил бороду, но его фигура выделялась среди большинства попутчиков семью футами роста и шириной плеч.

Вульфгар закутался в дорожный плащ и набросил на голову капюшон, что ранней весной было обычным делом для путников в этих местах, где с гор то и дело налетал пронзительный ветер. Сидя, Вульфгар старался поджимать под себя ноги, чтобы никто не обратил внимания на их длину и размер, а когда ходил, слегка горбился и опускал плечи. Это помогало не только скрывать истинный рост, но и придавало вид пожилого человека,

следовательно, его можно было не опасаться.

То ли благодаря маскировке, то ли везению, а скорее тому, что он шел с первым в этом году караваном, Вульфгар беспрепятственно проник в город, а миновав пропускной пункт, постарался смешаться с толпой среди поставленных в круг повозок, где поспешно возводились торговые палатки и все товары выставлялись напоказ измученным долгой зимой жителям Аукни.

Лорд Ферингал Аук, такой же раздражительный, как и обычно, посетил ярмарку в первый же торговый день. Этот фат был одет в непрактичный роскошный костюм, включавший в себя широкие пурпурно-белые панталоны, и шествовал с пренебрежительным видом, задрав кверху свой тонкий прямой нос. Правитель посматривал на выставленные товары, но, казалось, не интересовался абсолютно ничем, хотя его слуги частенько возвращались и покупали различные предметы, явно для своего господина.

Дворецкий Темигаст и возница-гном — и отличный боец — Лиам Вудгейт сопровождали его с целой толпой слуг. Темигасту Вульфгар доверял, а вот если бы его узнал Лиам, игра была бы закончена в самое короткое время.

— Он отбрасывает значительную тень, не так ли? — раздался сзади полный сарказма голос, и Вульфгар, обернувшись, увидел одного из погонщиков каравана, смотревшего на лорда и свиту из-за его спины. — Ферингал Аук... — хихикнув, добавил человек.

— Мне говорили, что у него необыкновенная жена, — отозвался Вульфгар.

— Леди Меральда, — недвусмысленно подмигнул погонщик. — Хороша, как луна в небе, и опаснее, чем самая темная ночь. У нее и волосы чернее ночи, а глаза такие зеленые, что, встретив ее взгляд, можно подумать, что находишься на летней лужайке. Да, каждый, кто приезжает в Аукни по делам, мечтает провести с ней ночь.

— А у них есть дети?

— Сын, — ответил погонщик. — Сильный и крепкий парень, благодарение богам, унаследовавший скорее черты своей матери, а не лорда-отца. Маленький лорд Ферин. Как я слышал, все жители месяц назад отпраздновали его первый день рождения и теперь будут докупать провизию, чтобы восполнить съеденное и выпитое на праздничных пирах. По нашим расчетам, у них подходят к концу зимние запасы, а судя по первым зазвеневшим утром монетам, расчеты оказались правильными.

Вульфгар снова перевел взгляд на Ферингала и его свиту, обходивших противоположную сторону торгового каравана.

— А мы опасались, что в отсутствие ненасытной леди Присциллы торговля может пойти не так живо, как прежде.

Последнее замечание резануло слух Вульфгара, и он быстро обернулся:

— Это?..

— Сестра Ферингала, — подтвердил погонщик.

— Она умерла?

Погонщик усмехнулся и, похоже, совсем не огорчился такой возможностью. Впрочем, по наблюдениям Вульфгара, так вел бы себя каждый, кто когда-нибудь имел несчастье встречаться с леди Присциллой.

— Она в Лускане, уже почти целый год. Она уехала с нашим же караваном, после заключительной ярмарки в прошлом году, — пояснил погонщик. — Леди Присцилла никогда не жаловала леди Меральду, поскольку поговаривали, что до женитьбы на ней она имела на лорда Ферингала огромное влияние. Не знаю уж, что там произошло, но вскоре после свадьбы правление леди Присциллы в замке Аук закончилось, а когда Меральда забеременела наследником лорда, ее влияние совсем сошло на нет. Вот она и отправилась в Лускан, живет там в достатке, и ей хватит денег до конца жизни, будь она по милости богов совсем короткой.

— По милости для тех, кто ее окружает, ты это хотел сказать?

— Так многие говорят.

Вульфгар с улыбкой кивнул, и его искренняя усмешка была вызвана не только

отношением к Присцилле. Он прищурил ярко-голубые глаза и посмотрел на лорда Ферингала. Основное препятствие — несговорчивая леди Присцилла — исчезло с его дороги.

— Если бы Присцилла была в замке, как было совсем недавно, лорд Ферингал не осмелился бы уйти на ярмарку без жены. Он никогда не решался оставлять их вместе!

— А я думал, леди Меральда посетит караван даже раньше лорда, — заметил Вульфгар.

— Она придет, но не раньше, чем распустятся цветы. Вульфгар взглянул на парня с любопытством.

— Она посадила редкие тюльпаны, и они скоро должны зацвести, как я догадываюсь, — пояснил погонщик. — Так было и в прошлом году — она не спускалась на рыночную площадь две недели, пока не раскрылись белые лепестки. Это привело ее в самое подходящее для покупок настроение, тем более что она к тому времени уже знала о готовящемся отъезде леди Присциллы.

Погонщик весело засмеялся, но Вульфгар его не поддержал. Он смотрел поверх маленького мостика на островок, где стоял замок Аук, и пытался вспомнить расположение здания и определить, где могли находиться сады. А потом заметил ограждения, поставленные недавно на крыше одного из невысоких прямоугольных зданий замка. Вульфгар оглянулся на Ферингала, понял, что тот собирается уходить, и, убедившись, что ему ничто не грозит, приветливо кивнул погонщику и отправился искать более удобный наблюдательный пункт.

Немного погодя он получил ответ на свой вопрос — между перилами на плоской крыше здания мелькнула женская фигура.

Аукни ничто не угрожало. Поселение уже долгое время не тревожили никакие войны, и Вульфгар совсем не удивился, узнав, что стражники в этой мирной атмосфере совсем расслабились. Но даже и в этом случае варвар не мог придумать способ незамеченным перебраться через мост, а вода вокруг замка была слишком бурной и холодной, чтобы попытаться попасть на остров вплавь. Кроме того, на ближайшем берегу и вокруг замка скалы обрывались очень круто и прибой не дал бы подняться.

Он довольно долго слонялся вокруг моста, отыскивая решение проблемы, и уже смирился с тем, что будет проще дожидаться цветения тюльпанов и встретить леди Меральду на торговой площади. Этот вариант не слишком его устраивал, поскольку в таком случае он мог наткнуться и на лорда Ферингала, и на его свиту. Все было бы проще, если бы удалось поговорить с леди Меральдой наедине.

Однажды после полудня он сидел в ближайшей таверне и наблюдал за перемещениями стражников. Патрулирование проводилось не слишком регулярно, но мост был таким узким, что этого и не требовалось. Но вот по мосту из замка прогрехотала повозка, и Вульфгар поспешно поднялся.

Лиама Вудгейта в коляске не было. Ехал один дворецкий Темигаст.

Вульфгар почесал бороду, взвешивая все возможности, а потом, повинувшись только инстинкту — если бы он задумался, то вряд ли на такое решился, — подхватил Кэлси и выскочил на дорогу, выбрав подходящее место, где смог бы перехватить коляску, но не привлечь внимания стражников или кого-то из прохожих.

— Отойди немного в сторону, добрый торговец, — довольно дружелюбно попросил его Темигаст. — Мне надо продать несколько рисунков, и я хочу попасть на рыночную площадь до захода солнца. Ты же понимаешь, что для человека моего возраста тьма наступает слишком рано.

Вульфгар сбросил капюшон, открыв лицо, и улыбка на лице пожилого дворецкого тотчас растаяла.

— Ты никогда не перестанешь меня удивлять, Вульфгар, — сказал Темигаст.

— Ты хорошо выглядишь, — искренне отметил Вульфгар.

Седые волосы на голове дворецкого немного поредели, но в остальном прошедшие

годы пощадили Темигаста.

— А это?.. — спросил Темигаст, кивнув на Кэлси.

— Дочка Меральды.

— Ты с ума сошел? Вульфгар пожал плечами.

— Она должна быть с матерью, — сказал он.

— Этот вопрос был решен три года назад.

— Теперь пора его пересмотреть, — возразил Вульфгар.

Темигаст опустил на сиденье и задумчиво кивнул.

— Мне сказали, что леди Присцилла уехала отсюда, — заметил Вульфгар, и Темигаст не смог удержать улыбку — еще одно подтверждение тому, что Вульфгар правильно оценил дворецкого и тот ненавидел сестру правителя.

— К радости Аукни, — признал Темигаст.

Он закрепил поводья на сиденье и с неожиданной легкостью спустился с коляски, подошел к Вульфгару и протянул руки к Кэлси. Девочка сунула палец в рот и отвернулась, спрятав лицо на плече Вульфгара.

— Застенчивая, — произнес Темигаст. Кэлси украдкой взглянула на него, и дворецкий улыбнулся. — И у нее глаза матери.

— Это удивительный ребенок, и со временем она обязательно превратится в красивую женщину, — отметил Вульфгар. — Но она должна быть с матерью. Я не могу держать ее при себе. Я связан с землей, которая не подходит ребенку. Любому ребенку.

Темигаст окинул его долгим взглядом, очевидно не в силах решить, что он может предпринять.

— Я разделяю твое беспокойство, — сказал ему Вульфгар. — Я никогда не причинял зла леди Меральде и не имею таких намерений и сейчас.

— Но я присягал ее мужу.

— Надо быть законченным глупцом, чтобы отказаться от такого ребенка.

Темигаст помолчал.

— Все это довольно запутанно.

— Только потому, что леди Меральда до него любила другого человека, а Кэлси — живое тому напоминание.

— Кэлси, — повторил Темигаст, девочка еще раз взглянула на него, улыбнулась, и лицо дворецкого просияло. — Хорошее имя для хорошей девочки.

Переведя взгляд на Вульфгара, Темигаст снова стал серьезным.

— Что ты от меня хочешь? — негромко спросил он.

— Проведи нас к Меральде. Дай мне показать, какой красивой стала ее дочь. Она больше не захочет с ней разлучаться.

— А как быть с лордом Ферингалом?

— А стоит ли он твоей любви и преданности? Темигаст помедлил, обдумывая ответ:

— А как же Вульфгар?

Вульфгар пожал плечами, словно это было не важно. Учитывая его обязательства по отношению к Кэлси, это действительно было не важно.

— Если она захочет меня повесить, ей придется...

— Я не об этом, — перебил его Темигаст, кивнув на Кэлси.

Плечи Вульфгара опустились, и он тяжело вздохнул:

— Я знаю, что это правильно. Я знаю, что должен сделать, хоть этот шаг разобьет мне сердце. Но я надеюсь, что рана будет временной и все последующие месяцы и годы я стану утешаться мыслью, что поступил правильно, что дал Кэлси дом и шанс, принадлежащий ей по праву. Я не могу предоставить ей таких возможностей.

Кэлси смотрела на Темигаста и с обворожительной улыбкой следила за каждым его жестом.

— Ты твердо решил? Вульфгар выпрямился.

Темигаст оглянулся на замок Аук, на невысокое здание, где леди Меральда ухаживала

за своими цветами.

— Я буду возвращаться этой же дорогой вскоре после заката солнца, — сказал он. — В пустой коляске. Возможно, я бы мог отвезти вас к ней, но после этого я устраниюсь. Моя верность не принадлежит ни Вульфгару, ни даже Кэлси.

— Когда-нибудь это изменится, — сказал Вульфгар. — Я имею в виду, по отношению к Кэлси.

Девочка слишком очаровала Темигаста, чтобы он решился возражать.

Одной рукой Меральда легонько похлопала землю у основания стебля, а второй нежно коснулась гладких лепестков. Она знала: тюльпаны вот-вот расцветут, возможно даже сегодня ночью.

Меральда тихонько пела для них древнюю балладу о моряках и странниках, затерянных в волнах, как и ее первый возлюбленный, так и не вернувшийся из моря. Она не помнила все слова, но вряд ли это имело значение. Меральда мурлыкала, заполняя пробелы в стихах, и баллада звучала ничуть не хуже.

Но шлепок по камню прервал ее пение, и женщина резко выпрямилась и отпрянула, заметив над стеной концы лестницы. А потом всего в десяти футах от нее на садовую стену легла большая ладонь.

Нарушитель поднялся над краем стены, и женщина, отбросив с лица густые черные волосы, прищурила глаза.

— Кто ты? — твердо спросила она, снова отступив назад и не обратив внимания на его молчаливую просьбу соблюдать тишину. — Стража! — крикнула Меральда и хотела повернуться, чтобы убежать.

Но мужчина зашевелился, над стеной поднялась его вторая рука, и женщина замерла, словно превратилась в еще одно растение, крепко державшееся за землю корнями. Второй рукой мужчина поднял хорошенькую девочку.

— Вульфгар? — Меральда пошевелила губами, но дыхание у нее перехватило и голос пропал.

Он опустил девочку за ограждением, и Кэлси застенчиво отвернулась от Меральды. Вульфгар оперся обеими руками о стену и сам приземлился рядом с ребенком. Девочка обняла его ногу одной рукой, а вторую поднесла ко рту, все так же отворачиваясь.

— Вульфгар? — снова спросила Меральда.

— Па! — просительно воскликнула Кэлси и потянулась к Вульфгару обеими руками.

Он поднял ее, посадил к себе на бедро, а потом стянул с головы капюшон, открыв лицо.

— Леди Меральда, — произнес он.

— Ты не должен сюда приходить! — воскликнула Меральда, но выражение глаз противоречило ее словам, она не мигая смотрела на девочку, на свою дочь.

Вульфгар покачал головой:

— Я слишком долго отсутствовал.

— Мой муж не согласится.

— Это решать не ему и не мне, — возразил Вульфгар, и его спокойный уверенный голос приковал внимание Меральды. — Все дело в ней, в твоей дочери.

Меральда покачнулась, и Вульфгар почувствовал, что даже легчайший ветерок способен сбить ее с ног.

— Я пытался быть ей хорошим отцом, — объяснил он. — Я даже отыскал женщину, чтобы она стала ей матерью, но она погибла, убита орками. Но я знаю, что все это напрасно.

— Я никогда не просила...

— Этого требовали поступки твоего мужа, — напомнил ей Вульфгар, и она умолкла, снова обратив взгляд на застенчивую девочку, прятавшую лицо на сильном плече ее па.

— Мой путь слишком опасен, — продолжал Вульфгар. — Слишком тяжел для такой, как Кэлси.

— Кэлси? — повторила Меральда. Вульфгар только пожал плечами.

— Кэлси... — тихо произнесла женщина, и девочка на короткий миг показала лицо и робко улыбнулась.

— Она должна жить с матерью, — сказал Вульфгар. — С ее настоящей матерью.

— А я думал, ее отец захочет воспитать ее как принцессу Долины Ледяного Ветра! — последовал резкий ответ, и все трое оглянулись на вошедшего лорда Ферингала.

Мужчина явно обращался к своей жене, но в то же время он с ненавистью поглядывал на Вульфгара.

Варвар вопросительно взглянул на Меральду, но на ее лице прочитал только испуганное изумление. Вульфгар попытался определить, какое направление примет теперь разговор, но Меральда неожиданно проявила инициативу.

— Кэлси не его ребенок, — сказала правительница Аукни. Она схватила Ферингала за руки и заставила смотреть ей в глаза. — Вульфгар никогда не прикасался...

Не успела она договорить, как лорд Ферингал освободил одну руку и поднес палец к ее губам. Кивком он дал ей знать, что все понял.

Он все знал, одновременно поняли и Вульфгар, и Меральда. Ферингал знал, что Вульфгар не был отцом ребенка и не было никакого изнасилования.

— Я увез ее, чтобы защитить твою жену... и тебя, — произнес Вульфгар, пока Ферингал и Меральда пристально смотрели друг другу в глаза.

Ферингал бросил в его сторону хмурый взгляд, но Вульфгар только пожал плечами.

— Я должен был защитить ребенка, — пояснил он.

— Я бы не... — заговорил Ферингал, но остановился и покачал головой, а затем обратился к Меральде. — Я бы не причинил ей никакого вреда, — договорил он, и Меральда кивнула.

— Я бы не жила с тобой в браке и не родила бы тебе наследника, если бы думала иначе, — спокойно ответила она.

Глядя на Вульфгара, Ферингал снова нахмурился.

— Что тебе нужно, сын Долины Ледяного Ветра? — холодно спросил он.

Легкий шорох в стороне подсказал Вульфгару, что правитель Аукни пришел в сад не один. В тени стражники ждали его знака, чтобы ринуться вперед и защитить своего повелителя.

— Я хочу сделать то, что считаю правильным, лорд Ферингал, — ответил он. — Раньше я поступал, как считал нужным, но с тех пор прошло несколько лет.

Он пожал плечами и кивнул в сторону Кэлси, и мысль о предстоящей разлуке отозвалась в его сердце болью. Ферингал продолжал молча смотреть на него.

— Этот ребенок, Кэлси, дочь Меральды, — продолжил Вульфгар. — Я не отдам ее следующей приемной матери, не выяснив сначала желания Меральды.

— Желания Меральды? — повторил Ферингал. — А разве я не имею права голоса?

Сразу после его слов леди Меральда дотронулась рукой до его щеки и повернула к себе.

— Я не могу, — прошептала она.

Правитель Аукни снова поднял палец, заставляя ее молчать, и повернулся к Вульфгару.

— В этот момент на тебя нацелена дюжина луков, — заметил он. — И еще дюжина стражников готова изрубить тебя на куски — среди них и Лиам Вудгейт, а тебе известно, как сильно он не любит Вульфгара из Долины Ледяного Ветра. Я предупреждал, чтобы ты не возвращался в Аукни под страхом смерти.

На лице Меральды отразился ужас, а Вульфгар расправил плечи. Инстинкт подсказывал ему не пренебрегать угрозой и вызвать магический Клык Защитника, чтобы понятно объяснить напыщенному Ферингалу, что при любом исходе схватки он, Ферингал, погибнет первым.

Но Вульфгар сдержал готовые вырваться слова и обуздал свою гордость. Выражение лица Меральды и Кэлси, цеплявшейся за плечо, помогли понять, что недопустимо и дальше накалять ситуацию и приводить угрозы в действие.

— Ради девочки я позволяю тебе уйти, и побыстрее,— сказал Ферингал, и от его слов и Вульфгар, и Меральда широко распахнули глаза. Правитель Аукни раздраженно махнул рукой. — Уходи, мерзкий глупец! Перелезай через стену и убирайся. Мое терпение вот-вот лопнет, и тогда за тобой бросится весь Аукни.

Вульфгар несколько мгновений смотрел на него, потом повернул голову к Кэлси.

— Оставь девочку! — громко, чтобы слышали все остальные, потребовал Ферингал. — Она останется здесь в качестве принцессы Долины Ледяного Ветра, и никак иначе. Я требую оставить ее в Аукни, и по крови она принадлежит Меральде, но за это Вульфгар должен пообещать, что племена Долины Ледяного Ветра никогда не посягнут на мои владения.

Вульфгар несколько секунд обдумывал его слова и недоверчиво качал головой. Когда ему все стало ясно, он отвесил короткий поклон изумленному лорду Ферингалу.

— Твоя вера в мужа и твоя любовь к нему не напрасны, — тихо сказал он Меральде.

А потом ему захотелось расхохотаться во весь голос и одновременно заплакать, поскольку он никак не ожидал увидеть, насколько изменился напыщенный правитель уединенного городка.

Но ни радость Вульфгара, убедившегося, что он поступает правильно, ни благородство Ферингала не могли облегчить цену, которую ему предстояло заплатить.

Вульфгар отстранил Кэлси на длину вытянутой руки, потом снова прижал к себе, крепко обнял и зарылся лицом в ее мягкие волосы.

— Вот твоя мама, — прошептал он, сознавая, что девочка еще не скоро это поймет. — Твоя ма всегда будет тебя любить. И я буду тебя любить.

Он еще крепче сжал девочку в объятиях, поцеловал ее в щеку. Потом резко выпрямился и коротко кивнул Ферингалу.

Боясь передумать и уступить мольбам разрывающегося сердца, Вульфгар передал Кэлси Меральде, и та бережно взяла девочку на руки. Он даже не подошел к ней, когда Кэлси с жалобным криком «Па! Па!» протянула вслед ему руки.

Вульфгар сморгнул слезы и перепрыгнул через ограждение. Пролетев пятнадцать футов, он приземлился на траву и бросился бежать не останавливаясь, пока не миновал ворота Аукни.

На бегу каждый шаг отдавался в его ушах отчаянным «Па! Па!».

— Ты все сделал правильно, — твердил он самому себе, но едва ли в это верил.

Оглянувшись на замок Аук, он почувствовал, что предал единственного во всем мире человека, который ему доверял и которому он был больше всего нужен.

Глава 22

Практическая этика

В полной уверенности, что поблизости нет ни одного орка, поскольку их топот доносился с дальнего склона, Тос'ун Армго устроился на природном сиденье из двух камней. Возможно, сиденье и не было природным, размышлял дроу. Камни стояли посреди маленькой лужайки под сенью вечнозеленых деревьев, а их края были слегка закруглены. Вероятно, кто-то из прежних обитателей соорудил этот гранитный трон. На полянке вокруг валялось множество других камней, но положение только этих двух — сиденья и спинки — оказалось чересчур удобным.

Кто бы и по какой бы причине ни составил камни в трон, Тос'уну понравилось и само сиденье, и открывающийся с него вид. Он был существом из лишнего света Подземья, где не сияли даже звезды и ни один потолок не казался слишком высоким или далеким, будь это даже граница между мирами или барьер между уровнями. Полог, парящий над ним каждую ночь, находился далеко за пределами его воображения, а за ним таились дали, о существовании которых он не мог и догадываться. Тос'ун был дроу, причем мужчиной-дроу, а следовательно, его роль в этой жизни изо дня в день жестко ограничивалась повседневными проблемами выживания. Таким образом, его цели были не всегда четкими и

основывались на элементарной необходимости, а вот ограничения оставались кристально ясными — стены, окружающие Дом, и пещера Мензоберранзана. На протяжении всей жизни Тос'ун ощущал пределы своих стремлений так же отчетливо, как потолок каменной пещеры Мензоберранзана.

Эти ограничения и послужили одной из причин, по которой он отрекся от своего Дома по пути к Мензоберранзану после сокрушительного поражения от воинов Боевого Топора из Мифрил Халла. Кроме того, что после такой катастрофы неизбежно должен был последовать хаос, да еще после гибели матроны Ивоннель Бэнр, Тос'ун понял, что его роль определена заранее и не зависит от каких бы то ни было перестановок, неизменно сопровождавших любые беспорядки. Возможно, ему суждено погибнуть в междоусобице между Домами — благородное происхождение увеличивало его цену в качестве трофея для вражеских воинов. А поскольку его мать не особенно о нем беспокоилась, Тос'уну суждено было оставаться на передовых рубежах любых сражений. И даже если бы он выжил, даже если бы Дом Баррисон Дель'Ар-мго воспользовался уязвимостью лишившегося матроны Дома Бэнр и достиг верхней ступени в иерархии Мензоберранзана, жизнь Тос'уна текла бы по-прежнему и надеяться на перемены не стоило.

Вот потому он воспользовался первой же возможностью и сбежал, хотя и не преследовал никаких определенных целей, не имел ни мечты, ни особых амбиций.

«Тогда почему я сбежал?» — размышлял Тос'ун, сидя под звездами.

Ты станешь королем, — посулил ему прозвучавший в голове голос, нарушив раздумья дроу.

Без единого слова, едва ли даже задумавшись, дроу вскочил с каменного трона и сделал несколько шагов по лужайке. Еще недавно здесь все было покрыто глубоким снегом, но теперь снег растаял, обнажив рыхлую вязкую землю. Остановившись неподалеку от трона, Тос'ун отстегнул пояс с мечом, положил его на землю, а потом вернулся в кресло и откинулся назад, позволив своим мыслям рассеяться по причудливым пятнам света и тени.

— Почему я бежал? — тихо произнес он. — Чего хочу? Он вспомнил о Каэрлик, Доннии и Ад'ноне — троице дроу, к которым присоединился после недельных бесцельных скитаний. Проведенное с ними время доставило ему немалое удовольствие. Он ощутил возбуждение от начала войны — чужой войны, и это понравилось ему больше всего. Это была остроумная и занимательная забава, но только до тех пор, пока свирепый король Обальд не вырвал горло у Каэрлик Суун Уэтт, а Тос'уну пришлось бежать, чтобы спасти свою жизнь.

Но и это возбуждение, и ощущение власти над судьбой целой армии орков, нескольких поселений людей и королевства дворфов не имело ничего общего с желаниями самого Тос'уна, он даже не представлял себе ничего подобного, пока сложившаяся ситуация не открыла перспективу перед ним и его тремя сообщниками.

В этот момент откровения, сидя под непривычным для жителя Подземья древесным пологом, он многое понял. Из Дома Баррисон Дель'Армго его вырвало не какое-то определенное желание. Он просто захотел избавиться от его границ, получить возможность мечтать, какая бы мечта ни посетила его голову. И Тос'ун, и остальная троица — даже Каэрлик, несмотря на ее поклонение Королеве Ллос, — бежали к свободе, и их бегство не имело других причин, кроме стремления отринуть жесткие рамки общества дроу.

Ирония последней мысли заставила Тос'уна выпрямиться и несколько раз удивленно моргнуть.

— Жесткие рамки общества дроу, — произнес он вслух, просто чтобы острее ощутить иронию.

Ведь общество дроу было густо опутано тенетами богини Ллос, Паучьей Королевы, демонической королевы хаоса.

— Значит, хаос контролируется, — сделал он вывод, сопровождая его язвительным смехом.

Но смех быстро оборвался, едва Тос'ун заметил в кустах какое-то движение.

Не отрывая взгляда от этой точки, он скатился с каменного кресла и тотчас твердо встал на ноги, пригнувшись за камнем. На фоне темных стволов деревьев появилась туманная фигура — силуэт громадной черной кошки.

Дроу прикинул путь до ближайшего к оставленному мечу камня и приготовился к броску, но пока остался на месте, не желая привлекать к себе внимание хищника.

Уже в следующее мгновение он выпрямился и моргнул — огромная кошка, едва появившись, стала уменьшаться, превратилась в темный туман и рассеялась без следа. На секунду Тос'ун задумался, не было ли видение плодом его собственного воображения, разыгравшегося в этом странном месте, под небом, к которому он так и не смог привыкнуть.

Как только он осознал истинную сущность зверя и вспомнил о его происхождении, Тос'ун выскочил из-за камня, рванулся вперед в кувырке через голову, подхватил меч и успел застегнуть пояс, еще даже не встав на ноги.

«Кошка Дзирта!» — безмолвно вскричал он.

Могу поклясться, это она! — раздался непрошенный и не требующий ответа вопль неугомонного меча. — *Нам предстоит славная победа!*

Тос'ун только поморщился от этой мысли.

«Во имя Ллос...» — бросил он мечу, вспоминая опасения Каэрлик относительно Дзирта До'Урдена.

Одна только мысль о схватке с отступником из Мензоберранзана приводила жрицу в ужас. Она не без причин опасалась, что несчастья, привлеченные Дзиртом на город дроу, были отголоском хаоса, столь угодного Королеве Ллос. А если учесть его неизменную удачу и почти сверхъестественное владение мечами, мысль о тайной благосклонности к нему Паучьей Королевы казалась не такой уж и абсурдной.

А Тос'ун, при всей его непочтительности, не мог не знать, что противодействие воле Ллос неизменно влечет за собой страшную гибель.

Меч получил доступ ко всем этим мыслям и некоторое время хранил несвойственное ему молчание. По правде сказать, Тос'уну казалось, что вокруг стало слишком тихо. Он напряженно вглядывался в сосны, где недавно увидел кошачий силуэт, и не отрывал ладоней от рукояти Хазид-Хи и второго меча, изготовленного мастерами-дроу. С каждой секундой он все глубже погружался в мрак. Его зрение, слух, обоняние — все чувства были обращены на ту точку, где исчезла громадная кошка, и он отчаянно пытался понять, куда она делась.

И когда сзади кто-то заговорил на языке дроу с превосходным произношением уроженца Мензоберранзана, он чуть не выпрыгнул из своих низких и мягких башмаков.

— Гвенвивар устала, и я отослал ее домой, отдохнуть.

Тос'ун вихрем развернулся и рассек клинками воздух, как будто и впрямь ожидал, что этот дьявол Дзирт стоит прямо за его спиной.

Проклятый дроу находился на расстоянии нескольких шагов и держался довольно свободно — он не обнажил оружие, и ладони спокойно касались рукоятей мечей.

— Ты носишь великолепный меч, сын Дома Барри-сон Дель'Армго, — сказал Дзирт, кивнув на Хазид-Хи. — Это не работа дроу, но все же отличное оружие.

Тос'ун повернул руку, на мгновение перевел взгляд к мыслящему мечу, потом снова обратился к Дзирту:

— Я нашел его в ущелье...

— Под тем выступом, где я сражался с королем Обальдом, — закончил за него Дзирт, и Тос'ун кивнул.

— Ты пришел за ним? — спросил Тос'ун, и в его мозгу вспыхнули мысли Хазид-Хи, предвкушающего схватку.

Бросайся на него и изруби на куски! Я напьюсь крови Дзирта До'Урдена!

Дзирт заметил недовольное выражение лица Тос'уна и понял, что за гримасой кроется высказывание Хазид-Хи. Дзирт сам довольно долго владел этим назойливым мечом и понимал, что его самомнение не позволит остаться в стороне от любого разговора. Манера Тос'уна отвечать, словно он прислушивался к отзвуку собственного голоса, отражавшегося

от каменной стены, выдавала постоянное вмешательство вездесущего Хазид-Хи.

— Я пришел взглянуть на возникшее любопытное явление, — ответил Дзирт. — На сына Баррисон Дель'Армго, живущего на поверхности в полном одиночестве.

— Как и ты сам.

— Едва ли, — посмеиваясь, сказал Дзирт. — Я не связываю с привычкой одиночества имя своего Дома, так же как и родственные отношения с Домом матроны Малис.

— Я тоже порвал со своим Домом, — настаивал Тос'ун, все так же оставаясь напряженным.

Дзирт не собирался спорить по этому поводу, поскольку это было похоже на правду. Однако причины, побудившие Тос'уна порвать с влиятельным и могущественным Домом, могли быть какими угодно и не подтверждали его невиновность.

— Значит, сменил службу Верховной Матери на службу королю, — заметил Дзирт. — По-видимому, это касается нас обоих.

Какой бы ответ ни приготовил Тос'ун, он его не высказал, а наклонил голову набок, словно прислушиваясь. Дзирт не скрывал многозначительной усмешки.

— Я не служу ни одному из королев, — решительно заявил Тос'ун с бесспорной убежденностью в голосе, что исключало вмешательство нахального меча.

— Обальд именует себя королем.

Тос'ун покачал головой, и его губы скривила усмешка.

— Ты отрицаешь собственное участие в заговоре, заставившем Обальда двинуть свои силы на юг? — спросил Дзирт. — Я ведь успел поговорить на эту тему с твоими погибшими компаньонами. Или ты не признаешь своего партнерства с той парой, которую я убил? Вспомни, я видел, что перед моим поединком с Обальдом ты стоял рядом со жрицей.

— А куда мне, бездомному отступнику, было деваться? — воскликнул Тос'ун. — Я наткнулся на эту троицу во время скитаний. Я был одинок, без всякой надежды, и они предоставили мне убежище, так что я не смог отказаться. Мы не нападали на твоих дворфов, равно как и на людские поселения.

— Вы подтолкнули Обальда и навлекли несчастья на всю эту землю.

— Обальд без всяких толчков с нашей стороны — вернее, со стороны этих троих, поскольку я тогда еще не был с ними, — спустился на юг со своими тысячами.

— Ничего другого ты и не мог сказать.

— А я так и говорю. Я не служу королю орков, и я бы убил его, если бы представился такой шанс.

— Ничего другого ты и не мог сказать.

— Я видел, как он разорвал шею Каэрлик Суун Уэтт! — заорал Тос'ун.

— А я убил двух других твоих друзей, — быстро напомнил ему Дзирт. — Выходит, ты бы и меня убил, если бы представился шанс.

Эти слова заставили Тос'уна замолчать, но только на миг.

— Не совсем так, — ответил он.

И сразу же поморщился от очередного окрика Хазид-Хи:

Не позволяй ему первым нанести удар! Меч не прекращал попыток заставить Тос'уна ринуться вперед и обезглавить Дзирта, но дроу продолжил:

— Ни у Обальда, ни у вонючих орков нет чести. Это просто *иблиты*.

И опять Дзирт почувствовал, что Хазид-Хи подталкивает Тос'уна. Он сделал небольшой шаг вперед и слегка повернулся вправо, так как Хазид-Хи был в правой руке.

— Может, ты и прав в своих оценках, — ответил Дзирт. — Но и в твоих друзьях я не обнаружил особого благородства, перед тем как их убить.

Он почти ожидал, что эти слова вызовут нападение, и осторожно сжал рукояти своих мечей, но Тос'ун не двинулся с места.

Он просто стоял и дрожал, ведя внутреннюю борьбу с кровожадным мечом, как подозревал Дзирт.

— Орки опять предприняли атаку, — заметил Дзирт изменившимся тоном, вспомнив о

гибели Инновиндиль. — Они напали на Лунный Лес, потом на дворфов.

— Это давняя вражда, — отмахнулся Тос'ун, словно новости его ничуть не удивили и он ничего другого не ожидал.

— Их подталкивают те, кто наслаждается хаосом, вернее, служит королеве демонов, стремящейся весь мир погрузить в хаос.

— Нет, — спокойно ответил Тос'ун. — Нет, если все это ты говоришь обо мне.

— А в этих местах есть другие дроу?

— Нет и нет, — настаивал Тос'ун.

— Ничего другого ты не можешь сказать.

— Я сражался рядом с эльфами из Лунного Леса.

— Почему бы и нет. Помогая силам хаоса? Я сомневаюсь, чтобы ты желал успеха какой-нибудь из сторон, если это не согласуется с намерениями самого Тос'уна.

Дроу упрямо покачал головой.

— А в Лунном Лесу, — продолжал Дзирт, — нападение орков было слишком хорошо продумано и отличалось согласованностью, чего невозможно было ожидать от банды тупоумных отродий — гоблинов.

Едва прозвучали последние слова, как в руках Дзирта сверкнули мечи, словно материализовались из воздуха, такими быстрыми и плавными были его движения. Он снова немного повернулся, напоминая себе, что Тос'ун был воином-дроу и учился в Милли-Магтире, скорее всего, под руководством легендарного Утегенталя. Воины Дома Баррисон Дель'Армго славились своей свирепостью и прямыми атаками. Тос'ун был опасным противником, и Дзирт ни на минуту не забывал, что за меч у него в руке.

Дзирт качнулся вправо, стараясь вынудить Тос'уна использовать Хазид-Хи для коротких ударов. Этот меч обладал такой мощью, что при хорошем размахе, вероятно, мог разрубить один из клинков Дзирта.

— Среди орков появился новый генерал, очень хитрый и изобретательный, — ответил Тос'ун, хотя его лицо подергивалось при каждом слове.

Дзирт догадался, что дроу спорит с навязчивыми призывами меча. Такое очевидное подтверждение внутренней борьбы вызвало у Дзирта сомнения. Если предположения Дзирта верны, зачем этому дроу спорить с кровожадным мечом? Но эта мысль даже не успела до конца оформиться, как Дзирт снова вспомнил об Инновиндиль, и его лицо стало мрачнее тучи. Он взмахнул мечами, испытывая острое желание отомстить за погибшего друга.

— Такой же хитрый, как воин, воспитанный в Милли-Магтире? — спросил он. — Такой же изобретательный, как уроженец Мензоберранзана? И ненавидит эльфов так же сильно, как их ненавидят дроу?

На все обвинения Тос'ун только качал головой.

— Я дрался рядом с эльфами, — повторил он.

— А потом обманул их и бежал — бежал, выведав их тактику.

— Я никого не убил уходя, хотя мог бы...

— Ты для этого слишком хитер, — перебил его Дзирт. — Ничего другого от сына Дома Баррисон Дель'Армго я и не ожидал. Ты знал, что, убив кого-то из них, выдашь свое предательство и эльфы будут ожидать нападения.

— Это не так, — настаивал Тос'ун, беспомощно качая головой. — Никто...

Он замолчал и поморщился, так как в его мысли опять вмешался Хазид-Хи:

Он отнимет у тебя меч своей подружки! А без меня твоя ложь не выдержит испытания эльфийских жрецов. Они узнают все, что у тебя на душе.

Тос'ун обнаружил, что ему трудно дышать. Он угодил в ловушку, какой не мог себе даже представить. Он столкнулся с врагом, которого не мог победить. И не мог от него убежать, как Дзирт убежал от Обальда.

Убей его! С моей помощью твоя рука не дрогнет, и Дзирт будет побежден. Принеси его голову Обальду!

— Нет! — вслух закричал Тос'ун, испытывая столь сильное отвращение к королю

орков, что его эмоции дошли до меча.

Дзирт понимающе улыбнулся.

Тогда доставь его голову в Мензоберранзан, — предложил меч, но разум Тос'уна вновь воспротивился, поскольку он не хотел возвращаться в город дроу и бродить по опасным тоннелям Подземья.

Но запас аргументов у меча не иссякал: *Предложи Дзирту дружбу Мензоберранзана. Он даст тебе воинов, чтобы они охраняли тебя в городе, а там ты предашь их и займешь свое место как герой Мензоберранзана.*

Тос'ун крепче сжал рукояти обоих мечей и задумался над предложением Хазид-Хи относительно Дзирта. Раньше чем Хазид-Хи снова начал с ним спорить, он успел прийти к собственному заключению. Предположение Каэрлик о благосклонности Ллос к Дзирту всегда вызывало у него подозрения и казалось абсурдным, а этот стоящий перед ним воин представлял бесспорно реальную угрозу.

А Дзирт все так же наблюдал за ним и угадывал большую часть страхов и эмоций, пронизывающих мысли Тос'уна, так что, когда сын Дома Баррисон Дель'Ар-мго бросился в атаку, мечи легко и быстро поднялись и скрестились перед Дзиртом.

Тос'ун реализовал двойной выпад, при котором Хазид-Хи и второй меч были направлены вдоль оси защиты Дзирта. Но Дзирт широко развел руки в стороны, используя прием обороны, и каждый из его клинков отвел по одному лезвию Тос'уна.

Настала очередь Дзирта, и он решил воспользоваться преимуществом изогнутых лезвий. Обычный фехтовальщик на его месте попытался бы провести ответный удар, но ожидавший этого Тос'ун быстро устранил бы любую угрозу. Поэтому Дзирт повернул свои мечи вокруг клинков Тос'уна, используя их кривизну для более полного контакта, чтобы отвести оружие как можно резче и, возможно, вывести противника из равновесия, а потом быстро реализовать смертельный удар.

Но Хазид-Хи...

Тос'ун ответил сильным нажатием мощного меча на рукоять оружия Дзирта, и невообразимо острое лезвие врезалось в металл, остановив движение Дзирта. Правой рукой Тос'ун продолжал давить, а левую руку немного отвел в сторону, так что превосходно сохранял равновесие и высвобождал левый меч из захвата.

Увидев повреждение, Дзирт внезапно изменил угол атаки и направил Ледяную Смерть, меч правой руки, не вперед, а поперек, хотя и сам при этом немного качнулся вперед. А Сверкающий резко и сильно опустил вниз, отведя от ужасного лезвия Хазид-Хи, чтобы смертоносный клинок не отсек половину крестовины. Тос'ун следовал его движениям, пока мечи не разъединились, а потом, как и следовало ожидать, бросился на Дзирта, и Ледяная Смерть в последний миг преградила путь его оружию, ударила в лезвие Хазид-Хи и высекла цепочку искр.

Но Дзирт при этом оказался вполоборота к противнику, и тот сделал выпад, намереваясь погрузить клинок в незащищенный бок.

Из-под второй руки Дзирта внезапно вылетел Сверкающий и почти сорвал атаку. Дзирт внезапно развел мечи, так что Ледяная Смерть ударила наискось, а Сверкающий с такой же стремительностью отбил Хазид-Хи. Тос'ун отскочил назад, Дзирт тоже, и оба противника стали кружить по поляне, примеряясь к силам друг друга.

Дзирт понимал, что Тос'ун оказался прекрасным фехтовальщиком, лучше, чем он ожидал. Он бросил быстрый взгляд на мечи: в том месте, куда ударил Хазид-Хи, появилась свежая царапина на Сверкающем и на безупречно блестящей поверхности Ледяной Смерти тоже виднелась отметина.

Тос'ун ринулся вперед, провел серию стремительных обманных выпадов левой рукой, а затем закончил атаку несколькими сильными ударами Хазид-Хи. С каждым ударом он продвигался вперед, вынуждая Дзирта не уклоняться, а блокировать выпады. При каждом столкновении своих мечей с Хазид-Хи Дзирт морщился, опасаясь, что чудовищное оружие может рассечь его клинки.

Он сознавал, что не в состоянии действовать так же, как Тос'ун. Против Хазид-Хи такой прием был опасен. Не мог он и полностью уйти в защиту, как обычно поступал в поединках с чрезмерно агрессивными учениками Утегенталя, чтобы необузданная ярость измотала Тос'уна.

Дзирт дождался, пока серия ударов Хазид-Хи закончится, и прыгнул вперед, вращая высоко поднятыми мечами, так что клинки сливались в одно расплывчатое пятно. Мечи попеременно взлетали и падали, металась то влево, то вправо и беспрестанно атаковали Тос'уна с разных сторон.

Защита Тос'уна стала зеркальным отражением движений Дзирта, его оружие с той же быстротой замелькало в воздухе, клинки повторяли каждый поворот и отбивали каждый выпад.

Дзирт усилил натиск и перешел на короткую дистанцию, чтобы не дать Тос'уну ударить Хазид-Хи со всего размаху. Главным преимуществом противника он считал мощь и злобную волю этого меча, и без него Дзирт, побеждавший величайших фехтовальщиков Мензоберранзана, мог одержать победу.

Но Тос'ун выдерживал натиск и как будто предвидел каждое его движение, он даже умудрился провести несколько быстрых контрударов, сбивавших Дзирта с ритма. Один такой выпад заставил Дзирта отпрыгнуть назад, иначе он рисковал получить укол в живот. Изумленный таким отпором, Дзирт удвоил усилия: его взмахи стали еще шире и углы атаки менялись еще резче.

Он нанес подряд три четких удара, направленных на левое плечо Тос'уна, при звоне последнего столкновения мечей внезапно развернулся, слегка пригнувшись, так что оба его клинка взлетели к левому плечу врага. Дзирт ожидал блокирующего движения Хазид-Хи, но Тос'ун тоже успел повернуться и защитился мечом дроу, а Хазид-Хи быстрым броском назад и вниз метнулся к правому плечу Дзирта.

Он пригнулся, избежав основного удара, но все же ощутил, как кончик лезвия скользнул по его лопатке, оставив длинную и болезненную царапину. Дзирт выпрямился и разорвал контакт, но тут же снова бросился кувырком вперед и вскочил на ноги уже лицом к лицу с Тос'уном.

Наступила очередь Тос'уна, и он стремительно атаковал, чередуя колющие и рубящие удары, вертелся волчком, но ни на мгновение не терял равновесия и двигался с непостижимой скоростью.

Дзирт, не обращая внимания на боль и теплую струйку, спускавшуюся по правой стороне спины, отвечал с той же ловкостью и парировал сыплющиеся со всех сторон удары. Мечи сталкивались настолько часто, что звон лезвий сливался в один долгий вибрирующий звук. При каждом ударе Хазид-Хи Дзирт действовал крайне осторожно и слегка отводил свой меч назад, как будто пытался поймать клинком яйцо и не разбить скорлупу. Это требовало лишних усилий, времени и внимания и лишало его возможности провести контратаку.

Они продолжали кружить по тенистой лужайке. Тос'ун не выказывал никаких признаков усталости, усиливал натиск и с каждым ударом действовал все более уверенно.

И Дзирт должен был признать, что он имеет на это право. Тос'ун двигался с такой плавной фацией и ловкостью, так блестяще владел оружием, что Дзирт понял: он позволил Хазид-Хи сделать то, в чем сам Дзирт ему всегда отказывал. Тос'ун позволил мечу заполнить свои мысли и следовал инстинкту Хазид-Хи, словно своему собственному. Они объединились и дополняли друг друга, меч и его обладатель слились в одно целое.

Хуже того, Дзирт понимал, что после того, как он использовал меч в бою против Обальда, Хазид-Хи знает его, предугадывает его движения, как предугадывают их самые близкие влюбленные.

Дзирт едва не вздрогнул от ужаса, догадавшись, как легко Тос'ун отреагировал на его кувырок и второй удар после перекрестного движения мечами. А потом он понял, в какое затруднительное положение попал: при таком взаимодействии Тос'уна и меча он не сможет

нанести смертельный удар. Хазид-Хи не то чтобы читал его мысли, но в значительной мере изучил тактику Дзирта До'Урдена. Похоже, что Тос'ун полностью полагался на указания Хазид-Хи, — меч и искусный фехтовальщик-дроу образовали смертельно опасный симбиоз знания и инстинкта, опыта и понимания.

Дзирт на мгновение пожалел, что отпустил Гвенвивар отдыхать после того, как она вывела его на Тос'уна Армго.

Но только на мгновение, поскольку Тос'ун и Хазид-Хи снова ринулись в атаку и предаваться сожалениям было некогда. Дроу одновременно провел двумя мечами колющие удары сверху и снизу, мгновенно крутанул клинки перед собой и сразу же перешел к рубящим выпадам слева.

Дзирт стал отступать перед натиском Тос'уна. Он парировал приблизительно половину самых опасных движений и ловко уклонялся от остальных ударов дроу. Он даже не контратаковал и позволял Тос'уну теснить себя, отчаянно пытаясь найти разгадку и разрушить союз воина-дроу и могущественного меча.

Шаг назад, парируя удар с плеча. Еще шаг назад, и Дзирт понял, что скоро ему будет некуда отступать и каменный трон уже совсем близко. Он усилил защиту и замедлил отступление, тщательно соразмеряя шаги, пока не почувствовал ногой массивное основание гранитного кресла.

Тос'ун тоже понял, что противнику некуда деваться, и еще агрессивнее устремился вперед, реализуя двойной колющий удар снизу. Этот маневр удивил Дзирта, но он опустил скрещенные мечи и парировал выпад обманным движением, когда его клинки прошли поверх оружия противника. Дзирт давно узнал разгадку этого приема, а до этого ни один обороняющийся фехтовальщик не мог надеяться на преимущество в поединке с дроу.

Вероятно, что Тос'уну это тоже было известно, решил Дзирт, приступив ко второй стадии ответного маневра. Он ударил ногой поверх своих скрещенных мечей, и, когда Тос'ун отреагировал, в голове Дзирта созрел импровизированный план.

Со стороны могло показаться, что он целится Тос'уну в лицо, и дроу отпрянул назад и поднял мечи, собираясь немедленно атаковать стоящего на одной ноге Дзирта и вывести его из равновесия.

Но Дзирт укоротил удар, который в лучшем случае мог лишь скользнуть по лицу Тос'уна, а затем изменил направление движения и использовал толчок его мечей снизу вверх, чтобы усилить бросок. Дзирт подпрыгнул вверх и в воздухе сложился пополам, перевернулся через голову и легко приземлился на сиденье каменного трона. Зато Тос'ун, лишившись опоры, после этого качнулся назад и даже на шаг отступил.

Как истинный Армго, Тос'ун с ревом бросился вперед и попытался провести горизонтальный удар, но Дзирт просто перепрыгнул сверкнувшие лезвия. Положение наверху давало Дзирту преимущество, однако Тос'ун старался восполнить его своей агрессивностью и сбросить дроу с трона, яростно атакуя обоими клинками. Один из сильнейших ударов просвистел почти вплотную, но Дзирт отклонился назад, и Хазид-Хи резко ударил по каменному трону. Меч с треском и искрами рассек камень, оставив в нем глубокую царапину.

— Я не позволю тебе победить и не позволю убежать! — крикнул в этот момент Дзирт, видя, что камень, хотя и не остановил меч, все же нарушил ритм движений Тос'уна.

Дзирт стал атаковать, обрушив на Тос'уна град прямых и мощных ударов сверху, используя преимущество высоты и вкладывая массу своего тела в каждый удар. Тос'ун не сдавался и не хотел отступать, хотя непрерывные удары сыпались на его поднятые мечи, так что запястья начали неметь. Но Дзирт заставлял его снова и снова менять положение клинков, варьируя угол атаки, так что дроу уже не чувствовал под собой ног. Наконец он, пошатнувшись, шагнул назад, но Дзирт не отставал, он спрыгнул с сиденья трона и использовал инерцию падения для мощного рубящего выпада, едва не выбившего мечи из рук Тос'уна.

— Я не позволю тебе победить! — снова крикнул Дзирт.

Вместе со словами он выплеснул всю свою ненависть, и поперечный удар слева Ледяной Смертью отбросил меч дроу далеко в сторону. В этот момент Дзирт мог бы завершить схватку, поскольку Сверкающий движением вперед и вбок удерживал Хазид-Хи слишком далеко для отражения второго удара Ледяной Смерти, и этот меч готов был колющим броском вонзиться прямо в сердце Тос'уна.

Но, несмотря на ярость, вызванную гибелью Инновиндиль, Дзирт не намеревался убивать противника. Он продолжал готовить ему западню.

— Я снова буду носить могущественный Хазид-Хи! — крикнул Дзирт и отступил на пару маленьких шажков и всего на мгновение, но этого было достаточно, чтобы заметить возникшее на лице Тос'уна замешательство. — Отдай мне меч! — потребовал Дзирт.

Тос'ун поморщился, и Дзирт все понял. Он только что посулил Хазид-Хи исполнить его заветное желание, произнес слова, которых тот не мог пропустить. Хазид-Хи всегда хранил верность только самому себе, и Хазид-Хи больше всего на свете хотел, чтобы его носил Дзирт До'Урден.

Тос'ун покачнулся, едва успев поднять оружие и заслониться, а Дзирт упорно атаковал. Оба меча, Сверкающий и Ледяная Смерть, рванулись вперед, но не лезвиями. Рукояти одна за другой ударили Тос'уна по лицу. Оба меча вылетели из рук дроу, и сам он тоже не удержался и рухнул спиной на землю. Тос'ун быстро опомнился, но этого оказалось недостаточно. Нога Дзирта стукнула его в грудь, и Ледяная Смерть уперлась в шею: если бы он пошевелился, ее сверкающее лезвие сулило быструю смерть.

— Тебе придется за многое ответить, — произнес Дзирт.

Тос'ун уронил голову, выдохнул воздух и расслабился. Он был твердо уверен, что обречен.

Глава 23

Белое и черное

Нанфудл приподнял одну ногу и носком башмака стал чертить на полу маленькие круги. Гном сцепил руки за спиной, весь его облик воплощал крайнюю неуверенность и волнение. Бренор и Хралайн, обсуждавшие за столом в личных покоях короля дворфов свои следующие действия, в замешательстве переглянулись при виде вставших у двери Нанфудла и Реджиса.

— Ну ладно, если ты не можешь их перевести, так и скажи, — заговорил Бренор, догадываясь о причине смущения гнома. — Но ты будешь продолжать работать над пергаментами, даже не сомневайся!

Нанфудл поднял голову, посмотрел на Реджиса и, ободренный его кивком, снова повернулся к королю дворфов и расправил плечи.

— Это древний язык, основанный на дворфском наречии, — сказал он. — Возможно, его корни происходят как из халгокрина, так и от рун детека.

— То-то мне показались знакомыми одна или две закорючки, — заметил Бренор.

— Хотя в нем есть некоторое сходство и с современным орочьим языком, — продолжил Нанфудл, и Бренор невольно ахнул.

— Дворочий? — с усмешкой предположил Реджис, но, кроме него, юмора никто не оценил.

— Ты говоришь, что проклятые орки украли часть слов моих делзунских предков? — воскликнул Бренор.

Нанфудл покачал головой:

— Происхождение этого языка осталось за пределами привезенных тобой пергаментов. Из сопоставления пропорций лингвистического влияния удалось установить только источники.

— Во имя Девяти Кругов, о чем ты лопочешь? — спросил Бренор, и в его голосе стало проявляться едва сдерживаемое нетерпение.

— Больше похоже на то, что к древнему дворфскому наречию добавился язык древних орков, — пояснил Реджис, отвлекая на себя хмурый взгляд Бренора.

Готовясь сообщить недовольному королю еще более важные новости, гном с каждой минутой терял самообладание.

— Ну, надо же им было говорить с этими псами, чтобы объяснить, что к чему, — заметил Бренор, но Реджис и Нанфудл одновременно покачали головами.

— Все гораздо сложнее, — пояснил Реджис, встав впереди Нанфудла. — Дворфы не просто позаимствовали какие-то фразы у орков, они объединили свой язык с языком орков.

— Этот процесс должен был длиться много лет, даже десятилетий, — добавил Нанфудл. — Такое смешение наречий нередко встречалось в истории многих рас, но каждый раз, как мне кажется, это происходило вследствие близкого общения и культурных связей.

Гном и хафлинг замолчали, и Бренор снова переглянулся с Хралайном. Наконец Бренор решился задать прямой вопрос:

— Вы на что намекаете?

— В найденном вами городе дворфы и орки жили вместе, бок о бок, — ответил Нанфудл.

Глаза Бренора сверкнули, его сильные руки ударили по подлокотникам кресла, и весь он подался вперед, словно готов был соскочить со своего места и задушить обоих, гнома и хафлинга.

— Долгие годы, — вставил Реджис, как только Бренор снова откинулся на спинку кресла.

Дворф почти в панике взглянул на Хралайна.

— По ту сторону Анаврока, в долинах Ваасы, есть город под названием Палишук, — пожал плечами, словно новости не оказались для него неожиданными и невероятными, заговорил эльф. — Там живут только полуорки, и это крепкие союзники для всех добропорядочных рас в тех местах.

— Полуорки?! — взревел в ответ Бренор. — Эти полуорки еще и полулюди, и они будут служить хоть дикобразу, лишь бы иглы не слишком кололись! Но мы сейчас говорим о моем народе! О моих предках!

Хралайн снова пожал плечами, явно не придавая большого значения поправке, и Бренор замолчал довольно надолго, чтобы понять, что эльф, возможно, находит забавной его реакцию на открывшуюся тайну.

— Мы не уверены, что там жили твои предки, — сказал Реджис.

— Гонтлгрим был домом для клана Делзун! — отрезал Бренор.

— Это был не Гонтлгрим, — откашлявшись, возразил Нанфудл. — Это не тот город, — добавил он в ответ на хмурый взгляд Бренора.

— А что же это?

— Город назывался Баффенбург, — ответил Нанфудл.

— Никогда о таком не слышал.

— И я тоже, — сказал гном. — Он существовал приблизительно в то же время, что и Гонтлгрим, но ваша история описывает его совсем не так. Он не подходит ни по размерам, ни по очевидному могуществу.

— То, что мы увидели, вероятно, было лишь частью основного города, — добавил Реджис. — Но это не Гонтлгрим.

Бренор откинулся назад, качая головой и что-то бормоча себе под нос. Он хотел возразить, но никаких фактов для этого не было. Подумав хорошенько, он понял, что не существовало ни одного свидетельства, подтверждавшего, что провал на дороге ведет к Гонтлгриму, не было даже карт с указанием расположения дома Делзун где-то в этих местах. Он верил в открытие Гонтлгрима только из-за неистребимого желания отыскать древний город и вернуться в Мифрил Халл с напутствиями Морадина.

Нанфудл попытался сказать что-то еще, но Бренор махнул рукой, прогоняя и его, и Реджиса.

— Это не значит, что открытие не имеет огромной ценности, — заговорил Реджис, но Бренор еще раз указал на дверь ему, а потом и Хралайну.

В этот ужасный момент, когда орки угрожали новыми атаками, а Аластриэль уклонялась от решительных действий, удрученный король дворфов хотел остаться один.

— Ты еще здесь, эльф? — приветствовал Бренор Хралайна, увидев его в Мифрил Халле на следующее утро.

Хралайн ответил улыбкой на беззлобную усмешку короля дворфов.

— Я бы хотел взглянуть на расшифрованные тексты. И был бы... — Он умолк, некоторое время изучая выражение лица Бренора, затем продолжил: — Хорошо, что ты сегодня в таком отличном настроении. Я беспокоился, что вчерашнее открытие гнома надолго повергнет тебя в уныние.

Бренор пренебрежительно махнул рукой:

— Он всего лишь нацарапал какие-то каракули. Может, какие-то дворфы оказались настолько глупыми, что доверились проклятым оркам. Скорее всего, они поплатились за это своим городом и своими жизнями — и это должно послужить уроком твоему народу, и леди Аластриэль, и всем остальным сомневающимся в необходимости выдворить Обальда и загнать обратно в дыру, откуда он пришел. Если хочешь, пойдем со мной, я как раз иду к гному. Они с Пузаном работали всю ночь по моему приказу. Я собираюсь донести эти известия до леди Аластриэль и ее помощников, занятых на стене. А ты, эльф, поговори на эту тему с Лунным Лесом, а потом будем все вместе строить дальнейшие планы.

Хралайн кивнул и вслед за Бренором пошел по извилистым переходам на нижний уровень, в маленькую, освещенную свечами комнату, где упорно трудились Реджис и Нанфудл. Пергамент был разложен на нескольких столах и прижат небольшими грузами. В комнате витал аромат лаванды — побочный эффект действия предохраняющего зелья Нанфудла, аккуратно нанесенного на каждый из древних документов и на повешенный на стену гобелен. Большая часть картин так и осталась неразборчивой, но некоторые фрагменты уже можно было рассмотреть. Бренор недовольно поморщился, едва на них взглянув, так как изображенные там орки и дворфы не сражались между собой и даже не вели переговоры. Они просто жили вместе и занимались повседневными делами.

Реджис сидел сбоку и переписывал какой-то текст, а увидев Бренора и Хралайна, приветствовал их, но Нанфудл даже не повернул головы. Он склонился над столом, всматриваясь в потрескавшийся и выцветший лист.

— Пузан, ты совсем не выглядишь усталым, — осуждающе ответил на приветствие Бренор.

— Я вижу, как перед моими глазами открывается потерянный мир, — сказал хафлинг. — И я уверен, что скоро упаду, но не сейчас.

Бренор кивнул.

— Выходит, за ночь ты узнал много нового о старом городе, — заметил он.

— Теперь, когда ключ к переводу получен, расшифровка продвигается гораздо быстрее, — известил их Нанфудл, но так и не оторвался от лежащего перед ним пергамента. — Вы привезли из своей поездки немало интересных текстов.

Бренор еще немного посмотрел на гнома, ожидая продолжения, но быстро понял, что Нанфудл слишком поглощен своей работой. Тогда он повернулся к Реджису.

— Поначалу в городе жили по большей части дворфы, — стал объяснять Реджис.

Он спрыгнул со стула и подошел к стоящему в стороне столу, заглянул в лежащий на нем пергамент и двинулся к следующему.

— Ага, вот! — воскликнул он. — Здесь говорится о том, как число орков постепенно возросло. Они приходили отовсюду, тогда как дворфы преимущественно оставались в местах, подобных Гонтлгриму, которые, конечно, находились под землей и больше подходили дворфам.

— А что же необычного было в этом сообществе? — спросил Хралайн.

Реджис пожал плечами, выдавая свою неуверенность.

Бренор украдкой кивнул Хралайну на хафлинга, отмечая очевидное свидетельство его неосведомленности, и эльф, как и Реджис, понял, насколько не хотелось королю дворфов, чтобы история его предков переплеталась с историей мерзких орков.

— Но этот процесс оказался очень длительным, — вмешался Нанфудл, оторвавшись наконец от своего пергамента. — Не меньше двух столетий.

— Пока орки не предали моих предков, — настаивал на своем мнении Бренор.

— Пока на город не обрушилось несчастье: вечная мерзлота подтаяла и все внезапно провалилось под землю, — поправил его Нанфудл. — И это не было делом рук орков. Посмотри на гобелен — он остался на стене после падения Баффенбурга, а этого бы не случилось, если бы та или другая сторона предвидела катастрофу. Мой король, я не верю, чтобы там были эти «две разные стороны».

— Как ты можешь утверждать? — спросил Бренор. — Ты прочел об этом в пергаменте?

— Здесь нет ни одного намека на предательство орков, по крайней мере до кончины этого сообщества, — сказал гном, прыгнул с высокой скамьи и подошел к другому пергаменту напротив того места, где стоял Реджис. — А гобелен... Да, сначала у них были проблемы. Один из вождей орков настраивал орков против дворфов. Он был убит.

— Дворфами? — спросил Хралайн.

— Своими собратьями, — ответил Нанфудл и перешел к другому пергаменту. — Вот тогда настал период волнений.

— Кажется мне, что этот период волнений длился там все время! — язвительно усмехнулся Бренор. — Рядом с проклятыми орками невозможно жить спокойно!

— Из того, что я смог понять, волнения возникали время от времени, — согласился Нанфудл. — Но с годами ситуация не ухудшалась, а, наоборот, улучшалась.

— Пока орки не положили этому конец, — проворчал Бренор. — Внезапно и предательски...

— Мне не верится... — попытался возразить Нанфудл.

— Это все твои догадки, и ничего более, — прервал его Бренор. — Ты только что признал, что не знаешь, как все закончилось.

— Но все свидетельства...

— Ба! Одни предположения.

Нанфудл поклонился, признавая свое поражение:

— Я бы очень хотел уйти в тот город и устроить мастерскую в библиотеке. Король Бренор, ты открыл нечто совершенно невероятное...

— Пойдешь, когда настанет подходящее время, — не дослушал его Бренор. — А сейчас смысл всех этих слов мне совершенно ясен. Надо избавиться от Обальда, и орки разбегутся, как мы и предполагали с самого начала. Именно поэтому Морадин отослал меня обратно и приказал идти к тому провалу, Гонтлгрим это или нет.

— Но это не!.. — возмутился Нанфудл, но быстро умолк, поскольку король Бренор явно не желал ничего слушать.

Взволнованно качая головой, Бренор уже повернулся к Хралайну. Он похлопал эльфа по плечу и быстро увлек за собой к выходу, задержавшись лишь на мгновение, чтобы сварливо бросить Нанфудлу:

— А я все еще думаю, что это Гонтлгрим! Нанфудл беспомощно обернулся к Реджису.

— Какая вероятность... — прошептал гном.

— Похоже, каждый из нас по-своему смотрит на мир, — сказал Реджис и, как показалось Нанфудлу, растерянно пожал плечами.

— Разве эта находка не пример?

— Чего? — спросил Реджис. — Мы даже не знаем, чем все это закончилось или почему закончилось.

— Дзирт как-то шепнул о неизбежности возникновения королевства Обальда, —

напомнил ему Нанфудл.

— А Бренор уверен в обратном. И насколько мне известно, это Бренор, а не Дзирт командует армией Мифрил Халла и пользуется поддержкой соседних королевств.

— В таком случае нам угрожает ужасная война.

— Но начал ее король Обальд Многострельный, — напомнил хафлинг.

Нанфудл вздохнул и окинул взглядом множество разложенных по столам пергаментов. Ему потребовалась вся сила воли, чтобы не броситься к ним и не стереть свидетельства прошлого в порошок.

- Его звали Бовуг Кр'Кри, - поведал Реджис Бренору, представляя королю дворфов еще один расшифрованный пергамент.

- Орк?

— Орочий философ и маг, — ответил хафлинг. — Я думаю, что виденные нами статуи изображали именно его и его последователей.

— Так это он привел орков в дворфский город?

— Мы так думаем.

— Вы оба так много думаете и так мало отвечаете! — проворчал Бренор.

— Нам недостает текстов, — ответил Реджис. — Все это еще остается загадкой.

— Догадками.

— Предположениями, — поправил Реджис. — Но нам точно известно, что орки жили вместе с дворфами и Бовуг Кр'Кри был одним из лидеров этого сообщества.

— Есть какие-нибудь еще догадки, сколько времени существовал этот город? Ты сказал — столетия, но мне что-то не верится в это.

Реджис пожал плечами и качнул головой:

— На осуществление такого процесса требуется не одно поколение. Ты же сам видел сооружения, а кроме того, не забывай о языке.

— А сколько из этих сооружений было построено дворфами до прихода орков? — усмехнулся Бренор.

На это Реджис не мог ответить.

— Это наверняка было королевство дворфов, погибшее после того, как они доверились зловредным оркам, — сказал Бренор. — Глупые дворфы слишком много позаимствовали из языка орков в попытке стать лучшими соседями предательским псам.

— Мы не думаем...

— Вы думаете слишком много, — перебил Бренор. — И ты, и гном чересчур разволновались, обнаружив нечто такое, что сильно отличается от наших представлений. Но если найдете что-то стоящее, что поможет вам открыть глаза и выбраться из этой ямы, вот тогда и поговорим.

— Мы же не сами придумали эту библиотеку и статуи в ней, — возразил Реджис.

Но его слова отскакивали от самого самоуверенного лица, какое ему когда-либо приходилось видеть. Кроме того, он сам не был уверен, что доводы Бренора ошибочны, поскольку они с Нанфудлом и впрямь строили множество предположений. Общая картина еще была далека от завершения. Они даже еще не определили границ лабиринта, не говоря уж об отдельных деталях.

Хралайн, откликнувшись на заранее посланное Бренором приглашение, вошел в комнату.

— Все проясняется, эльф, — обратился к нему Бренор. — Этот город таит в себе предостережение. Если мы примем план Аластриэль, мы превратимся в такой же пыльный и мертвый артефакт, достойный того, чтобы его раскопал следующий король дворфов.

— Мой народ виновен так же, как и Аластриэль, поскольку стремится достичь стабильного положения, — признал Хралайн. — Перспектива пересечь Сарбрин и вступить в бой с тысячными армиями Обальда нас пугает. Такая попытка непременно повлечет за собой великое горе и великие потери.

— А чего вы добьетесь, сидя на месте? — спросил Бренор.

Хралайну, недавно потерявшему десяток своих сородичей в Лунном Лесу и бывшему свидетелем атаки на оборонительные укрепления дворфов, не надо было напрягать воображение, чтобы получить ответ.

— Мы не можем атаковать их в лоб, — рассуждал Бренор. — Это путь обреченных. Этих вонючих тварей слишком много. — Он немного помолчал, потом усмехнулся и качнул косматой головой. — Если только они не решатся атаковать нас отдельными частями. Вроде той группы, что ворвалась в Лунный Лес, и той, что напала на нашу стену. Если мы подготовимся к отпору, то получим множество мертвых орков.

Хралайн слегка поклонился, выражая свое согласие.

— Значит, Дзирт был прав, — произнес Бренор. — И один в поле воин. Он пытался избавиться от Обальда, и ему это почти удалось. Это могло бы предоставить нам шанс, да и сейчас еще не поздно. Если мы устраним Обальда, мы сумеем разбить их по частям.

— Нелегкая задача, — заметил Хралайн.

— Вот для этого Морадин и послал меня обратно, к моим парням, — сказал Бренор. — Мы пойдем и убьем его, эльф.

— Куда ты собрался? — спросил Хралайн. — Возглавить армию и ударить в сердце королевства Обальда?

— Нет, эти псы только того и ждут. Мы сделаем так, как пытался сделать Дзирт. Небольшая группа, лучше... — Король дворфов замолчал, и по его лицу пробежала тень. — Моя девочка не сможет пойти, — пояснил Бренор. — Слишком тяжело ранена.

— А Вульфгар ушел на запад, — добавил Хралайн, понимая причину переживаний Бренора.

— Они бы помогли, можешь не сомневаться.

— Я и не сомневаюсь, — заверил его Хралайн. — Но тогда кто?

— Я и ты, если ты готов к битве.

Эльф снова отвесил полупоклон, как будто соглашаясь, но еще не связывая себя обязательством.

Бренор понимал, что пока ему придется удовольствоваться таким ответом.

Дворф перевел взгляд на Реджиса: хафлинг со все возрастающей решимостью кивал на каждое его слово и лицо выражало крайнюю суровость, насколько позволяли его ангельские черты.

— И Пузан тоже, — сказал Бренор.

Реджис, смущенно поежившись, отступил на шаг назад, а Хралайн окинул его сомневающимся взглядом.

— Он всегда выбирает нужное место, — добавил Бренор. — И прекрасно знает мою тактику, так же как и тактику Дзирта.

— А Дзирта перехватим по пути?

— А ты можешь представить себе более полезного спутника, чем дроу?

— Нет, если только это не леди Аластриэль.

— Ба! — фыркнул Бренор. — Вряд ли ты добьешься от нее согласия. Пойду я, несколько моих парней, ты, Дзирт и Пузан.

— Убивать короля Обальда.

— Разбить его крепкий череп, — присовокупил Бренор. — Я и несколько моих парней. Мы тихонько подберемся поближе, к самой голове этого свирепого животного, и сшибем ее на землю.

— Это опасно, — предостерег его Хралайн.

— То же самое я слышал о Матери Бэнр из Мензоберранзана, — ответил Бренор, вспомнив свой судьбоносный удар, обезглавивший сообщество дроу и положивший конец нападению на Мифрил Халл. — И не сомневайся, с нами пойдет Морадин. Иначе зачем бы он меня возвращал?

Поза Хралайна и выражение его лица свидетельствовали о том, что эльф еще не был

окончательно убежден, но он все же кивнул в знак согласия.

— Ты сможешь мне отыскать нашего приятеля-дроу, — сказал Бренор, заметив его невысказанные сомнения. — А потом поступай как знаешь.

— Конечно, — согласился Хралайн.

Реджис, стоя в сторонке, беспокойно переминался с ноги на ногу. Приключения в компании Бренора и Дзирта Не слишком его пугали, даже если речь шла о проникновении в лагерь орков. Но он опасался, что Бренор ошибся в своих расчетах и предполагаемая миссия может закончиться очень плохо для них, а может, и для всего остального мира.

Все собравшиеся мгновенно притихли, как только Банак Браунавил высказал Бренору свое мнение:

— Вы сумасшедшие!

Но Бренор даже не моргнул.

— Это Обальд сумасшедший, — спокойно парировал он.

— В этом никто не сомневается, — ответил неукротимый Банак. В тот момент казалось, что он возвышается над королем дворфов, несмотря на то что был прикован к креслу после тяжелого ранения в войне против орков. — Тогда пошли на это дело Пуэнта и его ребят, раз уж тебе так хочется.

— Это мое дело.

— Только потому, что ты тупоголовый Боевой Топор!

Это заявление вызвало несколько беспокойных вздохов, среди которых послышались и сдержанные смешки, и громче всех фыркнул жрец Кордио. Бренор сердито обернулся в его сторону, но быстро остыл, осознав правдивость слов Банака. Более верного определения черепа Бренора — и Кордио об этом знал — еще никто не высказывал.

— Я сам ходил в Гонтигрим, — сказал Бренор. Он резко обернулся к Реджису, ожидая, что хафлинг будет спорить относительно цели их путешествия, но тот благоразумно промолчал. — Я сам руководил отступлением в Долине Хранителя. И сам возглавлял первую битву с Обальдом на севере. — Он говорил все быстрее и громче, но не ради «битья в барабан собственной головой», как гласило дворфское присловье, а желая оправдать решение самому возглавить эту миссию. — Я сам отправился в Калимпорт, чтобы вернуть Пузана. И сам разрубил пополам проклятую Бэнр.

— Я провозгласил немало тостов за твои успехи, — подтвердил Банак.

— А теперь я вижу перед собой еще одно дело.

— Король Мифрил Халла задумал пробраться сквозь армию орков и убить их короля, — заметил Банак. — А если тебя схватят по пути? В каком положении окажется твой народ, когда начнется торговля с Обальдом?

— Если ты думаешь, что меня схватят живым, значит, ты не знаешь, что такое быть Боевым Топором, — отрезал Бренор. — Кроме того, нет никакой разницы, схватят ли меня, Дзирта или кого-то другого. Вы не измените своего отношения к оркам ради меня, как и ради любого из наших парней.

Банак хотел ответить, но уже исчерпал все свои аргументы.

— И еще, — добавил Бренор. — Как только я выйду из ворот Мифрил Халла, я уже не буду королем, а ведь это для нас самое главное, не так ли?

— Я согласен стать твоим управляющим, но какой из Банака король? — возразил скрюченный Браунавил.

— Ты и станешь управлять вместо меня, но если я не вернусь, тогда ты сам станешь Девятым королем Мифрил Халла, можешь в этом не сомневаться. И ни один дворф не поддержит твоих сомнений.

Бренор отвернулся и увлек взгляд Банака, чтобы он увидел серьезные, выражающие согласие лица всех собравшихся: Пуэнта и его «Веселых мясников», Кордио и остальных жрецов, Торгара и даже дворфов из Мира-бара.

— Для этого Морадин отпустил меня обратно, — настаивал Бренор. — Я должен

разобраться с Обальдом, и ты сглумишь, если будешь ставить на короля орков!

Его слова вызвали в зале веселое оживление.

— Ты пойдешь только вместе с дроу? — спросил Банак.

— Я, дроу, — подтвердил Бренор, — и еще Пузан, а вот моей девочке придется остаться.

— Ты уже сказал ей, а? — посмеиваясь, спросил Банак, и остальные в зале тоже заулыбались.

— Ба, она не сможет бежать, если это потребуется, и не захочет подставлять своих друзей под удар, если им придется задержаться, чтобы ей помочь, — ответил Бренор.

— Значит, ты ей еще не сказал, — произнес Банак, и в зале снова засмеялись.

— Ба! — воскликнул Бренор, вскинув руки вверх.

— Итак, ты, Дзирт и Реджис, — продолжил Банак. — А Тибблдорф Пуэнт?

— Попробуй меня остановить, — откликнулся Пуэнт, и его отряд «Веселые мясники» шумно выразил свое одобрение.

— И Пуэнт, — подтвердил Бренор, а «Веселые мясники» снова одобрительно закричали.

Казалось, ничто не могло так возбуждать этих воинов, как перспектива отправиться в заведомо самоубийственную экспедицию.

— Я прошу прощения, король Бренор! — крикнул с другой стороны зала Торгар Молотобоец. — Мне думается, что в твоём отряде должны быть и парни из Мирабара, и мне думается, что я и Шингл, — он повернулся и подтолкнул вперед покрытого шрамами воина, Шингла Макруффа, — могли бы заслужить гордость Мира-бара.

Едва он закончил, как пятеро остальных дворфов из Мирабара шумно закричали, восхваляя своего могучего лидера и легендарного Шингла.

— Значит, в поход пойдут семеро, — добавил Кордио Хлебноголовый. — Не можете же вы отправляться в поход во славу Морадина без его жреца.

— Тогда восемь, — поправил его Бренор. — Мне кажется, что Хралайн из Лунного Леса не захочет нас покинуть после того, как разыщет Дзирта.

— Восемь в дорогу против Обальда! — раздался чей-то крик, а потом, повторенный во второй и в третий раз, превратился в оглушительный рев.

Затем крики резко оборвались, а в дверях появилась Кэтти-бри и уставилась на Бренора таким взглядом, что даже сомневающийся Банак почувствовал к королю нечто вроде сочувствия.

— Идите и сделайте все, что необходимо сделать! — приказал Бренор, но его голос заметно задрожал.

Все бросились из зала через ближайшие двери, а Кэтти-бри, прихрамывая, подошла к своему отцу.

— Значит, вы идете в поход за головой Обальда и ты во главе отряда? — спросила она.

Бренор кивнул:

— Таково мое предназначение, девочка. Ради него Морадин отпустил меня обратно.

— Это Реджис вернул тебя при помощи своего амулета.

— Морадин отпустил меня из своих Залов, — настаивал Бренор. — И сделал это не без причины!

Кэтти-бри окинула его твердым, решительным взглядом:

— Ты идешь в поход, забираешь с собой моего друга Реджиса, забираешь моего мужа. А меня не берешь?

— Ты не можешь бегать! — воскликнул Бренор. — Ты едва можешь пройти несколько десятков ярдов. А если нам придется удирать от орков, как мы можем тебя ждать?

— Если я буду с вами, нам не придется удирать.

— Никто в этом не сомневается, — заверил ее Бренор. — Но ты сама знаешь, что это невозможно. Не сейчас.

— Тогда дождитесь, пока я буду готова.

Бренор покачал головой. Кэтти-бри упрямо сжала губы и несколько раз моргнула, словно прогоняя с синих глаз слезы разочарования.

— Я могу потерять вас всех, — прошептала она. Бренор понял, что ее печаль отчасти вызвана уходом Вульфгара.

— Он вернется, — сказал дворф. — Пройдет предназначенный ему путь и вернется, не сомневайся.

Кэтти-бри вздрогнула при упоминании этой утраты, но по ее лицу было понятно, что она не испытывает уверенности своего отца.

— А ты? — спросила она.

— Ба! — воскликнул Бренор и махнул рукой, словно вопрос был совершенно излишним.

— А Реджис вернется? А Дзирт?

— Дзирт и сейчас где-то там, — заметил Бренор. — Разве ты в нем сомневаешься?

— Нет.

— Тогда почему ты сомневаешься во мне? — спросил Бренор. — Я собираюсь выйти из крепости ради той же цели, что и Дзирт. А ведь он ходит один! Я пойду со своими парнями, девочка, и тебе лучше бы побеспокоиться об этих проклятых орках.

Кэтти-бри не отвела взгляда, но ничего не ответила. Бренор широко развел руки, пригласив ее в свои объятия, и она не смогла устоять.

— Ты не останешься одна, девочка. Ты никогда не будешь одна, — прошептал он ей на ухо.

Он хорошо понимал ее разочарование, поскольку и сам чувствовал бы себя не лучше, если бы друзья отправлялись в такой поход, а ему надо было бы остаться.

Кэтти-бри отстранилась, чтобы заглянуть в его глаза:

— Ты уверен?

— Обальд должен умереть, и я тот дворф, который его убьет, — ответил Бренор.

— Дзирт пытался, но ничего не вышло.

— Что ж, Дзирт попытается еще, но на этот раз с ним будут его друзья. Когда мы вернемся, ряды орков будут расстроены. Будь уверена, ты еще получишь удовольствие от сражений с ними, прямо у наших дверей. Но орки будут разобщены, и побеждать их станет легче. А теперь давай поспорим, кто больше убьет орков.

— Ты уже уходишь и начинаешь счет раньше, — ответила Кэтти-бри, хотя с ее лица еще не сошел испуг.

— Ба! Да я не стану считать тех, кого убью по дороге, — пообещал Бренор. — Когда я вернусь, а орки придут следом — а они непременно так и сделают после смерти Обальда, — вот тогда я убью больше их воинов, чем Кэтти-бри.

Кэтти-бри слабо улыбнулась.

— Тогда я должна забрать у Дзирта свой лук, — сказала она, имитируя дворфский акцент. — Одна стрела — один орк. Иногда стрела убивает двоих, а то и троих сразу.

— А каждый удар моего топора разрубает пополам троих, — заявил Бренор. — А когда дело касается орков, я не знаю усталости.

Они оба, не моргая, уставились друг на друга и протянули руки, чтобы скрепить пари.

— Проигравший будет представлять Мифрил Халл на следующей церемонии в Несме, — предложила Кэтти-бри, и Бренор скорчил гримасу, словно не ожидал таких высоких ставок.

— Тебе понравится эта поездка, — сказал дворф. Он улыбнулся и попытался освободиться из ее рук, но Кэтти-бри крепко его удерживала и серьезно смотрела в глаза.

— Ты вернешься ко мне живым, с живыми Реджи-сом, Дзиртом и всеми остальными, — произнесла она.

— Я так и рассчитываю, — ответил Бренор, хотя мало в это верил, как и сама Кэтти-бри. — И с уродливой головой Обальда.

— И с головой Обальда, — согласилась Кэтти-бри.

Глава 24

Получили то, что хотели

Клан Волчьей Пасти выстроился вдоль тропы, и две грозные линии воинов протянулись на сотни футов, уходя за поворот, где вождь Гргуч уже не мог их видеть. Ни один из них не попытался остановить продвижение клана Карук, не сделал ни одного угрожающего движения по отношению к гигантским воинам, а затем Гргуч узнал двоих орков, вышедших вперед на середине тропы.

— Рад снова тебя видеть, Днарк, — произнес Гргуч. — Ты слышал о нашей атаке на мерзких дворфов?

— Все племена Многих Стрел наслышаны о славном марше Гргуча, — ответил Днарк, и Гргуч улыбнулся, а вслед за ним улыбнулся и Туугвик Тук, державшийся сбоку и немного позади от свирепого вождя. — Ты идешь на запад, — заметил Днарк, бросив взгляд поверх плеча Гргуча. — По приглашению короля Обальда?

Гргуч помедлил несколько мгновений, разглядывая Днарка и его помощника Унг-тола. Затем огромный орк оглянулся на Туугвика Тука и махнул рукой троим оркам. Двое из них, очевидно, принадлежали к клану Карук, а с третьим Днарк и Унг-тол встречались всего несколько дней назад.

— Обальд прислал гонца с приглашением на разговор, — пояснил Гргуч.

Подбежавший Окул отсалютовал своим командирам и несколько раз поклонился.

— Мы были у короля Обальда, когда Октула послали передать приглашение, — пояснил Днарк. — Да будет тебе известно, что он был не единственным гонцом, отправленным в тот день.

Некоторое время он вглядывался в жестокое лицо Гргуча, затем махнул рукой своим воинам. Из рядов Волчьей Пасти выступили несколько воинов, волочивших избитого и оборванного орка. Они доставили его к Днарку, но по его приказу отнесли по направлению к Гргучу и бесцеремонно бросили свою живую ношу в грязь между двумя вождями.

Жрец Накклз застонал и слегка пошевелился, но Унг-тол и Днарк неплохо над ним поработали, так что подняться с земли он уже не мог.

— Этого гонца прислали к тебе? — спросил Гргуч. — Но ты же был рядом с Обальдом?

— Нет, — покачал головой Туугвик Тук, заметив самодовольное выражение на лицах своих сообщников. Он шагнул вперед, осмелился пройти мимо Гргуча и подошел к обессиленному жрецу. — Нет, это же Накклз, — добавил он и оглянулся на Гргуча.

Гргуч пожал плечами, поскольку это имя ему ни о чем не говорило.

— Это советник короля Обальда, — пояснил Туугвик Тук. — Его бы не послали с сообщением для вождя Днарка. И даже для вождя Гргуча.

— Что? — произнес Гргуч.

Его голос еще звучал спокойно и ровно, но уже слышались угрожающие нотки, предостерегавшие Туугвика Тука от малейшего намека на оскорбление.

— Этот гонец не для орков, — продолжал объяснения Туугвик Тук, обменявшись взглядами с Днарком и Унгтолом. — И он направлялся не на север, к Герти Орельсдоттр, не так ли?

— На юг, — ответил Днарк.

— Вернее, на юго-восток, — добавил Унг-тол. Туугвик Тук с трудом сдерживал ликование, — к его восторгу, король Обальд идеально подыграл их планам. К вождю Гргучу он повернулся уже с полной уверенностью в своей догадке:

— Жреца Накклза король Обальд послал для переговоров с королем Бренором Боевым Топором.

Лицо Гргуча окаменело, и от него повеяло холодом.

— Мы тоже так считаем, — сказал Днарк. Он шагнул вперед и встал рядом с Туугвиком Туком, словно подтверждая его слова и разделяя слегка запоздавшую догадку о

цели гонца. — Накклз немного сопротивлялся... нашим методам, — добавил он, сопровождая свои слова сильным ударом ногой по ребрам жреца, отчего тот снова застонал и свернулся клубком. — Он предложил множество вариантов своего путешествия, за исключением лишь встречи с королем Бренором.

— Этот грязный дворфский подпевала был послан Обальдом на встречу с Бренором?! — скептически переспросил Гргуч, словно не веря своим ушам.

— Мы считаем именно так, — ответил Днарк.

— Это довольно легко проверить, — раздался голос из рядов клана Карук.

Все обернулись, и Гргуч широкой многозначительной улыбкой встретил вышедшего вперед Хакууна, вставшего рядом со своим вождем.

— Вы позволите мне расспросить гонца? — спросил Хакуун.

Гргуч рассмеялся и, оглянувшись вокруг, показал на темневшую неподалеку рощицу. Днарк подал сигнал своим оркам, чтобы те оттащили пленника к деревьям, но Гргуч его остановил, а Хакуун уже начал читать заклинание. Накклз стал корчиться от боли и извиваться на земле, а потом неожиданно поднялся в воздух. Хакуун зашагал к рощице, и рядом с ним по воздуху поплыл Накклз.

Хакуун скрылся за деревьями от остальных орков и покорно приблизил свое ухо к уху Накклза. Переход занял всего мгновение, и Джек-гном в облике мозгового грызуна благополучно перебрался из головы Хакууна в ухо Накклза.

Жрец быстро понял, что с ним происходит, и забился в воздухе, но никак не мог сориентироваться, висая над землей, и не имел опоры, чтобы принять вертикальное положение. Он начал вращаться, но лишь заработал головокружение и облегчил Джеку проникновение в мозг.

Гном быстро выяснил в мозгу Накклза все подробности и вылез наружу только для того, чтобы вернуться в более привычное место обитания. Он, а вслед за ним и Хакуун узнали об истинных замыслах Обальда и получили подтверждение опасениям троицы, вызвавшей клан Карук из пещер Хребта Мира.

— Обальд добывается мира с дворфами, — с недоверчивым изумлением произнес Хакуун. — Он хочет совсем прекратить войну.

Очень не-оркский орк, — раздался голос в его голове.

— Он оскверняет волю Груумша! *Как я и сказал.*

Хакуун выбрался из рощи, а магия Джека вытащила вслед за ним дрожащего и всхлипывающего Накклза, все так же висящего в воздухе. Добравшись до тропы, Хакуун небрежно махнул рукой, и Накклз тяжело шлепнулся на землю.

— Он направлялся к королю Бренору, — объявил жрец клана Карук. — Чтобы исправить зло, причиненное вождем Гргучем и кланом Карук.

— Зло? — повторил Гргуч и нахмурил густые брови. — Зло!

— Как мы и говорили в самом начале встречи, — заметил Унг-тол.

— Все так, как сообщили нам наши друзья, — подтвердил Хакуун. — Король Обальд утратил боевой задор. Он больше не хочет сражаться с кланом Боевых Топоров.

— Трусость, — бросил Туугвик Тук.

— Он собрал достаточно добычи, чтобы возвратиться домой? — насмешливо и презрительно спросил Гргуч.

— Он завоевал только голые скалы, — заявил Днарк. — Все ценное лежит в тоннелях дворфов или за рекой, в королевстве Серебристой Луны. А Обальд... — он сделал паузу и снова пнул Накклза, — собирается вести переговоры с Бренором. Он собирается заключить договор!

— *С дворфами?! —* взревел Гргуч.

— Так точно, — подтвердил Хакуун, и Гргуч кивнул. Он слишком часто видел, как действует жрец, чтобы сомневаться в его словах.

Унг-тол и Туугвик Тук обменялись понимающими улыбками. Все это было затеяно

напоказ, чтобы разъярить обоих вождей и вызвать их гнев по поводу смехотворности замыслов Обальда.

— И еще он собирается разговаривать с Гргучем, — напомнил Днарк разозлившемуся вождю каруков. — Он будет убеждать тебя перейти на его сторону, чтобы заслужить милость. А может, будет ругать за нападения на эльфов и дворфов.

Глаза Гргуча налились кровью, а с дрожащих губ сорвалось громкое рычание. Казалось, он вот-вот бросится на Днарка и оторвет ему голову, но вождь Волчьей Пасти не отступал:

— Обальд намерен показать Гргучу, кто управляет Королевством Многих Стрел. Он станет убеждать тебя вместе с ним пойти по этому пути, как будто следует прямым указаниям Груумша.

— Разговаривать с дворфами?! — заревел Гргуч.

— Трусость! — воскликнул Днарк.

Гргуч замер на месте, сжав огромные кулаки, мышцы его шеи напряглись до предела, грудь и плечи бугрились мускулами, словно шкура орка уже не могла сдерживать его физическую мощь.

— Октул! — закричал он, оборачиваясь к орку, передавшему приглашение Обальда.

Гонец, как и все остальные вокруг, отпрянул назад.

— Иди сюда! — приказал Гргуч.

Октул, дрожа и потея, быстро мотнул головой и хотел было отступить еще дальше, но двое могучих воинов клана Карук подхватили его под руки и вывели вперед. Он попытался упереться ногами, но орки просто поволокли его по земле и представили перед разъяренным Гргучем.

— Король Обальд будет меня бранить? — спросил Гргуч.

По ногам Октула потекли теплые струйки, и он снова замотал головой — но было ли это ответом на вопрос или просто выражением отчаяния, никто сказать не мог. Октул устался на Днарка, умоляя вождя подтвердить, что он всего лишь выполнял приказ.

Днарк в ответ только расхохотался.

— Он будет меня бранить? — громче повторил Гргуч. Он наклонился вперед и навис над дрожащим гонцом. — Ты мне этого не сказал.

— Он не будет... Он... только сказал... пригласить тебя, — пролепетал Октул.

— Чтобы меня отругать?! — взревел Гргуч, и Октул едва не потерял сознание.

— Я не знаю, — слабым голосом промямлил он. Гргуч обернулся к Днарку и остальным, и лицо его просияло, словно он только что все понял.

— Чтобы задобрить Бренора, Обальд должен будет ему что-нибудь предложить.

Гргуч снова повернулся к Октулу и ударил его слева по лицу, так что тот рухнул на землю.

— Вероятно, он захочет предложить Бренору голову воина, который нанес удар по Мифрил Халлу.

Октул за его спиной всхлипнул.

— Это действительно так? — спросил Днарк у Накклза и снова пнул несчастного жреца ногой.

Накклз замычал и застонал, но ничего внятного не ответил.

— Это разумно, — вставил Унг-тол, и Днарк энергично кивнул, желая еще больше разжечь ярость вождя. — Если Обальд захочет убедить Бренора, что нападение было совершено не по его приказу, ему потребуются доказательства.

— В виде головы Гргуча? — спросил вождь клана Карук и, повернувшись к Хакууну, расхохотался, как будто считал предположение полнейшим абсурдом.

— Этот никчемный жрец ни в чем таком не признался, — сказал Хакуун. — Но если Обальд действительно хочет заключить мир с Бренором, а он этого хочет, значит, вождь Гргуч быстро превратится в... неудобное препятствие.

— Настало время встретиться с этим глупым Обальдом и показать ему, что такое клан

Карук, — произнес Гргуч и коротко рассмеялся, явно наслаждаясь моментом. — Немного жаль, что вы прервали путь этого лежащего в грязи жреца, — сказал он, кивнув на все еще извивающегося Накклза. — Как удивился бы и испугался король Бренор, заглянув в корзину с подарком! Я бы отдал немало женщин и золота, чтобы увидеть лицо дворфа, когда он получит голову Обальда!

Воины клана Карук после таких слов засвистели и заулюлюкали, а Днарк, Унг-тол и Туугвик Тук только серьезно переглянулись и кивнули друг другу. Момент настал, цель заговора определена и произнесена открыто, теперь пути назад быть не может. Они с благодарностью кивнули Хакууну, но его лицо сохраняло бесстрастное выражение. Та его часть, которая была Джеком-гномом, вовсе не желала замечать существования этой троицы, не говоря уж о том, чтобы считать их равней.

Гргуч поднял боевой обоюдоострый топор, но затем отставил его в сторону. Взамен он вытащил из-за пояса длинный кинжал и оглянулся на окруженного каруками Октула. Повинуясь его недвусмысленной усмешке, воины подтащили к его ногам несчастного орка. Тот отчаянно мотал головой.

— Нет, не надо, не надо! — кричал Октул.

Его мольбы, казалось, еще больше раззадорили Гргуча. Он шагнул вперед, схватил гонца за волосы и, рванув, запрокинул его голову и открыл горло.

Даже орки из клана Октула присоединились к общим возбужденным крикам. Бедный гонец был обречен.

Он вопил и визжал от непреодолимого ужаса, бил ногами и извивался, но лезвие легко рассекло мягкую кожу на шее.

Крики превратились в булькающие звуки, а Гргуч перевернул его лицом вниз, уперся коленом в спину и сильнее нажал кинжалом.

Когда Гргуч поднялся, демонстрируя восторженному собранию голову Октула, трое заговорщиков снова переглянулись и, все как один, вздохнули, пытаясь успокоиться.

Днарк, Унг-тол и Туугвик Тук имели дело с самым жестоким существом из всех, кого они знали. И все трое понимали, что существует не такая уж невероятная возможность, что однажды вождь Гргуч будет демонстрировать собравшимся их собственные головы.

Однако они были вынуждены смириться с его свирепостью, в противном случае им пришлось бы подчиняться Обальду, и только Обальду. А его трусливого поведения они принять не могли.

— Встреча Гргуча с Обальдом обещает быть весьма жесткой, — предупредил своих сообщников Унг-тол, когда они встретились без свидетелей поздним вечером того же дня. — Дипломатией здесь и не пахнет.

— Для дипломатии нет времени, да и необходимости в ней тоже нет, — сказал Туугвик Тук, бывший самым спокойным и уверенным из всей тройки. — Мы знаем открывшиеся перед нами возможности и давно выбрали свой путь. Вас удивляет поведение вождя Гргуча и клана Карук? Оно полностью соответствует тому, что я о них рассказывал.

— Я несколько удивлен их эффективностью, — ответил Днарк. — Гргуч стремится к цели только по прямой.

— Прямо к Обальду, — посмеиваясь, добавил Туугвик Тук.

— Не надо недооценивать короля Обальда, — предупредил их Днарк. — То, что он послал гонца в Мифрил Халл, подтверждает его осведомленность об угрозе Гргуча. Его не удастся застать врасплох.

— Мы не должны допустить развязывания грандиозной войны, — согласился Унг-тол. — Имя Гргуча пользуется среди орков громкой славой на востоке, по всему берегу Сарбрины, но у него слишком мало воинов по сравнению с теми, кто подчиняется Обальду на западе и на севере. Если он обрушит на нас все свои силы, мы обречены.

— Значит, мы этого не допустим, — сказал Туугвик Тук. — Мы должны подстеречь Обальда, когда при нем будет небольшая группа охраны, и тогда клан Карук одержит победу

и покончит с ним. Обальд не выполняет волю Груумша, разве мы еще в этом не убедились?

— Его действия не похожи на проявление воли Груумша, — неохотно признал Унг-тол.

— Если только мы не ошиблись в его намерениях, — сказал Днарк.

— Он не собирается выступить против Мифрил Халла! — резко бросил Туугвик Тук. — Вы слышали хныканье Накклза! И жрец Гргуча подтвердил это.

— А он в самом деле добился признания? — спросил Днарк.

— Или все это хитрость? — предположил Унг-тол. — А вдруг Обальд взял паузу, чтобы окончательно вывести из равновесия наших врагов?

— Обальд не собирается продолжать войну! — настаивал Туугвик Тук.

— А Гргуча будет невозможно контролировать, — не унимался Днарк. — Можно ли поверить, что этот полуогр сможет удержать все армии Королевства Многих Стрел в объединенном марше к новой славе?

— Обещание новых завоеваний удержит армии лучше, чем надежда на переговоры с королем Бренором и ему подобными, — возразил Туугвик Тук.

— Это правда, — признал Днарк, прекращая спор. — Для этого мы и вызвали клан Карук на поверхность. Все идет точно так, как мы и предполагали, и Гргуч соответствует нашим ожиданиям и даже превосходит их. Теперь, когда мы нашли то, что хотели отыскать, необходимо твердо придерживаться нашей веры, которая привела к сегодняшнему положению. Вряд ли Груумш хотел бы, чтобы его народ медлил, когда впереди ждут новая слава и новые завоевания. Вряд ли Груумш хотел бы, чтобы его народ участвовал в переговорах с королем Бренором и его дворфами. Никогда! Обальд перешел границы традиций и здравого смысла. Мы знали это, когда вызывали клан Карук, знаем это и сейчас. — Он повернул голову и плюнул в полумертвого Накклза, все так же валявшегося в грязи. — Теперь мы просто уверены в этом.

— Что ж, пойдем и посмотрим, как Гргуч ответит на приглашение Обальда, — сказал Туугвик Тук. — Будем направлять восхваления в адрес короля Гргуча, как он направляет свою армию против короля Обальда.

На старом морщинистом лице Унг-тола еще были заметны следы сомнений, но, оглянувшись на Днарка, он тоже согласно кивнул вслед за своим вождем.

Со стоящего неподалеку дерева за ними с удовольствием наблюдала странная, крылатая змейка.

Глава 25

Политика и союзники

Тос'ун Армго, мужчина-дроу, родился и воспитывался в матриархальном городе Мензоберранзане и потому даже не поморщился, когда Дзирт крепко связал ему руки за спиной и закрепил веревку на другой стороне дерева. Его поймали, и невозможно было убежать или спрятаться. Он посмотрел в сторону, где Дзирт воткнул в камень Хазид-Хи, вернее, попытался, поскольку Дзирт со знанием дела пропустил веревку под подбородком и тоже закрепил на дереве. Тос'ун слышал, как меч зовет его, но дотянуться не мог.

Дзирт испытующе посмотрел на пленника, как будто понимал неслышный разговор между разумным мечом и дроу, и Тос'ун осознал, что это действительно так.

— Тебе больше нечего терять и не к чему стремиться, — сказал Дзирт. — Твои дни на службе Обальду сочтены.

— Я уже долгое время никому не служу, — упрямо возразил Тос'ун. — С тех пор, как началась зима. С того дня, когда ты с ним сразился. А если сказать по правде, то еще дольше.

— Правдивые слова из уст сына Дома Баррисон Дель'Армго? — с усмешкой поинтересовался Дзирт.

— Ты сам только что сказал, что мне нечего терять и не к чему стремиться.

— Мой друг-дворф по имени Фендер мог бы поговорить с тобой на эту тему, — сказал Дзирт. — Или, точнее, пошептать, поскольку его горло было перерезано опытной рукой,

чтобы лишить голоса.

Неоспоримый факт заставил Тос'уна поморщиться, ведь он действительно рассек горло дворфу во время подготовки атаки на восточный вход Мифрил Халла.

— У меня есть и другие друзья, кто хотел бы с тобой поговорить, — продолжал Дзирт. — Но они мертвы, и их гибели в немалой степени поспособствовали твои действия.

— Я участвовал в войне, — буркнул Тос'ун. — Я не понимал...

— Как ты мог не понимать, что участвуешь в резне? И это все, что ты можешь сказать в свою защиту?

Тос'ун покачал головой, хотя сделать это было довольно трудно.

— Я учился, — ответил пленный дроу. — Я пытался возместить ущерб. Я помог эльфам.

Несмотря на все намерения не причинять пленнику боли, Дзирт хлестнул Тос'уна по лицу.

— Это ты привел их к эльфам, — бросил он.

— Нет, — упорствовал Тос'ун. — Нет.

— Я слышал подробности атаки.

— Она была задумана вождем клана Карук Гргучем и тройкой заговорщиков, стремящихся подтолкнуть Обальда к новым завоеваниям, — пояснил Тос'ун. — Ты еще не понял всей схемы их замысла. Я не был с теми, кто атаковал Лунный Лес, как и с теми, кто маршировал на юг, явно намереваясь напасть на Мифрил Халл.

— И ты еще говоришь, что не был союзником Обальда?! — запальчиво спросил Дзирт.

— Ни Обальда, ни какого-то другого орка, — ответил Тос'ун. — Я признаю свою роль, хотя и пассивную, на ранней стадии, когда Донния Сольду, Ад'нон Кариз и Каэрлик Суун Уэтт решили создать союз между Обальдом с его орками, Герти Орельсдоттр с ее великанами и двухголовым троллем по имени Проффит. Я согласился, потому что мне было все равно, — к чему заботиться о каких-то дворфах, людях и эльфах? Я дроу!

— Могу тебя заверить, этого я никогда не забывал. Замечание немного охладило пыл Тос'уна, но он все же продолжил:

— Происходящие вокруг события меня не касались.

— Пока Обальд не попытался тебя убить.

— Да, пока мне не пришлось бежать от этого лютого орка, — подтвердил Тос'ун. — И я попал в лагерь Албондиэля и Синнафейн из Лунного Леса.

— И предал их! — крикнул ему в лицо Дзирт.

— Я сбежал и от них, хоть и не был пленником! — закричал в ответ Тос'ун.

— Почему же ты сбежал?

— Из-за тебя! — воскликнул Тос'ун. — Из-за этого меча, что я носил. Он знал, что Дзирт До'Урден ни за что не позволит мне оставить его у себя, знал, что Дзирт До'Урден разыщет меня у эльфов и убьет за этот меч, который я нашел брошенным на дне ущелья.

— Ты ведь знаешь, как он там оказался, — сказал Дзирт, слегка отступив назад. — Помнишь, я уронил его?

С этими словами он взглянул на Хазид-Хи, и в голове возникла идея. Дзирт хотел поверить Тос'уну, как хотел поверить женщине-дроу, Доннии, когда пленил ее несколько месяцев назад. Он снова перевел взгляд на Тос'уна и слегка улыбнулся:

— А это неплохая возможность, не так ли?

— О чем ты?

— Ты вступаешь в союз с Обальдом, пока все идет хорошо, но затем он попадает в ловушку, и ты сталкиваешься с его яростью. Поэтому бежишь к Синнафейн и Албондиэлю и вместо старых возможностей выискиваешь новые. Или продолжаешь прежний путь ценой жизни твоих новых «друзей». А когда ты добиваешься их доверия и изучаешь тактику, у тебя снова появляется нечто ценное, что можно предложить оркам и привлечь к себе благосклонность Обальда.

— Помогая Гргучу? Ты ничего не понимаешь!

— Но я пойму, — заверил его Дзирт и шагнул в сторону, к мечу Хазид-Хи.

Он без колебаний взялся за рукоять меча. Металл со скрипом и скрежетом выходил из камня, но Дзирт не слышал этого, Хазид-Хи уже прорвался в его мозг:

Я думал, что навсегда потерял тебя.

Дзирт был не намерен выслушивать ничего подобного, а потому направил мечу мысленный запрос обо всем времени, что Хазид-Хи провел в руках Тос'уна Армго. Он не ублажал меч обещаниями совместного завоевания новой славы. Он ничего не предлагал. Только спрашивал:

Ты был в Лунном Лесу? Отведал крови эльфов?

Сладкая кровь...

Хазид-Хи не скрывал своего пристрастия, но вместе с тем Дзирт понял, что его воспоминания относятся к давно минувшему времени. И меч не бывал в Лунном Лесу. Теперь Дзирт был абсолютно уверен в этом.

В свете признания Хазид-Хи в предпочтении крови эльфов всякой другой Дзирт не мог себе представить, чтобы Тос'ун, будучи одним из вдохновителей атаки на Лунный Лес, оставался на западном берегу Сарбрина. Хазид-Хи не позволил бы ему оставаться безучастным зрителем, тем более если он знал, что должна пролиться кровь. Да еще после того, как Тос'ун, имея в руках свирепое оружие, провел некоторое время среди эльфов.

Дзирт снова посмотрел на пленника и постарался определить, какими были отношения между дроу и мечом. Мог ли Тос'ун подчинить Хазид-Хи своей воле?

Как только вопрос в его голове оформился, а следовательно, был телепатически передан мечу, в ответ раздался язвительный смешок.

Дзирт на некоторое время отложил меч, чтобы как следует все обдумать. Через некоторое время он снова взялся за рукоять и задал очередной вопрос:

Гргуч?

Отличный воин, отважный и свирепый. Лучший носитель Хазид-Хи? Меч не стал этого отрицать. Он лучше Обальда?

Поступивший эмоциональный ответ не содержал особой благосклонности Хазид-Хи. И все же Дзирт знал Обальда как превосходного фехтовальщика, насколько хорошим фехтовальщиком может быть орк, и его мастерство почти равнялось мастерству самого Дзирта, которого меч предпочитал в качестве своего носителя. Кэтти-бри, пусть и не стала мастером высшего класса, все же отлично сражалась, но, как узнал Дзирт из последней встречи с мечом, лишилась благосклонности Хазид-Хи, поскольку, по его мнению, слишком часто предпочитала пользоваться луком и стрелами.

Дзирт еще долго держал в руке меч, а когда отложил его, у него появилась уверенность в том, что неизменно кровожадный Хазид-Хи явно предпочитал Гргуча Обальду, и именно по той причине, о которой говорил Тос'ун. Обальд потерял интерес к сражениям и завоеваниям.

Дзирт посмотрел на пленного дроу, который устроился настолько удобно, насколько позволяли удерживающие его веревки. Дзирт не мог не учитывать достоверности сообщенных Тос'уном сведений, и, возможно в силу искреннего желания или же в расчете на дальнейшие перспективы, в данный момент дроу не представлял угрозы для него и его друзей.

Но после неудачного опыта с Доннией Сольду, после всего, что он узнал о собственной расе в ранние дни своей молодости, Дзирт До'Урден еще не был готов воспользоваться представившимся шансом.

Солнце давно село, и сгустившаяся тьма усиливалась туманом, клубившимся над подтаявшим снегом. В этом тумане скрылись Бренор, Хралайн, Реджис, Тибблдорф Пуэнт, Торгар Молотобоец и Шингл Макруфф из Мирабара и жрец Кордио.

На другой стороне горного хребта, у стены, над которой вместе трудились дворфы Бренора и маги Аластриэль, Кэтти-бри все еще смотрела вслед ушедшему отряду.

— Я должна была пойти с ними, — прошептала она.

— Ты не могла, — ответила ее подруга, леди Аластриэль из Серебристой Луны. Высокая женщина придвинулась ближе и положила руку на плечи Кэтти-бри. — Твоя рана заживет.

Кэтти-бри подняла голову, так как Аластриэль была выше ее почти на полфута.

— Возможно, это знак, что ты должна обдумать мое предложение, — добавила Аластриэль.

— Обучиться магии? Разве я не слишком стара для такого начинания?

Аластриэль весело рассмеялась над ее абсурдными сомнениями:

— Ты быстро приспособишься, несмотря на то что воспитывалась не восприимчивыми к волшебству дворфами.

Кэтти-бри несколько мгновений обдумывала ее слова, но затем снова уставилась в туман, поглотивший ее отца и друзей.

— Я думала, что ты пойдешь с ними, как просил мой отец, — сказала она, вновь подняв взгляд к лицу повелительницы Серебристой Луны.

— Я не могла пойти, так же как не могла ты, — ответила Аластриэль. — Мое положение не позволяет этого столь же непреодолимо, как твоя раненая нога удерживает тебя.

— Ты не согласна с решением Бренора? Ты бы предпочла поддержать Обальда?

— Нет, конечно, — заверила ее Аластриэль. — Но мне нельзя вовлекать Серебристую Луну в войну.

— Но ты пошла на это, когда послала Серебряную Гвардию на помощь жителям Несма.

— Этого требовал наш договор с Несмом, — пояснила Аластриэль. — Они подверглись нападению и бежали, спасая свою жизнь. Плохими бы мы были друзьями, если бы не пришли на помощь в тяжелое время испытаний.

— Бренор считает, что сейчас сложилась такая же ситуация, — сказала Кэтти-бри.

— Да, он так думает, — признала Аластриэль.

— И он рассчитывает устранить угрозу. Обезглавить армию орков и разбить ее по частям.

— И я молюсь и надеюсь, что он добьется успеха. Прогнать орков с наших территорий — это общее желание всех народов Серебряных Земель. Но мне нельзя принимать участие в такой провокационной экспедиции. Наш совет постановил занять оборонительную позицию, а я обязана выполнять его эдикты.

Кэтти-бри, не скрывая разочарования, качнула головой.

— Ты говоришь так, словно мы находимся в состоянии мира, а Бренор этот мир нарушает, — сказала она. — Разве вынужденная пауза на время снежной зимы может перечеркнуть то, что случилось раньше?

Аластриэль обняла рассерженную Кэтти-бри.

— Никому из нас это не нравится, — сказала она. — Но совет Серебристой Луны решил, что Обальд прекратил наступление, и нам придется смириться с его решением.

— А нападение на Мифрил Халл? — напомнила Кэтти-бри. — Неужели мы должны сидеть и ждать, пока они снова и снова будут нас атаковать?

Аластриэль помолчала, не зная, что ей ответить.

— Я не могу сейчас выступить против Обальда, — сказала она. — В роли правительницы Серебристой Луны я связана указами совета. Я от всей души желаю Бренору успеха. Я всей душой и сердцем надеюсь, что он достигнет своей цели и орки уберутся обратно в свое логово.

Кэтти-бри немного успокоилась, не столько из-за слов Аластриэль, сколько благодаря их сочувственному и печальному тону. Несмотря на отказ участвовать в экспедиции, Аластриэль все же помогла, дав Бренору заговоренный медальон, который должен был привести дворфа к Дзирту. Точно такой же медальон она много лет назад давала Кэтти-бри, когда та сама разыскивала бродившего по лесам темного эльфа.

— Я надеюсь, что догадки Бренора верны, — продолжила Аластриэль, и ее голос слегка дрогнул от волнения, — и что уничтожение Обальда приведет к тем результатам, на которые он рассчитывает.

Кэтти-бри ничего не ответила. Она просто стояла и впитывала в себя слова. Она была не в силах заставить себя поверить, что Обальд, начавший войну, мог стабилизировать положение, но некоторые сомнения все же оставались.

Под раскидистым кленом, чьи мощные гладкие ветки еще не встопорщились набухшими почками, стояли двое орков. Они разговаривали и хихикали над собственной глупостью, так как безнадежно сбились с пути и не могли вернуться к своим родичам, оставшимся в маленькой деревушке. Неверный поворот тропы в темноте увел их далеко от дому, и они уже растеряли хворост для очагов, за которым отправились в лес.

Один жаловался, что жена избьет его докрасна, чтобы как следует разогреть и возместить тепло очага, не горевшего с середины ночи.

Второй смеялся так долго, что улыбка осталась на его лице после того, как веселье было прервано эльфийской стрелой, пробившей висок напарника. Оставшийся орк настолько растерялся, что даже не отреагировал на тяжелый топот за спиной. Острый шип шлема, ударив в спину, застал его врасплох и, пробив мышцы и кости, вышел из груди, весь в крови и обрывках пронзенного сердца.

Он умер еще до того, как Тибблдорф Пуэнт выпрямился и поднял над головой обмякшее тело. Дворф быстро развернулся в поисках других врагов. Он увидел Бренора и Кордио, пробиравшихся в тени клена с южной стороны, потом чуть дальше к востоку заметил Торгара и Шингла. С северо-востока подошел Хралайн. Реджис выскочил из-за спины Пуэнта, и вся группа была в сборе. Они убедились, что, кроме двоих орков, здесь никого не было.

— Ну и хорошо, — одобрительно кивнул Бренор. Он потрогал медальон леди Аластриэль. — Теплее, — доложил он. — Дзирт где-то неподалеку.

— Опять на север? — спросил Торгар, встав под кленом рядом с Бренором.

— Как раз там, откуда ты только что пришел, — ответил Бренор, указав направление зажатым в кулаке медальоном. — Он становится теплее с каждым шагом. — Внезапно на его лице отразилось крайнее удивление. — Он становится теплее, даже когда мы стоим, — пояснил он, видя любопытные взгляды своих спутников.

— Дзирт! — почти сразу крикнул Реджис.

Они повернулись в том направлении, куда указывал палец хафлинга, и увидели двоих темных эльфов: связанный Тос'ун шел впереди, а за ним шагал Дзирт.

— А он долго от тебя скрывался! — насмешливо крикнул Тибблдорф Пуэнт и для пушшего эффекта топнул ногой, так что труп орка закачался над его головой.

Дзирт окинул взглядом окровавленного дворфа и его жертву, наколотую на шип шлема. Нелепая картина почти лишила его дара речи, и он, толкнув Тос'уна, молча подошел к основной группе.

— Они напали на Мифрил Халл, — объяснил Хралайн. — Подтвердили твои опасения.

— Ага, но потом мы обратили их в бегство, — добавил Бренор.

Дзирт все с тем же растерянным видом осматривал отряд.

— А мы отправились на охоту за Обальдом, — сказал Бренор. — Я понял, что ты был прав, эльф. Мы собираемся убить Обальда, и его армия развалится, как ты и рассчитывал, когда отправился к нему с мечом моей девочки.

— Мы охотимся за Обальдом? — с сомнением переспросил Дзирт, оглядываясь по сторонам. — Но ты не взял с собой армию, мой друг.

— Ба, армия нам только помешает, — ответил Бренор, пренебрежительно махнув рукой.

Дзирту не потребовалось много времени, чтобы понять суть происходящего, а немного поразмыслив над методами правления Бренора, он понял, что удивляться не стоит.

— Мы хотим добраться до Обальда, и, кажется, у нас появился пленник, который мог бы нам помочь, — заговорил Хралайн, подходя ближе к Тос'уну.

— Я представления не имею, где он сейчас, — тихо ответил Тос'ун, все еще пользуясь эльфийским наречием.

— Ничего другого я от тебя и не ожидал, — сказал Хралайн.

— Я помогал вам... вашим воинам, — возразил Тос'ун. — Гргуч угрожал истребить всех в том злосчастном нападении, а я показал безопасный тоннель.

— Верно, — подтвердил Хралайн. — А потом, разве ты не проявил себя настоящим дроу? Добился нашего доверия.

У Тос'уна поникли плечи, и он опустил взгляд. Он только что выдержал такой же спор с Дзиртом, и казалось, конца этому не будет. Все, что он делал до сих пор, могло быть истолковано как притворство ради личных, более гнусных целей.

— Тебе надо было просто убить его, а не возиться с пленником, — сказал Дзирту Бренор. — Если он не намерен нам помогать, он только задержит отряд.

— Я буду готов через пару секунд, мой король! — крикнул сбоку Тибблдорф Пуэнт.

Все увидели, как дворф, низко нагнувшись, просунул голову со своей ношей между двумя стоящими рядом деревьями. Затем он повернул голову так, что спина жертвы уперлась в один ствол, а его бедра — в другой, и резким рывком подался назад. Заскрипело дерево и захрустели кости, но зазубренный шип все-таки вырвался из тела, и дворф освободился от бремени.

От толчка он отлетел назад и шлепнулся на землю, но тотчас вскочил на ноги, развернулся лицом к остальным и так энергично потрянул головой, что захлопали губы. Затем улыбающийся Пуэнт поднял перед собой руки с оттопыренными большими пальцами, словно примеряясь к следующей жертве.

— Поверните немного этого темнокожего пса! — скомандовал он.

— Не сейчас, мой добрый дворф, — возразил Дзирт, и Пуэнт с явным разочарованием отвернулся.

— Ты собираешься взять его с собой? — спросил Бренор, и Дзирт кивнул.

— Мы могли бы свернуть в Лунный Лес или вернуться к Мифрил Халлу, — предложил Хралайн. — Потеряем день или около того, зато освободимся от обузы.

Но Дзирт покачал головой.

— Тогда его легче убить на месте, — предложил Бренор, и Пуэнт стал скрести по земле ногами, словно готовый к бою буйвол.

— Это было бы неразумно, — сказал Дзирт. — Если Тос'ун говорит правду, он может оказаться для нас ценным приобретением. Если нет, мы ничего не теряем, поскольку ничем не рискуем. — Он оглянулся на пленного дроу. — Если ты меня не обманываешь, даю слово, что отпущу тебя, как только все закончится.

— Ты не можешь этого сделать! — возмутился Хралайн, и все взгляды обратились к нему. — Если он совершил преступление против Лунного Леса, ты не можешь решать его судьбу один.

— Он этого не делал, — заверил эльфа Дзирт. — Он там не был, поскольку там не был Хазид-Хи.

Бренор потянул Дзирта за рукав и отвел в сторону от остальных.

— Насколько ты можешь надеяться, что этот дроу похож на тебя? — прямо спросил Бренор.

— Бренор, даю тебе слово: я считаю, так будет лучше для нас и нашего дела, чем бы оно ни закончилось.

— Что это значит? — сердито спросил дворф. — Мы убьем Обальда, можешь в этом не сомневаться!

Он произнес эти слова так громко, что все повернулись в их сторону.

Дзирт не собирался спорить:

— Обальд убьет Тос'уна при первой же возможности, как убил его компаньона. Мы

ничем не рискуем, взяв его с собой, уверяю тебя, дружище, а возможно, он принесет пользу.

Бренор долго и напряженно всматривался в лицо Дзирта, потом оглянулся на Тос'уна. Дроу стоял совершенно спокойно, словно смирился со своей судьбой, какой бы она ни была.

— Даю тебе слово, — сказал Дзирт.

— Что ж, эльф, твое слово всегда было крепким, — проворчал Бренор. Он повернулся и пошел к остальным, окликнув по пути Торгара и Шингла. — Вы готовы охранять дроу? — спросил он, но Дзирт тотчас вмешался.

— Оставь Тос'уна под мою ответственность, — попросил он.

И Бренор снова исполнил его просьбу.

Глава 26 Перекресток

Вульфгар еще несколько дней бродил по окрестностям Аукни. Он не осмеливался показываться в городе, опасаясь, что его новое появление окажет ненужное давление на лорда Ферингала и создаст дополнительные сложности для Кэлси. Он давно привык к походным условиям и знал, как пережить холодные ночи и как спрятаться от посторонних глаз.

Все услышанные им новости о новом ребенке лорда и леди вселяли надежду. В одном из самых распространенных среди горожан слухе говорилось, что девочка приходится дочерью Ферингалу и Меральде, но при рождении впала в состояние комы, и никто не верил, что она очнется. Какая же радость для четы правителей и для всех горожан, что девочка поправилась!

Другие источники называли Кэлси отпрыском правителей варваров и утверждали, что ее пребывание в семье лорда Ферингала гарантирует безопасность жителям Аукни — неслыханное условие для суровых северных районов.

Вульфгар впитывал в себя все, что слышал, и в его сердце росла уверенность, что он поступил правильно по отношению и к Кэлси, и к себе, и к Делли. Конечно, в душе осталась пустота, которую он и не надеялся когда-нибудь заполнить, и он клялся себе, что навестит Аукни и встретится с Кэлси через несколько лет. У Ферингала не будет причин выгонять или арестовывать его; в конце концов он может поторговаться, поскольку знает правду о происхождении девочки. Лорду Ферингалу ни в физическом, ни в политическом смысле невыгодно иметь такого врага.

Варвар лелеял эту надежду, и лишь она удерживала его от немедленного возвращения в город, чтобы «спасти» Кэлси.

И он продолжал бродить, слушать и смотреть, пока однажды ему не повезло издала увидеть Кэлси вместе с ее новыми родителями. Он искренне удивился и порадовался, что маленькая девочка так быстро привыкла к новым условиям и новым родителям, — по крайней мере издала ему показалось именно так. Кэлси улыбалась так же часто, как и в Мифрил Халле, охотно держалась за руку Меральды и следовала за ней.

И даже с такого расстояния нельзя было сомневаться в любви Меральды. Ее искренняя радость полностью оправдала надежды Вульфгара. Женщина выглядела счастливой и уверенной, а в довершение ко всему, Вульфгар остался доволен поведением лорда Ферингала, все время державшегося рядом с девочкой. Его характер за последние годы, несомненно, сильно изменился к лучшему. Возможно, сказалась поддержка Меральды, которую Вульфгар знал как женщину колоссальной силы духа и честности, а возможно, на него повлияло отсутствие назойливой сестры.

Какова бы ни была причина, Вульфгар своими глазами видел результат, и каждый день, проведенный в окрестностях Аукни, все больше и больше убеждал его в правильности решения передать девочку ее настоящей матери. Мысль о том, что Кэлси теперь в любящих руках Меральды, немного облегчала оставшуюся после расставания боль.

Как часто ему хотелось побежать в Аукни и сказать Кэлси, что он ее любит, прижать ее

к себе и пообещать, что всегда будет ее любить и всегда будет защищать. Как часто хотелось пойти просто сказать «до свидания». Ее крики «Па! Па!» до сих пор звенели в его ушах, и Вульфгар знал, что они будут преследовать его еще долгие годы.

Но он не мог возвратиться в город, и по прошествии десяти дней Вульфгар побрел прочь, вниз по дороге на восток. На следующий день он дошел до конца восточного ответвления, где оно соединялось с главной дорогой, идущей на юг, к предгорьям Лускана, и на север, в длинное ущелье, что пересекало Хребет Мира и спускалось в Долину Ледяного Ветра.

Вульфгар никуда не свернул. Сначала он пересек дорогу и вскарабкался на скалистый выступ, откуда открывался прекрасный вид на простиравшиеся к востоку земли. Он остановился на камне и позволил взгляду бесцельно бродить по окрестностям, а затем мысленно представил себе изменения ландшафта по мере приближения к Мифрил Халлу, где остались его лучшие друзья. Это место он называл домом.

Внезапно он обернулся на запад, вспомнил о своей дочери и понял, как сильно по ней соскучился — гораздо сильнее, чем мог себе представить.

Потом снова мысленно обратился к востоку, к могиле Делли, лежавшей в холодном Мифрил Халле.

— Я всегда старался сделать как лучше, — прошептал он, обращаясь к погибшей жене.

И это было правдой. При всех его неудачах после возвращения из Бездны, Вульфгар изо всех сил старался сделать как лучше. Так было, когда он впервые воссоединился со своими друзьями, когда ошибся после галлюцинаций и напал на Кэтти-бри. Так было во время его странствий с Мориком через Лускан до самого Аукни. Но в те мрачные дни он так часто ошибался!

Переводя взгляд с востока на запад, Вульфгар ощутил ответственность за все свои ошибки. Он не стал перекладывать ответственность за них на обстоятельства и тяжелые испытания, пережитые в лапах Эррту. Он не оправдывал ни одной из них, поскольку ничего не мог изменить.

Все, что он мог, это поступать как можно лучше во всех отношениях. Именно поэтому он отправился на поиски тела Делли. Это было правильное решение. Потому он забрал Кэлси у Котти и вернул ее домой, Меральде. Это тоже было правильно.

А теперь?

Вульфгар думал, что он уже все решил, что его планы и дорога ясны. Но, столкнувшись с реальностью этих планов, он утратил уверенность. Он опустился на колени и стал молиться Делли. Он просил ее дух указать ему путь.

А вдруг Обальд снова стучит в двери Мифрил Халла?

Он знал, что может понадобиться Бренору. Его приемный отец, от которого за все годы он не видел ничего, кроме любви, может нуждаться в его помощи в надвигающейся войне. Отсутствие Вульфгара может привести к гибели Бренора!

То же самое можно сказать о Реджисе, Дзирте и Кэтти-бри. В такое время они могут оказаться в ситуации, когда спасти их под силу только Вульфгару.

— Возможно, — вслух произнес он и, услышав это слово, понял, что причина всегда в нем.

Возможно, они нуждаются в нем, как он сам может нуждаться в них. А возможно, все они вместе однажды будут поглощены темными силами вроде орочьего нашествия.

— Возможно, — повторил он. — Все возможно.

Вульфгар на время оставил мрачные перспективы почти непрерывной войны и напомнил себе о не менее важных вопросах. А как же его собственные потребности? Как быть с его желаниями? Что он оставит после себя?

Его жизненный путь приближается к середине.

Вульфгар инстинктивно повернулся лицом на север, посмотрел на дорогу, ведущую к Долине Ледяного Ветра, к земле его предков, земле его народа.

Но прежде чем окончательно свернуть на тот путь, он оглянулся на восток, где стоял

Мифрил Халл, и представил себе, как Обальд Ужасный навис над Бренором.

Глава 27

Доверяй, но проверяй

Этот Туугвик Тук очень агрессивен, — сказал Гргуч Хакууну и Джеку, хотя о последнем он, конечно, не подозревал. Вождь и жрец стояли неподалеку от основной массы воинов, готовых отправиться в новый марш на запад. — Он вынудит нас развязать войну с Обальдом.

— Он утверждает, что Обальд готов развязать с нами войну, — согласился шаман после быстрого внутреннего диалога с Джеком.

Гргуч усмехнулся, словно ничто в мире не могло обрадовать его сильнее.

— Туугвик Тук мне нравится, — произнес он. — Он говорит с Груумшем.

— А тебе не интересно узнать, почему Обальд остановил свое продвижение? — спросил Хакуун, хотя инициатива исходила от Джека. — Его знали как свирепого воина, а теперь он строит стены вместо того, чтобы их разрушать.

— Он боится соперников, — предположил Гргуч. — Или просто расслабился. Он отходит от Груумша.

— В любом случае ты не намерен его убеждать. Усмешка Гргуча стала еще откровеннее.

— Я намерен убить его и взять его армии. Я говорю с Груумшем, и Груумш будет мною доволен.

— А твое первое послание будет прямым или, для начала, мирным?

Гргуч с любопытством взглянул на своего жреца, а потом кивнул на стоящий в углу мешок с головой Октула. Кривая усмешка изогнула губы Хакууна.

— Я могу сделать твое послание более откровенным, — пообещал он, и Гргуч кивком выразил свое согласие.

Хакуун оглянулся через плечо и произнес непрерывную цепочку священных слов, усиливая заклинание модуляциями голоса. Все это подстроил Джек и даже сам провел первичные магические обряды. Спустя мгновение из тьмы появился Октул — обезглавленный и нелепый. Живой мертвец на негнущихся ногах проковылял к мешку, развязал веревку, немного помедлил, а когда выпрямился и прошел к вождю и жрецу, оказалось, что он держит в руках на уровне живота отрезанную голову.

Хакуун робко пожал плечами и посмотрел на своего вождя. Гргуч расхохотался.

— Очень откровенно, — сказал он. — Очень хотелось бы видеть лицо Обальда, когда он получит это послание.

Джек мгновенно откликнулся в голове Хакууна, и жрец повторил его слова Гргучу:

— Это можно будет устроить. Гргуч засмеялся еще громче.

Заревел Кокто-Ганг, огромный горн клана Карук, и силы Гргуча, увеличившиеся до тысячи воинов и продолжавшие расти, начали марш на запад. Клан Волчьей Пасти взял на себя южный фланг, а клан Карук возглавил основную массу орков в центре.

Впереди всех шел зомби Октул и нес послание Обальду.

Высоко на горном склоне, на северо-востоке от Мифрил Халла, раскатистый рев Кокто-Ганга каруков слышали Бренор, Дзирт и все остальные. Они даже смогли рассмотреть источник этого звука — марш клана Карук и его союзников.

— Это Гргуч, — сказал Тос'ун остальным членам отряда. — Заговорщики ведут его к Обальду.

— Чтобы воевать против него? — спросил Бренор.

— Или убедить, — добавил Тос'ун.

Бренор пренебрежительно фыркнул, но Тос'ун только посмотрел на Дзирта и Хралайна, не желая затевать спор.

— В поведении Обальда действительно появились признаки того, что он стремится прекратить сражения, — осмелился высказаться Дзирт.

— Скажи это семьям моих парней, погибших всего пару ночей назад, эльф, — проворчал Бренор.

— Возможно, это была атака Гргуча, — предположил Дзирт, не скрывая своих сомнений.

— Это были орки, — бросил Бренор. — Орки, они и есть орки, и годятся лишь для того, чтобы удобрять поля. Может, их гниющие тела помогут вырасти новым деревьям и сгладить шрамы Лунного Леса, — добавил он, поглядев на Хралайна.

Эльф от его слов побледнел и отшатнулся.

— И смыть кровь Инновиндиль, — продолжил Бренор, обращаясь к Дзирту.

Но Дзирта его язвительное замечание не смутило.

— Информация дает нам дополнительное преимущество и оружие, — сказал он. — Не мешало бы узнать побольше об их целях и следующих шагах. — Он посмотрел вниз, где на скалистой тропе отчетливо виднелась темная масса армии Гргуча. — В любом случае возможно даже, что наши маршруты совпадут.

Бренор расстроено махнул рукой и пошел прочь, а за ним и Пуэнт зашагал к запасам продовольствия, сложенным неподалеку от основного лагеря.

— Нам надо подобраться к ним поближе, — сказал Дзирт оставшимся спутникам. — Необходимо узнать истинную цель их похода.

Едва он закончил, как послышался глубокий вздох Реджиса, уже ощутившего на своих плечах тяжесть задания.

— Малыша убьют, — сказал Дзирту Тос'ун, воспользовавшись низким дроуским наречием, понятным только ему и Дзирту.

Дзирт ответил мрачным взглядом.

— Это свирепые и кровожадные воины, — предостерег его Тос'ун.

— Реджис совсем не такой, каким выглядит, — ответил Дзирт на том же языке Подземья.

— И Гргуч тоже.

При этом Тос'ун взглянул на Хралайна, словно предлагая Дзирту найти подтверждение у эльфа.

— Тогда пойду я, — заявил Дзирт.

— Есть способ получше, — возразил Тос'ун. — Я знаю, кто сможет пройти прямо в лагерь и расспросить заговорщиков.

Его слова заставили Дзирта задуматься, и тень сомнения на лице стала очевидной для всех, кто стоял рядом.

— Вы собираетесь сказать нам, о чем болтаете? — нетерпеливо спросил Торгар.

Дзирт посмотрел на него, потом на Тос'уна и кивнул обоим.

После непродолжительного разговора с Кордио с глазу на глаз он отозвал Тос'уна и подвел его к жрецу.

— Ты уверен? — спросил Кордио, когда они остались вдвоем. — Это его наверняка убьет.

Тос'ун при этих словах напрягся, и Дзирт с трудом удержался от улыбки.

— Он ведь полон информации, которую еще можно вытянуть, — продолжал Кордио, превосходно справляясь со своей ролью. — Дней десять пыток, и мы получим всю информацию об Обальде.

— Или очередную ложь, чтобы прекратить пытки, — добавил Дзирт, но, желая закончить спор, поднял руку.

Тос'ун напряженно смотрел на Дзирта.

— Кордио наложил на тебя заклятие, — объяснил Дзирт, пока жрец продолжал бормотать и водить стрелой по узкой груди Тос'уна.

Наконец он закончил и напоследок приставил наконечник к его груди, как раз напротив

сердца.

— Эта стрела нацелена на тебя, — продолжал Дзирт, принимая оружие из рук жреца. — Если ею выстрелить, она безошибочно отыщет твое сердце. Ты не сможешь спрятаться. Не сможешь защититься. Не сможешь блокировать удар.

На лице Тос'уна появилось скептическое выражение.

— Эльф, покажи ему, — сказал Кордио. Дзирт для порядка изобразил сомнение.

— Проклятые орки нас не увидят, — настаивал жрец. — Показывай.

Дзирт оглянулся на Тос'уна: тот явно все еще сомневался, а этого он не мог допустить. Дзирт снял с плеча Тулмарил, «заговоренную» стрелу положил в колчан, а оттуда достал другую. Наложив стрелу на тетиву, он повернулся и прицелился в ближайший валун.

Волшебный снаряд миниатюрной молнией сверкнул в воздухе и ударил точно в цель. Стрела расколола камень и с громким треском исчезла внутри, так что Реджис и стоящие неподалеку дворфы подпрыгнули от неожиданности. На месте удара осталась только дымящаяся дыра.

— Не сомневайся, магия обитателей поверхности полна тайн и очень могущественна, — заверил Дзирт своего сородича-дроу.

— Никакой латный нагрудник от нее не защитит, — добавил Кордио, многозначительно глянул на Тос'уна и, засмеявшись, отошел к остальной группе.

— К чему это все? — спросил Тос'ун на языке дроу.

— Ты хочешь взять на себя роль разведчика, так я тебе ее предоставляю.

— Я уверен, — сказал он Кордио, и жрец, испустив вздох, означавший «ну, если ты настаиваешь...», не стал скрывать очевидного разочарования и отвращения.

Кордио начал нараспев молиться и стал медленно обходить вокруг Тос'уна. Дворф читал заклинания — безвредный двеомер, который должен был излечить некоторые болезни, если бы они были у Тос'уна, хотя дроу об этом, конечно, не знал. Он лишь понимал, что жрец послал в его тело поток какой-то энергии. За первым заклинанием последовало второе, такое же безвредное, затем третье, потом Кордио прищурил глаза и его интонация стала немного резче, что придавало церемонии несколько зловещую видимость.

— Стрелу! — приказал жрец и протянул руку по направлению к Дзирту, не сводя с Тос'уна напряженного взгляда.

— Что? — переспросил Дзирт, и Кордио нетерпеливо щелкнул пальцами.

Дзирт быстро опомнился и вытащил из волшебного колчана стрелу, а затем передал ее Кордио.

Жрец поднес стрелу к лицу и продолжил молиться, потом свободной рукой дотронулся до острого наконечника и направил на Тос'уна. Дроу вздрогнул, но остался на месте. Наконец дворф поднял стрелу к голове Тос'уна, но затем опустил.

— Голова или сердце? — спросил он у Дзирта. Дзирт только окинул его недоумевающим взглядом.

— Я же говорил, что это превосходное заклинание, — лгал Кордио. — Ничего общего с той чепухой, которой вы заговариваете свои луки. Хочешь, чтобы стрела снесла ему голову с плеч или разворотила половину груди? Выбор за тобой.

— Голову, — с довольным видом ответил Дзирт. — Нет, лучше грудь. Область поражения...

— В любом случае ты не промахнешься, — пообещал дворф.

— Но под угрозой неминуемой смерти.

— Конечно, — подтвердил Дзирт. — Если бы дело касалось только меня, я бы тебе поверил.

Тос'ун с любопытством наклонил голову набок, словно оценивая Дзирта.

— Да, это глупо, — добавил Дзирт, продолжая говорить на дроуском. — Но сейчас речь идет не только обо мне. И если я собираюсь поручить тебе разведку, я должен быть уверен, что это решение не принесет вреда моим друзьям. Ты хвастал, что можешь пройти прямо в лагерь орков.

— Заговорщики знают, что я не приверженец Обальда.

— Тогда я позволю тебе доказать, чего ты стоишь. Иди и узнай все, что сможешь. Я буду поблизости, с луком в руке.

Тос'ун медленно покачал головой.

— Ты отказываешься? — спросил Дзирт.

— В твоих предосторожностях нет необходимости, но я все понимаю, — ответил Тос'ун. — Я пойду, как и сказал. И ты узнаешь, что я не собирался вас предавать.

К тому времени, когда оба дроу подошли к основной группе, Кордио успел рассказать о том, что произошло, и о плане Дзирта. Бренор с откровенно скептическим видом стоял, уперев руки в бока, но только проворчал что-то и отвернулся, предоставляя Дзирту разыгрывать свой сценарий.

Двое покинули отряд вскоре после заката и бесшумно растворились в сгустившихся тенях. Они придерживались направления на главный лагерь орков, обходя часовых и мелкие стоянки, но во всех случаях Тос'ун шел на несколько шагов впереди. Дзирт держался сзади с Тулмарилом в руке и «заговоренной» стрелой на тетиве, — по крайней мере, он надеялся, что вытащил ту самую, над которой колдовал Кордио, а если и ошибся, то Тос'ун ничего не заметит.

Уже поблизости от главного лагеря, на краю поляны с большим деревом в центре, Дзирт шепотом скомандовал Тос'уну остановиться. Он помедлил несколько мгновений, прислушиваясь к ночным шорохам. Потом жестом подозвал Тос'уна к дереву. Дзирт поднялся вверх с такой ловкостью, что можно было подумать, будто он идет по упавшему бревну, а не по вертикальному стволу. Устроившись на нижней ветви, он осмотрелся, затем опустил голову к стоящему внизу Тос'уну.

Дзирт сбросил на землю пояс с обоими мечами Тос'уна.

— *Ты настолько доверяешь мне?* — спросил его сын Дома Баррисон Дель'Армго, используя для разговора тайный язык жестов дроу, когда слова передавались только пальцами.

Ответ Дзирта был простым и бесстрастным, как и весь его вид.

— *Мне нечего терять.* — прожестикуюлировал он. — *И я не слишком переживаю из-за этого меча — он больше разрушает, чем помогает. Когда вернешься к этому дереву, ты бросишь его и второй меч на землю, или я возьму его из рук умирающего орка, который подберет оружие после того, как я пушу тебе в сердце стрелу.*

Тос'ун долго и пристально смотрел на своего напарника, но против такой прямолинейной логики возразить было нечего. Он опустил взгляд на пояс с мечами, на рукоять Хазид-Хи и ощутил неподдельную радость от возвращения чудесного оружия в его руки.

Мгновением позже он исчез в темноте, и Дзирту оставалось только надеяться, что его предположение относительно правдивости слов Тос'уна окажется верным. Поскольку Кордио, конечно, не наложил на стрелу никакого заклятия и его искусное представление было не более чем хитроумной уловкой.

Тос'ун действительно довольно быстро пересек линию охраны орков и попал в главный лагерь. Вместе с часовыми из клана Карук повсюду стояли и воины Волчьей Пасти, а они знали дроу и не задерживали его, так что он без труда разыскал Днарка и Унг-тола.

— У меня есть новости, — объявил он.

Днарк и Унг-тол обменялись настороженными взглядами.

— Ну, выкладывай! — потребовал Унг-тол.

— Не здесь. — Тос'ун быстро огляделся по сторонам, словно ожидая обнаружить лазутчика за каждым камнем или деревом. — Это слишком важно.

Несколько мгновений Днарк не сводил с него испытующего взгляда.

— Позови Туугвика... — начал он говорить Унг-толу, но Тос'ун перебил вождя:

— Не надо. Только для Днарка и Унг-тола.

— Относительно Обальда?

— Возможно, — только и ответил дроу, а потом развернулся и зашагал прочь.

Двое орков снова переглянулись и последовали за ним в темноту, до самой поляны с деревом в центре, на котором ждал Дзирт.

— Мои друзья наблюдают за нами, — довольно громко, чтобы слышал Дзирт, объявил Тос'ун.

Дзирт насторожился и снял с плеча Тулмарил, ожидая, что его вот-вот обнаружат.

Он решил, что первым умрет Тос'ун.

— Твои друзья мертвы, — заметил Днарк.

— Только трое, — возразил Тос'ун.

— Ты завел себе еще друзей? Можно поздравить.

Тос'ун с отвращением выслушал саркастическое замечание и покачал головой, искренне удивляясь, почему до сих пор не убил этих мерзавцев.

— Вокруг нас рассредоточился значительный отряд дроу, — пояснил он, и орки, как и следовало ожидать, немного напряглись. — Они следят за нами — за вами.

Тос'ун оставил слова висеть в воздухе и наблюдал, как орки тревожно переминаются с ноги на ногу.

— Каэрлик перед смертью успела докричаться до Мензоберранзана, моего дома. Она посулила им богатство и власть, а поскольку призыв исходил от жрицы Ллос, он не мог быть не услышан. Вот они и пришли, решив сначала выждать и понаблюдать. Вы идете к Обальду?

— Об... Король Обальд, — быстро поправился Днарк, — пригласил к себе вождя Гргуча.

Тос'ун многозначительно усмехнулся.

— Дроу не питают любви к Обальду, — сказал он, и Дзирту показалось, будто при этих словах орки слегка расслабились.

— Вы собираетесь принести присягу? Или развязать войну?

Орки снова переглянулись.

— Король Обальд нас пригласил, вот мы и идем, — с упрямой решимостью заявил Унг-тол.

— Гргуч атаковал Лунный Лес, — напомнил Тос'ун. — Гргуч напал на Мифрил Халл. Без разрешения Обальда. Король будет недоволен.

— Возможно... — начал Днарк.

— Он будет очень недоволен, — перебил его Тос'ун. — И вам это известно. Вот потому вы и вызвали клан Карук из их глубокой норы.

— Обальду больше не нравятся сражения, — с неожиданной усмешкой заявил Днарк. — Он утратил связь с Груумшем. Он предпочитает торговаться и...

Днарк замолчал, но его мысль подхватил Унг-тол.

— Возможно, присутствие Гргуча вдохновит Обальда и напомнит ему о долге перед Груумшем, — сказал жрец.

— Вряд ли, — усомнился Тос'ун. — А потому мой народ предпочитает наблюдать и ждать. Если Обальд победит, мы уйдем обратно, в нижние уровни Подземья. Если одержит верх Гргуч, у нас может появиться причина двинуться вперед.

— А если Обальд и Гргуч вместе отправятся на завоевание северных земель? — спросил Днарк.

Тос'ун встретил это нелепое заявление смехом. Вскоре к его смеху присоединился и смех Днарка.

— Обальд забыл волю Груумша, — сказал вождь. — Он послал своего советника для переговоров с дворфами, вымаливать прощение за атаки Гргуча.

Тос'ун не смог скрыть изумления.

— Но этот гонец, конечно, не добрался до места, — добавил орк.

— Конечно. Значит, Гргуч и Днарк решили напомнить Обальду о его долге?

Днарк ничего не ответил.

— И вы по воле Груумша убьете Обальда и замените его Гргучем?

Ответа снова не последовало, но выражения лиц обоих орков подтверждали правильность его предположения.

Тос'ун улыбнулся оркам и кивнул:

— Мы будем наблюдать, вождь Днарк. И ждать. И я получил бы колоссальное удовольствие, наблюдая за смертью Обальда Многострельного. Не меньшее, чем если бы получил голову короля Бренора, чтобы беспрепятственно переправиться через Сарбрин и опустошить обширные земли на том берегу. — Дроу отвесил короткий поклон и развернулся. — Мы наблюдаем, — бросил он через плечо. — За всеми вами.

— Слушай горн клана Карук, — сказал Днарк. — Когда он зазвучит, настанет конец правлению Обальда.

Тос'ун пересек лужайку, даже не взглянув наверх, где ждал его Дзирт. Но вскоре орки отправились обратно в лагерь, и дроу-отступник вернулся к большому дереву.

— Твой пояс, — шепнул ему Дзирт, но Тос'ун уже расстегивал пряжку, опустил оружие на землю и отступил назад.

Дзирт ловко спрыгнул с ветки и подобрал мечи.

— Ты мог и сговориться с ними, — заметил Дзирт.

— Спроси у меча.

Дзирт скептически посмотрел на Хазид-Хи:

— Вряд ли ему можно доверять.

— Тогда потребуй сказать правду, — посоветовал Тос'ун. Но Дзирт лишь пожал плечами, забросил за спину пояс с мечами и жестом приказал Тос'уну возвращаться к поджидавшим их дворфам.

Какой бы ни была позиция Тос'уна, изменился ли его характер, или он поступал так из соображений какой-то выгоды, у Дзирта не было причин сомневаться в том, что он услышал. Его мысли особенно занимало одно известие — о том, что Обальд «послал своего советника для переговоров с дворфами, вымаливать прощение за атаки Гргуча».

Обальд не намерен воевать. Для короля орков война закончилась. Но многим его подданным это, вероятно, пришлось не по вкусу.

Глава 28

Ради высшего блага

Разведчик показал на три голые вершины в нескольких милях к северо-западу. — Флаг Обальда развевается над центральным пиком, — пояснил он Гргучу, Хакууну и остальным. — Вокруг королевского шатра установлена охрана из воинов его собственного клана.

Гргуч кивнул и посмотрел в сторону далекого врага:

— Сколько их?

— Сотни.

— Не тысячи? — уточнил вождь.

— Тысячи воинов находятся к югу от его ставки, — сообщил разведчик. — Они могут сомкнуться перед нами и защитить короля Обальда.

— Или разойтись на обе стороны и окружить нас, — добавил Хакуун, но в его голосе не было ни единого намека на беспокойство, поскольку Джек, в этот момент говоривший устами жреца, не испытывал страха перед любыми ловушками орков.

— Если только они останутся верны королю Обальду, — осмелился вступить в разговор Туугвик Тук, чем привлек к себе всеобщее внимание. — Многие воины недовольны его решением приостановить марш. А Гргуча они знают как нового героя.

Днарк начал что-то говорить, но тут же передумал. Однако, когда взгляд свирепого вождя полуогра остановился на нем, Днарк заговорил:

— А известно ли наверняка, что Обальд собирается сражаться? Или он просто заявит свои права и будет играть словами? Обальд правит и силой, и умом, он может постараться привлечь Гргуча на свою сторону.

— Чтобы строить стены? — с пренебрежительной усмешкой воскликнул вождь клана Карук.

— Он не собирается продолжать завоевания! — настаивал Туугвик Тук.

— Он может произнести сколько угодно слов о войне, чтобы вызвать сомнения, — ответил Днарк.

— Я хочу услышать от трусливого Обальда только одно слово: «Пощады!», — заявил Гргуч. — Мне доставляют удовольствие мольбы жертвы о милосердии, когда я опускаю на нее свой боевой топор.

Днарк хотел сказать что-то еще, но Гргуч поднял руку, прекратив обсуждение. С жестокой усмешкой, сулившей только войну, Гргуч кивнул Хакууну, и тот своим приказом вызвал вперед зомби Октула, все еще державшего перед собой голову.

— Вот наше послание, — объявил Гргуч. Он перевел взгляд на несчастного Накклза, подвешенного за лодыжки к шестам, которые держали на плечах двое рослых огров. — А вот наш посланник, — добавил Гргуч и снова хищно усмехнулся.

Он поднял выполненный в виде дракона топор и подошел к Накклзу, но жрец был слишком измучен и едва ли осознал его присутствие. В последний момент он все же увидел приближавшийся топор и сдавленно крикнул, а Гргуч точным горизонтальным ударом рассек веревки, так что Накклз тяжело упал головой вперед на землю.

Гргуч нагнулся и рывком поставил пленника на ноги.

— Иди к Обальду! — приказал он и так резко повернул его лицом на северо-запад, что бедный орк снова полетел на землю. — Иди и скажи Обальду Трусливому, чтобы прислушивался к звуку Кокто-Ганга клана Карук.

Накклз с трудом поднялся на ноги и заковылял прочь, отчаянно стараясь оказаться как можно дальше от жестоких каруков.

— Скажи Обальду Трусливому, что пришел Гргуч и что Груумш недоволен! — крикнул ему вслед Гргуч, и из рядов наблюдателей послышались язвительные смешки. — Я приму его капитуляцию... может быть.

Последние слова привели орков клана Карук в состояние неистового веселья, и даже Туугвик Тук просиял от радостного предвкушения.

Заговор наконец-то вышел наружу и близился к завершению. Это было несколько неожиданной реальностью, и это предвещало войну.

— Гргуч приближается в сопровождении многих других племен, — сказал Обальд генералу Дакке. — Для переговоров?

Они вместе с другими предводителями орков стояли на центральной вершине. За спиной короля орков из земли поднималось небольшое строение, окруженное тремя невысокими каменными валами. Остальные две вершины были увенчаны подобным образом, но оборонительные укрепления еще не были закончены. Обальд оглянулся через плечо, и по его знаку помощники вывели вперед едва живого Накклза.

— Похоже, он уже сказал свое слово, — отметил король орков.

— Значит, нам предстоит война в пределах нашего королевства, — откликнулся генерал, и все, кто его слышал, убедились в терзавших воина сомнениях.

Обальду показалось, что эти сомнения свидетельствуют в его пользу, несмотря на то что среди остальных собравшихся послышались вздохи и перешептывания.

— Их центр отлично усилен, — доложил Дакка. — Битва будет яростной и долгой.

Обальд и сам понимал, насколько силен вражеский центр, но ничего не сказал. Он слегка кивнул Дакке в знак одобрения, поскольку прекрасно понимал скрытый смысл его слов. Генерал только что предупредил его, что популярность Гргуча превзошла славу короля и в рядах его войска много недовольных. Несомненно, Обальд командовал превосходящими

силами. Он мог выставить против Гргуча и его союзников в десять раз больше воинов. Но тогда ему предстояло задуматься, сколько орков из его армий останутся под знаменем короля Обальда и сколько из них предпочтут Гргуча?

Обальд понимал, что только те, кто охранял три горные вершины, не вызывали никаких вопросов, поскольку здесь располагались воины клана Многих Стрел, его племя, его преданные последователи, кто мог пойти за ним даже в спальню леди Аластриэль, если бы Обальд отдал такой приказ.

— Сколько тысяч погибнет? — тихо спросил он Дакку.

— А разве дворфы, узнав о таком событии, не воспользуются возможностью отомстить? — так же спокойно задал вопрос генерал, и Обальд кивнул, так как ничего не мог возразить.

С одной стороны, Обальду хотелось отругать Дакку за его сомнения и недостаток преданности и послушания, но в душе он знал, что генерал был прав. Если воины Дакки, насчитывающие в своих рядах более двух тысяч, перейдут на сторону клана Карук и его союзников, исход сражения будет решен еще до того, как прольется первая кровь.

Обальд и его клан останутся в меньшинстве.

— Охраняй мои фланги от тех, кто не принадлежит к клану Карук, — попросил Обальд своего генерала. — И пусть Груумш решит, кто из нас, Гргуч или Обальд, достоин вести орков вперед.

— Говорят, что Гргуч пользуется поддержкой Груумша, — предостерег его Дакка, и по лицу Обальда пробежала тень. Но Дакка улыбнулся, не дав этой тени полностью затмить лицо короля. — Ты сделал правильный выбор ради блага Королевства Многих Стрел. Гргуч силен поддержкой Груумша, но Обальд защищает подданных Одноглазого.

— Да, Гргуч силен, — кивнул король орков и вытащил из ножен огромный меч, висевший по диагонали на его спине. — Но Обальд сильнее. Вскоре ты в этом убедишься.

Генерал Дакка долго смотрел на меч, вспоминая немало случаев, когда видел его разрушительную силу. Наконец он кивнул и слегка усмехнулся.

— Твоим флангам никто не осмелится угрожать, — пообещал он королю. — И весь сброд, прибившийся к клану Карук, будет рассеян еще до подножия гор. В центр выйдут только Гргуч и его воины.

— Упрямый остроухий эльф, ты лишился разума и стал глупее орка! — в ярости закричал Бренор и затопал ногами. — Я пришел сюда, чтобы убить это чудовище!

— Тос'ун говорит правду.

— Я не намерен доверять ни одному дроу, кроме тебя!

— Тогда поверь мне, ведь я слышал большую часть его разговора с заговорщиками. Обальд послал в Мифрил Халл гонца, чтобы просить прощения за эти атаки.

— Ты не можешь знать, о чем он говорил с орками до того, как привел их к тебе.

— Это верно, — признал Дзирт. — Но о многом из того, что рассказал Тос'ун, я подозревал еще до того, как с ним встретился. Пауза Обальда тянется слишком долго.

— Он атаковал нашу стену! И Лунный Лес. Ты так быстро забыл о гибели Инновиндиль?

Обвинение обрушилось на Дзирта огромной тяжестью, и он сердито поморщился. Он не мог забыть Инновиндиль. Он до сих пор повсюду слышал ее нежный голос, убеждавший его прислушаться к самым потаенным чувствам и желаниям, учивший, что значит быть эльфом. Инновиндиль принесла ему удивительный, неоценимый дар, и благодаря этому дару Дзирт До'Урден познал свое сердце и определил лежащий перед ним путь. Уроки Инновиндиль и ее дружба укрепили зыбучие пески под ногами Дзирта До'Урдена, так долго не дававшие ему твердой опоры для решительного шага.

Он не забыл Инновиндиль. Он видел ее. Ощущал ее аромат. Слышал ее голос и песню ее души.

Но он был уверен, что в ее смерти был виноват не Обальд. Эта ужасная утрата стала

следствием *отсутствия* Обальда, прелюдией к новому витку хаоса и новой угрозе в лице Гргуча, притворного союзника огромной и свирепой армии орков.

— Ты понимаешь, о чем меня просишь, эльф? — после долгого и напряженного молчания спросил Бренор.

— Этот город — не Гонтлгрим. Бренор, не моргнув, выдержал его взгляд.

— А ведь он красив, не правда ли? — спросил Дзирт. — И это доказательство...

— Предостережение, — перебил его Бренор.

— Разве? А Дагна и Дагнаббит согласились бы с тобой? А Шаудра?

— Ты просишь меня опозорить их память!

— Я хочу, чтобы ты почтил их память самым необычным проявлением смелости, воли и проницательности. Во всех исторических источниках всех рас можно отыскать лишь единичные случаи проявления подобной отваги.

Бренор сжал рукоять боевого топора и поднял перед собой оружие.

— Никто не сомневается в храбрости короля Бренора Боевого Топора, — заверил Дзирт дворфа. — Каждый, кто был свидетелем твоих подвигов против тьмы орков при отступлении в Мифрил Халл, по праву причисляет тебя к легендарным героям дворфов. Но я ожидаю от тебя смелости *отказаться* от сражения.

— Эльф, ты рехнулся, и я знал, что от тебя нельзя ожидать ничего, кроме неприятностей, еще с самой первой встречи.

Дзирт вытащил из ножен Сверкающий и Ледяную Смерть и воткнул мечи с обеих сторон от топора Бренора.

— Я буду внимательно следить за сражением вокруг нас, — пообещал Бренор. — Но когда отыщу в нем свое место, не пытайся остановить нацеленный топор.

Дзирт убрал мечи и поклонился Бренору:

— Ты мой король. Я высказал тебе свое мнение. Мое оружие в твоем распоряжении.

Бренор кивнул и начал поворачиваться, но внезапно остановился и, хитро прищурившись, оглянулся на Дзирта через плечо:

— А если ты пошлешь свою дурную кошку, чтобы меня остановить, можешь не сомневаться, эльф, я поужинаю кошатиной.

Бренор затопал к остальным дворфам, а Дзирт посмотрел на поле предстоящего боя, куда уже сходились далекие ряды орков. Затем он вытащил из кармана ониксовую статуэтку и призвал Гвенвивар, полагая, что бой начнется задолго до того, как пантера начнет уставать.

Кроме того, ему были необходимы надежность Гвенвивар и ее неоспоримая преданность. Требуя от Бренора проявления смелости, он требовал ее и от себя самого. Он подумал о Тарафиэле и Шаудре и обо всех остальных, кто уже погиб из-за нашествия Обальда, и многие из них были убиты его собственными руками. Он вспомнил Инновиндиль и ее верного Заката. Дзирт признавал, что эта боль останется с ним до конца жизни. Логически рассуждая, кровавые руки Обальда были не причастны к их гибели, но разве случилось бы в Лунном Лесу, Мифрил Халле, Несме и по всем Серебряным Землям столько трагических смертей, не начини король орков своих жестоких завоеваний?

И все же он просит Бренора проявить необычное для дворфа мужество, строит свои догадки на словах Тос'уна и рискует благополучием мира.

Дзирт опустил руку, чтобы погладить блестящую шерсть Гвенвивар, и пантера присела у его ног, а потом и вовсе растянулась на земле, высунув язык между грозными клыками.

— Гвенвивар, друг мой, если я совершу смертельную ошибку, прошу тебя об одной вещи: вонзи свои когти в тело Обальда, короля орков. И оставь его в мучительной агонии умирать от смертельных ран.

Гвенвивар лениво рыкнула и перекатилась на бок, требуя, чтобы он почесал ей ребра.

Но Дзирт знал, что она поняла каждое его слово и что пантера, единственная из всех, его никогда не подведет.

Глава 29

Король дворфов и стрела дворфа

Шингл и Торгар стояли спокойно, во всем полагаясь на решения Бренора, тогда как Пуэнт в нетерпении ходил взад и вперед. Кордио понимал неизбежность битвы и, закрыв глаза, молился Морадину — и Клангеддину. Что до Хралайна, он всем своим видом выражал угрюмую решимость, и стоящий рядом связанный Тос'ун явно разделял его чувства. Реджис беспокойно переступал с ноги на ногу. А Дзирт, убедившись, что бой вот-вот начнется и им пришло время выбирать — уйти или принять участие в сражении, терпеливо ждал.

Внимание всех было приковано к Бренору, и бремя ответственности заметно омрачило лицо старого дворфа. Он привел их сюда, и по его слову они либо отступят в безопасное место, либо ринутся в горнило чудовищной битвы, в которой нельзя надеяться не только победить, но и просто выжить. Но если боги будут к ним благосклонны, им удастся оказать влияние на дальнейшие события.

На юге армии генерала Дакки темными тучами покатались вперед, навстречу шеренгам орков, пытавшихся обойти горы с фланга. Он знал, что ему противостоит клан Волчьей Пасти, и Дакка с негромким ворчанием вообразил себе все ужасы, которым подвергнет Днарка, как только закончится это дело с Гргучем.

Король Обальд, уверенный, что генерал Дакка справится с Волчьей Пастью, все свое внимание сконцентрировал на восточном склоне, где поднявшаяся пыль указывала на приближение значительных сил, а мелькавшие желто-красные знамена свидетельствовали о присутствии клана Карук. Король орков прикрыл глаза и погрузился в размышления, вновь представив себе великое королевство, обнесенные стенами замки, оживленные города, где орки живут под солнечными лучами — живут и пользуются всеми благами мира.

Вопль Кны прервал его мысли, и, едва открыв глаза, Обальд понял причину ее испуга.

К ним медленно приближался орк-зомби, несущий в руках отрубленную голову. Никто из воинов стражи еще не успел отреагировать, а Обальд перепрыгнул через невысокую стенку и устремился вниз, обнажив на ходу свой знаменитый меч. Одного удара было достаточно, чтобы разрубить орка на две половины, а его голова покатилась по земле.

Теперь все решено, понял король орков. Гргуч продемонстрировал свои намерения, и Обальд ответил. Все сказано.

На востоке неподалеку заревел огромный горн.

Из-за соседней гряды скал послышались звуки стычек — орки сражались против орков.

— Обальд и Гргуч, — произнес Тос'ун.

Вдалеке, на северо-востоке, взревел великий Кокто-Ганг, горн клана Карук.

— Гргуч, — согласился Дзирт. Бренор взволнованно запыхтел.

— Я не могу никого из вас просить пойти со мной, — сказал он.

— Ба, пусть кто-нибудь попробует меня остановить! — воскликнул Торгар, и стоящий рядом Шингл кивнул в знак одобрения.

— Ради смерти Обальда я спустился бы даже в Бездну, — добавил Хралайн.

Тос'ун рядом с ним покачал головой.

— Обальда мы найдем на тех горах, — сказал Бренор, показав топором на три вершины, которые они определили как лагерь короля орков. — И я намерен туда добраться. Прямо через ряды сражающихся орков, как стрела из лука моей девочки. Я не могу сказать, скольких оставлю позади. Я не знаю, смогу ли выбраться после того, как убью этого пса. И меня это не волнует.

Торгар хлопнул открытой ладонью по длинному древку своего топора, а Шингл стукнул молотом по щиту.

— Мы поможем тебе туда пробраться, — пообещал Торгар.

Звуки боя, близкие и далекие, становились все громче. Громадный горн снова заревел, так что под ногами задрожали камни.

Бренор кивнул, повернулся к гряде, но помедлил и оглянулся на Тос'уна.

— Мой друг-эльф сказал, что ты не совершил ничего, что заслуживало бы казни, — сказал он. — И Хралайн с ним согласен. Уходи, но не давай повода, чтобы я пожалел о своем решении.

Тос'ун беспомощно развел руками:

— Но я безоружен.

— Если пойдешь следом за нами, найдешь предостаточно оружия, только не подходи слишком близко, — посоветовал Бренор.

Тос'ун нерешительно обвел взглядом всю группу, немного задержался на Дзирте, потом поклонился и пошел в том направлении, откуда они пришли.

— Теперь твой кошмар — Гргуч, — бросил он по-дроуски напоследок.

— Что еще? — спросил Бренор, но Дзирт только улыбнулся и подошел к Хралайну.

— Я буду двигаться быстро и держаться рядом с Бренором, — сказал дроу, передавая эльфу оружейный пояс Тос'уна. — Если у кого-то и есть шанс избежать этой бойни, так только у тебя. Будь осторожен с этим мечом. И сохрани его. — Он посмотрел через плечо Хралайна на откровенно взволнованного Реджиса. — Дело повернулось не совсем так, как мы ожидали. Нам придется отчаянно пробиваться через толпы орков, и, если бы мы знали расклад их сил, мы бы с Бренором вышли...

— Одни, — закончил за него Хралайн.

— Сохрани меч, — повторил Дзирт, но смотрел он при этом не на Хазид-Хи, а на Реджиса, и Хралайн понял его невысказанную просьбу. — И оставайся в живых, чтобы рассказать о нас, — добавил Дзирт, и они пожали друг другу руки.

— Ну, пора! — крикнул Бренор.

Он пошаркал башмаками по земле, очищая их от грязи, водрузил на голову однорогий шлем и взял в руку щит с выбитой на нем кружкой под шапкой пены. Бренор быстрым шагом двинулся вперед, но нетерпеливый Тибблдорф Пуэнт тут же догнал его и пошел впереди.

Едва перевалив гряду, они были готовы вступить в бой.

Орки сражались к западу от них, у линии обороны Обальда, но прямо под ними, внизу было множество воинов, отчаянно спешивших принять участие в битве. Орки настолько торопились, что Пуэнт просто опустил голову и прицелился своим шипом, когда ближайший воин повернулся и увидел неожиданных пришельцев.

Вопль орка быстро превратился в хрип, когда шип на шлеме пробил его грудь, а энергичное встряхивание головой отбросило смертельно раненного воина на землю. Двое других свернули в сторону и приготовились к атаке, но Пуэнт первым бросился на них и ударами шипованных рукавиц отбросил с дороги.

Дзирт и Бренор свернули вправо, где группы орков двигались между валунами и деревьями. Торгар и Шингл прокладывали путь впереди них, следом за Пуэнтом, стараясь пробиться через узкую линию фланга к основной схватке, разгоревшейся довольно далеко от них.

Дзирт длинными прыжками двигался впереди Бренора. Он поднял Тулмарил и держал лук горизонтально на уровне груди, так как орки были довольно близко и шли так густо, что прицеливаться не имело смысла. Первый же выстрел угодил в грудь орка и опрокинул его на землю. Вторая стрела прошла насквозь настолько чисто, что воин едва вздрогнул, и на мгновение Дзирту показалось, что он как-то умудрился промахнуться, — он даже потянулся за следующей стрелой. Но из груди и спины одновременно брызнула кровь, и орк умер, даже не успев упасть.

— Держись правее! — заревел Бренор, и Дзирт отступил на шаг в сторону.

Дворф ринулся мимо него и врезался в ближайшую группу орков, сшибая противников щитом и одновременно нанося удары топором то слева, то справа, то по центру.

Дзирт ловким движением забросил лук за спину, выхватил мечи и бросился вслед за

Бренором. Вскоре дворф и дроу обнаружили, что на каждого из них приходится по трое противников.

В этом случае у орков не было ни единого шанса.

Реджис не стал сопротивляться, когда Хралайн потянул его за собой, но пошел не вдогонку за ушедшей вперед шестеркой воинов, а от одного укрытия к другому.

— Охраняй меня, — попросил его эльф и принялся обстреливать орков из своего длинного лука.

Реджис, не споря, приготовил свою палицу, хотя и заподозрил, что Дзирт устроил это ради его безопасности, поскольку считал, что Хралайн, вероятнее всего, избежит безумия развернувшейся битвы.

Он разозлился на дроу за то, что его отстранили от сражения, но только на мгновение, пока не взглянул вниз и не увидел, что там творилось. Справа Пуэнт прыгал, вертелся на месте и непрерывно орудовал ногами, коленями, локтями и кулаками, каждым своим движением поражая очередного орка.

За ним, спиной к спине, Торгар и Шингл действовали с выработанной годами точностью, чередуя сокрушительные удары топоров с ловкими движениями щитов, — сказывалась выучка, приобретенная в хваленой страже Мирабара. Каждая серия ударов сопровождалась шагом в сторону — не важно, вправо или влево, — и второй дворф тотчас повторял движение, не нарушая целостности обороны.

— Копье, пригнись! — крикнул Торгар.

Он наклонился, не успев отразить копье, и оно, пролетев над головой, должно было попасть в затылок Шинглу, но старый воин услышал предупреждение и в последний момент умудрился поднять за спиной щит, отбросивший оружие в сторону.

Орк впереди Шингла решил воспользоваться ситуацией и ринулся вперед.

Но никакой брешы в обороне не было. Шингл кувырком откатился в сторону, а вместо него появился Торгар, и мощный удар меча лишил удивленного орка головы.

На его месте возникло сразу двое орков, и Торгар получил колотую рану в предплечье, но это только разозлило его еще больше.

Реджис с трудом сглотнул и тряхнул головой. Если бы он бросился в бой, наверняка уже лежал бы мертвым.

Он едва не лишился сознания, увидев громадного орка с каменным топором, подступившего к Шинглу под таким углом, что ни один из воинов не мог заблокировать его удар.

Но орк рухнул со стрелой в горле.

Это немного встряхнуло Реджиса, и он посмотрел на Хралайна. А эльф уже положил на тетиву следующую стрелу и целился в другую сторону.

Там Бренор и Дзирт использовали свою собственную магию, как могли только они. Мечи так быстро мелькали в руках разъяренного дроу, что Реджис не успевал за ними уследить, а силу их ударов он определял по падавшим в разные стороны оркам. Бренор, если и не мог соревноваться с дроу в ловкости, компенсировал это неукротимой отвагой. Реджису пришло в голову, что, если Дзирта достаточно сильно столкнуть с Тибблдорфом Пуэнтом, чтобы они слились в одно целое, в результате получился бы Бренор Боевой Топор.

Дворф рубил, колот и крушил врагов щитом, а при этом еще и пел. В отличие от остальной троицы, завязшей в плотной массе орков, Бренор и Дзирт продолжали двигаться на север. Они расчищали себе путь ударами мечей и топора; но вот перед ними возникла очередная группа орков, и Реджису показалось, что и эти двое сейчас остановятся.

Но стрелы Хралайна разметали ряды воинов, а потом на изумленных орков набросилась черная пантера и ударами мощных лап разбросала остатки.

Бренор и Дзирт, не оглядываясь на остальных, бросились бежать.

В первое мгновение их поступок ужаснул Реджиса. Разве не должны они были развернуться и помочь Пуэнту и остальным?

И почему они с Хралайном не торопятся присоединиться к своим друзьям?

Он взглянул на эльфа и понял, что их судьба не важна. Судьба любого из них. Важно, чтобы Бренор добрался до Обальда. И убил Обальда.

Любой ценой.

Кордио хотел бы догнать Бренора и защитить любимого короля даже ценой своей жизни, но жрец не мог успеть за горячим дворфом и его спутником-дроу. Кроме того, они действовали в такой гармонии, с такой превосходной слаженностью, что Кордио их только задерживал бы и отвлекал.

Тогда он повернулся к троим оставшимся дворфам и вступил в бой рядом с Торгаром, у которого после могучего удара орка бессильно повисла одна рука.

Дворф из Мирабара, не переставая сражаться, успел пробормотать слова благодарности подошедшему Кордио за поток исцеляющей энергии, направленный на его руку. Но когда Торгар выбрал момент и повернулся к жрецу, чтобы более отчетливо выразить свою признательность, он увидел, что Кордио приходится расплачиваться за проявленное сострадание. Жрец был вынужден пятиться от особенно громадного и кровожадного орка, и град жестоких ударов заставил Кордио совсем согнуться под своим превосходным щитом.

— Пуэнт! — заорал Торгар, а когда воин обернулся, показал ему на жреца.

— За Морадина! — донесся ответный крик Пуэнта, и он прервал свой поединок с двумя наседавшими орка-ми, чтобы броситься на помощь Кордио.

Двое орков ринулись за ним, но были перехвачены и оттеснены Торгаром и Шинглом.

К тому времени, когда Пуэнт добрался до жреца, тот уже выпрямился во весь рост и дал отпор орку. Кордио Хлебноголовой не был новичком в битве, он защитил себя оградительными заклинаниями и, призвав силу богов в свои руки, орудовал боевым цепом с завидным мастерством.

Это, конечно, не остановило Пуэнта, он вихрем пронесся мимо опешившего жреца и прыгнул на орка.

Орочий меч заскрежетал по замечательным доспехам Пуэнта, но не смог их пробить, зато Пуэнт навалился на орка и принялся осыпать его ударами. Острые края дворфских доспехов мгновенно пробili кожаную куртку и вонзились в тело. Орк заорал от боли и попытался отскочить, но внезапный удар латных рукавиц по обеим сторонам головы приковал его к месту.

Кордио воспользовался возможностью и направил волны энергии на неистового бойца, хотя и понимал, что Пуэнт вряд ли это заметит. Казалось, он совсем не чувствовал боли.

Небольшая поляна перед ними спустилась в довольно глубокую лошину, полную валунов и стволов упавших деревьев. Дзирт и Бренор, оставив позади сражавшихся товарищей, стали пробираться вперед, и длинные ноги дроу вывели его в лидеры.

Перед ними стояла задача избежать схваток и подобраться как можно ближе к трем скалистым вершинам, где находился король Обальд. Короля орков они увидели, когда добежали до конца лошины, — он был легко узнаваем благодаря полыхающему огнем исполинскому мечу.

От его ударов только что покатылся кубарем один из огров, и Обальд, резко повернувшись, бросил руку с мечом себе за плечо и вогнал клинок в корпус еще одного десятифутового чудовища. Затем он использовал меч как рычаг и с невообразимой силой перекинул огра вперед и сбросил со склона.

Битва кипела повсюду, клан Карук и клан Многих Стрел яростно сражались друг с другом за первенство.

Учитывая более выгодную позицию Обальда, можно было предположить, что сражение не затянется надолго.

Но вдруг над самой высокой точкой стены, левой по отношению к Обальду вершины, взорвался мощный огненный шар, и все стоявшие там лучники Многих Стрел мгновенно

разлетелись, охваченные волшебным пламенем. Они с воплями умирали прямо в воздухе и падали на землю почерневшими бесформенными кулями.

Воины клана Карук выскочили из-за камней и бросились вперед.

— Девять Кругов! — воскликнул Бренор. — С каких это пор орки стали бросать огненные шары? — спросил он Дзирта.

У Дзирта не было другого ответа, кроме того, что подтверждало его мнение обо всей этой ситуации.

— Гргуч, — только и ответил он.

— Ба! — привычно фыркнул Бренор, и они побежали дальше.

— Держись повыше! — сказал Хралайн Реджису и повел хафлинга на восток.

Они миновали россыпь валунов и подошли к единственному высокому клену, где эльф снова приготовил лук и стал выискивать цели для своих стрел.

— Надо бежать к ним! — закричал Реджис, увидев, как еще четверо орков перевалили через гряду соседней ложины и устремились вниз.

— Некогда!

Реджис хотел возразить, но замолчал, услышав неумолчное дребезжание тетивы, когда эльф принялся пускать стрелы одну за другой. С востока набежало еще больше орков, а на западе поднялась темная туча пыли, свидетельствующая о приближении огромной армии.

Реджис печально посмотрел на север, где исчезли Бренор и Дзирт, а вместе с ними и Пуэнт, Кордио и остальные дворфы. Он был почти уверен, что больше никогда не увидит своих друзей. Все это организовал Дзирт, теперь он знал точно. Дзирт оставил его с Хралайном, зная, что эльф сможет вытащить его из этой свалки, тогда как для самого дроу и Бренора пути к отступлению не было.

Горло Реджиса перехватило от горестных сожалений. Он почувствовал себя преданным и покинутым. В самом конце, когда ситуация бесповоротно ухудшилась, его оставили в стороне. Теоретически он все понимал -какой из него герой, на самом-то деле! Он не мог сражаться, как Бренор, Дзирт или Пуэнт. А в такой многочисленной толпе орков ему даже негде было спрятаться, чтобы при удобном случае наносить удары.

Но боль от этого не утихала.

Он едва не выпрыгнул из башмаков, когда совсем рядом возникла фигура орка, пробравшегося среди камней. Реджис почти инстинктивно завопил и толкнул его плечом, заставив качнуться, отчего нацеленное на Хралайна оружие лишь слегка задело эльфа.

Хралайн мгновенно развернулся и ударил орка луком в лицо. Орк упал, а Хралайн, бросив лук, потянулся за мечом.

Реджис поднял палицу, намереваясь быстро покончить с упавшим врагом, но в то же мгновение почувствовал, как кто-то схватил его за руку и резко дернул, так что плечо выскочило из сустава. Рука мгновенно онемела, и палица выпала. Он еще успел немного повернуться и пригнуться, выставив над головой вторую руку, в надежде защититься от падавшего каменного молота.

Внезапно его голова будто взорвалась, и Реджис, уткнувшись лицом в грязь, даже не сообразил, то ли его ноги просто подогнулись, то ли провалились в землю от мощного удара. Рядом со своим ухом он заметил мягкий башмак Хралайна, вступившего в бой над поверженным хафлингом.

Он попытался опереться на руки, но одна рука совсем ему не повиновалась, и любое усилие только вызывало мучительную боль во всем теле. Реджис все же сумел чуть-чуть приподнять голову, ощутил на губах сбегающую с затылка кровь и попытался взглянуть на своих врагов.

Он снова оказался лежащим ничком на земле, хоть и не понял, как это произошло. Холодные пальцы, словно вышедшие из земли, дотронулись до его головы. Реджис не закрывал глаз, но тьма постепенно затягивала все вокруг.

Последнее, что он слышал, было его собственное неровное дыхание.

Орочья броня не устояла против прекрасного меча эльфа, и Хралайн вонзил клинок в грудь ближайшего из нападавших, чей каменный молот покраснел от крови Реджиса.

Эльф метнулся в сторону и прикончил второго, все еще пытавшегося восстановить равновесие, а затем развернулся навстречу третьему орку, выскочившему из-за дерева. Меч сверкнул в воздухе, и копьё орка ушло в сторону и вонзилось в дерево, а его хозяин покачнулся от неожиданности. Дерево не позволило ему упасть, но, как оказалось, к несчастью для орка, поскольку Хралайн прыгнул в бок и ударом снизу пронзил ему подмышку.

Орк завопил и отчаянно завертелся, а потом бросился прочь, зажимая рукой рану.

Хралайн не стал его преследовать, а вернулся к Реджису, неподвижно лежавшему на холодной земле. Эльф понимал, что сейчас снова набегут орки и времени у него в обрез. Он по возможности осторожно подхватил хафлинга и положил в ямку между двумя выступающими из земли корнями. Потом забросал его сухой листвой, ветками и всем, что попало под руку, чтобы Реджиса не было видно. Решив отвести врагов от беспомощного Реджиса, он подхватил лук и побежал к востоку.

Орки сзади и снизу бросились в погоню. Еще больше врагов двинулись наперерез, перекрывая путь на юг, к каменистой гряде.

Хралайн бросил на землю второй пояс с мечами, переданный ему Дзиртом, и зашвырнул в кусты свой лук. Сейчас ему потребуется вся его ловкость.

Он бросился бежать, надеясь, что орки ринутся следом и не обнаружат раненого хафлинга. Но бег его продолжался всего несколько мгновений. Хралайну пришлось резко остановиться и взмахнуть мечом, чтобы отбить летящее копьё. Сейчас же со всех сторон взметнулись мечи, и орки окружили жертву. В венах Хралайна вскипела горячая кровь его предков. Тотчас вспомнились все навыки, полученные за два столетия жизни, и тело стало действовать как будто само по себе. Все мысли исчезли, остались только инстинкты и молниеносная реакция, сверкающий меч блокировал вражеские клинки, отводил нацеленные копьё и устремлялся вперед, чтобы заставить противников хоть на время отступить.

Эльф танцевал прекраснейший из танцев, и его защитные маневры со скоростью молнии сменялись ответными выпадами.

Но врагов было слишком много — слишком много, даже если сражаться с каждым по отдельности, и Хралайн не мог предвидеть развязку этой битвы.

В мыслях возник образ Инновиндиль, а потом и других, кого он лишился совсем недавно. Он мог надеяться на встречу с друзьями лишь в Арвандоре после того, как первый же неудачный блок пропустит копьё или лезвие меча.

За его спиной, под деревом, Реджис все глубже погружался в холодную тьму. А примерно на полпути от клена чья-то черная рука сомкнула пальцы на рукояти Хазид-Хи.

Они намеревались пробиться вслед за Бренором и Дзиртом, но стена орков преградила путь четверым дворфам. Воины добрались до небольшой ложины, но и там встретили жестокое сопротивление.

— За Мирабар и Мифрил Халл! — закричал Торгар Молотобоец.

Предводитель покинувшего Мирабар отряда встретил орков плечом к плечу со своим давним и испытанным напарником Шинглом. Рядом с ними рычал и осыпал врагов ударами Тибблдорф Пуэнт, и с каждым ударом его ярость только возрастала. Он орудовал руками и ногами, а шлем с шипом так часто устремлялся на орков, что походка Пуэнта стала похожа на ныряющую походку длинношеей морской чайки. Рядом с Пуэнтом в рядах орков возникло настоящее смятение. Они пытались бросать в него копьё, но делали это в основном, уже поворачивая назад, так что оружие летело мимо цели.

Но все было напрасно. Перед ними скопилось слишком много орков, и, чтобы получить хоть какой-то шанс выбраться, им пришлось бы навалить горы трупов высотой со стены дворфских крепостей.

Бренор и Дзирт были для них потеряны, а путь, ведущий на юг, к безопасному убежищу Мифрил Халла, закрыт. И все четверо поступали так, как поступали в подобных случаях все дворфы, — они продолжали сражаться, чтобы взять с собой как можно больше врагов.

Кордио хотел применить кое-какие ограждающие заклинания, ошеломить орков взрывной волной или удержать их на месте, чтобы Торгар и Шингл могли беспрепятственно нанести им смертельные удары, но все дворфы уже истекали кровью, и жрец не успевал справляться с их ранами, хотя читал только исцеляющие молитвы. Кордио в полной мере обладал благословением Морадина, был очень могущественным и благочестивым жрецом, но ему казалось, что для победы в этой битве было бы недостаточно даже исцеляющих сил самого Морадина. Дворфы были самыми ненавистными и давними врагами орков и оказались в гуще огромной толпы, так что со всех сторон подбегали новые и новые воины, готовые разорвать их на части.

Но никто из дворфов не поддавался страху. Они пели молитвы Морадину, Клангеддину и Думатойну. Они пели о кабаках и тяжелых кружках с элем, о победах над орками и великанами и о своих прекрасных дамах.

Потом Кордио затянул песнь о короле Бреноре, о падении сил тьмы и расцвете Мифрил Халла.

Они пели и сражались. Они убивали орков, истекали кровью и постоянно поглядывали на восток, куда ушел их король Бренор.

Выходило так, что сегодня они неплохо послужили ему, дав достаточно времени и пространства, чтобы добраться до гор и раз и навсегда покончить с Обальдом.

Вражеский меч ужалил в предплечье, и рана, даже небольшая, привела к первым признакам слабости. Движения эльфа замедлились, а орки постепенно приспосабливались к ритму его ударов.

Бежать некуда.

Справа неожиданно, как ему показалось, выскочил вперед орк, и Хралайн повернулся навстречу атаке, но в следующий момент понял, что атака здесь ни при чем, — в груди падающего орка он заметил окровавленный кончик меча.

За спиной мертвого врага Тос'ун Армго вытащил Хазид-Хи и отпрыгнул в сторону. Ближайший орк поднял щит, блокируя выпад дроу, но меч прошел сквозь щит, сквозь его руку и сквозь грудь.

Не успел упасть этот противник, как следующий буквально напоролся на второй клинок Тос'уна, отнятый у орков.

У Хралайна не было времени наблюдать за этим спектаклем или хотя бы задуматься над невероятным появлением дроу. Он развернулся и проткнул грудь еще одного орка, засмотревшегося на темного эльфа. Темный и светлый эльфы объединили свои усилия, и вскоре многие орки были убиты, а остальные, бросая оружие, разбежались, так что соратники остались одни и Хралайн наконец-то смог перевести дух.

— Это клан Волчьей Пасти, — пояснил Тос'ун. — Они меня боятся.

— И не без причины, — отозвался Хралайн.

Звуки боя с северной стороны и голоса певших дворфов не дали им продолжить разговор, и прежде, чем Тос'ун начал что-то объяснять, он понял, что это ни к чему, так как Хралайн уже поспешно спускался вниз.

Глава 30

Старое и новое

Главный бой должен был состояться между ними, поскольку среди орков борьба внутри племени или между кланами была делом сугубо персональным. Король Обальд запрыгнул на край стены и вонзил свой меч в живот огра из клана Карук. Он заглянул в лицо

чудовища, злобно усмехнулся и заставил волшебный меч вспыхнуть пламенем.

Огр пытался закричать, но лишь разинул рот в безмолвном ужасе.

Усмешка Обальда стала еще шире, и он задержал меч, не желая торопить смерть огра. Ошеломленный гигант постепенно сполз с лезвия, а потом замертво покатился по склону. Из обожженной раны повалил дым.

Проводив его взглядом, Обальд увидел, как в воздух взлетело исковерканное тело одного из его стражников, воина из клана Многих Стрел. Он проследил траекторию до точки удара, и в этот момент еще один орк, молодой многообещающий воин, отлично проявивший себя в бою против Боевых Топоров, отлетел назад и замер в нелепой позе, широко раскинув руки.

Обальд смотрел ему в спину, ничего не понимая, пока перед воином не взметнулся огромный топор. Удар чудовищной силы рассек тело орка по диагонали от левого плеча до правого бедра. Верхняя половина туловища слетела на землю, а нижняя часть, прежде чем рухнуть, простояла еще несколько долгих мгновений.

На его месте показался Гргуч, легко удерживавший ужасный топор одной рукой.

Их взгляды встретились, все остальные орки и огры, воины кланов Карук и Многих Стрел одновременно прекратили схватки.

Обальд широко развел руки, и меч в правом кулаке полыхнул языками огня. Затем он запрокинул голову и закричал.

Гргуч в точности повторил его движения, и его вопль метнулся эхом между горными вершинами. Вызов был принят. Вождь каруков взялся за древко топора обеими руками, поднял его над левым плечом и побежал в гору.

Обальд сразу попытался провести смертельный удар, приняв обманную защитную позицию, но затем отпрыгнул от приближающегося вождя и сделал выпад строго вперед. Топор Гргуча с неожиданной и грубой силой двинулся наперерез, рубящий удар лезвия в виде крыльев дракона пришелся по центру клинка Обальда. Гргуч повернул топор наискось, так что крылья опустились перпендикулярно земле, но удар был настолько мощным, что сопротивление меча ничуть не замедлило полет топора. Оружие Гргуча имело в длину почти три фута, и вождь таким образом не позволил Обальду переместить исполинский меч для удара поверх блока.

Обальд не стал противиться и позволил мечу отклониться влево, но вместо того, чтобы перехватить его правой рукой, как можно было ожидать, хитрый орк и сам повернулся вслед за мечом, не дожидаясь удара топора. Завершив разворот, он опустил левое плечо и, шагнув вперед, врезался в Гргуча.

Оба воина скользнули по каменистой осыпи вниз, но Гргуч, к удивлению Обальда, не упал. Он встретил атаку Обальда с неменьшей силой.

Вождь на несколько дюймов превосходил короля ростом, но Обальд был благословлен Груумшем и обладал силой буйвола. Мощные руки позволили Обальду одолеть даже Герти Орельсдоттр, королеву снежных великанов.

Но не Гргуча.

Бойцы снова скрестили оружие, и правая рука Обальда противостояла левой руке Гргуча. Обальд крепко ударил Гргуча кулаком левой руки в лицо, заставив отшатнуться назад, но едва он, почувствовав боль, отвел руку, как вождь со всего размаху приложился лбом к его носу.

Они наносили друг другу удары, сцеплялись руками и оружием, пускались на различные уловки и одновременно отскочили друг от друга, заскользив по мелким камням.

Оба тотчас снова бросились в бой, и меч сталкивался с топором с такой силой, что пламя отрывалось от лезвия и разлеталось в воздухе.

— Все, как нам говорил Тос'ун, — заметил Дзирт, когда они пробрались между орками и увидели грандиозный поединок.

— Как ты думаешь, эльф, может, они забудут друг о друге и бросятся на нас? — с

надеждой спросил Бренор.

— Вряд ли, по крайней мере Обальд, — сухо ответил Дзирт, чем стер с лица Бренора веселье.

Дроу повел Бренора за груды камней, еще не использованных при сооружении стены.

— Ба! Ты спятил!

— Перед нами два варианта будущего, — сказал ему Дзирт. — Что скажет Бренору Морадин?

Бренор еще не успел ответить, а Дзирт обогнул каменную груды, и ему навстречу выскочили двое орков. Дроу поднял оба меча и попятился, увлекая за собой кровожадных орков, чтобы оказаться в поле зрения Бренора.

Топор дворфа взлетел и опустился, и одним орком стало меньше.

Второй орк начал поворачиваться, удивленный тем, что его противник так быстро сменил позицию.

Он получил четыре удара мечами Дзирта, а затем еще и Бренор раскроил ему топором череп.

Расправившись с ближайшими врагами, Бренор и Дзирт прошли дальше.

Теперь они оказались намного ближе к Обальду и Гргучу. Могучие орки снова сошлись в поединке, обменялись сериями жестоких ударов, и оба смахивали текущую по лицам кровь.

— Перед нами два пути, — произнес Дзирт и пристально взглянул в лицо Бренора.

Бренор пожал плечами, потом постучал своим топором по мечам эльфа.

— Ради благополучия этого мира, эльф, — сказал он. — Ради потомков моего народа, ради доверившихся мне друзей. А ты все равно спятил.

В каждом ударе гремела сила, достаточная для убийства, каждый взмах со свистом рассекал воздух. Они были орками, один — наполовину огром, но они сражались подобно гигантам, подобно титанам, а своим воинам казались настоящими божествами.

Рожденный для битвы, воспитанный в боях, закаленный так, что его кожа задубела, и поддерживаемый магическими заклинаниями Хакууна и, соответственно, Джека-гнома, Гргуч орудовал тяжелым топором с такой ловкостью и точностью, с какой мог бы управляться с кинжалом самый искусный убийца из Калимпорта. Ни один воин клана Карук, даже превосходящий его по силе или росту, не решился бы оспаривать его первенство, и никто не осмеливался выступить против его воли. И Обальд быстро понял, что это закономерно, поскольку вождь наседали со все возрастающей яростью.

Обальд, благословенный Груумшем, напоенный силой избранника бога, ветеран многих сражений, ни одним мускулом не уступал своему противнику. И в отличие от многих воинов, полагавшихся только на грубую силу, чтобы пробить оборону врага, Обальд комбинировал ее с ловкостью и быстротой реакции. Он на равных сражался на мечах с Дзиртом До'Урденом и по мощи мускулов превзошел Вульфгара. А потому встречал удары Гргуча искусными блоками и отвечал мощными контратаками, так что вождю, отражавшему натиск исполинского меча, приходилось до предела напрягать руки.

Гргуч обошел Обальда слева и немного поднялся, получив преимущество высоты. Развернувшись, он из-за головы обрушил топор на короля орков, так что Обальд едва не согнулся под тяжестью удара и его ноги опасно заскользили по склону.

Гргуч ударил во второй раз и в третий, но Обальд неожиданно качнулся в сторону, и топор не встретил на своем пути ничего, кроме воздуха. Чтобы не упасть, Гргучу пришлось сделать несколько быстрых шагов вниз.

Они опять оказались на одном уровне, и теперь Обальд, шагнув вверх, ринулся в атаку. Он схватил меч обеими руками и нанес удар сверху и справа, потом слева, потом опять справа. Гргуч оборонялся, переводя топор справа налево и обратно, блокируя каждый удар короля. Обальд ускорил темп и отчаянно рубил мечом, не давая противнику ни одного шанса организовать контрнаступление. Он вызвал пламя на лезвии меча, но тотчас усилием мысли

погасил его и вызвал снова — с единственной целью хоть немного отвлечь внимание Гргуча.

Удары исполинского меча сыпались справа и слева, затем последовали три мощных удара сверху, оставив зарубки на рукоятке топора и дрожь в напряженных до предела руках Гргуча. Обальд не уставал, и его атака становилась все более неистовой, так что Гргучу приходилось потихоньку отступать.

Обальд знал, что Гргуч уже не ждет возможности нанести ответный удар и все его помыслы сосредоточены лишь на том, чтобы оторваться от врага и вновь занять равную с ним позицию.

Он не собирался предоставлять ему такой возможности. Да, вождь отлично сражался, но он не был Обальдом.

Ослепительная вспышка и громкий взрыв нарушили ритм ударов короля орков, а едва Обальд оправился после первоначального потрясения, то обнаружил, что не только утратил преимущество в схватке. Его ноги подгибались под весом тела. Исполинский меч неистово задрожал в руке, а зубы застучали так сильно, что сорвали с десен полосы кожи.

Где-то в глубине разбегающихся мыслей мелькнула догадка: энергетический заряд колдуна, и невероятно сильный.

Следующий удар Гргуча он блокировал по чистой случайности: к счастью, исполинский меч оказался на пути топора. Или Гргуч просто целился в оружие, понял Обальд, отступая назад от толчка и с трудом сохраняя равновесие при каждом неуверенном шаге.

Он сделал еще одну отчаянную попытку защититься от удара, повернувшись влево и выставив меч под точным углом к летящему топору.

Блок был выполнен превосходно, вот только дрожащие ноги Обальда не выдержали сильного удара. Он отклонился немного в сторону и назад, вниз по склону, а потом упал на одно колено.

Гргуч снова ударил по его мечу и отвел оружие далеко в сторону, а затем шагнул вперед и занес огромный топор. Обальд понял, что он уже не в силах себя защитить.

Чья-то нога в грубом башмаке встала ему на шею и пригнула к земле, и Обальд попытался повернуться, чтобы посмотреть на нового врага.

Но целью Бренора Боевого Топора был вовсе не Обальд, и спину поверженного короля орков он использовал только в качестве трамплина, чтобы добраться до главного противника.

Гргуч успел повернуть свой топор, чтобы встретить оружие дворфа, но Бренор в прыжке тоже изогнулся, так что его круглый щит, украшенный металлической кружкой эля, эмблемой Боевых Топоров, угодил точно в лицо Гргучу и заставил его отпрянуть.

Вождь каруков в прыжке взвился в воздух и замахнулся для сокрушительного удара, но Бренор рванулся вперед, проскочил под топором и врезался единственным рогом своего шлема Гргучу в живот, а его топор ударил снизу вверх между ног вождя. Так, сцепившись, они пролетели несколько футов, а затем покатались вниз по склону. Когда они остановились, Гргуч оказался спиной к своему противнику, и он сразу же перевалился через невысокий каменный барьер.

Бренор бросился вдогонку, вскочил на камни, а прыгивая, на лету размахнулся топором, так что Гргуч был вынужден снова попятиться от мощного удара.

Дворф без устали атаковал топором и щитом, и Гргучу пришлось сделать не один шаг, пока он не приспособился к новому противнику.

Оставшийся наверху Обальд упрямо поднялся на ноги и попытался снова принять участие в поединке, но второй энергетический снаряд окончательно швырнул его на землю.

Хралайн первым перепрыгнул через узкую лощину, поднялся на валун и свернул вправо, но быстро скатился вниз, обогнул ствол дерева и оказался лицом к лицу с незадачливым орком, чей меч все еще искал противника с другой стороны. Эльф нанес точный и сильный удар, и смертельно раненный орк рухнул.

Хралайн, почти не задержавшись, проскочил мимо жертвы и на ходу отвел руку назад, вытаскивая меч из тела. Меч освободился, но в тот же момент эльф ощутил укол в руку и невольно разжал пальцы. Оглянувшись, он с изумлением увидел, что Тос'ун удерживает его клинок между двумя своими мечами. Затем дроу с невероятной ловкостью бросил один свой меч в ножны и поймал рукоять оружия Хралайна.

— Предатель! — возмущенно воскликнул Хралайн, но темный эльф невозмутимо подтолкнул его вперед.

— Заткнись и беги! — велел ему Тос'ун.

Но Хралайн остановился, и тогда в него уперся кончик Хазид-Хи, затем до плеча дотронулась рука Тос'уна и сильно толкнула вперед.

— Бежим! — приказал дроу.

Хралайн нерешительно двинулся с места, но Тос'ун не позволил ему задерживаться, подталкивая на каждом шагу.

Дзирт очень не хотел оставлять Бренора одного поблизости от двух орочьих предводителей, но его внимания требовал применивший магию орк, который скрывался в смешанной рощице вечнозеленых и лиственных деревьев, с восточной стороны от укреплений Обальда. Дзирт, живший и учившийся рядом с чародеями Магика, сочетавшими мастерство владения мечом с магическими приемами, понимал, насколько опасны эти огненные шары.

Кроме того, в мозгу Дзирта давно зародились смутные подозрения. Как орки смогли сбить в воздухе летящую на Закате Инновиндиль? Эта загадка не давала ему покоя с тех пор, как Хралайн принес печальное известие о ее гибели. Может, разгадка кроется здесь?

Колдун был не один, вокруг него несли охрану несколько громадных полуогров из клана Карук, стоявших по периметру рощи. Первый из них выскочил навстречу Дзирту, едва тот приблизился к крайним деревьям, выставив перед собой копье.

Но Дзирт не стал тратить время на подобную чепуху. Он изогнулся, отклоняясь влево, а оба меча переместил вправо и вниз, и летящее копье, не причинив вреда, ушло в сторону. Дзирт не стал убирать мечи, а лишь немного приподнял Сверкающий, и клинок прочертил аккуратную линию на шее потерявшего равновесие орка.

Едва один из охранников рухнул на землю, как на его месте появились еще двое, и возникшая суeta привлекла внимание колдуна, стоявшего футах в тридцати.

Дзирт, к большой радости жреца, изобразил на своем лице страх и прыгнул вправо, наперерез первому из подбежавших орков. Едва они сошлись, дроу резко развернулся влево и наклонился, а его стремительно летящие мечи подбросили вверх нацеленный клинок орка.

Преследуемый двумя орками, Дзирт быстро подбежал к упавшему дереву, вскочил на ствол, подпрыгнул, сгруппировался в воздухе и выполнил сальто. Он легко приземлился и тотчас обрушил на орков град стремительных ударов. Один из противников упал, второй предпочел отбежать в сторону.

Дзирт выглянул из-за ствола дерева и увидел, что орочий колдун творит заклинание и машет руками в его сторону.

Именно на это он и рассчитывал. В следующее мгновение на лице жреца, к радости Дзирта, появилось неподдельное изумление, и Гвенвивар, выскочив из кустов, свалила колдуна на землю.

— Ради жизни твоих дворфских друзей, — объяснил Тос'ун, продолжая толкать вперед упрямого Хралайна.

Столь странное заявление сломило сопротивление Хралайна, и он не стал возражать, когда удар мечом плашмя заставил его свернуть прямо на восток.

— Знамя Волчьей Пасти, — пояснил Тос'ун Хралайну. — Там вождь Днарк и его жрец.

— Но дворфам нужна помощь! — возразил эльф, поскольку заметил, как неподалеку от них Пуэнт, Торгар и остальные отбивались от толпы орков, вдвое превосходящей их по

численности.

— Сначала голова змеи! — настаивал Тос'ун, и Хралайн не мог с ним не согласиться.

Он начал кое-что понимать, когда они промчались мимо нескольких орков и те лишь внимательно взглянули на темного эльфа, не делая никаких попыток его остановить.

Миновав заваленную валунами пустошь и густые заросли сосен, они выбежали на просторную поляну, в самый центр армии Днарка. Тос'ун тотчас высмотрел самого вождя, а рядом с ним, как и ожидалось, стояли Туугвик Тук и Унг-тол.

— Подарок для Днарка! — крикнул дроу изумленным оркам и так сильно толкнул Хралайна, что тот чуть не споткнулся.

Днарк махнул рукой нескольким стражникам, чтобы те приняли у Тос'уна пленника.

— К нам приближается генерал Дакка со своими войсками, — сказал Тос'уну Днарк. — Но мы не вступим в бой, пока не закончится поединок двух вождей.

— Обальда и Гргуча, — кивнул Тос'ун и, завидев приближавшихся орков, подошел ближе к Хралайну. — Левое бедро, — шепнул он, проходя мимо.

Дроу прошел почти вплотную, так что Хралайн ощутил прикосновение рукояти собственного меча, торчавшего из ножен.

Тос'ун остановился и кивнул лидерам племени, чем отвлек их внимание и предоставил Хралайну возможность выдернуть меч. Эльф так и поступил, а когда орки, увидев в его руках оружие, закричали, эльфийская сталь сверкнула в воздухе и заставила их умолкнуть навеки.

Тос'ун отпрыгнул от Хралайна и, спотыкаясь и оглядываясь, побежал к Днарку, притворившись, будто удирает от Хралайна. Но он быстро обрел равновесие и, повернувшись, увидел, что Туугвик Тук приступил к заклинаниям, а Днарк приказывает остальным оркам задержать Хралайна.

— Поймайте этого эльфа и прикончите его! — выкрикнул он, пока Тос'ун продолжал свой бег. — Дакка уже близко, и мы должны подготовиться...

Но тут его голос резко оборвался. Днарк понял, что Тос'ун вовсе не убегает от Хралайна, а собирается напасть на него.

Стоящий слева от Днарка Туугвик Тук только вздохнул, когда Хазид-Хи грубо прервал его заклинание, пронзив грудь. Вождь Днарк, надо отдать ему должное, успел прикрыться щитом от второго меча Тос'уна, нацеленного на него. Но он не мог предвидеть мощи Хазид-Хи. Вместо того чтобы вытащить меч из груди Туугвика Тука, Тос'ун повел его в сторону, и невероятно острое лезвие меча, прозванного Горлорезом, прошло сквозь кости и плоть жреца так же легко, как если бы скользило сквозь воду. Клинок вышел на уровне плеча Днарка, и вождь даже не успел понять, что угроза возникла с другой стороны, как левая рука была отрублена и упала на землю.

Днарк взвыл, выронил оружие и схватился за фонтанирующую кровью рану. Спустя мгновение он упал на спину, но продолжал выкрикивать напрасные угрозы и проклятия.

Тос'ун не стал его слушать, а повернулся к ближайшему орку. Но Унг-тола рядом уже не оказалось: шаман сбежал, прихватив с собой значительную часть охранников Днарка.

— К дворфам! — крикнул Хралайн дроу, и Тос'ун помчался вслед за эльфом Лунного Леса.

По пути он молниеносной серией ударов разогнал ближайших преследователей, а потом догнал Хралайна, успевшего развернуться и на полной скорости устремиться к ложине с западной стороны.

Бренор выставил перед собой щит, отразив боковой удар, шагнул вперед и слегка развернулся, следуя за уклонявшимся от удара Гргучем. Щит выдержал еще один выпад, а рука с топором прошла под ним, заставив Гргуча втянуть живот и оттопырить зад.

Дворф не прекращал наступать, нанося удары то щитом, то топором, и его тактика выводила из равновесия более рослого и массивного противника. Исходя из мастерства его соперника и длины огромного топора, Бренор понимал, что такое положение он должен

сохранять как можно дольше.

Песнь Морадину так и рвалась с его губ. Он чередовал боковые удары с мощными выпадами снизу, почти каждый раз достигал цели и снова рвался вперед, прикрываясь щитом. Ради этого момента он был нужен Морадину и еще больше — клану Боевых Топоров.

Он прогнал остатки замешательства, вызванного древним городом и его загадками, а также странными предположениями Дзирта. Сейчас все это не имело значения, остался только он и его новый, самый свирепый противник. Давние враги сошлись в смертельном поединке. Таков был путь Морадина и путь Груумша, по крайней мере таким он был всегда.

Дворф легкими прыжками насккивал и отступал, вертелся во все стороны. Он уклонялся от одних ударов и превосходно парировал другие и благодаря скорости не давал своему огромному и сильному противнику обрести равновесие.

Каждый раз, как только Гргуч широко размахивался своим устрашающим топором, дворф ускользал из-под удара, то отскакивая назад, то резко приближаясь, и могучий орк был вынужден менять угол падения оружия, что намного уменьшало мощь удара.

Зато топор Бренора каждый раз успевал задеть Гргуча. И каждый его выпад заставлял вождя изгибаться, уклоняться и изрыгать проклятия.

Для ушей Бренора эти проклятия звучали самой приятной музыкой.

Разозленный до предела Гргуч отскочил назад и заревел, высоко подняв топор обеими руками. Бренор считал за лучшее не преследовать его, а просто отскочил назад и в сторону, как раз под ветку еще не покрытого листвой клена.

Гргуч, слишком разъяренный неуловимостью дворфа, и не подумал отказываться от атаки. Он рванулся вперед и что было сил обрушил оружие. Топор в виде крылатого дракона угодил в толстую ветвь, рассек ее у самого основания и швырнул на дворфа. Бренор в последнюю секунду успел поднять над головой щит, но под тяжестью ветки ему пришлось попятиться назад.

К тому времени, когда он оправился от удара, Гргуч уже был рядом и в очередной раз взмахнул топором, целясь в череп Бренора.

Бренор пригнулся и снова поднял щит, и топор ударил со всего размаху — чересчур сильно! Украшенный кружкой с пенным элем, самый узнаваемый из всех достопримечательностей Мифрил Халла щит раскололся на две части, а следом треснула и рука Бренора, и он сам рухнул на колени.

Мучительная боль наполнила все тело, перед глазами засверкали ослепительно белые вспышки.

Но Морадин остался с ним, остался в его сердце, и Бренор снова рванулся вперед, размахивая топором и заставляя Гргуча отступить перед неистовой яростью.

Пуэнт, Торгар и Шингл образовали вокруг Кордио треугольник. Жрец координировал их действия, вернее, согласовывал передвижения Шингла и Торгара в соответствии с прыжками и рывками разъяренного до крайности Тибблдорфа Пуэнта, который не привык сражаться в обороне. Но к счастью, сверкавший глазами воин не утруждал себя сохранением строя, и вокруг них громоздились уже горы трупов.

Но на место убитых вставали другие, и их становилось все больше — бесконечный поток орков не истощался ни на мгновение. Уставшие руки уже с трудом держали оружие, и трое сражающихся дворфов все чаще пропускали удары, так что Кордио почти без остановки читал заклинания, призывая волшебные целительные силы.

Все трое сознавали, что не смогут продержаться долго, и даже Пуэнт заподозрил, что это будет его последняя славная битва.

Ближайший к Торгару орк неожиданно рванулся вперед. Мирабарский дворф чудом успел повернуть длинную рукоять топора, чтобы отбросить врага, но тот стал медленно оседать на землю, и Торгар только тогда увидел, что орк смертельно ранен, а вся его спина уже была залита кровью.

Дворф развернулся, чтобы окинуть взглядом всех остальных орков, и вдруг увидел перед собой проход и сражавшихся плечом к плечу Хралайна и Тос'уна. Они пятились, не переставая работать мечами, и Торгар переместился вправо, освобождая место эльфам. Треугольник увеличился до пятерки, и теперь с восточной стороны перед ними образовалось свободное пространство. Хралайн и Тос'ун возглавили группу, а за ними стали продвигаться Кордио и другие дворфы.

Но не успели они пройти и нескольких шагов, как их снова окружили орки — в бой вступало все больше и больше воинов, жаждавших отомстить за своего поверженного вождя, и просто орков, охочих до крови эльфов и дворфов.

Когти пантеры впились в тело упавшего орка, но охранные заклинания Джека выдержали, и Гвенвивар не сумела причинить сколько-нибудь значительного вреда. Джек успел вовремя, и губы Хакууна начали шептать слова уже во время ее прыжка.

Однако Гвенвивар неплохо разбиралась в мощи жрецов и колдунов, так что пантера сомкнула страшные челюсти на голове орка и постаралась сжать зубы или хотя бы свернуть ему шею. Но заклинания гнома оказались сильнее и значительно уменьшили воздействие клыков. Все же Хакуун начинал ощущать боль, а вспомнив, что магические поля могут быть разорваны, жрец запаниковал.

Джека это мало тревожило, и он чувствовал себя в голове орка в полной безопасности. Старый гном был достаточно мудрым, чтобы распознать сущность Гвенвивар. Под защитой толстого черепа орка он не спеша приступил к решению этой проблемы. Джек мысленно дотянулся до Ткани магической энергии, отыскал ближайшие разорванные концы волшебного излучения и связал их между собой, а пустое пространство заполнил магической силой обратного действия.

Хакуун не выдержал и закричал, когда когти пантеры прорвали его кожаную тунику и оставили кровавые следы на плече. Огромная кошка повернула голову с открытой клыкастой пастью и зарычала ему в лицо. Хакуун, уверенный, что охранные чары исчезли, закричал еще громче. Он решил, что пантера вот-вот разгрызет его голову.

Но страшная голова, а за ней и вся пантера исчезли, превратившись в облачко серого дыма.

Вставай, идиот! — закричал в его мозгу Джек.

Орочий шаман перевернулся на бок, потом поднялся на одно колено. Только он приготовился встать во весь рост, как снова рухнул на землю от сильного толчка в спину, сопровождаемого целым снопом искр.

Набравшись храбрости, он оглянулся и с изумлением увидел дроу, нацелившего в его сторону свой лук.

Вторая горящая стрела мелькнула в воздухе и взорвалась, снова опрокинув его на спину. Но Джек внутри его головы не бездействовал, и, пока шаман барахтался на земле, одна его рука вытянулась вперед и ответила на третий выстрел дроу ослепительно белой молнией.

Когда прошла вызванная вспышкой слепота, Хакуун обнаружил, что его враг исчез. Он решил, что от дроу остался только дымящийся скелет, но заблуждение длилось недолго, поскольку с другой стороны в него опять полетела волшебная стрела.

И снова Джек ответил взрывом, а затем и целой серией магических снарядов, которые металась между деревьями в поисках дроу.

В голове Хакууна одновременно зазвучали сразу два голоса: Джек готовил очередное разрушительное заклинание, а сам Хакуун призывал поток исцеляющей энергии. Только он успел закрыть нанесенные пантерой раны, как упрямый дроу выпустил в него еще одну стрелу.

Он ощутил, как опасно замерцало оберегающее поле.

— Убей его! — взмолился Хакуун, вызывая к Джеку.

Он понимал, что одна из этих смертоносных стрел, может, уже следующая, обязательно

пробьет защиту.

Они провели несколько незначительных схваток, но затем по рядам распространился слух о поединке между Обальдом и Гргучем и все бои прекратились. Генерал Дакка не желал до конца раскрывать свои карты, а потому вел подчиненные ему отряды очень осторожно и с минимальным риском. Как бы ни повернулось дело, он хотел остаться у власти.

Волчья Пасть отступила перед тысячами Дакки и, словно темный поток, скатилась в лощину на южном фланге укреплений Обальда.

Дакка не терял бдительности и стоял в первых рядах, когда с южной стороны донесся крик, прокатившийся по всем склонам, потом звуки боя распространились на северо-восток и на север, где, как он знал, находился Обальд. Именно там в воздухе были замечены яркие вспышки, и генерал Дакка мог только догадываться, насколько яростной оказалась битва.

Рука сильно болела и почти бездействовала, но Бренор понимал: если он утратит полученное преимущество, конец будет быстрым и весьма неприятным. И король дворфов не останавливался. Он не ослаблял натиск, колол и рубил испещренным зарубками топором и все дальше теснил огромного орка.

Гргуч держался с трудом, и Бренор то колол его в руку, то в развороте оставлял отметины на бедре.

Дворф мог победить. Он это чувствовал.

Но орк что-то прокричал, и Бренор, немного знакомый с орочьим наречием, понял, что Гргуч зовет на помощь. И даже не орков, как он увидел боковым зрением. В их сторону направились двое тяжеловооруженных огров.

Выстоять против всех троих он не сможет. Он уже подумывал развернуть вождя орков, а потом пуститься наутек в обратную сторону в надежде, что Дзирт уже разобрался с этим вредным шаманом.

Но дворф упрямо тряхнул головой. Конечно, сначала он намеревался победить Обальда, но его темнокожий приятель указал другой путь. Он все равно не надеялся вернуться в Мифрил Халл и в душе знал, что Морадин дал ему только временную отсрочку ради одной этой цели.

И цель стояла перед ним в образе одного из самых огромных и уродливых орков, которых он имел несчастье видеть.

И потому Бренор не стал обращать внимание на огров, а продолжал атаку с еще большей яростью. Он погибнет — что ж, так тому и быть, но этот звероподобный орк должен умереть первым.

Его топор с удвоенной силой ударял по подставленному оружию противника. Бренор уже прочертил глубокую царапину на одной из драконьих голов топора Гргуча и чуть не переломил рукоять, когда орк поставил ее горизонтально, блокируя рубящий удар.

Бренор рассчитывал, что тот удар станет завершающим, но, встретив блок, поморщился, зная, что его время истекает и огры скоро с ним покончат. Он уже слышал, как они подходят, топают... рычат.

Внезапно один из огров завопил от боли, и Бренор, разворачиваясь для очередной атаки, умудрился бросить на него взгляд.

Огр лежал на земле с разрубленной у бедра ногой, а второй отвернулся от Бренора и готовился к схватке с королем Обальдом.

— Ба! Ха-ха! — радостно завопил Бренор, одновременно поражаясь абсурдности ситуации, и занес топор над головой для второго мощного рубящего удара, но нацелился немного правее, ближе к левому боку своего противника.

Орк соответственно сдвинулся и блокировал удар, а Бренор повторил его, потом еще раз, все так же справа.

Гргуч решил изменить положение и, вместо того чтобы поставить свое оружие горизонтально, немного наклонил его влево. Поскольку Бренор уже и так слегка наклонился

в ту сторону, он не смог удержаться, чтобы не соскользнуть вправо.

Огромный орк получил преимущество и испустил оглушительный рев.

Орк снял заклинание с Гвенвивар! Лежа на спине, под когтями и клыками пантеры, орк сумел отослать кошку Дзирта обратно на Астральный Уровень!

По крайней мере, ошеломленный дроу искренне надеялся, что это так, поскольку после короткой стычки с двумя орками между деревьев он подошел как раз вовремя, чтобы увидеть, как его друг растворяется, превращаясь в легкий дымок.

И этот же орк, что очень странно и удивительно для представителя грубой расы, выдержал удары его стрел, мало того, еще и ответил ослепительными молниями, от которых Дзирт чувствовал себя оглушенным и больным.

Дзирт продолжал кружить, стреляя при первой возможности в просветы между деревьями, но каждая стрела останавливалась, не долетев до цели, и взрывалась разноцветными искрами.

И за каждым выстрелом следовал ответ в виде волшебных молний или коварных магических снарядов, от которых было невозможно скрыться.

Он отошел в самую гущу деревьев, но наткнулся на еще одну группу орков. Дзирт был оглушен, и в руке вместо мечей у него был лук, так что он не горел желанием ввязываться в драку в такой неподходящий момент. Поэтому он свернул вправо, подальше от обладающего знанием магии орка, и выбежал из рощи.

И как раз вовремя, поскольку колдун, ничуть не беспокоясь о своих сородичах, метнул огненный шар, и колоссальный взрыв поглотил почти всю рощу и тех, кто в ней оставался.

Дзирт пробежал еще немного, а потом повернул обратно к загадочному орку. Он бросил Тулмарил, обнажил мечи и подумал о Гвенвивар, печально призывая пропавшую пантеру.

Завидев колдуна, Дзирт спрятался за дерево.

Ослепительный снаряд расколол ствол и лишил Дзирта защиты, так что ему вновь пришлось убежать.

— У меня еще много магических зарядов, глупый дроу! — крикнул ему вслед орк, да еще на высоком дроуском и с превосходным произношением!

Это встревожило Дзирта еще больше, чем сам обстрел волшебными зарядами, но он принял вызов, полагая, что Бренору придется ничуть не легче.

Дзирт отступил от орочьего колдуна и обогнул поляну, пока не нашел тропу, которая вывела бы его снова к загадочному врагу мимо раскидистого клена, рядом с которым стояли густые заросли хвойных деревьев.

Он с криком бросился вперед, а затем заметил в стороне знакомый силуэт и радостно усмехнулся.

Как только колдун начал творить очередное заклинание, Дзирт мысленно дотянулся до самой глубины своего существа и извлек оттуда сферу крошечной темноты, поставив ее между собой и магом.

Дзирт шагнул в эту темноту. Справа качнулись ветки вечнозеленых деревьев, как будто он сам резко свернул в сторону и побежал в том направлении.

Голову Реджиса заполнили тупая боль и холодная темнота. Он так и не пришел в сознание и с каждым ударом сердца все глубже соскальзывал в эту тьму. Он не знал ни где находится, ни почему оказался в бездонной холодной пустоте.

Тяжелый удар по спине, от которого по всему телу хафлинга разбежались искры боли, показался незначительным и далеким событием.

Он застонал и отдался во власть боли.

Все тело охватило ощущение полета, словно он вырвался из смертной оболочки и летел... летел...

— Не слишком умно с твоей стороны, дроу, — сказал Джек губами Хакууна, как только они оба заметили движение в ветвях вечнозеленых деревьев.

Последовал легкий поворот, и в следующее мгновение волшебство Джека метнуло в ту сторону еще один огненный шар. Заросли хвойных деревьев полыхнули огнем, и Джек с Хакууном сочли, что со злосчастливым дроу наконец-то покончено.

Но Дзирт никуда не сворачивал. Это Гвенвивар откликнулась на его неслышные призывы и вернулась с Астрального Уровня, чтобы по его просьбе отвлечь внимание колдуна. Гвенвивар пробежала по зарослям справа от дроу, а сам Дзирт нырнул в сгусток тьмы. Там он подпрыгнул вверх и зацепился за нижнюю ветку клена.

— Уходи, Гвен, — шептал он, пробегая по ветви клена и ощущая жар правой стороной тела. — Пожалуйста, уходи, — продолжал он умолять, уже выходя из тьмы и прыгая на жреца, все еще смотревшего в сторону зарослей и совершенно не ожидавшего появления Дзирта.

Дроу кувырком упал с дерева и ловко приземлился перед колдуном, так что тот едва не выпрыгнул из собственной шкуры и испуганно вскинул перед собой руки. Дзирт, кубарем прокатившись по земле, распрямился и снова прыгнул, сделал еще один переворот в воздухе прямо над плечом орка и встал на ноги за его спиной.

Воспоминания об Инновиндиль переполняли его душу гневом. Он решил загадку ее смерти, и причиной гибели было это существо.

Руки мгновенно подчинились яростному порыву, Ледяная Смерть устремилась назад и вниз, и Дзирт почувствовал, как клинок пробил кожаную одежду и глубоко погрузился в тело. Без малейшего промедления Дзирт развернулся и лезвием Сверкающего рассек спину орка поперек лопаток. Затем он обошел вокруг орка и добавил Сверкающим еще один удар по горлу, и жрец рухнул спиной на землю.

Он подошел для последнего удара, но сразу понял, что беспокоиться не о чем. Со стороны пылающих зарослей донеслось рычание, означавшее, что Гвенвивар не подчинилась его просьбе уйти, но оказалась достаточно умной и ловкой, чтобы не попасть в пламя магического заряда.

Дзирт облегченно вздохнул, но в своей радости не заметил, как из уха мертвого орка выскользнула небольшая крылатая змейка.

Топор Бренора скользнул в сторону, и сам дворф, оступившись, тоже отклонился. Он увидел, как огромное лицо орка вспыхнуло радостью от предвкушения близкой победы.

Но Бренор и не думал оступаться, он давно ждал этого наклонного блока. Он резко выдернул топор, все так же продолжая отводить его вправо от цели. Перемещаясь, он не споткнулся, а лишь удобнее переставил ногу и теперь начал разворачиваться, на какое-то мгновение рискуя встать к противнику спиной.

Во время разворота Бренор вертел и свой топор, взяв его за самый конец длинной рукояти, и орк, уже размахнувшийся для решительного удара, не мог вовремя изменить направление своего тяжелого оружия.

Бренор вихрем закончил разворачиваться, и его топор продолжал лететь по инерции, готовый встретить любую атаку.

Но блока не последовало, и тяжелое лезвие врезалось в живот орка. Враг попятился, еще сжимая в правой руке тяжелый топор, а левой пытаясь удержать вываливающиеся внутренности.

Бренор ринулся за ним и продолжал терзать противника. Орк сумел блокировать один удар, потом второй, но третий миновал его оружие и отсек руку, зажимавшую живот.

Кишки выпали. Орк взревел и попытался сделать шаг назад.

Над однорогим шлемом Бренора внезапно сверкнул пылающий меч и разрубил голову Гргуча на две части.

Его спасло рычание Гвенвивар, из-за него Дзирт в последнее мгновение оглянулся и

метнулся в сторону, уклоняясь от смертельного огненного снаряда, посланного крылатой змеей. Молния все же задела его, подняла в воздух, завертела и швырнула на землю, так что дроу тяжело упал на бок.

Но он сейчас же вскочил и увидел, что змея, тоже упав на землю, быстро поползла к зарослям.

Изогнутый клинок меча подцепил тварь и подбросил в воздух, а вторым клинком Дзирт попытался ее разрубить. Он не промахнулся, но только ударил, а не рассек, поскольку магические барьеры все еще действовали. Зато тело змеи от сильного толчка обвилось вокруг меча.

Дзирт почти не удивился, только его подозрения относительно падения Инновиндиль получили еще одно подтверждение в этой загадке внутри загадки. Он не собирался останавливаться. Было ли его предположение точным или нет, едва ли имело значение, и ярость Дзирта трансформировалась в неуловимо быстрые и точные движения. Он снова подбросил змею и начал наносить удары то слева, то справа, снова и снова, удерживая змею в воздухе точными бросками, лишь изменяя их направление. Он не снижал скорости, почти не дышал, только продолжал неистово терзать врага.

Змея отчаянно захлопала крыльями, и меч Дзирта наконец-то прорвал оборону, едва не оторвав крыло в том месте, где оно соединялось с телом змеи.

Ярость дроу не утихала, он продолжал рубить змею, затем плотнее обмотал ее вокруг лезвия, разбежался и с резкого разворота швырнул высоко в воздух.

В середине падения змея начала трансформироваться и превратилась в гнома, который тяжело упал, кубарем прокатился по земле и, выпрямляясь, ударился спиной о ствол дерева.

Дзирт немного расслабился, сознавая, что только дерево помогает этому удивительному созданию держаться на ногах.

— Ты... снова... позвал пантеру, — слабым, прерывающимся голосом произнес гном.

Дзирт ничего не ответил.

— Блестящий маневр! — поздравил его гном.

На миниатюрном личике гнома появилось озадаченное выражение, и он поднял дрожащую руку. Из широкого рукава его одеяния хлынула кровь. Она совсем не впитывалась в ткань, и на рукаве после атаки дроу не было видно ни одной прорехи.

— Хм, — произнес гном и посмотрел вниз.

Дзирт тоже опустил взгляд: из-под края одежды также текла кровь и скапливалась в лужице на земле у маленьких башмачков гнома.

— Отличная одежда, — заметил гном. — Ты встречал более могущественного колдуна?

Дзирт молча с любопытством смотрел на удивительное создание.

Джек-гном пожал плечами. От этого движения оставшаяся тонкая полоска кожи на плече не выдержала и лопнула, и левая рука вывалилась из-под одежды.

Джек посмотрел на нее. Дзирт тоже. Потом они посмотрели друг на друга.

И Джек снова пожал плечами. И упал лицом на землю. Джек-гном умер.

Глава 31 Ущелье Гарумна

Бренор попытался выпрямиться, но боль в перебитой руке постоянно вынуждала его сгибаться и опускать левое плечо. Прямо напротив него король Обальд сверкал глазами и крепко сжимал рукоять своего гигантского меча. Затем пылающее лезвие стало понемногу опускаться к земле, и волшебное пламя погасло.

— Ну и что теперь? — спросил Бренор, ощутив на себе взгляды всех собравшихся орков.

Обальд обвел взглядом толпу, не позволяя воинам приближаться.

— Это ты пришел ко мне, — напомнил он дворфу.

— Я слышал, ты хотел поговорить, вот и пришел.

По лицу Обальда было ясно, что его слова прозвучали не слишком убедительно. Король орков оглянулся на гору и жестом подозвал к себе жреца Накклза, гонца, еще даже не приближавшегося к владениям Бренора.

Бренор тоже взглянул вверх по склону, отметил потрепанный вид шамана, но с удивлением захлопал глазами, когда к жрецу присоединился еще один орк в роскошной военной форме, несший на руках нечто, вызвавшее у дворфа искренний интерес. Двое орков спустились к своему королю, и второй, генерал Дакка, бросил к ногам Обальда свою ношу — окровавленного и ослабевшего хафлинга.

Орки вокруг оживились, ожидая продолжения битвы.

Но Обальд утихомирил их, подняв руку, и посмотрел в глаза Бренору. В этот момент лежащий на земле Реджис пошевелился, и Обальд нагнулся и с удивительной осторожностью поставил его на ноги.

Однако Реджис не мог стоять самостоятельно, у него от слабости тотчас же подогнулись колени. Обальд поддержал его и махнул рукой Накклзу. Шаман без промедления вызвал поток целительной энергии и направил его на хафлинга. Средство помогло лишь отчасти, но Реджис уже смог удержаться на ногах. Обальд подтолкнул его к Бренору, и снова в его движении не было ни малейшего намека на жестокость.

— Гргуч мертв, — провозгласил Обальд, снова посмотрел Бренору в глаза и добавил: — Его тропа не может стать нашей дальнейшей дорогой.

Генерал Дакка, стоявший с ним рядом, кивнул, и Бренор, так же как и Обальд, понял, что у короля орков имеется более чем достаточная поддержка.

— Чего ты хочешь, орк? — спросил Бренор, а потом, взглянув поверх его плеча, вскинул вверх руку.

Многие орки, включая Обальда, Дакку и Накклза, обернулись и увидели спокойно стоявшего Дзирта До'Урдена с ненапрянутым луком в руке и пантерой Гвенвивар у ног.

— Чего ты хочешь? — еще раз спросил Бренор, когда Обальд снова повернулся к нему.

Конечно, ответ был уже известен дворфу, и этот ответ наполнял его сердце одновременно надеждой и ужасом.

Но он был не в том положении, чтобы торговаться.

— Эльф, для нее это будет не более чем блуза, — сказал Бренор, глядя, как Дзирт снимает с Джека-гнома его одеяние вместе с несколькими кольцами и другими украшениями.

— Отдай это Пузану, — посоветовал Бренор и подтолкнул Реджиса вперед, поскольку хафлинг еще тяжело опирался на его руку.

— Одежда... колдуна, — пробормотал еще не окрепший Реджис. — Это не для меня.

— И не для моей девочки, — заявил Бренор.

Но Дзирт только улыбнулся и засунул волшебное одеяние в заплечный мешок.

Откуда-то с востока снова послышались звуки сражения, напомнив, что, пока клан Карук не укрошен, нельзя надеяться на спокойствие. А еще звуки боя напомнили, что где-то там по-прежнему находятся их друзья. Несмотря на то что Обальд, расспросив Дакку, заверил их в том, что после бегства Волчьей Пасти от войск генерала четверо дворфов, эльф и дроу благополучно ушли за южную гряду, компаньоны не могли скрыть радости и облегчения при виде изрядно побитой и израненной шестерки.

Кордио и Шингл тотчас подбежали, чтобы взять Реджиса из рук Бренора, а Пуэнт, вне себя от счастья, пустился в пляс вокруг своего короля.

— Мы уже думали, что ты погиб, — сказал Торгар. — Да и себя уже считали мертвыми. А потом орки неожиданно отступили и дали нам уйти на юг. Я даже не знаю, почему это произошло.

Бренор оглянулся на Дзирта, посмотрел на Торгара, потом на всех остальных.

— Я и сам еще не уверен, что могу объяснить их поведение, — сказал он и тряхнул

головой, словно это было ему совсем неинтересно. — Давайте доберемся до дома, а там будем думать.

Все это звучало прекрасно, только вот у одного из них не было дома, по крайней мере в этих краях. Дзирт отошел от Бренора и всей группы и махнул рукой Хралайну и Тос'уну, приглашая их присоединиться.

Кордио вернулся к своим обязанностям и принялся лечить сломанную руку Бренора, заработав на свою голову немало добродушных проклятий от пациента, а Торгар с Шинглом пытались определить, как восстановить треснувший щит короля. Этот знаменитый предмет никак нельзя было оставлять расколотым пополам.

— Это в твоём сердце или в твоём уме? — спросил Дзирт, когда трое отошли достаточно далеко. — Я имею в виду происшедшие в тебе перемены, — пояснил он, не услышав от Тос'уна моментального ответа. — Твое изменившееся поведение и открывшиеся перед тобой возможности — ты принимаешь все это сердцем или умом? Происходит ли все это благодаря твоим искренним чувствам, или тобой руководит привычный прагматизм?

— Ему вернули свободу, — вмешался Хралайн. — И все же он вернулся и спас меня. Возможно, и всех нас.

Дзирт кивнул, согласившись с этим фактом, но выражение его лица не изменилось, и он все так же пристально смотрел на Тос'уна.

— Я не знаю, — признался дроу. — Но эльфов Лунного Леса я предпочитаю оркам Обальда, это я могу сказать точно. И даю слово, что никогда не пойду против Лунного Леса.

— Слово дроу, — заметил Дзирт, и Хралайн насмешливо фыркнул, учитывая авторство последнего замечания.

Дзирт протянул руку и показал на рукоять разумного меча, висящего на поясе Тос'уна. Тот лишь мгновение помедлил, но вытащил клинок и протянул Дзирту рукоятью вверх.

— Я не могу ему позволить носить этот меч, — объяснил дроу Хралайну.

— Это же меч Кэтти-бри, — кивнул эльф, но Дзирт покачал головой.

— Это разумное существо воплощает в себе разъедающее зло, — сказал он. — Он будет питаться сомнениями и играть на страхах Тос'уна, надеясь спровоцировать его на кровопролитие. - К удивлению Хралайна, Дзирт протянул меч ему. — И Кэтти-бри не обрадуется его возвращению в Мифрил Халл. Прошу тебя, отнеси его в Лунный Лес. Ваши жрецы и маги должны справиться с этим оружием.

— Но Тос'ун тоже будет там, - предупредил его Хралайн.

Дзирт взглянул на обеспокоенного дроу и кивнул. На лице Тос'уна появилось выражение нескрываемого облегчения.

— Возможно, ваши жрецы и маги также найдут путь к сердцу и разуму темного эльфа, - сказал Дзирт. - Если он оправдает доверие, верни ему меч. Это решение принимать не мне.

— Эльф! Ты долго там собираешься болтать? — позвал его Бренор. — Я хочу поскорее увидеть свою девочку!

Дзирт посмотрел на Хралайна, потом на Тос'уна.

— В самом деле, — сказал он. — Нам всем пора по домам.

Ветер завывал на одной скорбной ноте, и этот звук прозвучал для Вульфгара приветствием родного дома.

Он стоял на северном склоне Пирамиды Келвина, чуть ниже высокой гряды, когда-то известной под названием Подъем Бренора, и смотрел на простирающуюся внизу тундру, снова приоткрывшую свой снежный покров.

Косой свет падал на плоскую равнину, и последние лучи уходящего дня блестели в бесчисленных лужицах.

Вульфгар стоял неподвижно, пока не исчезли последние отблески солнца и над головой не замерцали первые звезды, а потом вдаль на севере зажегся костер, и сердце радостно забилося в груди.

Его народ.

Грудь переполнило ощущение восторга. Это его место, его дом, земля, где он заново построят свою жизнь. Он займет принадлежащее ему по праву место в племени Лося, найдет себе жену и будет жить, как жил его отец и дед, как жили все его предки. Эта простая жизнь, далекая от предательских ловушек цивилизации, радовала сердце и душу.

Его сердце наполнилось счастьем.

Сын Беарнегара пришел домой.

Дворфский зал в огромной пещере, известной как ущелье Гарумна, с его плавно выгнутым мостом и новой статуей Мерцающего Мрака, сумеречного дракона, сброшенного в пропасть героическим королем Бренором, никогда еще не выглядел столь великолепно. По всему залу, вдоль края ущелья и на мосту горели факелы, и их свет благодаря заклинаниям леди Аластриэль и ее волшебников переливался всеми красками радуги.

На западном краю ущелья, перед мостом, стояли сотни дворфов клана Боевого Топора, все в сияющих доспехах, с развевающимися знаменами, и свет факелов играл на сверкающих наконечниках их копий. Напротив них замер отряд орков, выглядевших не так великолепно, но не менее гордых и серьезных.

В центре длинного моста дворфские каменщики соорудили помост, а на нем возвели трехъярусный фонтан. Здесь тоже проявилась алхимия Нанфудла и волшебство леди Аластриэль: вода словно танцевала под медленную заунывную музыку и падающие струи ярко сверкали и переливались.

Перед фонтаном, на мозаичном полу, в плитках которого было увековечено предстоящее событие, стояла круглая трибуна, а на ней лежало несколько одинаковых пергаментов, прижатых статуэтками дворфа, орка, человека и эльфа. Последний пергамент был прикреплен к столу печатями, чтобы остаться здесь на долгие десятилетия.

Бренор вышел из рядов своих воинов и прошел десять шагов по направлению к трибуне. Оттуда он оглянулся на друзей и сородичей, на Банака, невозмутимо сидевшего в своем кресле с недовольным видом, но не желавшего оспаривать решение короля. Бренор встретился взглядом с Реджисом, и тот кивнул ему с самым серьезным видом, и жрец Кордио тоже кивнул, поймав его взгляд. Тибблдорф Пуэнт, стоявший рядом с Кордио, был слишком расстроен, чтобы ответить ему хотя бы взглядом. Безупречный воин, чисто вымытый, как и все остальные присутствующие на церемонии дворфы, непрерывно вертел головой в поисках любой угрозы, которая могла появиться в столь странном собрании. А может, с улыбкой решил Бренор, он ищет приятеля Аластриэль, дворфа по имени Фрет, заставившего его принять ванну.

Немного в стороне величественно и невозмутимо лежала Гвенвивар, а рядом стоял спокойный и улыбающийся Дзирт в мифриловой тунике, подпоясанный ремнем с двумя мечами, с Тулмарилом за спиной. Глядя на него, Бренор не мог себе представить лучшего защитника и в который раз удивился сам себе тому, насколько он полюбил этого темного эльфа.

Бренор знал, что Дзирт никогда его не подведет, и с этой мыслью он перевел взгляд на Кэтти-бри, свою любимую дочь и жену Дзирта. Она никогда еще не казалась Бренору такой красивой, как сейчас, такой уверенной в себе и спокойной. Рыжеватые волосы Кэтти-бри были высоко подколоты с одной стороны и свободными локонами спускались с другой. Они как будто притягивали к себе не только отблески фонтана, но и блики, играющие на яркой шелковой блузе, когда-то принадлежавшей колдуну-гному. Для гнома это было полным одеянием, а Кэтти-бри блуза доходила до середины бедра, а рукава, скрывавшие даже кисти рук Джека, оставляли на виду изящные предплечья Кэтти-бри до середины.

Под блузой на ней было темно-голубое платье, подаренное леди Аластриэль, ее новой наставницей на пару с Нанфудлом. Платье доходило до коленей и прекрасно гармонировало с синей каймой блузы. Наряд довершался парой высоких черных кожаных сапог, очень понравившихся Кэтти-бри, поскольку они были мягкими, но прекрасно поддерживали поврежденную ногу.

Бренор едва не хихикнул, вспоминая Кэтти-бри, всю покрытую дорожной пылью или кровью врагов, в простых бриджах и тунике, месившую грязь вместе с остальными воинами. Эти времена прошли, решил он и вспомнил Вульфгара.

Как сильно все переменялось!

Бренор взглянул на стол и пергаменты с текстом договора и ощутил, как от грандиозности предстоящих изменений у него подгибаются колени.

Вдоль южного края центрального помоста стояли остальные высокие представители: леди Аластриэль из Серебристой Луны, Гален Ферт из Несма, король Эмерус Боевой Венец из Цитадели Фелбарр — он выглядел не слишком довольным, но все же согласился с решением Бренора — и Хралайн из Лунного Леса. Многие заявили о своем намерении присоединиться, в том числе крупный город людей Сандабар и самый большой из всех дворфских городов Цитадель Адбар.

Если договор будет выполняться.

Эта мысль заставила Бренора посмотреть на другую сторону помоста, где стоял главный виновник этого события. Король дворфов до сих пор и сам не верил, что допустил в Мифрил Халл короля орков Обальда Многострельного. И однако, напротив него стоял орк во всем своем ужасающем величии, в черных доспехах с острыми гранями и шипами, а на спине по диагонали висел волшебный исполинский меч.

Они одновременно с разных сторон подошли к трибуне. Одновременно взяли каждый свое перо.

Обальд наклонился вперед, и хотя он фута на полтора превосходил ростом Бренора, это ничуть не уменьшало величия и мощи короля дворфов.

— Если ты когда-нибудь изменишь... — зашептал Бренор, но потом тряхнул головой и так и не закончил мысль.

— Для меня это так же трудно, — заверил его Обальд.

И все же они поставили свои подписи. Ради блага своих подданных они поставили имена под Договором ущелья Гарумна, признающим существование Королевства Многих Стрел и навсегда изменившим лицо Серебряных Земель.

По всему залу раздались приветственные крики, в тоннелях Мифрил Халла затрубили горны. А потом раздался громогласный рев, от которого завибрировали камни зала, низкий и раскатистый голос горна, известного до сего момента как Кокто-Ганг клана Карук, — подарок короля Обальда Бренору. Этот огромный инструмент был установлен на самом высоком наблюдательном пункте над восточными воротами Мифрил Халла.

Бренор знал: мир изменился.

Эпилог

— Насколько иным мог бы стать этот мир, если бы король Бренор выбрал другой курс по отношению к первому Обальду Многострельному? — спросил Хралайн Дзирта. — Лучше бы он был или хуже?

— Кто знает? — откликнулся дроу. — Но в то время война между тысячами орков Обальда и объединенными армиями Серебряных Земель основательно изменила бы этот регион. И сколько бы погибло людей Бренора? А сколько — твоих воинов, которые сейчас в относительном спокойствии процветают в Мерцающем Лесу? В конце концов, друг мой, еще неизвестно, кто бы победил.

— Но мы стоим здесь спустя столетие после той церемонии, и может ли кто-то сказать с абсолютной уверенностью, прав ли был Бренор?

К своему глубокому разочарованию, Дзирт не мог не признать правоту друга. Он припомнил все пройденные за последние десятилетия пути, увиденные руины, печальные последствия Чумного Проклятия. Зато здесь, на севере, благодаря отважному дворфу по имени Бренор, который осмелился отбросить свои врожденные инстинкты, ненависть и

жажду мщения и осмелился поверить в светлое будущее всех народов, сто последних лет прошли относительно мирно. Такого долгого периода спокойствия еще не было. И это притом, что весь мир вокруг впал в мрачное отчаяние.

Хралайн повернулся, чтобы уйти, но Дзирт его остановил.

— Мы оба поддерживали Бренора в тот день, когда он подписал Договор ущелья Гарумна, — напомнил дроу, и Хралайн согласно кивнул. — И оба сражались на стороне Бренора в тот день, когда он сделал выбор между Обальдом и Гргучем, приверженцем старых путей Груумша, — добавил Дзирт. — Если я правильно запомнил тот день, молодой Хралайн настолько проникся духом времени, что решил оказать доверие одному темному эльфу, тому самому, который лишь несколькими месяцами раньше воевал против его народа.

Хралайн рассмеялся и примирительно поднял руки.

— И к чему привела твоя доверчивость? — спросил Дзирт. — Как поживает Тос'ун Армго, муж Синнафейн и отец Тейрфлин и Доум'вейль?

— Я спрошу его об этом, как только вернусь в Лунный Лес, — ответил побежденный Хралайн.

Но последнюю стрелу он не мог не пустить и взглядом указал Дзирту на захваченных в тот день пленников.

Дзирт принял его довод вежливым кивком. Ничего не закончилось. Ничего не решено. Все так же мир вращается вокруг них и песок пересыпается под ногами.

Он наклонился и погладил Гвенвивар, находя утешение в преданности своей любимой пантеры, самого постоянного друга в этой удивительной жизни, неизменной опоры на извилистом пути.